

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

А. М. Мухоморов

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕГО ПОРТРЕТА, ГРАВИРОВАННАГО НА МЪДИ
РАЙТОМЪ.

ИЗДАНИЕ ОСЬМОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

И. А. ЕФРЕМОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1811—1824 годовъ.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА, КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ, БРАТЯ
РАЗБОЙНИКИ, БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ, ЦЫГАНЕ.

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА АНСКАГО.

1882.

Настоящее изданіе сочиненій великаго нашего поэта мы назвали осьмымъ, считая съ появленія перваго сборника его стихотвореній, напечатаннаго въ 1826 году. Второе и вмѣстѣ послѣднее при жизни поэта изданіе вышло въ шести книгахъ „стихотвореній“ и „поэмъ“, въ теченіе 1829—1835 годовъ. Въ послѣдній годъ жизни Пушкинъ готовилъ къ печати новое полное собраніе своихъ произведеній, но этому предположенію не суждено было осуществиться и третье изданіе явилось уже „посмертнымъ“ въ 11 книгахъ 1838—1841 годовъ. За нимъ слѣдовало одно изданіе П. В. Анненкова въ 1855—1857 гг. и три изданія Я. А. Исакова въ 1859, 1870 и 1880 годахъ.

Для нынѣшняго осьмаго изданія мы вновь сличили всѣ произведенія А. С. Пушкина съ послѣдними текстами, явившимися въ печати при его жизни, а гдѣ можно было тамъ и съ подлинными рукописями, и внесли всѣ поправки и дополненія, напечатанныя въ разныхъ сборникахъ и журналахъ со времени выхода и по поводу выхода предыдущаго седьмаго изданія. Сверхъ того мы добавили новый томъ писемъ поэта къ его друзьямъ, близкимъ знакомымъ и родственникамъ.

Письма эти, разбросанныя въ теченіе цѣлаго пятидесятилѣтія по разнымъ газетамъ, альманахамъ, сборникамъ и журналамъ, большею частію ненаходимымъ въ продажѣ, и нынѣ собранныя въ первый разъ, представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для біографіи поэта, а вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ

важнымъ источникомъ для характеристики той литературной и общественной среды, въ которой протекала жизнь великаго писателя, такъ рано погибшаго, говоря его же словами, “жертвой клеветы и мстительныхъ невѣждъ“, въ полномъ развитіи силъ и гениальной дѣятельности.

Что касается до частнаго распредѣленія произведеній Пушкина, то мы сохранили хронологическій порядокъ предыдущаго изданія, такъ какъ остаемся при твердомъ убѣжденіи, что принятый нами порядокъ даетъ наиболѣе вѣрное понятіе о поэтѣ, въ особенности для тѣхъ, кто не имѣетъ ни времени, ни возможности заняться специальнымъ изученіемъ его твореній.

Мы дозволили себѣ только одну небольшую перемѣну. Именно: всѣ стихотворенія, не предназначавшіяся авторомъ къ печати, набросанныя въ письмахъ его къ друзьямъ, и по большей части составляющія нераздѣльное цѣлое съ этими письмами, мы помѣстили только въ этихъ письмахъ, вошедшихъ въ составъ VII-го тома, не повторяя уже ихъ въ отдѣлѣ стихотвореній, кромѣ тѣхъ, которыя были впоследствии, болѣе или менѣе исправленныя, помѣщены самимъ Пушкинымъ въ изданіи его сочиненій. Въ примѣчанія къ этимъ же письмамъ мы отнесли черновые, неотдѣланные отрывки, а также легкія эпиграммы и наброски, имѣющіе соотношеніе съ текстомъ писемъ, вовсе однако не предназначавшіяся къ печати и частію даже только приписываемые Пушкину, безъ достаточно опредѣленныхъ и вполне выясненныхъ основаній. Точно также мы исключили изъ общаго ряда стихотвореній и помѣстили въ примѣчаніяхъ къ каждому году тѣ стихи, которые поэтъ не хотѣлъ печатать, а равно черновые наброски и тѣ

стихотворенія, которыя хотя и приписываются Пушкину, но въ его подлинныхъ рукописяхъ не сохранились и не имѣютъ за свою принадлежность ему никакихъ доказательствъ въ его собственной перепискѣ или хотя бы въ перепискѣ его друзей. Изъ такого рода стихотвореній мы оставили въ текстѣ только внесенные туда „посмертнымъ“ и „анненковскимъ“ изданіями, полагая, что тогдашніе издатели имѣли для этого указанія, намъ къ сожалѣнію уже неизвѣстныя.

Однако, чтобы не относить въ „приложенія“ почти половину I-го тома, мы оставили въ началѣ его, на первыхъ 183 страницахъ, юношескія произведенія Пушкина, какъ это было сдѣлано г. Анненковымъ и тремя послѣдними изданіями, но отличили въ оглавленіи болѣе крупнымъ шрифтомъ тѣ стихотворенія, которыя были исправлены авторомъ и внесены имъ въ оба изданія его сочиненій.

Наконецъ всѣ стихотворенія, приписанныя Пушкину только чѣмъ нибудь единичнымъ и при томъ не авторитетнымъ указаніемъ, мы вовсе не внесли въ изданіе, а равно устранили и всѣ варианты, являвшіеся въ спискахъ отъ явной неграмотности переписчиковъ, а въ печати—отъ помѣщенія помимо воли автора его стихотвореній съ подобныхъ же плохихъ списковъ.

Не смотря на прибавку цѣлаго тома, издатель нашелъ возможнымъ, не увеличивая цѣны изданія противъ предшествовавшаго, сдѣлать еще нѣсколько художественныхъ приложеній.

Изъ нихъ прежде всего надо указать на портретъ поэта, отличающійся по отзыву современниковъ полнѣйшимъ сходствомъ, не говоря уже о прекрасномъ его исполненіи въ гравюрѣ Райта, одного изъ лучшихъ художниковъ двадцатыхъ и

тридцатыхъ годовъ. Этотъ портретъ предназначался Пушкинымъ для предполагавшагося изданія его сочиненій и былъ награвированъ въ послѣдній годъ жизни поэта, но за его смертью остался неизданнымъ, и немногіе сдѣланные тогда оттиски составляли чрезвычайную рѣдкость. Счастливый случай помогъ найти подлинную доску, превосходно сохранившуюся, съ которой и сдѣланы оттиски для нынѣшняго изданія, безъ всякихъ подправокъ гравюры при нашей Академіи Художествъ.

Второй портретъ, никогда еще не бывшій въ печати, представляетъ точный снимокъ съ хранящагося въ Московскомъ музеѣ карандашнаго наброска, сдѣланнаго самимъ Пушкинымъ, въ 1820 г.. во время пребыванія его въ Крыму.

Кромѣ того приложены два новые снимка съ почерка Пушкина, изображеніе памятника, воздвигнутаго поэту въ Москвѣ, и воспроизведены съ полнѣйшей точностію всѣ безъ исключенія приложенія, сдѣланныя самимъ Пушкинымъ къ его „Исторіи Пугачевского бунта“, а именно: портретъ Пугачева, печать его, снимокъ съ начертаній, сдѣланныхъ рукою безграмотнаго самозванца, подпись подъ его указами, снимки съ подписей осьми дѣйствовавшихъ противъ него военачальниковъ и карта губерній: Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской до 1775 года.

1811.

ЭПИГРАММА.

[НА СОБСТВЕННУЮ ПЬЕСУ].

Dis moi pourquoi «l'Escamoteur»
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas—c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

LA TOLYADE.

[НАЧАЛО ПОЭМЫ].

Je chante ce combat que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche..

1812.

ПѢСНЯ.

О Делія драгая!
Слѣши, моя краса!
Звѣзда любви золотая
Взошла на небеса,

Безмолвно мѣсяць покатился;
 Спѣвши: твой Аргусъ удалился,
 И тронулъ сонъ его глаза.

Подъ сѣнью потаенной
 Дубравной тишины,
 Гдѣ токъ уединенной
 Сребристыя волны
 Журчатъ съ унылой Филомелой,
 Готовъ приютъ любви веселой,
 И блескомъ освѣщенъ луны.

Накинуть ночи тѣни
 Покровы намъ свои,
 И дремлютъ рощей сѣни,
 И быстро часъ любви
 Летитъ—я весь горю желаньемъ!
 Спѣвши, о Делія, свиданьемъ;
 Пади въ объятія мои!

ДЕЛІЯ.

Ты ль передо мною,
 Делія моя?
 Разлученъ съ тобою,
 Сколько плакалъ я!
 Ты ль передо мною,
 Или сонъ мечтою
 Обольстилъ меня?

Ты узнала ль друга?
 Онъ не то, что былъ;
 Но тебя, подруга,
 Все жъ не позабылъ;
 И твердитъ унылой:
 Я любимъ ли милой,
 Какъ, бывало, былъ?

Что теперь сравниши
 Съ долею моею?
 Вотъ слеза катится
 По щекѣ твоей...
 Делія стыдится...
 Что теперь сравниши
 Съ долею моею?

ПЪМЪНЫ.

[къ графинѣ П. В. Кочубек].

Все мнѣ мнилось!
 Мимо промчалось
 Время любви.
 Страсти мученья!
 Въ мракѣ забвенья
 Скрылися вы.
 Такъ, я премъны
 Сладость вкусила;
 Гордой Елены
 Цѣпи забылъ.
 Сердце, ты въ волю!
 Все позабудь;
 Въ новой сей долѣ
 Счастливо будь.
 Только весною
 Зефиръ младою
 Розой плѣненъ;
 Въ юности страстной
 Былъ я прекрасной
 Въ сѣть увлеченъ.
 Нѣтъ, я не буду
 Впредь воздыхать,

Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встрѣчу конецъ.
Ахъ, для тебя ли,
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтеть?...
Пусть весь народъ,
Ею прельщенный,
Вслѣдъ за мечтой
Мчится толпой;
Въ мирномъ жилищѣ,
На пепелищѣ,
Въ чашѣ простой
Стану въ смиреньи
Черпать забвенья,
И для друзей
Рѣзвой рукою
Двигать струною
Арфы моей.»

Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ,
Въ горести, въ мукѣ
Себя улаждалъ,
Въ сердцѣ возженный
Образъ Елены
Мнилъ истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумалъ любить.
Какъ вѣтерочекъ
Ранней порой
Гонить листочекъ
Съ рѣзвой волной —

Такъ непрестанно
Непостоянной
Страстью игралъ;
Дилу, Темиру,
Всѣхъ обожалъ;
Сердце и лиру
Всѣмъ посвящалъ.
Что же?... Напрасно
Съ груди прекрасной
Шаль я срывалъ.
Тщеты измѣны!
Образъ Елены
Въ сердцѣ пылалъ!
Ахъ, возвратися,
Радость очей;
Хладна, тронися
Грустью моею!
Тщетно зываешь,
Бѣдный пѣвецъ;
Нѣтъ, не встрѣчаешь
Мукамъ конецъ...
Такъ до могилы
Грустенъ, унылый,
Крова нищи;
Всѣми забытый.
Терномъ увиты
Цѣпи влачи...

1814.

—
КЪ СЕСТРЪ.

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
Чтобъ я, поэтъ молодой,
Бесѣдовалъ съ тобой;

И съ лирою забвенной,
 Мечтами окрыленной,
 Оставилъ монастырь
 И край уединенный,
 Гдѣ непрерывный миръ
 Во мракъ опустился,
 И въ пустынь глухой
 Безмолвно воцарился
 Съ угрюмой тишиной!...

. . . . .
 И быстрою стрѣлой
 На Невскій брегъ примчуся.
 Съ подругой обнимуся
 Весны моей златой,
 И какъ нѣвецъ Людмилы,
 Мечты невольникъ милый,
 Взошедъ подъ отчій кровъ,
 Несу тебѣ не злато—
 Чернецъ я не богатый—
 Въ подарокъ пукъ стиховъ.
 Тайкомъ взошедъ въ диванну.
 Хоть помощью пера,
 О, какъ тебя застану,
 Любезная сестра!
 Чѣмъ сердце занимаешь
 Вечернею порой?
 Жанъ-Жака ли читаешь?
 Жанлисъ ли предъ тобой?
 Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
 Смѣешься всей душой?
 Иль съ Гресемъ и Томсономъ
 Ты пренеслась мечтой
 Въ поля, гдѣ отъ дубравы
 Вдоль вѣтъ вѣтерокъ,
 И шепчетъ лѣсъ кудрявый,

И мчится величавый
 Съ вершины горъ потокъ?
 Иль моську престарѣлу,
 Въ подушкахъ посѣдѣлу,
 Окутавъ въ длинну шаль
 И съ вѣжностью лелѣи.
 Ты къ ней зовешь Морфея?
 Иль смотришь въ темну даль
 Задумчивой Светланой
 Надъ шумною Невой?
 Иль звучнымъ фортепяно,
 Подъ бѣглою рукой,
 Моцарта оживляешь?
 Иль тоны повторяешь
 Пиччини или Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобою!
 И въ радости нѣмой
 Твой другъ разцвелъ душою,
 Какъ ясный вешній день.
 Забыты дни разлуки,
 Дни горести и скуки,
 Исчезла грусти тѣнь.
 Но это лишь мечтанье!
 Увы, въ монастырѣ,
 При блѣдномъ свѣчѣ сѣняхъ,
 Одинъ пишу къ сестрѣ.
 Все тихо въ мрачной кельѣ;
 Защелка на дверяхъ,
 Молчанье—врагъ веселья—
 И скука на-часахъ!
 Стулъ ветхій, необитый,
 И шаткая постель,
 Сосудъ водой налитый.
 Соломенная свирѣль---
 Вотъ все, что предъ собою

Я вижу пробужденъ.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!
Тобою пренесенный
Къ волшебной Ипокренѣ
И въ кельѣ я блаженъ!
Что было бы со мною,
Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ суетою,
Пріятной для меня,
Увлечшись въ даль судьбою,
Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты на берегахъ,
Явился заключеннымъ,
На вѣки погребеннымъ—
И скрипнули врата,
Сомкнувшись за мною,
И міра красота
Одѣлась черной мглою!...
Съ тѣхъ поръ гляжу на свѣтъ,
Какъ узникъ изъ темницы
На яркій блескъ денницы.
Свѣтило дня взойдетъ,
Лучъ кинетъ позлащенной
Сквозь узкое окно,
Но сердце омрачено
Не радуется оно.
Цль позднею зарею,
Какъ ночь на небесахъ,
Покрытыхъ темнотою,
Чернѣетъ въ облакахъ—
Близъ келии встрѣчаю
Я сумрачную тѣнь....
И вздохомъ провожаю
Скрывающійся день!.. .

Но время протечетъ,
 И съ каменныхъ воротъ
 Падутъ, падутъ запоры,
 И въ пышный Петроградъ
 Черезъ долины, горы
 Ретивые примчатъ;
 Спѣша на новоселье,
 Оставлю темну келью,
 Поля, сады свои;
 Подъ столъ клобукъ съ веригой
 И прилечу разстригой
 Въ объятія твои!

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнаса!
 Ты хочешь осѣдлатъ упрямаго Пегаса;
 За лаврами спѣшишь опасною стезей,
 И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
 Забудь ручки, лѣса, унылыя могилы,
 Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай:
 Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣ внизъ ступай!
 Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
 Ихъ напечатаютъ—и цѣлый свѣтъ забудетъ.
 Быть можетъ и теперь, отъ шума удались
 И съ глупой музою на вѣкъ соединишь.
 Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды
 Сокрыть другой отецъ второй Телемахиды.
 Страшися участи безсмысленныхъ цѣвцовъ,
 Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
 Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
 На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
 Страшися безславія! Что, если Аполлонъ

Услышавъ. что и ты полѣзъ на Геликонъ,
Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградить—спасительной лозою?

Но что? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
«Пожалуй.» скажешь мнѣ, «не трать излишнихъ словъ;
Когда на что рѣшусь, ужъ я не отступаю.
И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю.
Пусть судить обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ;
Сердись, кричи, бранись—а я такъ поэтъ.»

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто рѣмы плестъ умѣть,
И перьями скрипи, бумаги не жалѣть.
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштейну французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Рюматова, Графова,
Съ тяжелымъ Вибрусомъ гниютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станеть вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятій печать.

Положимъ, что на Пиндъ взобравшися счастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ,
Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И лежа на боку покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужки подъ землей, высоки чердаки—

Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣбны залы.
 Исѣтовъ хвалятъ все, читають лишь журналы;
 Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
 Родился нагъ—и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо.
 Камоэнь съ нищими постелю раздѣляетъ.
 Костровъ на чердакъ безвѣстно умираетъ,
 Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
 Ихъ жизнь—рядъ горестей. гремяща слава—сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
 Да что же, говоришь, судя о всѣхъ такъ строго,
 Перебирая все, какъ новый Ювеналь.
 Ты о поэзи со мною толковалъ;
 А самъ, посорившись съ парнасскими сестрами.
 Мнѣ проповѣдовать пришелъ сюда стихами?
 Что сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ ли ты плъ нѣтъ?

Ариеть, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
 Въ деревьяхъ, помнится, съ мірянами простыми.
 Священникъ пожилой и съ мудрыми съдыми
 Въ миру съ сосѣдами, въ чести, довольствѣ жилъ—
 И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
 Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
 Со свадьбы, подъ-вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
 Понался ему на встрѣчу мужики:
 «Послушай, батюшка, сказали простяки;
 Настави грѣшныхъ насъ—ты пить вѣдь запрещаешь.
 Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь.
 И върнимъ мы тебѣ, да что жъ сегодня самъ?...

Послушайте, сказалъ священникъ мужикамъ.
 Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте;
 Живите хорошо, а мнѣ не подражайте.

И мнѣ то самое пришлось отвѣчать;
 Я не хочу себя ни мало оправдать.
 Снабзивъ, кто ко стихамъ не чувствуетъ охоты,

Проводить тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
 Своими одами журналовъ не тягчить,
 И надъ экспромтами недѣли не сидить;
 Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнаса,
 Не ищетъ чистыхъ музъ, ни пылкаго Пегаса;
 Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшить;
 Спокоенъ, веселъ онъ! Аристъ, онъ не пѣтъ!

Но полно разсуждать—боюсь тебѣ наскучить.
 И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
 Теперь, любезный другъ, я далъ тебѣ совѣтъ.
 Оставишь ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ?
 Подумай обо всемъ и выбери любое:
 Быть славнымъ—хорошо, спокойнымъ—лучше вдвое.

(Апрѣль. 1814)

КОЛЬНА.

[ПОДРАЖАНІЕ ОССИАМУ].

Фингаль послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержанной имъ некогда на семь мѣствъ. Между тѣмъ, какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, соседственный государь, пригласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ, влюбился въ дочь его Кольну; нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и осчастливилъ Тоскара.

Источникъ быстрой Каломоны,
 Вбгущій къ дальнымъ берегамъ!
 Я зрю: твои взмущенны волны
 Потокомъ мутнымъ по скаламъ,
 При блескѣ звѣздъ ночныхъ, сверкають
 Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ,
 Шумять и корни орошаютъ
 Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ.
 Твой мшистый берегъ любила Кольна,

Когда по небу тѣнь лилась;
Ты зрѣть, когда въ любви невольной
Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ
Тоскару юному вѣщалъ:
«Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ.
Гдѣ Крона катитъ черный валъ,
Шумящей прохладенъ осной.
Тамъ рядъ является могилъ;
Тамъ съ вѣрной, храброю дружиной
Полеи враговъ я расточилъ.
И много, много сильныхъ пало;
Ихъ гробы черный вранъ стережетъ.
Гряди—и тамъ, гдѣ ихъ не стало,
Воздвигни памятникъ побѣдъ.»
Онъ рекъ и въ путь безвѣстной, дальней
Пустился съ бардами Тоскаръ;
Идетъ во мглѣ ночи печальной,
Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ.
Денница красная выводитъ
Златое утро въ небеса,
И вотъ уже Тоскаръ подходитъ
Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
Бѣжитъ сѣдой источникъ Кроны
И кроется въ долины сонны.
Воспѣли барды гимнъ святой;
Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ
Успльно мощною рукой
Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ.
И съ шумомъ на высокій брегъ
Въ густой и дикой злакъ повергъ;
На немъ повѣсилъ черны латы,
Покрытый кровью предковъ мечъ,
И круглый щитъ, и шлемъ першатый
И обратилъ онъ къ камню рѣчь:

«Въщай, сынъ шумнаго потока,
 О храбрыхъ позднимъ временамъ!
 Да въ сграшный часъ, какъ ночь глубока
 Въ туманѣ ляжетъ по лѣсамъ,
 Пришлецъ, дорогой утомленный,
 Возлеги подъ надежный кровъ,
 Воспомнить вѣки отдаленны
 Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
 Съ разсвѣтомъ алая денницы
 Лучами солнца пробужденъ,
 Онъ узритъ мрачныя гробницы...
 И грознымъ видомъ пораженъ
 Вопроситъ сынъ иноплеменный:
 Кто памятникъ воздвигъ надменный?
 И старецъ, лѣтами согбенъ,
 Речетъ: Тоскаръ нашъ незабвенный,
 Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
 Заря потухла въ небесахъ;
 Луна въ воздушную обитель
 Спѣшитъ на темныхъ облакахъ.
 Ужъ ночь на холмѣ. Берегъ Крюны
 Съ окрестной рощею заснулъ.
 Владыка сплный Каломоны,
 Иноплеменныхъ другъ, Каруль
 Призвалъ морвенскаго героя—
 Въ жилищѣ Кольны молодой
 Вкусить пріятности покоя
 И пить изъ чаши круговой.
 . . . . .
 Близъ пепелища всѣ възсѣли;
 Веселья барды пѣснь воспѣли;
 И въ пѣнѣ кубокъ золотой
 Кругомъ несется чередой.
 Печалень лишь пришлецъ Лоры,

Главу ко груди преклонилъ:
 Задумчиво онъ страстны взоры
 На ибжву Кольну устремилъ—
 И тяжело грудь его вздыхаетъ.
 Въ очахъ веселья блескъ погухъ,
 То огонь по членамъ пробѣгаетъ,
 То извою томится духъ:
 Тоскуеть, втайнѣ ощущая
 Волненье сильное въ крови:
 На юны прелести взирая.
 Онъ полную чашу пьетъ любви.
 Но вотъ ужъ дубъ престаеъ вымѣстъ,
 И твнь мрачнѣе становится,
 Червьетъ тусклый небосклонъ,
 И царствуетъ въ чертогахъ соль.

. . .
 Рвѣветъ ночь—зари багряца
 Лучами солнца возжена:
 Предъ ней златится твердь румана:
 Тоскаръ, покинувъ ложе сна,
 Быстротекущей Каломоны
 Идетъ по влажнымъ берегамъ,
 Сивннть узрѣть долины Кроны
 И внемлетъ плещущимъ волнамъ,
 И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
 Какъ въ часъ весенней полунощи:
 Изъ облакъ мѣсяцъ золотой,
 Выходитъ ратникъ молодой,
 Мечъ острый на бедрѣ сияетъ,
 Копье десницу вооружаетъ,
 Надвинутъ на чело шоломъ,
 И гибкій станъ покрытъ щитомъ;
 Зарею латы серебрятся
 Сквозь утренній въ долину паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ:
 «Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
 Ужель и въ сей странѣ война
 Багрить ручьевъ струисты волны?
 Но все спокойно—тишина
 Окрестъ жилища нѣжной Кольны.»
 —Спокойны дебри Каломоны,
 Цвѣтетъ отчизны край златой;
 Но Кольна тамъ не обитаетъ;
 И нынѣ по стезѣ глухой
 Пустыню съ мплымъ протекаетъ,
 Плѣннвшимъ сердце красотой!
 «Что рекъ ты мнѣ, молодой воптель?
 Куда сокрылся похититель?
 Подай мнѣ щитъ твой!» И Тоскаръ
 Приемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ—
 Но вдругъ псчезъ геройства жаръ:
 Что зреть ояъ съ сладкимъ восхищеньемъ?
 Не въ сплахъ въ страсти воздохнуть,
 Пылая вдругъ восторгомъ новымъ...
 Лилейна обнажилась грудь,
 Подъ грознымъ дышуца покровомъ...
 «Ты ль это?» возопилъ герой,
 И трепетно рукой дрожащей
 Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій,
 И Кольну видѣть предъ собой.

 ЭВЛЕГА.

[пзъ поэмы парни: ISNEL ET ASLÉGA].

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
 Пещеры въ немъ изрылась глубина;
 Темнѣетъ входъ, кустамъ окруженный;
 Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
 Вечоръ, когда туманилась луна,

Здѣсь милаго Эвлега призывала:
 Здѣсь тихій гласъ горамъ перелавала
 Во тьмѣ ночной, печальна и одна:

Приди, Одульфъ! Ужъ роца поблывъла.
 На дикій мохъ Одульфа жать и сѣла.
 Пылаеть грудь, за вздохомъ вздохъ летить.
 О, сладко жить, мой другъ, дуна съ дуною!
 Приди, Одульфъ, забудусь я съ тобою,
 И поцѣлуй любовью возгорить!

Бѣги, Остаръ! твой мнѣ страшны взоры.
 Твой грозень видъ и хладны разговоры!
 Оставь меня, не мною торжествуй!
 Уже другой въ ночи со мною дремлетъ.
 Ужъ на зарѣ другой меня объемлетъ.
 И сладостень его мнѣ поцѣлуй!

Что жъ медлитъ онъ свершить мои надежды?
 Для милаго я сбросила одежды.
 Завѣстливый покровъ у ногъ лежитъ.
 Но, чу... плутъ—такъ, это другъ надежной!
 Ужъ пачаленъ восторги страсти вѣжвой.
 И поцѣлуй любовью возгорить.

Щетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье.
 Въ груди любовь, и прочь бѣжить печаль.
 Но близъ него во тьмѣ свергнула сталь.
 И вздрогнулъ онъ—родилось подозрѣнье:
 «Кто ты? спросилъ, почто ты здѣсь, вѣщай!
 Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!

—Безсильный врагъ, Остара убѣгай!
 Въ жустынной тьмѣ что пщутъ робки очи?
 Страшнѣ меня: и страгью воспаленъ:
 Въ пещерѣ здѣсь Эвлега жлетъ Остара.—

Булатный мечъ въ минуту обнаженъ,
Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей,
И бросила со страхомъ хладъ пещерной.
Приди узрѣть предметъ любви твоей!
Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной.
<Изъвиница! ты здѣсь его зовешь?
Во тьмѣ ночной васъ усаждаетъ нѣга:
По дерзкаго въ Валгалѣ ты найдешь.>

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
Падетъ на дервь, какъ клокъ летучій снѣга,
Метелицей отторженный отъ скалъ!
Другъ на друга соперники стремятся,
Кривавый токъ по камнямъ побѣжалъ;
Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся.
Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ—
И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ.

ОСГАРЪ.

[подражаніе парии].

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лорѣ путникъ шелъ: его напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ тьмѣ густой.
Пещеры нѣтъ предъ нимъ на берегѣ угрюмомъ;
Не видить хижины, наслѣдья рыбака;
Вдали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шумомъ,
Луна за тучами и въ морѣ спитъ зари.

Идетъ. и на скалѣ, обросшей влажнымъ мохомъ,
Зригъ барда стараго—веселье прошлыхъ лѣтъ:
Склонясь съдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ;

Въ безмолвіи, время онъ созерцалъ лететь.
 Зубчатый мечъ вшесть на вѣтви мрачной ивы.
 Задумчивый пивецъ взоръ тихій обратилъ
 На сына чуждыхъ странъ. и путникъ боязливый
 Содрогся въ ужасъ и мимо поспѣшилъ.

Стой, путникъ, стой! вѣдалъ пивецъ вѣковъ минувшихъ:
 Здѣсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ.
 Почти геройство чадъ, могилы своимъ уснувшихъ!
 Пришлецъ главой поникъ—и, мнилось, на холмахъ
 Возставшій рядъ тѣней главы окровавленны
 Съ улыбкой гордою на странника склонилъ.
 —Чей гробъ я вижу тамъ? вѣдалъ племениный.
 И барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу пригвожденный.
 Бросали тусклый лучъ, луною озлатясь.
 —Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ вдохновенный.
 О, рано юношѣ насталъ послѣдній часъ!
 Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строе
 Онъ первыя стрѣлы съ весельемъ ожидалъ,
 И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ бою.
 Покойся, юноша, ты въ брани славной палъ!

Во цвѣтъ вѣяныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину:
 Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
 Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину.
 И тѣнь упадшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
 Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли:
 Ошой, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!...
 Но быстро дни любви и счастья пролетѣли.
 И вечеръ горести для юноши насталъ!..

Однажды, въ темну ночь зимы порой унылой.
 Осгаръ стучится въ дверь красавицы молодой.
 И шепчетъ: «юный другъ, не мели, здѣсь твой мило!»

Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
 Стучить и слушаетъ; лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ;
 «Ужели спишь теперь. Мальвина?» Мгла вокругъ,
 Валится снѣгъ, васы въ туманѣ леденѣютъ:
 Услышь, услышь меня. Мальвина, милый другъ!»

Онъ въ третій разъ стучить. Со скрипомъ дверь шатнулась;
 Онъ входитъ съ трепетомъ: несчастный, что жъ узрѣлъ?
 Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась:
 Онъ зрѣтъ—въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
 И ярость дикая во взорахъ закипѣла;
 Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой;
 Онъ грозный мечъ извлекъ—и нѣтъ уже Звигнела.
 И блѣдный духъ его сокрылся въ тьмѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна,
 Но взоры отвративъ: «живи!» вѣщала Осгаръ;
 «Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна,
 Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ.»
 И тихо за порогъ выходить онъ въ молчаньѣ,
 Окованъ мрачною, безмолвною тоской:
 Исчезло сладкое на вѣкъ очарованье!

Я видѣлъ юношу. Поникнувъ головою,
 Мальвинны пмя онъ въ отчаяннн шепталъ;
 Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
 На сердце горестномъ унынья мракъ лежалъ.
 На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ торопливо:
 Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ.
 Отъ пиришествъ удаленъ. въ пустынь молчаливой
 Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.

И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій.
 Вдругъ грянулъ трубный гласъ. Оденовъ сынъ, Фингалъ.
 Велъ грозныхъ на мечи въ кровавый пылъ сраженій;
 Осгаръ слышалъ вѣсть и бранью воспыалъ.

Здѣсь мечъ его сверзнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала:
 Покрыты ранами, здѣсь палъ на грудѣ твѣ:
 Овъ палъ: еще рука меча кругомъ искала,
 И вѣрикий сонъ въковъ на сильнаго слетѣлъ.

Побѣгли вепять враги—и тихій миръ герою!
 И тихо все вокругъ могильнаго холма!
 Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
 Когда вершины горъ тягчить сырая тьма,
 Въ багровомъ облакѣ, одишна туманомъ,
 На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сиить,
 И стрѣлы дребезжать, стучить брони съ колчанемъ,
 И влечь, зашевелясь, таинственно шумить.

ЛЕДА.

[КАНТАТА. ПОДЪЯЗАНІЕ ПАРШИ].

Средь темной рощицы, подъ твѣнью листвъ душистыхъ,
 Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
 Вздупалась пѣна водъ серебристыхъ,
 Колебясь тихимъ вѣтеркомъ,
 Покровъ красавицы стыдливой,
 Небрежно кинутый, у берега лежалъ—
 И прелести ея потокъ волной игривой
 Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи торопливый,
 Будь же скромень, о ручей!
 Тише, струйки говорливы!
 Измѣнить страшитесь ей!

Ледя робостью трепещеть,
 Тихо дышетъ снѣжна грудь,
 Ни волна вокругъ не плещеть,
 Ни зефиръ не смѣетъ дуть.

Въ рошѣ шорохъ утихаетъ,
 Все въ прелестной тишинѣ;
 Нимфа далѣ ступаетъ,
 Робкой ввѣрившисьъ волнѣ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ восшумѣло,
 И чувство робости прекрасной овладѣло;
 Невольно вздрогнула, не въ страхъ воздохнуть;
 И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной пвы.

Расправя крылья горделивы,
 Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь
 Съ шумящей пѣною отважно волны гонитъ,
 Крылами воздухъ бьетъ,
 То въ кольца шею вьетъ,
 То гордую главу, смирясь, предъ Ледой клонитъ..

Леда смѣется,
 Вдругъ раздаются
 Радости кликъ...
 Видъ сладострастный:
 Къ Ледѣ прекрасной
 Лебедь припкъ.
 Слышно стенанье;
 Нимфа лѣсовъ
 Съ нѣгою сладкой
 Видитъ украдкой
 Тайну боговъ.

Опомнись, наконецъ, красавица младая
 Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая..
 И что жъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣтовъ
 Она покоится въ объятіяхъ Зевеса;
 Межъ ними юная любовь—
 И пала таинства прелестнаго завѣса!

Симъ примѣромъ научитесь,
 Розы—дѣвы красоты;

Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды:

Въ темной рощицѣ таится
Часто пламенный Эротъ;
Съ холодной струйкою катится,
Стрѣлы причетъ въ пѣнь воды.

Симъ примѣромъ научитесь,
Розы—дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь,
Въ темной рощицѣ воды.

ВЕНЕРЪ ОТЪ ЛАНСЫ.

ПРИ ПОСВИЩЕНІИ ЕЙ ЗЕРКАЛА.

Вотъ зеркало мое—прими его. Киприда!
Богиня красоты прекрасна будетъ въ вѣкъ:
Съдаго времени ей не страшна обίδα:
Она не смертный человѣкъ;
Но я, покорствуя судьбинѣ,
Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынѣ.

КРАСАВИЦЪ,

КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Возможно ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ.
Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясиновъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила,
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей—

Возможно ль. милая Климена?
 Какая странная во вкусъ перемѣна!
 Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
     А вредную траву зелѣну,
     Искусствомъ превращонну
     Въ пушистый порошокъ!
 Пускай уже съдой профессоръ Геттингена,
 На старой кафедрѣ согнувшися дугой,
 Вперивъ въ латинщину глубокий разумъ свой,
     Раскашлявшись, табакъ толченый
 Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукою;
     Пускай молодой драгунъ усатый,
     Потру сидя у огня.
     Стаканы сушить всё до дна,
     И чтобъ прогнать остатокъ сна,
 Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ съроватый;
 Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
 У грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ,
 У коей держится вся прелесть на подставкѣ,
 У коей безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
     Чайкъ въ-прикуску попиваетъ,
 Съ сарентскимъ табакомъ печали забываетъ....
 А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ
 Столь нравится тебѣ... о пыль воображенья!
     Ахъ! если бѣ, превращенный въ прахъ,
     И въ табакеркѣ. въ заточеныи,
 Я въ персты нѣжные твои поцасться могъ;
     Тогда бѣ, въ сердечномъ восхищеньи,
 Разсыпался на грудь, подъ шелковый платокъ...
     Но. что? Одна мечта пустая!
     Не будетъ этого никакъ!
     О доля чловѣка злая!
     Ахъ!.. отчего я не... табакъ!

STANCES.

[КНЯЖИЦЪ Е. М. ГОЛЦАКОВОИ].

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour.
Quand au printemps à peine éclore.
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore.
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes.
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes.
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose.
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclore!
Il fuit le temps des beaux jours!

Eudoxie, aimez! le temps presse:
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

КЪ НАТАЛЬ.

[КРѢПОСТНОЮ АКЕРИСЪ ГРАФА В. В. ТОЛСТОГО].

Такъ, и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Куницовъ;
Сердце страстное плѣвилось.
Признаюсь: и я влюбленъ!

Пролетѣло счастья время,
 Какъ любви не зная бремя,
 Я жила, да попѣвала;
 Какъ въ театрѣ и на балахъ.
 На гуляньяхъ, плъ въ воксалахъ,
 Легкимъ зефиромъ летала;
 Какъ, смѣясь, во зло Амуру
 Я писала карикатуру
 На любезный женскій полъ.
 Но напрасно я смѣялся;
 Наконецъ и самъ попался:
 Самъ, увы, съ ума сошелъ.
 Смѣхи, вольность, все подъ лавку,
 Изъ Катоновъ я въ отставку.
 И теперь я — селадонъ
 Милостивой жрицы Тальи;
 Видѣлъ прелести Натальи —
 И ужъ въ сердцѣ Купидонъ!

Такъ, Наталья, признаюся:
 Я тобою полоненъ;
 Въ первый разъ еще (стыжуся)
 Въ женски прелести влюбленъ;
 Цѣлый день, какъ ни верчуся,
 Лишь тобою занятъ я;
 Ночь придетъ — и лишь тебя
 Вижу я въ пустомъ мечтаньѣ;
 Вижу, въ легкомъ одѣяньѣ
 Будто милая со мной;
 Робко, сладостно дыханье,
 Бѣлой груди колебанье,
 Снѣгъ затмившей бѣлизной,
 И полуотверсты очи,
 Скромный мракъ безмолвной ночи —
 Духъ въ восторгъ приводятъ мой!...
 Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею;

Вижу дѣвственну лицею,
 Тренищу, томлюсь, нѣмбю...
 А проснулся — вижу мракъ
 Вдругъ постели одинокой.
 Испускаю вздохъ глубокой;
 Сонъ лѣнивый, томноокой,
 Отлетаетъ на крылахъ;
 Страсть сильнѣе стаковится:
 И любовью утомясь,
 Я слабѣю каждый часъ —
 Все къ чему-то умъ стремится.

Но, Наталья, ты не знаешь,
 Кто твой нѣжный селадонъ?
 Ты еще не понимаешь,
 Отчего не смѣетъ онъ
 И надѣяться?... Наталья!
 Выслушай еще меня:
 Не владѣтель я серали,
 Не арабъ, не турокъ я;
 За учтиваго китайца,
 Грубаго американца
 Почитать меня нельзя;
 Не представъ и нѣмчурою
 Съ колпакомъ на волосахъ,
 Съ кружкой пивомъ налитомъ
 И съ цыгаркою въ зубахъ;
 Не представъ кавалергарда
 Въ каскѣ, съ длиннымъ паланомъ —
 Не люблю я бранный громъ:
 Шпага, сабля, алебарда
 Не тягчатъ моей руки.

Кто же ты, болтунъ влюбленный?..

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

[той же артисткѣ].

Ты не наследница Клероны;
 Не для тебя свои законы
 Владылецъ Пинда начерталъ:
 Тебѣ не много Богъ послалъ:
 Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
 Нѣмыя взоровъ обращенья
 Не стоятъ. признаюсь, похвалъ
 И шумныхъ блесковъ удивленья.
 Жестокой суждено судьбой
 Тебѣ актрисой быть дурной;
 Но, Хлоя, ты мила собой.
 Тебѣ вослѣдъ толнятся смѣхъ,
 Сулятъ любовникамъ утѣхи —
 И такъ. вѣнцы передъ тобой,
 И несомнительны успѣхи.

Ты пѣвнымъ зрителя ведешь,
 Когда безъ такта ты поешь:
 Недвижно стоя передъ нами.
 Поешь, и часто не внопадъ;
 А мы усердными руками
 Всѣ громко хлопаемъ. Кричатъ:
 Bravo! bravissimo! чудесно!
 Свѣтки сатириковъ молчатъ.
 И всѣ покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей,
 Ты сложишь руки у груди.
 Или поднимешь ихъ, и снова
 На грудь положишь, застыдась;
 Когда Милона молодого,
 Лепеча что-то не для насъ,

Въ любви, безъ чувства, увѣряешь.
 Или безъ памяти, въ слезахъ,
 Холодный испуская: ахъ,
 Спокойно въ кресла упадаешь.
 Краснѣя и чуть-чуть дыша,
 Всѣ шепчуть: ахъ, какъ хороша!
 Увы, другую бѣ освистали!
 Велико дѣло красота!
 О Хлоя, мудрые солгали:
 Не все на свѣтѣ суета.

Шлябный же, Хлоя, красотою!
 Стократъ блаженъ любовникъ тотъ.
 Который нѣжно предъ тобою,
 Осмѣясь, о любви поетъ
 Въ стихахъ и прозою, на сценѣ
 Тебя клянется обожать,
 Кому ты можешь отвѣчать,
 Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
 Блаженъ, кто можетъ роль забыть
 На сценѣ съ мишенькой актрисой,
 Жать руку ей, надѣясь быть
 Еще блаженнѣй за кулисою!

ОПЫТНОСТЬ.

Кто съ минутою переможетъ
 Хладнымъ разумомъ любовь,
 Время тягостныхъ оковъ
 Ей на крылья не возложитъ —
 Тотъ не смѣйся, не рѣзвись,
 Съ строгой мудростью дружись;
 Но съ разсудкомъ вновь заступишь —
 Радъ не радъ, а дверь отворишь,
 Какъ проказливый Эротъ
 Постучится у воротъ.

Испыталъ и самъ собою
 Истину сихъ правыхъ словъ.
 Добрый путь! прости любовь!
 За богинею слѣною.
 Не за Хлоей полечу.
 Счастье. счастье ухвачу!
 Мнилъ я въ гордости безумной.
 Вдругъ услышалъ хохотъ шумной,
 Оглянулся.... и Эротъ
 Постучался у воротъ.

Нить! мнѣ, видно, не придется
 Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить,
 И покамѣсть жизни нить
 Старой Паркой тамъ прядется.
 Пусть владѣетъ мною онъ!
 Веселиться — мой законъ.
 Смерть откроетъ гробъ ужасный,
 Потемнѣютъ взоры ясны,
 И не стукнется Эротъ
 У могильныхъ ужъ воротъ.

БЛАЖЕНСТВО.

Въ рощѣ сумрачной. тѣнистой,
 Гдѣ журча въ травѣ душистой,
 Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
 Ночью, на простой свирѣли
 Цѣлъ влюбленный пастушокъ;
 Томный гулъ унылы трели
 Повторялъ въ глуши долинь....

Вдругъ изъ глубины пещеры
 Читатель Вакха и Венеры,
 Рѣзвыхъ савновъ господинъ,
 Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ:

Розами рога обвиты.
 Плющъ на черныхъ волосахъ.
 Козій мѣхъ виномъ налитый
 У сатира на плечахъ.
 Богъ льсовъ, въ дугу склонившися
 Надъ искривленной клюкой.
 За кустами притаившися.
 Слушалъ пѣсенки ночной.
 Въ ладъ качая головой.
 Дни, протекшіе въ весельи
 (Шѣлъ въ тоскѣ пастухъ младой).
 Отчего, явясь мечтой.
 Вы какъ тѣнь изъ глазъ исчезли
 И покрылись вѣчной тьмой?
 Ахъ! когда я въ мракъ ночи.
 При танцевальной лувѣ.
 Въ темну сѣнь прохладной рощи.
 Сладко спящей въ тишинѣ.
 Медленно, рука съ рукою.
 Съ нѣжной Хлоей приходилъ.
 Кто сравнится могъ со мною?
 Хлоѣ былъ тогда я миль!

А теперь мнѣ жизнь—могила.
 Бѣлый свѣтъ душъ постылъ.
 Грустенъ лѣсъ, потокъ унылъ...
 Хлоя другу измѣнила!...
 Я для милой... ужъ не миль!...

Звукъ исчезъ свирѣли тихой:
 Смолокъ пѣвецъ—и тишина
 Воцарилась въ рощѣ дикой;
 Слышно, плещеть лишь волна.
 И колышетъ повилкой
 Тихо-вѣющій зефиръ.
 Древъ оставя сѣнь густую.

Вдругъ является сатиръ.
 Чашу дружбы круговую
 Пѣнистымъ сребря виномъ,
 Рекъ съ ослабленнымъ лицомъ:
 Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ;
 Посмотри жъ, какъ сокъ прозраченъ
 Блещеть, освѣтаясь луной!
 Выпей чашу—и душой
 Будешь также чистъ и ясенъ.
 Вѣрь мнѣ: стонъ въ бѣдахъ напрасенъ.
 Лучше, лучше веселись,
 Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!
 И пастухъ, взявъ чашу въ руки.
 Скоро выпилъ всю до дна.
 О могущество вина!
 Вдругъ сокрылись скорби, муки,
 Мракъ душевный вмгъ исчезъ!
 Лишь фіалъ къ устамъ поднесъ,
 Все мгновенно премѣнилось,
 Вся природа оживилась:
 Счастливъ юноша въ мечтахъ!
 Выпивъ чашу золотую,
 Наливаетъ онъ другую;
 Пьетъ ужъ третью... но въ глазахъ
 Видъ окрестный потемнелъ—
 И несчастный... утомился.
 Томну голову склоня,
 Научи, сатиръ, меня,
 Говоритъ пастухъ со вздохомъ.
 Какъ могу бороться съ рокомъ?
 Какъ могу счастливымъ быть?
 Я не въ силахъ вѣчно пить.
 — Слушай, юноша любезный,
 Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
 Мигъ блаженства вѣкъ лови;
 Помни дружбы наставленья:

Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья.
 Нѣтъ и счастья безъ любви:
 Такъ поди жъ теперь съ похмѣнья
 Съ Кунцовомъ помирись;
 Позабудь его обиды.
 И въ объятіяхъ Дориды
 Снова счастьемъ насладись!

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ.

Друзья! досужный часъ насталъ.
 Все тихо, все въ покое:
 Скорѣе скатерть и бокалъ!
 Сюда вино золотое!
 Шипи шампанское въ стеклы!
 Друзья! почто же съ Кантомъ
 Сенека, Тацитъ на столъ,
 Фольянтъ надъ фоліантомъ?
 Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ —
 Мы подемъ овладѣемъ!
 Подъ столъ ученыхъ дураковъ—
 Безъ нихъ мы пить умѣемъ!
 Ужели трезваго найдемъ
 За скатертью студента?
 На всякій случай изберемъ
 Скорѣе президента.
 Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
 И пуншъ, и грогъ душистой:
 А вамъ, спартанцы, поднесетъ
 Воды въ стаканъ чистой.
 Апостолъ вѣги и прохлада.
 Мой добрый, Галичъ. vale!
 Ты Эпигуровъ младшій братъ.
 Душа твоя въ бокалъ.

Главу вѣнками убери —
 Будь нашимъ президентомъ,
 И будутъ самые цари
 Завидовать студентамъ.

Дай руку, Дольвицъ! что ты есишь?
 Проснись, лѣнивѣцъ сонный,
 Ты не подъ каедрой сидишь,
 Латынью усыпленный.

Взгляни, здѣсь кругъ твоихъ друзей.
 Бутыль виномъ налита.
 За здравье нашей музы пей,
 Парнасскій волокита!

Осгрякъ любезный! ¹ по рукамъ!
 Полный бокаль досуга,
 И вылей сотню эпиграммъ
 На недруга и друга!

А ты, красавецъ молодой,
 Сіятельный повѣса! ²
 Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
 На прочее—завѣса!

Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
 Но скромность почитаю;
 Придвинь же нѣнистый стаканъ:
 На брань благословляю.

Товарищъ милый, другъ прямой! ³
 Тряхнемъ рукою руку,
 Оставимъ въ чашѣ круговой
 Педантамъ сродну скуку.

Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
 Нерѣдко и бранимся,
 Но чашу дружества нальемъ
 И тотчасъ помиримся.

¹ А. Д. Пличевскій. ² Кн. А. М. Горчаковъ. ³ П. П. Пущинъ.

О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
 Однимъ весельемъ дышешь!¹
 Забавный, право, ты поэтъ,
 Хоть плохо басни пишешь.
 Съ тобой тостуюсь безъ чиновъ,
 Люблю тебя душою,
 Наполни кружку до краевъ;
 Разсудокъ, Богъ съ тобою!
 А ты, повѣса изъ повѣсъ,²
 На шалости рожденный,
 Удалый хватъ, говорѣзь,
 Приятель неизмѣнный!
 Бутылки, рюмки разобьемъ
 За здравіе Платова,
 Въ казачью шапку пуншъ нальемъ—
 И пить давайте снова.

Приблизься, милый нашъ пѣвецъ,
 Любимый Аполлономъ,³
 Воспой властителя сердецъ
 Гитары тихимъ звономъ:
 Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
 Томленье звуковъ льется;
 Но мнѣ ли страстью воздохнуть?
 Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

Не лучше ль, Родезаписной,⁴
 Въ честь Вагховой станицы
 Теперь скрипѣть тебѣ струной
 Разстроенной скрипичи?
 Запойте хоромъ, господа!
 Нѣтъ нужды, что нескладно;
 Охрипли?.. Это не бѣда:
 Для пьяныхъ все вѣдь ладно.

¹ М. Л. Яковлевъ. ² П. В. Малиновскій. ³ Н. А. Корсаковъ. ⁴ М. Л. Яковлевъ (вторично).

Но что? и вижу все вдвоемъ:
 Двоится штофъ съ аракомъ,
 Вся комната пошла кругомъ,
 Покрылись очи мракомъ...
 Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
 Скажите. Вакха ради,
 Вы дремлете, мои друзья,
 Склонившись на тетради.

Писатель! за свои грѣхи
 Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
 Вильгельмъ,¹ прочти свои стихи —
 Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и пинтъ,
 Парнасскій счастливый лѣнивѣцъ,
 Харитъ пзвѣженный любимѣцъ,
 Напереникъ милыхъ Аонидъ!
 Почто на арфѣ златострунной
 Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
 Ужель и ты, мечтатель юной.
 Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ,
 Межъ кудрей вьющихся, златыхъ,
 Подъ тѣнью тополей вѣтвистыхъ,
 Въ кругу красавицъ молодыхъ,
 Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
 Любовь и Вакха не поешь;
 Довольный, счастливый началомъ,
 Цвѣтовъ парнасскихъ вновь не рвешь;
 Не слышешь нашъ Парни россійскій.

¹ В. К. Кюхельбергеръ.

Пой, юноша! Пѣвецъ тѣнѣмъ
 Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.
 Съ тобою твой прелестный другъ
 Лилета, красныхъ дней отрада:
 Пѣвцу любви любовь награда.
 Настрой же лиру, по струнамъ
 Летай игривыми перстами.
 Какъ вешній зефиръ по цвѣтамъ:
 И сладострастными стихами.
 И тихимъ шопотомъ любви
 Лилету въ свой шалашъ зови:
 И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ.
 Плывающихъ въ дальней вышинѣ.
 Въ уединенномъ кабинетѣ.
 Волшебной всемія тишинѣ.
 Слезами счастья грудь прекрасной.
 Счастливецъ милый. орошай;
 Но упоенъ любовью страстной.
 И нѣжныхъ музъ не забывай!
 Любви нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ:
 Люби—и пой ее на лирѣ.

Когда жъ къ тебѣ въ досужный часъ
 Друзья, знакомые сберутся,
 И вина пѣнныя польются,
 Отъ пѣна съ трескомъ свободясь.
 Описывай въ стихахъ игривыхъ
 Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
 Вокругъ накрытаго стола.
 Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой.
 И стукъ блестящаго стекла;
 И гости дружно стихъ веселой.
 Бокаль въ бокаль ударя въ ладъ.
 Нестройнымъ хоромъ повторять.
 Поэтъ! въ твоей предметы вошь!
 Во звучны струны смѣло грянь,

Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
 И грозну смерть на ратномъ полѣ.
 И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
 И ты, постигнутый судьбою,
 Какъ россъ, питомецъ славы, палъ!
 Ты палъ, и хладною косою
 Едва, скошенный, не увялъ!

Иль вдохновенный Ювеналомъ,
 Вооружись сатиры жаломъ;
 Подъ-часъ прими ея свистокъ,
 Рази, осмѣивай порокъ;
 Шутя, показывай смѣшное,
 И если можно, насъ исправь;
 Но Тредьяковскаго оставь
 Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
 Увы! довольно безъ него
 Найдемъ безсмысленныхъ поэтовъ;
 Довольно въ мѣрѣ есть предметовъ,
 Цѣра достойныхъ твоего!

Скажи, по милости, Грифону,
 Ползкомъ ползущу къ Геликону,
 Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать
 И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
 Скажи ему, что напн внуки
 Не стануть вздоръ его чптать....
 Все, все позволено поэту!
 Скажи всему, коль хочешь, свѣту,
 Что Висковатовъ не впадеъ
 Уродовъ выставилъ на сцену,
 Визжать заставилъ Мельпомену,
 Что Клить былъ добрый человекъ,
 Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
 Своимъ домкомъ тихонько правилъ,
 И жилъ безъ горя, безъ заботъ,

Покамѣсть не печаталь одъ,
 Гдѣ здравый смыслъ вверху дномъ поставилъ.
 Гдѣ мы навидѣлись всего,
 Гдѣ «всѣ чудовища геенны—
 На жертву агнцы обреченны
 Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.

Но что? Цѣвницею мою.
 Безвѣстный въ міръ семъ поэтъ,
 Я пѣсни продолжать не смѣю.
 Прости—но помни мой советъ:
 Доколь, музами любимый,
 Ты Піэридъ горшишь огнемъ,
 Доколь, сраженъ стрѣлой незримой.
 Въ подземный ты не свидеишь домъ.
 Мірскія забывай печали,
 Играй: тебя, молодой Назонъ.
 Эротъ и Граціи вѣнчали,
 А лиру строилъ Аполлонъ.

къ николаю григорьевичу

ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный другъ, оставилъ
 Надежду пристань тишины,
 Челнокъ свой весело направилъ
 По влагѣ бурной глубины;
 Судьба на руль уже склонилась.
 Спокойно свѣтятъ небеса,
 Ладья крылатая пустилась—
 Расправить счастье паруса.
 Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
 Вблизи ты ужасъ не видалъ,
 Чтобъ бурный вихоръ не вздувалъ
 Предъ челнокомъ шумящи воды!

Дай Богъ. подъ-вечеръ. къ берегамъ
 Тебѣ пристать благополучно,
 И отдохнувь спокойно тамъ
 Съ любовью, дружбой неразлучно!
 Нѣтъ. ты не можешь ихъ забыть!
 Но что! не скоро. можетъ быть.
 Увижусь я. мой другъ, съ тобою
 Уютной хаты въ тишинѣ?
 За чашей пунша круговою
 Подъ-часъ вспомнишь обо мнѣ;
 Когда жъ пойду на новоселье
 (Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ).
 Скажи: дай Богъ ему веселье!
 Опъ въ жизни хотъ любить умѣлъ.

РОМАНСЪ.

Подъ-вечеръ. осенью ненастной,
 Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
 И тайный плодъ любви несчастной
 Держала въ трепетныхъ рукахъ.
 Все было тихо: лѣсъ и горы.
 Все спало въ сумракъ почномъ;
 Она внимательные взоры
 Водила съ ужасомъ кругомъ,

И на невинномъ семъ твореньѣ.
 Вдохнувь. остановила ихъ....
 Ты спишь. дитя, мое мученье...
 Не знаешь горестей моихъ!
 Откроешь очи и, тоскуя.
 Ты къ груди не прильнешь моей,
 Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
 Несчастной матери твоей!

Ее мавить напрасно будешь!
 Мнѣ вѣчный стыдъ—вина моя!
 Меня на вѣки ты забудешь....
 Но не забуду я тебя.
 Дадутъ покровъ тебѣ чужіе.
 И скажутъ: ты для насъ чужой!
 Ты спросишь: гдѣ мои родные?
 И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой
 Томиться межъ другихъ дѣтей.
 И до конца съ душой угрюмой
 Взирать на ласки матерей.
 Повсюду странникъ одинокій.
 Всегда судьбу свою кляни.
 Услышшь ты упрекъ жестокій...
 Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!... позволь себя, несчастный,
 Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
 Законъ неправедный, ужасный.
 Къ страданью осуждаетъ насъ.
 Пока лѣта не отогнали
 Невинной радости твоей.
 Спи, милый! горькія печали
 Не тронуть дѣтства тихихъ дней!

Но вдругъ за рошей освѣтила,
 Вблизи ей, хижину луна.
 Блѣдна, трепещуща, уныла.
 Къ дверямъ приблизилась она,
 Склонилась, тихо положила
 Младенца на порогъ чужой;
 Со страхомъ очи огвратила—
 И скрылась въ темнотѣ ночной.

MON PORTRAIT.

[РАГОЗЪ И. О. ГИЛБИРИЦЪ].

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature:
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fâdes grimaces.

Oui! il ne fut de babillard,
Ni docteur de Sorbonne
Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.

Ma taille, à celle des plus longs,
Los n'est point égaléc;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals, me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encore,
Si je n'étais au lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:

Oui! tel que le bon Dieu me fit.
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie—
Ma foi—voilà Pouchkine.

ГОРОДОКЪ.

[къ ***].

Прости мнѣ, милый другъ,
Двухлѣтнее молчанье;
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.
На тройкѣ принесенный
Изъ родины смиренной
Въ великій градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвалъ и веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,
Какъ будто у наоя
Въ великій четвертокъ
Измученный дьячокъ.
Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь,
Ужъ вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли—
Стыжусь—столь долго мной,

И въ тишинѣ святой
Философомъ лѣнливымъ,
Отъ шуму вдалекѣ,
Живу я въ городкѣ.
Безвѣстностью счастливымъ.
Я навялъ свѣтлый домъ:
Съ диваномъ, съ камелькомъ
Три комнатки простыя—
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани вышныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки—въ садъ веселый.
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтуть;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладу сѣнь даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
Слелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ.
Въ струяхъ неся цвѣтокъ.
Невидимый для взора,
Делечетъ у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно;
Не ходитъ въ модный свѣтъ;
На улицѣ каретъ
Не слышенъ стукъ докучной;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телега
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною влюкой
Въ калитку постучится...

Блаженъ, кто веселится
 Въ покоѣ. безъ заботъ.
 Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
 И маленькій Эроть:
 Блаженъ, кто на просторѣ
 Въ укромномъ уголкѣ
 Не думаетъ о горѣ.
 Гуляетъ въ колпагѣ.
 Пьетъ. ѣстъ. когда захочетъ.
 О гостѣ не хлопочетъ!
 Никто, никто ему
 Лѣзится одному
 Въ постелѣ не мѣшаетъ:
 Захочетъ—Аонидъ
 Толпу къ себѣ сзываетъ;
 Захочетъ—сладко спитъ.
 На Рѣмова склоняясь
 И тихо забываюсь.
 Такъ я, мой милый другъ.
 Теперь расположился:
 Съ толпой безстыдныхъ слугъ
 На вѣки распростился:
 Укрывшись въ кабинетъ.
 Одинъ я не скучаю.
 И часто цѣлый свѣтъ
 Съ восторгомъ забываю
 Друзья мнѣ—мертвецы.
 Парнасскіе жрецы.
 Надъ полкою простою.
 Подъ тонкою тафтою.
 Со мной они живутъ.
 Пѣвцы красворѣчивы.
 Прозанки шутливы—
 Въ порядкѣ стали тутъ.
 Сынъ Мома и Мипервы.

Фернейскій злой крикунъ,
 Поэтъ въ поэтахъ первый,
 Ты здѣсь, съдой шалунъ!
 Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
 Издѣтства сталъ пить;
 Всѣхъ больше перечитанъ,
 Всѣхъ менѣе томить;
 Соперникъ Эврипида,
 Эраты вѣжнѣй другъ,
 Арьоста, Тасса внукъ—
 Скажу ль?... Отецъ Кандида!
 Онъ все: вездѣ великъ
 Единственный старикъ!
 На полкъ за Вольтеромъ
 Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
 Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
 Въ часъ утренній досуга
 Я часто другъ отъ друга
 Люблю ихъ отрывать.
 Питомцы юныхъ Грацій—
 Съ Державинымъ потомъ
 Чувствительный Горацій
 Является вдвоемъ.
 И ты, пѣвецъ любезной,
 Поэзій прелестной
 Сердца привлекшій въ плѣнъ,
 Ты здѣсь, лѣвѣй безпечный,
 Мудрецъ простосердечный,
 Ванюша Ляфонтенъ,
 Ты здѣсь!... И Дмитревъ вѣжнѣй,
 Твой вымыселъ любя,
 Нашелъ пріютъ надежный
 Съ Крыловымъ близъ тебя.
 Но вотъ наперсникъ милой
 Пенхенъ златокрылой! ¹

¹ П. О. Богдановичъ.

О добрый Ляфонгенъ,
 Съ тобой онъ смѣль сразигься...
 Коль можешь ты дивиться,
 Дивись: ты побѣжденъ!
 Воспитанны Амуромъ
 Вержье, Парни съ Грегуромъ
 Укрылись въ уголокъ
 (Не разъ они выходятъ
 И сонъ отъ глазъ отводятъ
 Подъ зимній вечерокъ).
 Здѣсь Озеровъ съ Распиномъ,
 Руссо и Карамзинъ;
 Съ Мольеромъ-исполномъ
 Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
 За ними, хмурясь важно,
 Ихъ грозный Аристархъ
 Является отважно
 Въ шестнадцати томахъ.
 Хоть страшно стихоткачу
 Лягарпа видѣть вбусъ,
 Но часто, признаюсь,
 Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
 На самой нижней полкѣ
 Всѣ школьнически толки,
 Лежащiе въ пыли:
 Визгова сочиненья,
 Глушона псалмопѣнья,
 Извѣстныя творенья,
 Увы, однимъ мышамъ!
 Миръ вѣчный и забвенье
 И прозъ и стихамъ!
 Но ими огражденну
 (Ты долженъ это знать)
 Я спряталъ потаенну

Самыянную тетрадь.
 Сей свитокъ драгоценный,
 Въ ваши собраненный,
 Отъ члена русскихъ силъ,
 Двоюроднаго брата,
 Драгунскаго солдата,
 Я даромъ получилъ.
 Ты, кажется, въ сомнѣньи....
 Не трудно отгадать;
 Такъ, это сочиненьи,
 Презрѣвшія печать.
 Хвала вамъ, чада славы.
 Враги парнасскихъ узъ!
 О князь, напереникъ музъ,¹
 Люблю твои забавы;
 Люблю твой колкій стихъ
 Въ посланіяхъ твоихъ,
 Въ сатиры — знанье свѣта
 И слога чистоту,
 И въ рѣзвости куплета
 Шриву остроу.
 И ты, насмѣшникъ смѣлый.²
 Въ ней мѣсто получилъ,
 Чей въ Адѣ стихъ веселый
 Поэтовъ раздражилъ,
 Какъ, въ юношески лѣты,
 Въ волнахъ туманной Леты
 Ихъ гуртомъ потопилъ;
 И ты, замысловатый
 Буянова пѣвецъ.³
 Въ картинахъ столь богатый
 И вкуса образецъ;

¹ Кн. Д. П. Горчаковъ.

² К. Н. Батюшковъ. Его стихотвореніе: «Видѣніе на берегахъ Леты».

³ В. Л. Пушкинъ. Его стихотвореніе: «Опасный соедѣль».

И ты, шутникъ безцѣнный.
 Который Мельпомены
 Котурны и винжалъ
 Игривой Талы далъ! ¹
 Чья кисть мнѣ нарисуешь,
 Чья кисть скомпанируетъ
 Такой оригиналъ!
 Тутъ вижу я съ Чернавкой
 Подщина слезы леть;
 Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
 Тамъ дремлетъ весь советъ:
 Въ трагическомъ смятеннѣ
 Пльбненные цари,
 Забывъ войну, сраженнѣ,
 Играютъ въ кубари....
 Но назову ль дѣтину,
 Что доброю порой
 Тетради половину
 Наполнилъ лишь собой!...
 О ты, высотъ Парнаса
 Бояринъ небольшой,
 Но пылаго Пегаса
 Наѣздникъ удалой!
 Намаранныя оды,
 Убранство чердаковъ,
 Гласятъ изъ рода въ роды:
 Великъ, великъ Свистовъ! ²
 Твой даръ цѣнить умѣю,
 Хоть право не знатокъ;
 Но здѣсь тебѣ не смѣю
 Хвалы сплетать вѣнокъ:
 Свистовскимъ должно слогомъ
 Свистова воспѣвать;
 Но убрѣйся съ Богомъ!

¹ И. А. Крыловъ. Его траги-комедія: «Трумфъ». ² Гр. Д. И. Хвостовъ.

Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.

О вы, въ моей пустынь
Любимые творцы!
Займите же отнынѣ
Безпечности часы.
Мой другъ! Весь день я съ ними —
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.
Когда же на закатъ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые царя
Смеркающейся ночи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ роши,
И шорохъ по лѣсамъ —
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтъ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ
И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ ввѣкъ пѣтъ!»

Но ею мнѣ ль гордиться,
Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?...
До слезъ я спорить радъ,

Не бьюсь лишь объ закладъ....
 Какъ знать, и мнѣ, быть можетъ.
 Печать свою наложитъ
 Небесный Аполлонъ;
 Сіяя горнимъ свѣтомъ,
 Безтрепетнымъ полетомъ
 Взлечу на Геликонъ.
 Не весь я преданъ тѣбнью.
 Съ моей, быть можетъ, тѣбнью
 Полуночной порой
 Сынъ Феба молодой,
 Мой правнукъ просвѣщенный.
 Бесѣдовать придетъ,
 И мною вдохновенный,
 На лирѣ вздохнетъ.

Покамѣстъ, другъ безцѣнный,
 Каминомъ освѣщенный,
 Сижу я подъ огнемъ
 Съ бумагой и перомъ.
 Не слава предо мною,
 Но дружбою одною
 Я нынѣ вдохновенъ....
 Мой другъ, я счастливъ ею;
 Почто жъ ея сестрой,
 Любовію молодой,
 Напрасно пламенѣю?
 Иль юности златой
 Вотще даны мнѣ розы,
 И лить на вѣки слезы
 Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ,
 Мой горестный удѣлъ?...
 Пѣвца сопутникъ милой,
 Мечтанье легкокрыло,
 О, будь же ты со мной!
 Дай руку сладострастью,

И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія треной;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣвивый магъ
Покроетъ томны очи,
На вѣтреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ гѣсной,
Тихонько постучись,
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечта! въ волшебной сѣни
Мнѣ мнѣю яви.
Мой свѣтъ, мой добрый гешій,
Предметъ моей любви!
И блескъ очей небесный,
Ліющихъ огнь въ сердца,
И Грацій станъ прелестный,
И снѣгъ ея лица;
Представь, что на колыняхъ
Покояеь у меня,
Въ порывистыхъ томленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устахъ;
Горитъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!...
Почто стрѣлой незримой
Уже летншь ты вдаль?
Обманетъ — и пропадеь
Бѣглець невозвратимой!
Не слышитъ плачь и стонъ,
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнетъ обольститель,
И въ сердце грусть-мучитель!

Но все ли, милый другъ,
 Быть счастья въ упоеньѣ?
 И въ грусти томный духъ
 Находитъ наслажденье:
 Люблю я въ лѣтній день
 Бродить одинъ съ тоскою.
 Встрѣчаю вечерню твою
 На цѣ тихую рѣкою.
 И съ сладостной слезою
 Въ даль сумрачну смотрѣю:
 Люблю съ моимъ Марономъ,
 Подъ яснымъ небосклономъ,
 Близъ озера сидѣть,
 Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной,
 Оставя знакъ прибрежной,
 Любви и нѣги полнѣ.
 Съ подругою своею,
 Закинувъ гордо шею,
 Плыветъ во златѣ волнѣ;
 Или для развлечения,
 Оставя книгъ ученѣ,
 Въ досужный мнѣ часокъ
 У добренькой старушки
 Душистый пью чаекъ;
 Не подхожу я къ ручкѣ,
 Не шаркаю предъ ней,
 Она не присѣдаетъ,
 Но тотчасъ же вѣстей
 Мнѣ пронасть наболтаегъ.
 Газеты собираетъ
 Со всѣхъ она сторонъ.
 Все свѣдаетъ, узнаетъ:
 Кто умеръ, кто влюбленъ,
 Кого жена по модѣ
 Рогами убрала,
 Въ которомъ огородѣ

Капуста цвѣтъ дала;
Ома свою хозяйку
Ни-за-что наказаль,
Автошка балалайку,
Играя, разломаль—
Старушка все расскажетъ.
Межъ тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое;
А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленной,
Не слушая ее,
Ни рѣмы Удалова.
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималь,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читаль.
Ахъ, видно Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!

Пль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ,
Зоветь меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ, развеселись
За дѣдовскою кружкой,
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнить ту баталью,
Гдѣ, роты впереди,
Летѣлъ на встрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ,
И палъ на до'чь кровавый

Съ булатнымъ палашемъ.
 Всегда я радъ душою
 Съ нимъ время провождать.
 Но. Боже, виновать!
 Я каюсь предъ тобою—
 Служителей твоихъ
 Поповъ я городскихъ
 Боюсь, боюсь бесѣды;
 И свадебны обѣды
 За тѣмъ лишь не терплю,
 Что сельскихъ іереевъ,
 Какъ папа іудеевъ,
 Я вовсе не люблю;
 А съ ними крючковатый
 Подъяческій народъ,
 Лишь взятками богатый
 И ябеды оплотъ.
 Но, другъ мой, если вскорѣ
 Увижусь я съ тобой,
 То мы уходимъ горе
 За чашей круговой;
 Тогда, клянусь богами
 (И слово ужъ сдержу),
 Я съ сельскими попами
 Молебень отслужу.

 ЭПИГРАММЫ.

1.

Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую.
 Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
 Что слезы зрителей рѣкою потекутъ...

Мы ждали драму золотую.

И что же? Дождались—и нечего сказать,

Достоинству ея нельзя убавить вѣсу:
 Цу. право, удалюсь Арнегу написать
 Препжалостну піесу.

2.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Судругою твоей я такъ ильнѣлся.
 Что если бѣ три въ удѣлъ достались мнѣ,
 Подобныя во всемъ твоей женѣ,
 То дарючъ двухъ я бѣ отдалъ сатанѣ,
 Чтобъ трегью лишъ принять онѣ согласился.

3.

НЕСЧАСТЬЕ КЛИТА.

[на юбельебегера].

Взвугъ Тредьяковскаго Клитѣ гекзаметромъ пѣсенки пишеть,
 Противу ямба. хорея злобой ужасною дышетъ:
 Мбра простая ея все портитъ, по мнѣнію Клита,
 Смысль затмѣваетъ стиховъ, жаръ охлаждаетъ пінта.
 Спорить о томъ я не смѣю, пусть онѣ безвинныхъ поноситъ,
 Ямбъ охладилъ рѣмача, гекзаметры жѣ онѣ заморозитъ.

4.

НА ПОЭМУ ШИХМАТОВА.

«Пожарскій. Мининъ, Гермогенъ,
 Или спасенная Россія» —
 Слогъ темень. важенъ, напыщенъ.
 И тяжки слова пустыя.

5.

НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
 Разумникъ получилъ вѣдь ленту голубую.
 — Богъ съ нимъ! и недругъ никому:
 Дай Богъ и царствія небеснаго ему.

1815.

ВОСПОМНЕНИЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нависъ покровъ угрюмой ночи
 На сводѣ дремлющихъ небесъ;
 Въ безмолвной тишинѣ почли доль и рощи.
 Въ свдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
 Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
 Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на лугахъ,
 И тихая луна, какъ лебедь величавый.
 Плыветъ въ серебристыхъ облакахъ.

Плыветъ—и блѣдными лучами
 Предметы освѣтила вкругъ;
 Алел древнихъ липъ открылись предъ очами.
 Проглянули и холмъ, и лугъ.
 Здѣсь, вижу, съ тополею сдѣлалась младая пва
 И отразилась въ кристаллѣ зыбкихъ водъ;
 Царицей средь полей лелея горделива
 Въ роскошной красотѣ цвѣтеть.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
 Стекаютъ бисерной рѣвкой;
 Тамъ въ тихомъ озерѣ плещаются наяды
 Его лѣнивою волной;
 А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
 На своды опершись, несутся къ облакамъ.
 Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
 Не се ли Минервы русской храмъ?

Не се ли Элизіумъ полнощный,
 Прекрасный царскосельскій садъ,

Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
 На лонѣ мпра и отрадѣ?

Увы! промчался тѣ времена златыя,
 Когда подъ скипетромъ великія жены
 Вѣнчалась славою счастливая Россія,
 Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
 Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
 Возрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ россъ вѣщаетъ:
 «Исчезло все, Великой нѣтъ!»

И въ думу углубленъ, надъ значными брегами
 Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
 Протекшія лѣта мелькають предъ очами,
 И въ тихомъ восхищеніи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
 Надъ твердой, мшистою скалой
 Вознесся памятникъ. Ширяся крылами,
 Надъ нимъ сидитъ орелъ молодой.

И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
 Вкругъ грознаго столпа трикраты обвилась,
 Кругомъ подножія, шума, валы сѣдые
 Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
 Воздвигся памятникъ простой.
 О, сколь онъ для тебя, кагульскій брегъ, поносенъ
 И славенъ родишъ драгой!

Безсмертны вы во вѣкъ, о русски исполины,
 Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
 О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
 Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
 Свидѣтель славы россиянь!

Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
 Потомки грозные славянъ,
 Перуномъ Зевсовымъ побѣду похпщали.
 Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
 Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
 Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
 И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
 И брани новыя, и ужасы военны:
 Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
 Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
 Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;
 Возсталъ вселенной бичъ—и вскорѣ лютой брани
 Зардѣлась грозная заря;

И быстрымъ понеслись потокомъ
 Враги на русскіе поля.
 Предъ нами мрачна степь лежитъ во свѣ глубокомъ,
 Дымится кровію земля,
 И селы мирныя и грады въ мглѣ пылають,
 И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
 Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ.
 И праздный въ полѣ ржавить плугъ.

Идутъ—ихъ силѣ нѣтъ препоны,
 Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
 И тѣни блѣдныя погпбшихъ чадъ Беллоны,
 Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
 Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
 Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи..
 Но клики раздались!... Идутъ въ дали туманной...
 Звучать кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменныхъ!
 Россіи двинулись сыны;

Возстагъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ;
 Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
 Востренещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
 Ты въ каждомъ рагникѣ узришь богатыря.
 Ихъ цѣль: или побѣдить, или пасть въ пылу сраженья
 За вѣру, за царя.

Ретивы кони бранью пышуть.
 Усвьянъ ратниками долгъ,
 За строемъ строй течеть, всѣ мстью, славой дышуть,
 Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;
 Лежатъ на грозный шуръ, мечамъ добычи щугъ,
 И се—пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
 Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами сгублы свищутъ
 И брызжетъ кровь на щигъ.

Сразились—русскій побѣдитель!
 И венять бѣжитъ надменный галлъ;
 Но сильнаго въ бояхъ небесный вседержитель
 Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
 Не здѣсь его сразилъ воптель посядъный;
 О, бородинскія кровавыя поля!
 Не вы нестоветву и гордосги предѣлы:
 Увы, на башняхъ галлъ Кремля!..

Края Москвы, края родные,
 Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
 Часы безпечности я тратилъ золотые,
 Не зная горестей и бѣдъ,
 И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
 И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
 И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
 Вогще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
 Родимой прелесть стороны?

Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой.

Развалины теперь одни.

Москва! своль русскому твой зракъ унылый страшенъ!

Исчезли зданія вельможей и царей,

Все пламень истребилъ, вѣнцы затмилъсь башенъ.

Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала.

Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ.

Гдѣ мртвъ благоухалъ и липа трепетала.

Тамъ нынѣ угли, пепель, прахъ;

Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней воцп

Веселье шумное туда не полетитъ.

Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы роцп —

Все мертво. все молчитъ...

Утѣшься, мать градовъ Россіи.

Воззри на гибель пришлеца.

Отяготѣла днесъ на ихъ надменной вып

Десница метящая Творца.

Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ.

Ихъ кровь не престае въ сѣбахъ рѣками течь.

Бѣгутъ—и въ тѣмъ ночной ихъ гладъ и смерть сѣбаютъ,

А съ тыла гонитъ россовъ мечъ.

О вы, которыхъ трепетали

Европы сильны племена.

О галлы хищные! и вы въ могилы пали...

О страхъ! о грозны времена!

Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны.

Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?

Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны.

Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факель мщенья?

Поникни, Галлія, главой!

Но что я зрю? Герой съ улыбкой примпренья
 Грядетъ съ оливою златой;
 Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленнѣ,
 Москва въ уныннѣ, какъ степь въ полнощной мглѣ—
 А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье,
 И благодотворный миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины!
 Почто небесныхъ Аонидъ,
 Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дружины,
 Мой духъ восторгомъ не горитъ!
 О, если бѣ Аполлонъ шитовъ даръ чудесной
 Влиялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищенъ,
 На лирѣ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
 И возсіялъ во тѣмѣ время!

О скальдъ Россіи вдохновенный,
 Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
 Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
 Взгремъ на арфѣ золотой;
 Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
 И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,
 И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
 При звукахъ браннаго пѣвца.

[Читано на экзаменѣ 4 и 8 января 1815].

КАЗАКЪ.

Разъ полуночной порою,
 Сквозь туманъ и мракъ,
 Ъхалъ тихо надъ рѣкою
 Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ,
 Весь жупанъ въ пыли,

Пистолеты при колѣнѣхъ.

Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя.

Шагомъ выступалъ.

Гриву долгую волнуя.

Углублялся вдаль.

Вотъ предъ нимъ двѣ, три пѣбушки,

Выломанъ заборъ;

Здѣсь—дорога къ деревушкѣ.

Тамъ—въ дремучій боръ.

«Не найду въ лѣсу дѣвицы.—

Думалъ хватъ Денисъ;

Ужъ красавицы въ свѣтлицы

На ночь убралъ.»

Шевельнулъ донецъ уздою.

Шпорой прикольнулъ.

И помчался конь стрѣлою —

Къ избамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна серебрила

Дальни небеса;

Подъ окномъ сидитъ уныла

Дѣвица-краса.

Храбрый видитъ красну дѣву.

Сердце бьется въ немъ;

Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву—

Вотъ ужъ подъ окномъ.

«Ночь становится темнѣе,

Скрылася луна.

Выйдь, коханечка, скорѣе.

Напой коня.»

— Нѣтъ! Къ мужицѣ молодому
Странно подойти,
Страшно выйти мнѣ изъ дому.
Коню дать воды.

Ахъ, небось, дѣвица красна.
Съ милымъ подружись!
— Ночь красавицамъ опасна.
«Радость, не страшись!

Вѣрь, коханечка, пустое;
Ложный страхъ отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзаго: съ тобою
Въ дальній ѣду край;
Будешь счастлива со мною:
Съ другомъ всюду рай!»

Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко вхвать согласилась,
Счастливъ сталъ казакъ!

Поскакали, полетѣли;
Дружку другъ любилъ:
Быль ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

ВИШНЯ.

Румяной зарею
Покрылся востокъ.
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

Росой окрошились
Цветы на поляхъ,
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

Туманы съдые
Плывутъ къ облакамъ.
Пастушки младыя
Спѣшатъ къ пастухамъ.

Съ журчаньемъ стремится
Источникъ межъ горъ.
Вдали золотится
Во тьмѣ синій боръ.

Пастушка младая
На рынокъ спѣшитъ,
И вдаль, прищѣвая,
Прилежно глядитъ.

Румянецъ играетъ
На полныхъ щекахъ,
Невинность блещаетъ
На робкихъ глазахъ.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
.
.
.
Приманка людей.

Пастушка приходитъ
Въ вишеникъ густой,

И много находить
Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасенъ,
Брасотку манить,
Но путь къ нимъ опасенъ—
Бѣдняжку страшить.

Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишень поѣсть,
'За вѣтвь ухватилась
На дерево взлѣзть.

Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
Ногой межъ вѣтвей.

Бери плодъ рукою—
И вишня твоя,
Но, ахъ! что съ тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла,
Спѣшитъ пастушокъ—
Нога ослабѣла,
Скользятъ башмачокъ.

И вѣтвь затрещала,
Бѣда! смерть грозитъ!
Пастушка упала,
Но, ахъ! какой видъ...

Сучекъ преломленный
За платье задѣлъ,
Пастухъ удивленный
Всю прелесть узрѣлъ...

Пастушку несчастну
 Съ сучка тихо снялъ
 И грудь свою страстну
 Къ красотѣ прижалъ.

Вся кровь закипѣла
 Въ двухъ пылкихъ сердцахъ.
 Любовь прилетѣла
 На быстрыхъ крылахъ.

Утѣха страданій
 Двухъ юныхъ сердець,
 Въ любви ожиданій
 Супругамъ вѣнецъ....

 БОВА.

[огривокъ].

Часто, часто я бесѣдовалъ
 Съ болтуномъ страны Эллинеи.
 И не смѣлъ осплымъ голосомъ.
 Съ Шашеленомъ и съ Ренатовымъ.
 Воспѣвать героевъ Сѣвера.
 Несравненнаго Виргилія
 Я читалъ и перечитывалъ.
 Не стараясь подражать ему
 Въ вѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
 Разбиралъ я вѣмца Клопштока.
 И не могъ понять премудраго;
 Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ;
 Я хочу, меня чтобъ поняли
 Всѣ отъ мала до великаго.
 За Мильтономъ и Камоэнсомъ
 Опасался я безъ крылъ парить,

Въ серафимовъ жарить пушками,
 Съ сатаною обитать въ раю.
 Но вчера, въ архивахъ рояся,
 Отыскалъ я книжку славную,
 Золотую, незабвенную,
 Прочиталъ—и въ восхищеніи
 Про Бову пою царевича.

Не запомню, сколько лѣтъ спустя
 Послѣ рождества Спасителя,
 Царь Додонъ со славой царствовалъ
 Въ Свѣтомірѣ, сѣльномъ городѣ.
 Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
 Не прямой досталъ дорогою.
 Но убивъ царя законнаго,
 Бендокира слабоумнаго.
 Царь Додонъ не слабоумнаго
 Былъ достоинъ злаго прозвища,
 Но тирана неусыпнаго
 (Онъ однако не имѣлъ его).
 Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
 И пороки вамъ показывать;
 Вы слышали, люди добрые,
 О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
 Не снималъ съ себя оружія,
 Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
 Всюду пролеталъ съ побѣдою,
 Міръ крещеный потопилъ въ крови,
 Не щадилъ и некрещенаго,
 И въ ничтожество низверженный
 Александромъ, грознымъ ангеломъ,
 Жизнь проводитъ въ униженіи,
 И забытый всѣми, кличется
 Нынѣ Эльбы императоромъ....
 Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей соввы
 (Безбородыхъ не любилъ Додонь).
 На престолъ пригорюнившись.
 Произнесъ онъ пѣть такую рѣчь:

Вы, когорые соввами
 Облегчали тяжесть спшегра.
 Услаждали участь царскую
 (Не горька она была ему).
 Мудрые друзья, сподвижники!
 Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся:
 Что мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайте.

Всѣ привсгали, важно смурися.
 Низко, низко поклонилися
 И поправи усь и бороду.
 Съли на скамьи дубовыя.

Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонь.
 Что искусствомъ и неправдою
 Я достигъ престола шагкаго
 Бендокира слабоумнаго:
 Сочетался съ Милитресою,
 Милой женкой Бендокировой.
 И въ темницу посадилъ Бову.
 Принца крови, сына царскаго.
 Легче, легче захватить было
 Слабоумнаго златой вѣнецъ.
 Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,
 За собою удержатъ его.
 Богъ уже народъ безмысленный,
 Ходя въ праздники по улицамъ.
 Межъ собой не разъ говаривалъ:
 —Дай Богъ помочь королевичу;
 Въдь Бова уже не маленькой,
 Не въ отца своей головушкой.—
 Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою,

Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
 Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?»

Все собранье призадумалось,
 Всѣ въ молчаньи потупили взоръ.
 То-то право золотой Совѣтъ:
 Не болтали здѣсь, а думали.
 Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
 Ротъ открылъ-было (совѣтовать
 Знать хотѣлось посѣдѣлому),
 Громко крикнулъ, но одумался,
 И въ молчаньи закусилъ языкъ.
 Ко лбу персть приставя тщательно,
 Лекаръ славный, Эскулапа внукъ,
 Эзельдорфъ, обритый весь, зѣвалъ,
 Табакеркою поскрипывалъ,
 Но молчалъ; своей премудрости
 Онъ предъ всѣми не показывалъ.
 Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
 Стражи трона, славны рыцари,
 Всѣ сидѣли будто вкопаны.
 Громобуръ, извѣстный силою,
 Но умомъ непроницательный,
 Думалъ, думалъ и нечаянно
 Задремалъ и захрапѣлъ въ углу.
 Что примѣра лучше дѣйствуетъ,
 Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
 Вотъ зѣвнули подъ перчаткою
 Храбрый Мирозоръ съ Ивашкою,
 И Полканъ, и Арзаморъ съдой,
 И ко груди приклонилися
 Тихо головами буйными.
 Глядь—съ Додономъ задремалъ совѣтъ,
 Захрапѣли многомыслящи!

Долго бѣ спать было совѣтникамъ,
 Если бѣ вѣмцу не пришло съ рукъ

Табакерку на полъ выронить.
 Табакерка покатилася
 И о шпору вдругъ ударилась
 Громобуря, крѣпко спавшаго,
 Загремѣла, раздвоилася.
 Отлетѣла въ разны стороны.
 Храбрый воинъ пробуждается,
 Озираетъ все собраніе;
 Между тѣмъ табакъ разсыпался,
 Къ носу рыцаря подѣмлется,
 И чихнулъ герой съ досадою,
 Такъ, что своды потрясаются
 Окны все дрожатъ и сыплются,
 И на петляхъ двери хлопаютъ;
 Пробуждается собраніе.

«Что тутъ думать, закричалъ герой;
 Царь! Бова тебѣ не надобенъ,
 Ну, и къ чорту королевича!
 Рѣшено—ему въ живыхъ не быть.
 Послѣ, братцы, вы разсудите,
 Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.»
 Тѣмъ и кончилъ: храбры воины
 Рѣчи любятъ закончески.

«Ладно, мы тебя послушаемъ!
 Царь промолвилъ протянувшись;
 Завтра, други, мы увидимся,
 А теперъ ступайте все домой.»

Оплошалъ Додонъ отсрочкою;
 Не твердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ:
 «Не откладывай до завтраго,
 Что сегодня можешь выполнить.»
 Разошлись все придворные.
 Ночь межъ тѣмъ ужс сгущалася;

Царь Додонъ въ постелю царскую
 Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
 Съ несравненной Милитрисою.
 Къ ней спиною повернувшись:
 Въ эту ночь его величеству
 Не играть, а спать хотѣлося.

Милитрисина служаночка,
 Зоя, молодая дѣвица
 (Ангель станомъ, взоромъ, личикомъ,
 Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою),
 Съ госпожи снявъ платье шолково,
 Юбку, чепчикъ, ленты, кружева,
 Все подъ ключъ въ комодъ спрятала
 И пошла тихонько въ дѣвичью.
 Тамъ она сама раздѣлася,
 Подняла съ трудомъ окошечко,
 И легла въ постель пуховую,
 Ожидая друга милаго,
 Свѣтозара, пажа царскаго:
 Къ темной ночкѣ общался онъ
 Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.
 Ждетъ, пождетъ дѣвица красная—
 Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
 Чу... бьетъ полночь; что же Зоиньга?
 Видигъ: входитъ къ ней въ окошечко—
 Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго?
 Нѣтъ, совсѣмъ не то, читатели!
 Видитъ Зоя привидѣніе:
 Старичишка съ длинной шапкою,
 Въ балахонѣ вмѣсто мантии,
 Опоясанный мочалкою,
 Видъ противный, глазъ на выкатъ,
 Ротъ разинуть, зубы скалятся,
 Уши длинныя, ослиныя
 Надъ плечами громко хлопаютъ. .

Зоя смотритъ и со трепетомъ
Узнаетъ она. читатели.
Бендокира слабоумнаго.

Трепетна, смятенья полная.
Сгала на колѣни Зоинья.
Съединила ручку съ ручкою.
Потушила очи ясныя.
Прочитала скорымъ шепотомъ
Отче нашъ и Богородицу.
И тихохонько промолвила:
Что я вижу? Боже! Господи!
О Никола, Савва мученикъ.
Освѣните беззащитную!
Ты ли это, царь нашъ, батюшка?
Отчего, скажи, оставилъ ты
Нынѣ царствіе небесное?
Страннымъ смѣломъ освѣтившися.
Тѣнь рекла прекрасной Зоинья:
«Зоя, Зоя! не страшись, мой свѣтъ!
Не пугать тебя мнѣ хочется,
Не на то сюда явился я
Съ того свѣта привидѣніемъ.
Весело пугать живыхъ людей;
Но могу ли веселиться я.
Если сына Бендокирова,
Милаго Бову царевича,
На костръ изжарятъ завтра же?»

Бѣдный царь заплакалъ жалобно;
Больно стало доброй дѣвушкѣ.
— Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
Я во всемъ тебѣ покорствую.

«Вотъ что хочется мнѣ, Зоинья:
Изъ темницы сына выручи,

И сама въ жилище мрачное
 Сядь на мѣсто королевича;
 Пострадай ты за невиннаго;
 Поклонюсь тебѣ низехонько
 И скажу: спасибо, Зопнѣйка!»

Зопнѣйка тутъ призадумалась;
 Это жестко ей казалось;
 Но имѣя чувства нѣжныя,
 Зоя втайнѣ согласилась
 На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракуль Франціи,
 Говоря, что жены, слабыя
 Противъ стрѣль Эрота юнаго,
 Всѣ имѣютъ душу добрую,
 Сердце нѣжно-непритворное!

— Но скажи, о царь возлюбленный!
 Зоя молвила покойнику,
 Какъ могу—ну, посуди ты самъ —
 Пренестись въ темницу мрачную,
 Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ?
 Пятьдесятъ отборныхъ вошновъ
 Днемъ и ночью стерегутъ его.
 Мнѣ ли, слабой, робкой женщиной,
 Обмануть ихъ очи зоркія?

«Будь спокойна, случай найдется;
 Поклянись лишь только, милая,
 Не отвергнуть сего случая,
 Если самъ тебѣ представится.»
 — Я клянусь! сказала дѣвпца.
 Вмигъ исчезло привидѣніе,
 Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
 Воздыхая тихо, Зопнѣйка

Опустила тутъ окошечко,
 И въ постели успокоившись,
 Скоро, скоро сномъ забылася.....

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
 Надъ мрачной Эльбою носилась тишина.
 Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала

Туманная луна;

Уже на западѣ, съдой одѣтый мглою,
 Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ
 Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалою

Сидѣлъ Наполеонъ.

Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
 Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ.
 И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый

Свирѣпо прошепталъ:

«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
 Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
 Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
 Ни гладный звѣрь не взвостъ надъ могилой.
 Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ....

О, скоро ли, напѣваясь подъ рулями,
 Меня помчитъ покорная волна,
 И спящихъ водъ прервется тишина?...

Волнуйся ночь надъ эльбскими скалами,
 Мрачнѣе тьмись за тучами, луна!

Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;

Уже сошлись, уже сомнѣнуты въ строй!

Ужъ міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!

Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,

И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами,

Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
 Крoвавый токъ въ долинахъ закипитъ,
 И троны въ прахъ низвергну я громами,
 И сокрушу Европы дивный щитъ!...
 Но вдругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
 Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
 Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
 Ни гладный звѣрь не вззоетъ надъ могилой—
 Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ....

О счастье! злобный оболъститель!

И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,
 Средь бурей тайный мой хранитель
 И вѣрный пестунъ съ юныхъ дней!
 Давно ль невидимой стезею
 Меня ко трону ты вело,
 И скрыло дерзостной рукою
 Въ вѣнцахъ лавровое чело!
 Давно ли съ трепетомъ народы
 Несли мнѣ робко дань свободы,
 Знамена чести преклоня;
 Дымлились громаы вокругъ меня,
 И слава въ блескѣ надъ главою
 Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...

Но туча грозная нависла надъ Москвою,

И грянулъ мести громъ!...

Полнощи царь молодой, ты двигнулъ ополченья—
 И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
 Отозвалось могущаго паденье,
 И миръ землѣ, и радость небесамъ,
 А мнѣ—позоръ и заточенье!
 И раздробленъ мой звонкій щитъ,
 Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,
 Въ прибрежномъ знакѣ мечъ забыть
 И тускнетъ на туманѣ.

И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
 Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье,

И стукъ блистающихъ мечей,
И падшихъ ярое стенанье.

Лишь плещущимъ волнамъ выпраетъ жадный слухъ:
Умолкъ сражений кликъ знакомый,
Вражды кровавой гаснутъ громы
И факель мщенія потухъ,

Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая!
Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
Кругомъ простерта мгла густая,
И взоромъ гибели сверкая,

Блѣднѣющей мятежъ на палубѣ сидитъ.
Страшнись. о Галлія! Европа, мщенье, мщенье!
Рыдай! твой бичъ возсталъ—и все падетъ во прахъ.
Все гибнетъ—и тогда, въ всеобщемъ разрушенъ.
Царемъ возоюду на гробахъ!

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливалъ,
Восточная звѣзда играла въ океанъ,
И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманъ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ свалъ.

И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари.
Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою.
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло... трепещи! Погибель надъ тобою
И жребій твой еще сокрытъ!

ЛИЦИНИЮ.

Лицивій, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчаный лаврами, въ блестящей багрянницѣ,
Снѣсно развалиясь, Ветулій молодой

Въ толпу народную летитъ по мостовой?
 Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонять;
 Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонять!
 Лъстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
 Умильно вслѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ;
 Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
 Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
 И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,
 Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
 Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
 Есть нѣкій памятникъ почетный и священный.
 О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
 Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
 Квириты гордые подъ иго преклонились.
 Кому жъ, о небеса, кому поработились!
 (Скажу ль?) Ветулію! Огчизны стыдъ моей,
 Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
 Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ править,
 На Римъ простеръ яремъ, отечество безславить;
 Ветулій римлянъ царь!... О стыдъ, о времена!
 Или вселенная на гибель предана?
 Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою.
 Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
 Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
 Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ?
 «Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
 Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.»
 Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
 Смиренно поклонясь Фортунѣ и мечтамъ,
 Съдаго циника примѣромъ научиться?
 Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься,
 Гдѣ все продажное; законы, правота,
 И консулъ, трибунъ, и честь, и красота?
 Пускай Глшцѣрія, красавица младая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,

Неопытность другихъ въ наемну ловить сътъ!
 Намъ стыдно слабости, съ морщинами. имтъ;
 Тщеславной юности оставимъ блескъ веселіѣ:
 Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ Корнелій,
 Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
 Отъ знатныхъ къ богачамъ ползуть изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
 Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
 Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары.
 Въ деревню пренесемъ отеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
 Найти не трудно намъ укромный. свѣтлый домъ,
 Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
 Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
 И тамъ расположась въ уютномъ уголкѣ.
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
 Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ.
 Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ.
 Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
 И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
 О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
 Придетъ ужасный день. день мщенья, наказанья.
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падеть, падеть во прахъ вселенныя вѣнецъ.
 Народы юные. сыны свирѣпой брани,
 Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,
 И горы, и моря оставлятъ за собой
 И хлынутъ на тебя кипящую рѣкой.
 Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокой;
 И путникъ, устремивъ на груды камней око,
 Восклицнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
 «Свободой Римъ возросъ. а рабствомъ погубленъ.»

КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ

ГАЛИЧУ.

Пускай угрюмый рюмотворъ,
 Повптый чакомъ и крапивою,
 Холодныхъ одъ творецъ ретивой,
 На скучный ладъ сплетая вздоръ,
 Зоветъ обѣдать генерала;
 О Галичъ, вѣрный другъ бокала
 И жирныхъ утреннихъ шировъ,
 Тебя зову, мудрецъ лѣнивой,
 Въ пріютъ поэзіи счастливой,
 Подъ отдаленный нѣги кровъ!
 Давно въ моемъ уединеніи,
 Въ кругу бутылокъ и друзей,
 Не зрѣли кружки мы твоей,
 Подруги долгихъ наслажденій,
 Остротъ и хохота гостей.
 Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
 Садись на тройку злыхъ коней,
 Оставь Петрополь и заботы,
 Лети въ счастливый городокъ,
 Зайди къ жиду Золотареву,¹
 Въ его всѣмъ общій уголокъ;
 Мы тамъ, собравшись въ кружокъ,
 Прольемъ вина струю багрову,
 И съ громомъ двери на замокъ
 Запретъ веселье молодое.
 И хлынетъ пиво золотое,
 И гордый на столъ пирогъ
 Друзей стѣсненными рядами,
 Сверкая свѣтлыми ножами,
 Съ тобою храбро осадимъ,

¹ Матвѣй Алексѣевичъ—лицейскій экономъ.

И мигомъ стѣны разгромимъ:
 Когда жъ. виномъ отягощенный,
 Съ главою въ колѣни преклоненной,
 Захочешь въ мирѣ отдохнуть,
 И вдругъ, спускаясь на подушку,
 Дабы спокойнѣе заснуть,
 Уронишь налитую кружку
 На старый, бархатный диванъ,
 Тогда посланія, куплеты,
 Баллады, басенки, сонеты
 Покинутъ скромный нашъ карманъ.
 И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!...
 Но рюмокъ звонъ тебя разбудитъ.
 Ты вѣчношь съ бодрой головой,
 Оставишь смятую подушку.
 Подымешь милую подружку —
 И въ кельѣ снова прирѣ горой.

О Галичъ! время неозвратно.
 И близокъ, близокъ грозный часъ!
 Когда, слыша славы гласъ.
 Покину кельи кровъ пріятной.
 Татарскій сброшу свой халатъ.
 Простите, дѣвственныя музы!
 Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
 Надѣну узкія рейтузы.
 Завью въ колечки гордый усь.
 Заблещетъ пара эпалетовъ,
 И я, питомецъ важныхъ музъ.
 Въ числѣ воюющихъ корнеговъ!
 О Галичъ, Галичъ, поспѣшай!
 Тебя зовутъ и сонъ лѣливый,
 И другъ ни скромный, ни спѣсивый,
 И кубокъ, полный черезъ край!

— —

СТАРИКЪ.

[изъ марога].

Ужъ и не тотъ любовникъ страстной,
 Кому дивился прежде свѣтъ:
 Мои весна и лѣто красно
 Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
 Амуръ, богъ возраста младаго!
 Я твой служитель вѣрный былъ;
 Ахъ, если бь могъ родиться снова,
 Ужъ такъ ли бь я тебѣ служилъ!

КЪ ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Любезный именникъ,
 О Пущинъ дорогой!
 Прибрелъ къ тебѣ пустынникъ
 Съ открытою душой.
 Съ пришельцемъ обнимся,
 Но добраго пѣвца
 Встрѣчать не суетися
 Съ параднаго крыльца:
 Онъ гость безъ этикета.
 Не требуетъ привѣта
 Лукавой суеты.
 Прими жь его лобзанья
 И чистыя желанья
 Сердечной простоты!
 Устрой гостямъ пирушку.
 На столикъ вощаной
 Поставь пивную кружку
 И кубокъ пуншевой.
 Старинный собутыльникъ.
 Забудемся на часъ!

Пускай ума свѣтильникъ
 Погаснетъ нынѣ въ насъ.
 Пускай старикъ крылатый
 Летитъ на почтовыхъ!
 Намъ дорогъ мигъ утрагы
 Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный!
 Въ спокойствіи златомъ
 Течетъ твой вѣкъ безпечный.
 Проходитъ день за днемъ.
 И ты въ бесѣдѣ грацій,
 Не зная черныхъ бѣдъ.
 Живешь какъ жилъ Горацій.
 Хотя и не поэтъ.
 Подъ кровомъ небогатымъ
 Ты вовсе незнакомъ
 Съ зловѣщимъ Иппократомъ.
 Съ нахмуреннымъ попомъ;
 Не видишь у порогу
 Толпящихся заботъ;
 Нашли къ тебѣ дорогу
 Веселость и Эротъ;
 Ты любишь звонъ стакановъ
 И трубы дымъ густой,
 И демонъ метромановъ
 Не властвуетъ тобой.
 Ты счастливъ въ этой долѣ —
 Скажи, чего же болѣ
 Мнѣ другу пожелать?
 Придется замолчать....

Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями
 Встрѣчая сотый май,
 Покрытый сѣдинами,
 Сказалъ тебѣ стихами:

«Вотъ кубокъ, наливай!
 Веселье, будь до гроба
 Сопутникъ вѣрный нашъ,
 И пусть умремъ мы оба
 При стукѣ полныхъ чашъ!»

(4 мая 1815).

КЪ БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Геликона
 Я вѣкогда рожденъ;
 Во имя Аполлона
 Тибуллою окрещенъ,
 И свѣтлой Пшокреной
 Съ издѣтства напоенный,
 Подъ кровомъ вешнихъ розъ
 Поэтомъ я возросъ.

Веселый сынъ Эрмія
 Ребенка полюбилъ,
 Въ дни рѣзвости златыя
 Мнѣ дудку подарилъ.
 Знакомая съ нею, рано
 Дудилъ я безпрестанно;
 Нескладно хотъ игралъ,
 Но музамъ не скучалъ.

А ты, пѣвецъ забавы,
 И другъ пермесскихъ дѣвъ,
 Ты хочешь, чтобы славы
 Стезею полетѣвъ,
 Простаясь съ Анакреономъ,
 Спѣшилъ я за Марономъ,
 И пѣлъ при звукахъ лиръ
 Войны кровавый пиръ.

Дано мнѣ мало Фебомъ:
 Охота—скудный даръ:
 Пою подъ чуждымъ небомъ.
 Вдали домашнихъ ларъ.
 И съ дерзостнымъ Икаромъ
 Страшась летать, не даромъ
 Бреду своимъ путемъ:
 «Будь всякій при своемъ .

ВОДА И ВІНО.

Люблю я въ полдень воспаленной
 Прохладу черпать изъ ручья,
 И въ рощѣ тихой, отдаленной
 Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя.
 Когда жъ вино въ края поскачетъ.
 Напѣвнясь въ чашѣ круговой,
 Друзья, скажите—кто не плачетъ,
 Заранѣ радуясь душой?

Да будетъ проклятъ дерзновенный,
 Кто первый грѣшною рукой,
 Нечестьемъ буйнымъ ослѣпленный,
 О страхъ, смѣсилъ вино съ водой!
 Да будетъ проклятъ родъ злодѣя!
 Пускай не въ силахъ будетъ пить,
 Или стаканами владѣя,
 Ляфитъ съ цымлянскимъ различить.

ПОГРЕБЪ.

О сжальтесь надо мною,
 Товарищи, друзья!
 Красоткой удалю
 Въ конецъ измучень я!

Всечастно я тоскую;
Горька моя судьба!
Несите жъ круговую,
Откройте погреба.

Тамъ, тамъ по льду хранится
Бутылокъ гордый строй,
И портера таится
Боченокъ выпивной.

Нашъ Либеръ, заикаясь,
Къ нему покажетъ путь:
Пойдемте всѣ, шатаясь,
Подъ бочками заснуть!

Въ нихъ сердца утѣшенье,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.

ВОСПОМНАНІЕ.

[къ пушину].

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ,
Мы тонули горе наше
Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?

Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво,
Школьной стражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пушневыхъ,

Рюмокъ грустное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!...
Вдругъ педанта гласъ ужасной
Намъ послышался вдали:

И бутылки вмгъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.

Убѣгаемъ торопливо...
Вмгъ исчезъ минутный страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,

Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижный, тусклый взоръ --
Измѣняли чадъ похмѣлья,
Сладкій Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безпечны.
Поминать его виномъ.

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
На холмѣ тьма сѣдѣть,
На воды пала тишина,
Съ долины вѣтеръ вѣтъ;
Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынь темной роши,

Стада почилы средь полей,
И тихъ полеть полнощи.

И мирной вѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ,
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья.

И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны.
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской,
Мечтаньемъ вдохновенной,
Летаетъ рѣзвою рукой
На лрѣ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья!
Ему Зевесъ надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,

И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пускай удара въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ.
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ.
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый—
Прелестна сердцу тишина:
Нейду, нейду за славой.

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно:
Дана мнѣ лира отъ боговъ.
Поэту даръ безцѣнной:
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью.
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей молодой
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправляя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Плѣняйте умъ... обманомъ,

И милой жизни свѣтлу даль
Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будетъ поздній часъ;
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней!..»
Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
Приходитъ къ мирной сѣни,
Вънчаннй макомъ, и склоненъ
На посохъ томной лѣни...

КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ

ГОРЧАКОВУ.

Пускай не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пѣтухами,
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пѣть пустаго не умѣю
Высоко, тонко и хитро,
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гуслиное перо!
Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить;
Что прибыли соваться въ воду.
Сначала не спросившись броду,
И вслѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи на именины!

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
 Желать отъ чиста сердца другу?
 Глубоку ль старость, милый князь,
 Дѣтей, любезную супругу,
 Или богатства, громкихъ дней,
 Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
 Не пожелать ли, чтобы славой
 Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой,
 Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
 Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ,
 И чтобъ побѣда за тобою,
 Какъ древле Невскому герою,
 Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?
 Не сладострастія поэтъ
 Такою пѣсенкой поздравить...
 Онъ лучше музъ на вѣкъ оставитъ...
 Дай богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
 Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
 Провелъ межъ Вакха и Амура!
 А тамъ, когда стигійскій брегъ
 Мелькнетъ въ туманномъ отдаленіи,
 Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеніи
 Ты съ томной сладостью въ очахъ,
 Изъ рукъ младаго Купидона,
 Вступая въ мрачный чельмъ Харона,
 Уснулъ... Элены на грудяхъ!

(30 августа).

ПОСЛАНИЕ КЪ ГАЛІЧУ.

Гдѣ ты, лѣнпвецъ мой.
 Любовникъ наслажденья?
 Ужель уединенья
 Не миль тебѣ покой?
 Ужели мнѣ съ тобой
 Лишь помощью бумаги

Минуты провождать,
 И больше не видать
 Парнасскаго бродяги?
 На Пиндѣ мой сосѣдъ.
 И ты отъ музъ укрылся;
 Минутный домосѣдъ,
 Съ пенатами простился.
 Ужъ темный уголокъ
 И садикъ опустѣли,
 Гдѣ мы подвечерокъ
 За рюмками шумѣли.
 Гдѣ Комъ насъ угощать
 Форелью, пирогами,
 И пѣнистый бокаль
 Намъ Бахусъ подавалъ.
 Бѣгутъ ужъ дни за днями
 Безъ дружескихъ собраній;
 Веселыхъ пированій
 Веселые сыны
 Съ тобой разлучены;
 И шумныя бесѣды
 И долгіе обѣды
 Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
 Вечерней тишиной,
 Хочу, мудрецъ любезной,
 Бесѣдовать съ тобой.
 Ужъ темна ночь объемлетъ
 Брега спокойныхъ водъ,
 Мурлыча въ кельѣ дремлетъ
 Спѣсивый, старый котъ.
 Покамѣстъ сонъ прелестной,
 Подъ сѣнью тихихъ крылъ,
 Въ обители безвѣстной
 Меня не усыпиль,

Морфея въ ожиданьи
Въ постели я лежу.
И бѣглое посланье.
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Гдѣ Фебовы сестрицы,
Мнѣ съ нѣгой вьютъ досугъ —
Скажи — среди столицы
Чѣмъ занять ты, мой другъ?
Ужель пріютъ поэта
Теперь средь вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей,
И ближнихъ, и друзей?
Ужель въ театрѣ шумномъ,
Гдѣ дюжій Аполлонъ
Нартеромъ полуумнымъ
Прославленъ, оглушенъ,
Измученный напѣвомъ
Безсмысленныхъ стиховъ.
Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?
Или — мудрецъ придворный —
Съ улыбкою притворной
Предъ лентою цвѣтной
Поникнувъ головой,
Съ вертушкою слѣпой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаешь?...
Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
Поклону ты не сроденъ.
Другъ мудрости прямой —
Правдивъ и благороденъ;

Онъ любитъ тишину,
Судьбѣ своей послушной,
На барскую казну
Взираетъ равнодушно,
Рублимъ откупщика
Смѣясь веселымъ часомъ,
Не сниметъ колпака
Философъ предъ Мидасомъ.
Пускай не друженъ онъ
Съ Фортуною коварной,
Но Ваххомъ награжденъ
Философъ благодарной.
Когда сей богъ молодой.
Вечернею порой,
Ляфитъ и трогъ янтарный
Съ улыбкой на устахъ
Въ стеклѣ ему подноситъ
И каплю выпить проситъ,
Качаясь на ногахъ,
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведетъ,
И дружба молодая
Въяки ему плететь.
И счастливъ онъ, признайся,
На дѣлѣ, не въ мечтахъ.
Когда минуты мчатся
Веселья на крылахъ,
Когда друзья-поэты
Съ утра до ночи съ нимъ
Шумятъ, поютъ куплеты,
Пьютъ мозель разогрѣтый.
Пріятелямъ своимъ
Посланія читаютъ,
И трубку разжигаютъ
Безрѣшимымъ ликимъ!

Оставь же городъ скучной,
 Съ друзьями съединись.
 И съ ними неразлучно
 Въ пустынь оживись.

Бѣги, бѣги столицы.
 О Галичъ мой! сюда.
 Гдѣ розовой денницы
 Не видя никогда,
 Лѣнясь подъ одѣяломъ.
 Съ тибурскимъ мудрецомъ.
 Мы часто за бокаломъ
 Проснемся — и заснемъ.
 Смотри, тебѣ въ награду
 Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ.
 Несетъ свою балладу.
 И стансы винограду.
 И къ Лилин куплетъ —
 И полонъ становится
 Твой малый, тѣсный домъ:
 Вотъ съ милымъ острякомъ
 Нашъ пѣсельникъ тащится
 По лѣстницѣ съ гудкомъ.
 И всѣ къ тебѣ нагрянемъ —
 И снова каждый день
 Стихами, прозой станемъ
 Мы гнать печали твѣ.
 Подруги молоды
 Насъ будутъ посѣщать:
 Намъ жизни дни златыя
 Не страшно расточать.
 Подѣлимся съ забавой
 Мы вѣкомъ остальнымъ,
 Съ волшебницею-славой
 И съ Вакхомъ молодымъ.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, музъ невинныхъ
 Лукавый духовникъ:
 Жилецъ полей пустынныхъ
 Поэтовъ грѣшный ликъ
 Умножилъ я собою,
 И я главой поникъ
 Предъ милою мечтою.
 Мой дядюшка-поэтъ
 На то мнѣ далъ совѣтъ
 И съ музами сосваталъ.
 Сначала я шалить,
 Шутя стихи кроить,
 А тамъ ихъ напечаталъ —
 И вотъ теперь я братъ
 Тому, сему, другому,
 Безтолкову, Пустому.
 Да я жъ и виноватъ,
 Да ты же мнѣ въ досаду
 (Что скажетъ бѣлый свѣтъ?)
 Стихами до надсаду
 Жужжишь Цкару вслѣдъ:
 Смотрите, вотъ поэтъ!... ›
 Спасибо за посланье;
 Но что мнѣ пользы въ немъ?
 На грѣшника потомъ
 Вѣдь стануть, въ посмѣянье,
 Указывать перстомъ.
 Когда бъ подобны были
 Моимъ твои стихи,
 То скоро бъ все забыли,
 Что Пушкинъ за грѣхи
 Въ поэзію влюбился

И ходитъ на Парнасъ,
 Покою поклонился
 И пишетъ въ добрый часъ.

Измѣнникъ! съ Аполлономъ
 Ты, видно, заодно;
 И мнѣ прослать Прадономъ
 Отнынѣ суждено.
 Увы мнѣ, метроману!
 Куда сокроюсь я?
 Вездѣ бѣды застану:
 Предатели-друзья
 Невинное творенье
 Украдкой въ городъ шлютъ
 И плодъ уединенья
 Тисненью предають—
 Бумагу уѣбвають.
 Поэта окружають
 Съ улыбкой остряки:
 «Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
 Вы пишете стишки?
 Увидѣть ихъ нельзя ли?
 Вы въ нихъ изображали
 Конечно ручейки,
 Конечно васплѣчекъ,
 Пль тихой вѣтерочекъ.
 И рощи, и цвѣтки...»

О Дельвигъ! начертали
 Мнѣ музы мой удѣлъ;
 Но ты ль мои печали
 Умножить захотѣлъ?
 Въ объятіяхъ Морфея
 Безпечный духъ лелѣя.
 Еще хоть годъ одинъ
 Позволь мнѣ полѣниться

И вѣгой насладиться:
 Я право вѣги сынъ!
 А тамъ, хоть вѣтъ охоты,
 Но придуть ужъ заботы
 Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
 Я буду принужденъ
 Съ журналами сражаться.
 Съ газетой торговаться,
 Съ Графовымъ восхищаться...
 Помилуй, Аполлонъ!

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
 Постой, кричалъ, прелестная, постой!
 Скажи люблю—и бѣгать за тобой
 Не стану я, клянуся въ томъ Кипридой.
 «Молчи, молчи!» разсудокъ говорилъ.
 А плуть Эротъ: «скажи, ты сердцу милъ!»

Ты сердцу милъ! пастушка повторила,
 И ихъ сердца огнемъ любви зажглись.
 И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ;
 И страстный взоръ Дорида потупила!
 «Бѣги, бѣги!» разсудокъ ей твердилъ.
 А плуть Эротъ: «останься!» говорилъ.

Осталася, и трепетной рукою
 Взявъ руку ей счастливый пастушокъ;
 Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ
 Тамъ обнялись подъ тѣнью липъ густою!
 «Бѣги, бѣги!» разсудокъ повторилъ;
 «Учись отъ нихъ!» Эротъ ей говорилъ.

И вѣжная улыбка пробѣжала
 Красавицы на пламенныхъ устахъ,

И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
 Къ любезному въ объятія упала...
 «Будь счастлива!» Эротъ ей прошепталъ;
 Разсудокъ что жъ? Разсудокъ ужъ молчалъ.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за лѣсомъ горя,
 Вечерняя тихо потухла заря;
 Безмолвна долина глухая.
 Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
 Лѣвивой грядою плутъ облака;
 Межъ ними луна золотая.

Чугунныя латы на холмѣ лежатъ,
 Копье раздробленно, въ перчаткѣ булатъ.
 И щитъ подъ шоломомъ заржавымъ:
 Вонзилися шпоры въ увлажненный мохъ.
 Лежатъ неподвижно—и мѣсяца рогъ
 Надъ ними въ блистаньи кровавомъ.

Вкругъ холма обходить другъ спянаго, конь:
 Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
 Онъ бранную голову клонить.
 Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
 И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ,
 И дико трепещетъ и стонетъ.

Во тьмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
 Съ надеждою робость онъ въ сердцѣ несетъ.
 Склонясь надъ дорожной вьюкою.
 На холмъ онъ взобрался, и въ тусклую даль
 Онъ смотритъ, и сходить, и звонкую сталь
 Толкаетъ усталой ногою.

Хладѣетъ пришелецъ: кольчуги звучать,
 Погибшаго грозно въ нихъ кости стучать,

По камнямъ шеломя покатился,
 Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ глухомъ
 Заржалъ конь ретивый; скокъ лѣтомъ на холмъ,
 Взглянулъ—и главою склонился.

Ужъ путникъ далече въ тьмѣ бродить ночной,
 Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой;
 Но утро денница выводитъ—
 Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
 И латы недвижны, и шлемъ не стучить,
 И конь вокругъ погибшаго ходитъ.

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

[друзьямъ].

Хочу я завтра умереть
 И въ міръ волшебный наслажденья.
 На тихій берегъ водъ забвенья,
 Веселой тѣнью полетѣть.
 Прости навѣкъ очарованье,
 Отрада жизни и любви!
 Приблизьтесь, о друзья мои!
 Благоговѣнье и вниманье!
 Пивецъ рѣшился умереть.
 И такъ, съ вечернею луною,
 Въ саду нельзя ли дернъ одѣть
 Узорной бѣлой пеленою?
 На темный берегъ сонныхъ водъ,
 Гдѣ мы вели бесѣды наши.
 Нельзя ль, устроивъ длинный ходъ.
 Пести наполненные чаши?
 Зовите на послѣдній пиръ
 Спѣсивой Семелен сына,
 Эрота, друга нашихъ лиръ,
 Боговъ и смертныхъ властелина.

Пускай веселье прибѣжитъ,
 Махая рѣвою гремушкой,
 И насъ отъ сердца размѣнитъ
 За полной, пѣнистою кружкой;
 Пускай игривою толпой
 Слетятъ родныя наши музы:
 Имъ первый кубокъ круговой:
 Друзья, священны намъ ихъ узы!
 До ранней утренней звѣзды.
 До тихаго лучей разсвѣта,
 Не выйдутъ изъ руки поэта
 Фіалы братской череды.
 Въ послѣдній разъ мою цѣвницу.
 Мечтаній сладостныхъ пѣвицу.
 Прижму къ восторженной груди:
 Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно.
 Не вспомню вѣчность и друзей;
 Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
 Упьюсь отрадой юныхъ дней!
 Когда жъ востокъ озолотится
 Во тѣмѣ денницей молодой.
 И бѣлый тополь озарится,
 Покрытый утренней росой —
 Подайте гроздь Анакреона:
 Онъ былъ учителемъ моимъ,
 И я сойду путемъ однимъ
 На грустный берегъ Ахерона...
 Простите, млые друзья!
 Подайте руку до свиданья.
 И дайте, дайте обѣщанье:
 Когда навѣкъ укроюсь я.
 Мое исполнить завѣщанье.
 Приди, пѣвецъ мой дорогой.
 Воспѣвшій Вакха и Темиру!
 Тебѣ дарю и лѣнь и лиру:
 Да будутъ музы надъ тобой!

Ты не забудешь дружбы нашей,
 О Пущинъ, вѣтреный мудрецъ!
 Прими съ моей глубокой чапелъ
 Увядшій миртовый вѣнецъ.
 Друзья! вамъ сердце оставляю
 И память прошлыхъ красныхъ дней;
 Мои подругамъ завѣщаю
 Воспоминаніе ночей,
 Утраченныхъ у ногъ Венеры
 Въ лѣсахъ веселія Цитеры.
 Окованныхъ счастливой лѣнью
 На ложѣ маковъ и лилей.
 Мои стихи дарю забвенью.
 Последний вздохъ, о други—ей!...
 На тихій праздникъ погребенья
 Я васъ обязанъ пригласить.
 Веселость, другъ уединенья,
 Билеты будетъ разносить.
 Стекитесь рѣзвою толпою,
 Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;
 И пусть на гробѣ, гдѣ пѣвецъ
 Исчезнетъ въ рощахъ Геникова,
 Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
 «Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ,
 Пнгомецъ нѣтъ и Аполлона.»

К. П. БАКУНИНОЙ.

И такъ я счастливъ былъ, и такъ я наслаждался.
 Отрадой тихою, восторгомъ упивался!...
 И гдѣ веселья быстрый день?
 Промчался лѣтомъ сповидѣнья,
 Увяла прелесть наслажденья
 И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!...

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

[изъ пачки].

Дитя харитъ, воображенья!
 Въ порывѣ пламенной души,
 Небрежной кистью наслажденья
 Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности небесной.
 Надежды робкія черты,
 Улыбку Душеньки прелестной,
 И взоры юной красоты;

Вкругъ тонкаго Гебенъ стана
 Венеринъ поясъ повяжи:
 Сокрытой прелестью Альбана
 Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
 Накинь на трепетную грудь.
 Чтобъ и подъ пимъ она дышала,
 Хотѣла тайно бы вздохнуть;

Представь мечту любви стыдливой—
 И той, которою дышу,
 Рукой любовника счастливой
 Внизу я имя напишу.

РОЗА.

Гдѣ наша роза,
 Друзья мои?
 Увяла роза,
 Дитя зари.
 Не говори:
 Такъ вянетъ младость!

Не говори:
 Вотъ жизни радость!
 Цвѣтку скажи:
 Прости, жалю!
 И на лицею
 Намъ укажи.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

[изъ парии].

Все въ таинственномъ молчаньи;
 Холмъ одѣлся темнотою;
 Ходитъ въ облачномъ сѣнѣхъ
 Полумѣсяцъ молодой.
 Вижу: лира надъ могилой
 Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
 Лишь порою звонъ унылый,
 Будто дѣви голосъ милый,
 Въ мертвой слышится струнѣ.
 Вижу: горлица на лирѣ,
 Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
 Други, здѣсь почіе въ мирѣ
 Сладострастія мудрецъ.
 Посмотрите: на порфирѣ
 Оживилъ его рѣзецъ!
 Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
 Говоря: я съдѣ и старъ,
 Жизнью дайте жъ насладиться:
 Жизнь, увы, не вѣчный даръ!
 Здѣсь, поднявъ на лиру длани
 И нахмурия важно бровь,
 Хочетъ пѣть онъ бога брани,
 Но поетъ одну любовь.
 Здѣсь, готовая природѣ
 Долгъ послѣдній заплатить,

Старецъ пляшетъ въ хоровахъ.
 Жажду просить утолить.
 Вкругъ любовника сѣдаго
 Дѣвы скачутъ и поютъ;
 Онъ у времени скупаго
 Брадетъ нѣсколько минутъ.
 Вотъ и музы, и хариты
 Въ гробъ любимца увели:
 Плющемъ, розами увиты.
 Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
 Онъ исчезъ, какъ наслажденье.
 Какъ веселый сонъ любви.
 Смертный! вѣкъ твой привидѣнье:
 Счастье рѣзвое лови;
 Наслаждайся, наслаждайся.
 Чаще кубокъ наливай.
 Страстью пылкой утомляйся
 И за чашей отдыхай!

 НА ВОЗВРАЩЕНІЕ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА.

въ 1815 году.

Утихла брань племешъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
 Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ:
 Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ.
 На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
 Свершилось!... Русскій царь достигъ ты славной цѣли!
 Вотще надменные на родину летѣли;
 Вотще, впереди знаменъ безчисленныхъ дружинъ.
 Въ могущей дерзости, вѣнчанный исполнѣнъ
 На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
 Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою!
 Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,

И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвѣдѣлъ подъ собою.
Бѣжить... и смерти громъ слетѣлъ ему во слѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчася, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ, и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей; и гордые сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!...
Къ мечамъ! — раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!...
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной...
Я тихо расцвѣталъ безпечной, безмятежной!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,

Народы. падшіе подъ бременемъ оковъ.
 Тяжелой цѣпью съ восторгомъ потрясали
 И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
 Ужель свободны мы?.. Ужели грозный палъ?...
 Кто смѣлый, кто въ громахъ на Сѣверѣ возсталъ?...
 И ветхую главу Европа преклонила,
 Царя-спасителя колѣна окружила,
 Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
 И власть мятежная исчезла предъ тобой!...
 И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
 И край полуночи восторгомъ озарился!
 * Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
 Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
 Внемли: повсюду вѣсѣ отрадная несется,
 Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
 По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество.
 И ты среди толпы. Россіи божество!
 Встрѣчать вождя побѣдъ летягъ твоихъ дружины;
 Старикъ. счастливый вѣкъ забывъ Екатерины.
 Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
 Ты нашъ. о русскій царь! оставь же шлемъ стальной.
 И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
 Излей предъ Янусомъ священну мира чашу.
 И брани сокрушивъ могущею рукой,
 Вселенну освѣни желанной тишиной!...
 И придуть времена спокойствія златяга,
 Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленя,
 Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
 Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ.
 По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ поощренный;
 Суда летучія, торговлей окрылены,
 Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
 И юные сыны воинственныхъ славянъ
 Спокойной праздности съ досадой предадутся.
 И молча нѣкогда вокругъ старца соберутся.
 Преклонятъ жадный слухъ—и ветхимъ костылемъ

И стань, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
 На прахъ начертить онъ медленно предъ ними;
 Словами истины, свободными, простыми,
 Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разказахъ оживитъ
 И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

КЪ БАРОНЕССЪ

МАРЬЪ АНТОНОВНЪ ДЕЛЬВИГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было!
 И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
 Они прошли... Въ судьбѣ своей унылой,
 Богъ знаетъ какъ, я нынѣ сталъ поэтъ.
 Не возвратитъ уже того, что было;
 Уже я старъ, мнѣ незнакома ложь;
 Такъ вѣрьте мнѣ—мы спасены лишь вѣрой—
 Послушайте, Амуръ какъ вы хорошъ;
 Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ—
 Въ мои лѣта вы будете Венерой

Но если только буду живъ,
 Всевышней благодать Зевеса,
 И столько же краснорѣчивъ—
 Я напишу вамъ, баронесса,
 Въ латинскомъ вкусѣ мадригалъ,
 Чудесный, вовсе безъ искусства—
 Не много истинныхъ похвалъ,
 Но много истиннаго чувства.
 Скажу я: ради вашихъ глазъ,
 О баронесса! ради баловъ,
 Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
 Взгляните на меня хоть разъ
 Въ награду прежнихъ мадригаловъ.»
 Когда жъ Амуръ и Гименей
 Въ прелестной Маріи моей

Поздравить молодую даму—
 Удастся ль мнѣ подѣ старость дней
 Вамъ посвятить эпитафаму?

1815. 22 декабря.

МОЯ ЭПИТАФИЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ: онъ съ музой молодою.
 Съ любовью, лѣтностью провелъ веселый вѣкъ;
 Не дѣлалъ добраго—однако жъ былъ душою.
 Ей Богу, добрый человекъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Бывало прежнихъ лѣтъ герой.
 Окончивъ славну брань съ противной стороной,
 Повѣсилъ мечъ войны средь отческія кущи;
 А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой.
 Повѣсилъ уши.

2.

Ахъ тошно, тошно! помогите!
 Да отчего же тошно вамъ?
 Ужъ не отъ сладкаго ль, скажите?
 Такъ. такъ! отъ вашихъ эпиграммъ.

3.

НА ПРОФЕССОРА ЧЕРНЯКА.

Могу тебя измѣрить разумъ,
 Мой другъ Чернякъ!
 Ты математикъ—минусъ разумъ,
 Ты злой насмѣшникъ—плюсъ дуракъ.

1816.

—

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

КАРТИНЫ.

[ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ]

I. ПАСТУШКА.

Съ пятнадцатою весною.

Какъ липа съ зарею.

Красавица цвѣтетъ;

Все въ ней очарованье!

И томное дыханье.

И взоровъ томный свѣтъ,

И груди трепетанье,

И розы вѣжнѣй цвѣтъ —

Все юность измѣняетъ.

Ужъ Лилу не плѣняетъ

Веселый хороводъ;

Одна у сонныхъ водъ.

Въ лѣсахъ она таится.

Вздыхаетъ и томится,

И съ нею тамъ Эротъ.

Когда же, ночью темной.

Ее въ постели скромной

Застанетъ тихій сонъ,

Въ полуночномъ молчаньи.

При мѣсячномъ сіяньи.

Слетаетъ Купидонъ

Съ волшебною мечтою;

И тихую тоскою

Исполнить сердце онъ—

И Лила въ сновидѣньи

Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: о, Филонъ!

II. ПЕЩЕРА.

Кто тамъ въ пещерѣ темной
Вечернею порой.
Окованъ лѣнью томной
Покойся съ тобой?
И такъ ужъ ты вкусила
Всѣ радости любви:
Ты чувствуешь, о Пла.
Волненіе въ крови,
И съ трепетнымъ смятеньемъ,
Съ пылающимъ лицомъ.
Ты дышешь упоеньемъ
Амура подъ крыломъ.
О жертва страсти вѣжной,
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари!
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ,
И мѣсяць молчаливый
Туманный свѣтъ лѣтъ;
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ;
И вѣтры притаились,
Гдѣ царствуетъ любовь...

III. ФАВНЪ.

Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадою онъ глядитъ,
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами

Нависли два рога.
 То Фавнъ, угрюмый житель
 Лѣсовъ и горъ крутыхъ,
 Докучливый гонитель
 Пастушекъ молодыхъ.
 Любимца Купидона —
 Прекраснаго Филона
 Давно соперникъ онъ...
 Въ пріютъ сладострастья
 Онъ слышитъ вздохи счастья
 И нѣги томный стонъ.
 Въ безмолвіи несчастный
 Страданья чашу пьетъ,
 И въ ревности напрасной
 Горючи слезы льетъ.
 Но вотъ ночей царица
 Скатила за лѣса,
 И тихая денница
 Румянитъ небеса;
 Зефиры прошептали—
 И Фавнъ въ дремучій боръ
 Бѣжитъ сокрыть печали
 Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV. РѢКА.

Одна поутру Лила
 Нетвердою ногой
 Средь рощицы густой
 Задумчиво ходила.
 «О, скоро ль, мракъ ночной,
 Съ прекрасною луной
 Ты небомъ овладѣешь?
 О, скоро ль, темный лѣсъ,
 Въ туманахъ заснѣешь
 На западъ небесъ?»
 Но шорохъ за кустами

Ей слышится глухой,
 И вдругъ—сверкнулъ очами
 Предъ нею богъ лѣсной!
 Какъ вешній вѣтерочекъ,
 Летитъ она въ лѣсочекъ;
 Онъ гонится за ней—
 И трепетная Лила
 Всѣ тайны обнажила
 Младой красы своей;
 И нѣжна грудь открылась
 Лобзаньямъ вѣтерка.
 И стройная нога
 Невольно обнажилась.
 Порхая надъ травой,
 Пастушка робко дышетъ:
 Къ рѣкѣ летя стрѣлой.
 Бѣгъ Фавна за собой
 Все ближе, ближе слышитъ.
 Отчаянья полна.
 Ужъ чувствуетъ она
 Огонь его дыханья....
 Напрасны всѣ старанья:
 Ты Фавну суждена!
 Но шумная волна
 Красавицу сокрыла:
 Рѣка — ея могила....
 Нѣтъ! Лила спасена.

V. ЧУДО.

Эроты златокрылы
 И нѣжный Купидонъ
 На помощь юной Лилы
 Летятъ со всѣхъ сторовъ;
 Всѣ бросили Цитеру.
 И мирныхъ селъ Венеру
 По трепетнымъ волнамъ

Несутъ они въ пещеру —
 Любви пустынный храмъ.
 Счастливецъ былъ ужъ тамъ.
 И вотъ уже съ Филономъ
 Веселье пьетъ она,
 И страсти тихимъ стономъ
 Прервалась тишина.
 Спокойно дремлетъ Лила,
 На розахъ нѣгъ и сва,
 И лучъ свой угасила
 За облакомъ луна.

VI. ФИАЛЪ.

Повикнувъ головою,
 Несчастный богъ лѣсовъ
 Одинъ съ вечерней тьмою
 Бродилъ у береговъ:
 «Прости любовь и радость!»
 Со вздохомъ молвилъ онъ:
 «Въ печали тратишь младость
 Я рокомъ осужденъ!»
 Вдругъ изъ лѣсу румяный,
 Шатаясь, передъ нимъ
 Сатиръ явился пьяный
 Съ кувшиномъ круговымъ;
 Онъ мутными глазами
 Пути домой искалъ,
 И козыми ногами
 Едва переступалъ;
 Шелъ, шелъ, и натолкнулся
 На Фавна моего,
 Со смѣхомъ отшатнулся,
 Склонился на него....
 «Ты ль это, братъ любезной?»
 Вскричалъ Сатиръ съдой:
 «Въ какой странѣ безвѣстной

Я всгрѣгился съ тобой?
 — Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло:
 Завяли дни мои!
 Все, все мнѣ измѣнило.
 Несчастенъ я въ любви.
 <Что слышу? Огъ Амура
 Ты сграждешь и грустишь.
 Малютку-бѣдокура
 И ты боготворишь?
 Возможно ль? Такъ забвенье
 Въ кувшинѣ почернай,
 И чашу въ утѣшенье
 Наполни черезъ край!
 И пѣна засверкала
 И на краяхъ шипигъ.
 И съ перваго фіала
 Амуръ уже забытъ.

VI. ИЗМѢНА.

Кто жъ дерзостный влагвель
 Твоею красотой?
 Невѣрная, кто смѣетъ
 Пылающей рукой
 Бродить по груди сграстной.
 Томиться, воздыхать.
 И съ Лилою прекрасной
 Въ восгоргахъ умирать?
 И такъ, ты измѣнила?
 Красавица. плѣняй,
 Спѣши любить, о Лила!
 И слова измѣняй.

VIII. ОЧЕРЕДЬ.

Что, Лила, что съ тобою?
 Въ пещерной глубинѣ
 Сокрытая тоскою,
 Ты плачешь въ тишинѣ;

Грустишь уединенно,
 И свѣтъ тебѣ постыль!
 Гдѣ жъ сердца другъ безцѣнный?
 Увы, онъ измѣнилъ!
 Прошли восторги, счастье,
 Какъ съ утромъ легкій сонъ;
 Гдѣ тайны сладострастья?
 Гдѣ вѣжннй Палемонъ?
 О Лила! вянуть розы
 Минутныя любви:
 Познай же грусть и слезы,
 И нынѣ терны рви.

IX. ФИЛОСОФЪ.

Въ губительномъ стремленн
 За годомъ годъ летитъ,
 И старость въ отдаленн
 Красавицѣ грозитъ.
 Амуръ уже съ поклономъ
 Разстался съ красотой,
 И вслѣдъ за Купидономъ
 Веселья скрылся рой.
 Въ лѣсу пастушка бродитъ
 Печальна и одна:
 Кого же тамъ находитъ?
 Вдругъ Фавна зреть она.
 Философъ козлоногій
 Подъ липою лежалъ,
 И пѣнистый фіалъ,
 Вѣнкомъ украсивъ роги,
 Лѣниво осушалъ.
 Хоть Фавнъ и не находка
 Для Лилы прежнихъ лѣтъ.
 Но вздумала красотка
 Любви раскинуть сѣтъ:
 Подкралась, устремила

На Фавна томный взоръ.
 И слышалъ я, клонила
 Къ развязкѣ разговоръ.
 Но Фавнъ съ улыбкой злою.
 Напѣня свой фіалъ.
 Качая головою.
 Красавицъ сказалъ:
 «Нѣтъ, Лила! я въ покое —
 Другихъ, мой другъ, лови:
 Есть время для любви.
 Для мудрости другое.
 Бывало, и тобою
 Въ безуміи плѣнялся;
 Бывало, восхищался
 Коварной красотой,
 И сердце, твѣя страстью
 Къ тебѣ меня влекло.
 Бывало.... но, по счастью
 Что было—то прошло.

 КЪ МОРФЕЮ.

[изъ парии].

Морфей, до утра дай отраду
 Моей мучительной любви!
 Приди, задуй мою лампаду,
 Мои мечты благослови!
 Сокрой отъ памяти унылой
 Разлуки страшной приговоръ!
 Пускай увижу милый взоръ,
 Пускай услышу голосъ милой.
 Когда жъ умчится ночи мгла
 И ты мои покинешь очи.
 О, если бы душа могла
 Забыть любовь до новой ночи!

КЪ МАШѢ.

[СЕСТЬ ДЕЛЪВИГА].

Вчера мнѣ Маша приказала
 Въ куплеты рѣшмы набросать,
 И мнѣ въ награду общала
 Спасибо въ прозѣ написать.

Слѣшу исполнить приказанье.
 Года не смѣютъ погодить:
 Еще семь лѣтъ—и общанье
 Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
 Въ собраньяхъ будете сидѣть,
 И жертвуя богинѣ скуки,
 Съ воксала въ маскарадъ летѣть.

И ужъ не вспомните поэта....
 О Маша, Маша, поспѣши,
 И за четыре мнѣ куплета
 Мою награду напиши!

1816 года. Лицей.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

[изъ шиллера].

Силы чегыре,
 Соединясь,
 Жизнь образуютъ,
 Миръ создаютъ.

Влажно зернистый
 Выжми лимонъ.
 Бѣдая сила—
 Жизни зерно.

Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Ъдкой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Миръ весь объемлемъ
Тихо водой.

Примѣсю рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнию жизнь.

Только кипучій
Ключъ утолить!
Прежде, чѣмъ стихнетъ,
Черпай его!

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Пѣною парной
Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Но за кого же
Выпью вино?

Пейте за славу,
Славы друзья!
Браней забаву
Любятъ... не я.
Это веселье
Не веселитъ:

Дружбы похмѣлье
Грома бѣжитъ.

Жители неба.

Феба жрецы.
Здравіе Феба
Пейте, пѣвцы.
Рѣзвой Крѣпмены
Ласки—бѣда!
Тогъ Иппокрены—
Други, вода!

Пейте за радость
Юной любви.
Скроегся младосгъ,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Я, благодарный,
Пью за вино!

УСЫ.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

Глаза скосивъ на усъ кудривый,
Гусаръ, съ улыбкой величавой.
На палець завитки моталъ;
Мудрецъ съ обритою бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ:

Гусаръ! все тлѣнно подъ луною:
Какъ волны слѣдомъ за волною,
Проходятъ царства п вѣка.
Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
Гдѣ драмы тощія Клеона?
Умчала все временъ рѣка.

За уши усъ твой закрученный,
 Виномъ и ромомъ окропленный,
 Гордится юной красотой.
 Не знаетъ бритвы, выписною
 Онъ вѣчно лоснится сурмою,
 Расправленъ гребнемъ и рукою.

Чтобы не смять уса лихова,
 Ты къ ночи одою Хвостова
 Его тихонько обернешь,
 Въ подушку носомъ лечь не смѣнешь,
 И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь.
 И утромъ вновь его завѣешь.

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
 Въ кругу гусаровъ посядѣлыхъ
 И черноусыхъ удалцовъ,
 Веселый гость, любовникъ пылкій.
 За чье здоровье бьешь бутылки?
 Коня, красавицъ и усовъ!

Сраженья страшный часъ настанеть,
 Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
 А ты, надъ ухарскимъ сѣдомъ,
 Разсудка, памяти не тратишь,
 Сперва кудрявый усъ ухватишь,
 А саблю вѣрную потомъ.

Окованный волшебной силой,
 Наединѣ съ красоткой милой
 Ты маешься, одной рукою
 Въ восторгахъ нѣги сладострастной
 Блуждаешь по груди прекрасной,
 А грозный усъ крутишь другою.

Гордись, гусарь! но помни вѣчно.
 Что все на свѣтъ скоротечно:

Летятъ губительны часы!
 Румяны щеки пожелтѣютъ,
 И черны кудри посѣдѣютъ,
 И старость выщиплетъ усы.

Писано 8 марта 1816.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОСЛАНИЯ КЪ ЮШКОВУ.

[ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКОМУ ОФИЦЕРУ].

I.

Мнѣ видится мое селенье,
 Мое Захарово; оно
 Съ заборами—въ рѣкѣ волнистой
 Съ мостомъ и рощею тѣнистой
 Зерцаломъ водѣ отражено.
 На холмѣ домикъ мой; съ балкона
 Могу сойти въ веселый садъ,
 Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
 Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
 Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
 Возносится до небосклона,
 И глухо тополи шумятъ.....

II.

Туда зарею поспѣшаю
 Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
 Въ дѣсахъ тропинку извиваю,
 Тюльпанъ и розу поливаю,
 И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
 Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненнымъ.
 Съ Гораціемъ и Ляфонтеномъ
 Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ;
 Вблизи ручей шумитъ и скачетъ
 И мчится въ влажныхъ берегахъ

И свѣтлый токъ съ досадою прячетъ
 Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.
 Но вотъ ужъ полдень. Въ свѣтлой залѣ
 Весельемъ круглый столъ накрытъ:
 Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ:
 Дымятся щи: вино—въ бокалѣ:
 И щука въ скатерти лежитъ.
 Сосѣди шумною толпою
 Вошли, прервали тишину.
 Садятся; чашъ внимаемъ звону:
 Всѣ хвалятъ Вакха и Помону—
 И съ ними красную весну...

III.

Вотъ мой каминъ; подъ вечеръ темной
 Осенней бурною порой,
 Люблю подъ свѣію угромной.
 Предъ нимъ задумчиво мечтать,
 Вольтера. Вилянда читать,
 Или, въ минуту вдохновенья,
 Небрежно стансы намарать
 И жечь потомъ свои творенья...
 Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,
 Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
 На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ:
 Мечты находятъ, исчезаютъ,
 Какъ тѣнь на утренней зарѣ...
 Я слышу топотъ, слышу ржанье;
 Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
 Въ блестящемъ ментика сіяньѣ.
 Гусаръ промчался подъ окномъ...
 И гдѣ вы, мпрныя картины
 Прелестной сельской простоты?
 Среди воинственной долины
 Ношусь на крыльяхъ я мечты...

Огни во станѣ догорають;
 Межъ нихъ, окутанный плащомъ.
 Съ съдымъ, усатымъ казакомъ
 Лежу... вдали штыки свербають...

(Царское Село).

ЖЕЛАНІЕ.

[в. л. пшкннч].

Христось воскресъ, питомецъ Феба!
 Дай Богъ, чтобъ милостію неба
 Разсудокъ на Руси воскресъ—
 Онъ что-то, кажется, исчезъ...
 Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
 Воскресли миръ и тишина.
 Чтобъ въ академіи почтенной
 Воскресли члены ото сна;
 Чтобъ въ наши грѣшны времена
 Воскресла предковъ добродѣтель;
 Чтобы Шихматову на зло
 Воскреснулъ новый Буало —
 Расколовъ, глупостей свидѣтель:
 А съ нимъ побольше серебра
 И золота, et cetera.
 Но да не будетъ воскресенья
 Усопшей прозы и стиховъ;
 Да не воскреснутъ отъ забвенья
 Покойный господинъ Бобровъ,
 Хвалы газетчика достойный.
 И Николевъ, поэтъ покойный.
 И непокойный графъ Хвостовъ,
 И всѣ, которые на свѣтъ
 Писали слишкомъ мудрено,
 То есть и хладно, и темно.
 Что очень стыдно и грѣшно.

(Послано въ Св. Воскр. 9 апрѣля).

ПОСЛАНИЕ ЛІДѢ.

Тебѣ, наперсница Венеры.
 Тебѣ, которой Купидонъ
 И дѣти рѣзвыя Цитеры
 Украсили цвѣтами тронъ.
 Которой нѣжные примѣры.
 Улыбка, взоры, нѣжный тонъ
 Краснорѣчивѣй чѣмъ Вольтеры
 Намъ проповѣдуютъ законъ
 И Аристипповъ, и Глицеры—
 Тебѣ привѣтливый поклонъ,
 Любви вѣнокъ и лпы звонъ!...
 Презрѣвъ Платоновы химеры.
 Твоей я свягостью спасенъ.
 И сталъ апостолъ мудрой вѣры
 Анакреоновъ и Нинонъ,
 Всего.... но лишь извѣстной мѣры.
 Я вижу, хмурится Зенонъ.
 И вся его сѣдая свита.
 И мудрый другъ вина Катонъ.
 И скучный рабъ Эпафродита,
 Сенека, даже Цицеронъ
 Кричатъ: ты лжешь, профанъ, мученье —
 Прямое смертныхъ наслажденье!
 Друзья, согласенъ! плачь и стонъ
 Стократъ конечно лучше смѣха,
 Терпѣть—великая утѣха;
 Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ;
 Но мнѣ онъ, слышите ль, не нуженъ,
 Затѣмъ что слишкомъ онъ мудренъ.
 Дороже мнѣ хорошій ужинъ
 Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ;
 Я вами. право, не прельщенъ.

Соборъ угрюмый разсерженъ;
 Но пусть кричатъ на супостата,
 Ихъ споръ лишь времени утрата:
 Кю ихъ примѣромъ обольщенъ?
 Люблю я добраго Сократа:
 Онъ въ мѣрѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
 Съ своею важною притворной
 Любилъ пиры, театры, женъ;
 Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ.
 И у Аспазинъ въ уборной
 (Тому свидѣтель самъ Платонъ),
 Невольникъ робкій и покорной,
 Вздыхалъ частехоньго въ хитонъ.
 И ей съ улыбкою придворной
 Шепталъ: «все призракъ, ложь и сонъ —
 И мудрость, и народъ, и слава.
 Что жъ истинно? Одна забава.
 Повѣрь, одна любовь не сонъ!»
 Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ.
 И ею.... бѣдная Ксантиппа!
 Твой мужъ, совмѣстникъ Аристиппа,
 Бывалъ до неба вознесенъ.
 Межъ тѣмъ на милыхъ грозно лая.
 Злой циникъ, нѣгу презирая.
 Одинъ, всѣхъ радостей лишень,
 Дышалъ отъ міра отлучень;
 Но съ бочкой странствуя пустою
 Во слѣдъ за мудростью слѣпою,
 Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ —
 И воду черпая рукою,
 Не могъ зачерпнуть счастья онъ.

СЛОВО МИЛОЙ.

[МАРИИ СМЯТЬ].

Я Лилу слушалъ у клавира:
 Ея прелестный, томный гласъ
 Волшебной грустью нѣжитъ насъ,
 Какъ ночью вѣянье зефира.
 Упали слезы изъ очей,
 И я сказалъ пѣвицѣ милой:
 Волшебенъ голосъ твой унылой;
 Но слово милая моей
 Волшебнѣй пѣсенъ, пѣтыхъ Лилой.

ЛИЛЪ.

[МАРИИ СМЯТЬ].

Лила, Лила, я сградаю
 Безотрадную тоской,
 Я томлюсь, я умираю,
 Гасну пламенной душой:
 Но любовь моя напрасна:
 Ты смѣешься надо мной.
 Смѣйся, Лила! ты прекрасна
 И безчувственной красой.

———

АМУРЬ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня. добрые мужья,
 Повеселю васъ новой сказкой.
 Знали ли вы, мои друзья,
 Слѣпаго мальчика съ повязкой?
 Слѣпаго?... Вотъ? Помилуй, Фебъ!

Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
Но шалуну пришла жъ охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло.
Его безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эротъ;
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю:
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею....
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый.
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ;
А впрочемъ добрый человекъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
Огъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулил супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умнѣй!
Забудь, товарищъ мой любезный,
Раздоръ смѣшной и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми жъ повязку въ память, милый,
А мнѣ фонарь свой подари!»
И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затянулъ.
Гимена скучные дозоры

Съ тѣхъ поръ пресѣлись по ночамъ:
 Его завистливые взоры
 Теперь не страшны красотамъ:
 Спокоенъ онъ, но братъ коварный.
 Шутя надъ честью и надъ нимъ.
 Войну ведетъ. неблагодарный.
 Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
 Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ.
 Амуръ въ молчаніи ночномъ
 Фонарь любовнику вручаетъ.
 И самъ счастливица провожаетъ
 Къ уснувшему супругу въ домъ;
 Самъ отъ безпечнаго Гимена
 Онъ охраняетъ тайну дверь....
 Пойми меня, мой другъ Елена.
 И мудрой повѣсти повѣрь!

ИСТИНА.

Недавно мудрые искали
 Забытыхъ истины слѣдовъ.
 И долго, долго повторяли
 Пустые толки стариковъ;
 Твердили: «истина нагая
 Въ колодезь убралась тайкомъ!
 И дружно воду выпивая,
 Кричали: «здѣсь ее найдемъ!»

Но кто-то, смертныхъ благодѣтель
 И чуть ли не старикъ Силенъ.
 Ихъ важной глупости свидѣтель,
 Водой и крикомъ утомленъ.
 Оставилъ невидимку нашу,
 Подумалъ первый о вѣнцѣ,
 И осушивъ до капли чашу,
 Увидѣлъ истину на днѣ.

ФІАЛЬ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
 Ходилъ я въ дальній Павосъ,
 Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
 Въ уборной у Венеры
 Фіаль Анакреона!
 Онъ былъ тогда наполненъ
 Свѣтлѣющею влагой;
 Кругомъ висѣли розы,
 Зеленый плющъ и мирты,
 Сплетенныя рукою
 Царицы наслажденій;
 На краишкѣ я видѣлъ
 Коварнаго Амура;
 Смотрѣлъ онъ пригорюнясь
 На пѣнистую влагу.
 «Что смотришь ты, проказникъ,
 На пѣнистую влагу?»
 Спросилъ я Купидона.
 «Скажи, что такъ утихнулъ?
 Иль хочется зачерпнуть
 Тебѣ златаго соку,
 Да ручка не достанетъ?»
 — Нѣтъ! отвѣчалъ малютка:
 Рѣзвись, я въ это море
 Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
 Все бросилъ ненарочно —
 А плавать не умѣю.
 Вонъ, вонъ, на двѣ блистаютъ!
 Ахъ, жалко мнѣ; послушай,
 Достань мнѣ ихъ оттуда.
 «О нѣтъ!» сказалъ я богу:
 «Спасибо, что упали;
 Пускай тамъ остаются:
 Тѣмъ лучше для меня!»

НАѢЗДНИКЪ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала.
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ.
Въ невѣрной темнотѣ тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.
Все спитъ; лишь воля мятѣжный ропотъ
Разносится въ тиши ночной,
Да слышенъ издали глухой
Булата звонъ и конскій топотъ.
Толпа наѣзтниковъ младыхъ
Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой;
Дрожать и пышутъ кони ихъ.
Главой трясутъ нетерпѣливой.
Ужъ полемъ войны летятъ,
Дубравы кровь покпнувъ зыбкой,
Усами грозно шевелятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи,
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Уныль, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно наклоненной
Къ тѣснимой горестью груди,
Печальной думой увлеченный,
Онъ молча ѣдетъ впереди.
«Пѣвецъ угрюмый, что съ тобою?
Одинъ предъ боемъ ты уныль,
Поникъ безстрашною главою,
Бразды и саблю опустилъ.
Ужель, невольникъ празднои нѣги,

Отраднѣй сонъ твоихъ полей,
 Чѣмъ наши бурные набѣги
 И ночью бранный стукъ мечей?
 Сгезя войны пускай опасна,
 Завиденъ гордый нашъ удѣлъ.
 Тебѣ ли въ полѣ смерть ужасна?
 Но ты средь боевъ не блѣднѣлъ:
 Тебя мы зрѣли подъ мечами
 Съ спокойнымъ дерзостнымъ челомъ,
 Всегда межъ первыми рядами,
 Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
 Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ,
 Твой голосъ наши битвы пѣлъ;
 А нынѣ ты въ уныныи дикомъ,
 Какъ робкій ратникъ онѣмѣлъ.»
 Но медленно пѣвецъ печальный
 Главу и взоры приподнялъ,
 Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
 И вздохомъ грудь поколебалъ.

«Глубокой сонъ въ долинѣ бранной;
 Одни мы мчимся въ тѣмѣ ночной;
 Готовъ, готовъ ударъ желанной;
 Предчувствую послѣднѣй бой.
 Зоветъ меня конецъ жестокой;
 Мы грозно ринемся въ огонь;
 Ударить часъ—и одинокой
 Въ долину выбѣжить мой конь!..

«О вы! которые костями
 Сей ночью ляжете со мной,
 Скажите: милая слезами
 Вашъ усладить ли сонъ нѣмой?
 Но я... напрасно сердце дышетъ,
 Наставетъ хладъ и тишина,
 Эльвина скоро вѣсть услышитъ:
 Онъ палъ!.. и не вздохнетъ она.

«А вы, хранимые судьбами
 Для тихихъ жизненныхъ отрадъ.
 Счастливыцы!.. Милыя слезами
 Благословится вашъ возвратъ.
 За чашей сладкаго спасенья,
 О братья, вспомните пѣвца.
 Его любовь, его мученья
 И славу грознаго конца!..»

Умолкъ, и мчится въ бой кровавый...
 Уже не возвратился онъ:
 . . . . . На полѣ славы
 Его покрылъ безвѣстный сонъ.
 И утромъ юнаго поэта
 Наѣзники, въ веселый часъ,
 За чашей дружнаго привѣта
 Въ послѣдній вспомянули разъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осмнадцатой весной;
 Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
 Задумчиво внимая шумъ дубравной,
 Надъ озеромъ цду рука съ рукой.
 Гдѣ вы, лѣта безопасности недавной?
 Съ надеждами во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
 Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
 Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравной,
 И розный намъ оставить въ мѣрѣ слѣдъ:
 Тебѣ рукой Фортуны своенравной
 Указанъ путь, и счастливый и славной —
 Моя стезя печальна и темна.
 И вѣжная краса тебѣ дана,
 И нравиться блестящій даръ природы,
 И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
 Ты сотворенъ для сладостной свободы,

Для радости, для славы, для забавъ.
 Они пришли, твои златые годы,
 Огня любви прелестная пора!
 Спѣши любить и, счастливый вчера,
 Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
 Амуръ велитъ—и завтра, если можно,
 Вновь миртами красавицу вѣнчай...
 О, сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
 Измѣны другъ и вѣтреный любовникъ
 Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!..

А мой удѣлъ—но пасмурнымъ туманомъ
 Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
 Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
 И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
 Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья;
 Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
 Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
 Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
 Онѣ прошли и скорбными глазами
 Смотри на путь, оставленный навѣкъ,
 На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
 Которымъ я такъ весело протекъ —
 Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
 Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря—заря весны прекрасной;
 Моя жъ, мой другъ! —осенняя заря.
 Я зналъ любовь—но я не зналъ надежды;
 Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
 Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
 Но мрачныя я грезы не забылъ.
 Душа полна невольной, грустной думой;
 Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
 Одинъ, съ тоской, явлюсь я—гость угрюмой,
 Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
 И не придетъ другъ сердца незабвенный

Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть.
 И не придетъ на холмъ уединенный
 Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!
 Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
 Пль мнѣ чужда счастливая любовь?
 Ужель умру, не вѣдая что радость?
 Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
 Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ.
 Среди толпы затерянный пѣвецъ —
 Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ,
 И счастья какой возьму вѣнецъ?

Но что! стыжусь! Нѣтъ, ропотъ—униженье;
 Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье —
 Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
 Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье —
 И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
 Мой скромный даръ и счастье друзей!

СТАРИЦА-ПРОРОЧИЦА.

[БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ].

На мосту стояла старица,
 На мосту чрезъ синій Волховъ;
 Подошелъ въ dospѣхахъ молодець,
 Молвилъ слово ей съ поклономъ:
 «Загадай ты мнѣ на счастье,
 Ворочусь ли черезъ Волховъ?
 За Шалонью враны каркаютъ,
 Плачетъ въ теремѣ невѣста!»
 — «Гой еси ты, красный молодець!
 Есть теперь одна невѣста,
 Есть одна — святая Софія:
 Обручусь ты съ ней душою,
 Уберяся честно ранами,
 И омойся алой кровью.

Обручися ты съ невѣстою.
 За Шалонью ляжъ костями.
 Если ты мечемъ не выроешь
 Сердцу вольному могилы.
 Не на вѣче, не на родину —
 А придешь ты на неволю!

Трубы звучать за Шалонью рѣвой;
 Грозно взвѣвають московскіе стяги!
 Съ радостнымъ кликомъ Софіи святой
 Стала дружина и, полный отваги,
 Ринулся съ берега всадниковъ строй:
 Съ шумомъ расхлынулись волны, вскипѣли;
 Двинулась пѣна съдая грядой;
 Стрелы смѣшались; мечи загремѣли;
 Искры молній съ звонкихъ щитовъ;
 Съ трескомъ въ кусты разлетаются брони....
 Кровь потекла.... Разъяренные кони
 Грудью сшибаютъ и топчутъ враговъ;
 Стелются трупы на берегъ Шалони....

. . . . .
 Кровью дымился поле; стихаль
 Въ стонахъ прерывныхъ, и замеръ гласъ битвы.
 Теплою твоей, о Софія, молитвы
 Спасъ не слыхаль!...

На мосту сгояла старица,
 На мосту чрезъ синій Волховъ:
 Не пройдетъ ли красный молодець
 Чрезъ широкій, синій Волховъ?
 Проѣзжало много всадниковъ,
 Много пѣшихъ проходило,
 Было много изувѣченныхъ
 И покрытыхъ черной кровью....
 Что? прошелъ ли добрый молодець,
 Не прошелъ ли онъ чрезъ Волховъ?...

С О Н Ъ.

[отрывокъ].

Пускай поэтъ съ кадилъницей наемной
 Гоняется за счастьемъ и молвой.
 Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходитъ вѣкъ мой темной
 Въ безвѣстности заглохшею тропой.
 Пускай пѣвцы гремящими хвалами
 Полубогамъ безсмертіе даютъ;
 Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
 Не оглашу безмолвія пріютъ.
 Пускай любовь Овидіи поютъ,
 Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
 Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьютъ:
 Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея,
 И научу, какъ должно въ тишинѣ
 Покоиться въ пріятномъ, крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!
 Тебя зовутъ прохлада и покой;
 Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
 Готово все для гостыи молодой.
 Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
 За мой порогъ; на свѣтлое окно
 Прозрачное спустилось полотно,
 И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
 Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной.
 Вотъ мой диванъ—приди жъ въ обитель мира,
 Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
 Учи меня, води моей рукой,
 Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
 Которыми любви забыты узы,
 Которые владычеству земли
 Конечно бѣ сонъ спокойный предпочли—
 О мудрецы! дивитесь вамъ умѣя,

Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
 Поэзіи цвѣтами обовью,
 Для васъ однихъ блаженство воспую.
 Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
 Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой вѣги часъ,
 Хотите ли забыться каждый разъ,
 Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
 Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
 Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
 Тамъ можно жить и праздно и безопасно,
 Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
 Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
 Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день
 Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
 Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ;
 На балъ въ ночь вертѣться на паркетѣ;
 Но можно ли вкушать отраду сновъ?
 Настала тѣнь, уснуть лишь я готовъ,
 Обманутый призраками ночными—
 И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
 На бѣшеной четверкѣ лошадей,
 Стуча, гремя колесами золотыми,
 Катится спѣсь подъ окнами моими.
 Я вновь дремлю, вновь улпца дрожитъ—
 На скучный балъ разсѣянье летитъ....
 О Боже мой! ужели здѣсь ложатся,
 Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
 Еще стучать, а тамъ уже свѣтло,
 И гдѣ мой сонъ? Не лучше ли въ село?
 Тамъ рошица листочковъ трепетаньемъ,
 Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,
 Златыхъ полей, долины тишина—
 Въ деревнѣ все къ томленью клонитъ сна!
 О, сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!

Одинъ пѣтухъ, зарею пробужденный.
 Свой рѣзкій крикъ подыметъ. можетъ быть;
 Опасенъ онъ, онъ можетъ разбудить.
 И такъ, пускай, въ сералахъ удаленны,
 Султаны куръ гордятся заключенны
 Иль поселянъ сзываютъ на поля:
 Мы спать хотимъ, любезные друзья!
 Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
 Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
 Но сладостью веселой ночи сновъ
 Не думайте вы даромъ насладиться
 Среди мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
 Что жъ надобно? Движенье, господа!
 Похвальна лѣнь, но есть всему предѣлы:
 Смотрите, Клить, въ подушкахъ посѣдѣлый,
 Размученный, изнѣженный, больной,
 Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и тоской!
 Наступитъ день: несчастный, задыхаясь,
 Крехтя, ползетъ съ постели на диванъ:
 Весь день сидитъ; когда жъ ночной туманъ
 Подернетъ свѣтъ, во мракъ разстилаясь,
 Съ дивана Клить къ постели поползетъ:
 И какъ же ночь несчастный проведетъ?
 Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣннѣ?
 Нѣтъ! сонъ ему не радость, а мученье;
 Не макаи, тяжелою рукой
 Ему Морфей закроетъ томны очи,
 И медленной проходятъ чередой
 Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
 Я не хочу, какъ общій другъ, Бершу.
 Предписывать вамъ тяжкія движенья:
 Упрямый плугъ, охоты наслажденья—
 Нѣтъ, въ рощи я лѣвивца приглашу.
 Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
 Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
 Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!

Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
 Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
 Еще роса надъ свѣжей муравой,
 Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ воины.
 Друзья мои! возьмите посохъ свой,
 Идите въ лѣсъ, бродите по долинь,
 Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ—
 И въ долгу ночь глубока вашъ будетъ сонъ.
 Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ,
 Пускай войдетъ, отрада жизни нашей,
 Веселья богъ съ широкой, полной чашей—
 И царствуй Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ!
 Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
 Стакана три шипящими волнами
 Румяныхъ винъ налейте вы полифй;
 Но толстый Комъ съ надутыми щеками
 Не приходи стучаться у дверей;
 Я радъ ему; но только за обѣдомъ;
 И дружески я въ полдень уберу
 Его дары; но, право, ввечеру
 Гораздо я дружнай съ его сосѣдомъ.
 Не ужинать—святой тому законъ,
 Кому всего дороже легкій сонъ.
 Берегитесь вы, о дѣти мудрой лѣни,
 Обманчивой успокоенья тѣни!
 Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
 Когда дремать привыкли по часамъ!
 Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко.
 Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
 Не знаете веселой вы мечты;
 Вашъ цѣлый вѣкъ несносное томленье,
 И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
 И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
 Что подъ горой влокочетъ и кипитъ,

Прелестный сонъ, усталости награда,
 При шумѣ волнъ на дикій берегъ слетить.
 Покроетъ взоръ туманной пеленою.
 Обниметъ васъ, и тихою рукою
 На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ:
 О, сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье!
 Пусть долѣе продлится вашъ покой—
 Завидно мнѣ счастливица наслажденье.

Случалось ли ненастной вамъ порой
 Для зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ.
 Слѣдѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
 Все тихо вокругъ; березы больше нѣтъ;
 Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
 На потолкѣ какой-то призракъ бродитъ;
 Блѣднѣетъ ужъ—и синеватый дымъ,
 Какъ легкій паръ, въ трубу вѣясь, уходитъ.
 И вотъ жезломъ невидимымъ своимъ
 Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
 Темнѣетъ взоръ; «Кандидъ» пзъ вашихъ рукъ.
 Закрывшись, упалъ въ колѣни вдругъ;
 Вдохнули вы; рука на столъ валится.
 И голова съ плеча на грудь катится.
 Вы дремлете, надъ вами мира кровь:
 Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
 Душевныхъ мукъ волшебный пещлитель.
 Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
 Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
 И ты жреца давно благословилъ:
 Забуду ли то время золотое,
 Забуду ли блаженный нѣги часъ,
 Когда въ углу подвечеръ притаясь,
 Я призывалъ и ждалъ тебя въ поковъ?
 Я самъ не радъ болтливости своей;
 Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспомнанье.
 Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,

О прелести таинственныхъ ночей.
 Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ.
 Она духовъ молитвой уклоня,
 Съ усердіемъ перекреститъ меня,
 И шопотомъ рассказывать мнѣ станетъ
 О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
 Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
 Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
 Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
 Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
 Чуть освѣщаль глубокія морщины.
 Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
 И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало—
 Все въ душу страхъ невольный поселяло;
 Я трепеталъ, и тихо наконецъ
 Томленье сна на очи упало.
 Тогда толпой съ лазурной высоты,
 На ложе розъ крылатыя мечты,
 Волшебники волшебницы слетали.
 Обманамъ мой сонъ обворожали;
 Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
 Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней.
 Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
 И въ вымыслахъ носился юный умъ....

Но вы прошли, о ночи безмятежны,
 И юности ужъ возрастъ наступилъ.
 Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны,
 И я мечту молодой любви вкусилъ.
 И гдѣ жъ она? Восторгами родилась,
 И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.
 Проснулся я, ищу на небѣ день,
 Но все молчить; луна во тьмѣ сокрылась,
 И вокругъ меня глубокой ночи тѣнь.
 Но сонъ мой тихъ! Безпечный сынъ Парнаса,
 Въ ночной тиши я съ рѣмою не бьюсь,

Не вижу ввѣкъ ни Феба, ни Пегаса.
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ музъ.

Я не герой, по лаврамъ не тоскую.
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой;
Я не богачъ, и лаемъ пѣсь привратной
Не возмущалъ мечты моей пріятной;
Я не злодѣй, съ волненьемъ и тоской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній.
Убийственныхъ дѣтей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ
Не хмурится угрюмо въ-головахъ.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечъ окровавленный.
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву—
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!

Повлекся, мглою окруженъ,
Притекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткій тронъ,
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все. Не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленной,

И брань погпбельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша-герой!
Съ героемъ дивнымъ Альбіона
(Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лилии Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли во слѣдъ щиты кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье славы!

Его текла молодая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести!

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

[МАРИЯ СМИТЬ].

Лида, другъ мой неизмѣнный!
Почему сквозь легкій сонъ
Часто, нѣгой утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, въ любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взоръ недвижный, боязливый
Устремляешь въ темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморокъ любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои;
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку прижимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей?

О, безцѣнная подруга!
 Вѣчно ль слезы проливать?
 Вѣчно ль мертвого супруга
 Изъ могилы вызывать?
 Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
 Тамъ объемлетъ вѣчный сонъ:
 Имъ не миль ужъ голосъ милый.
 Не прискорбенъ скорби стонъ.
 Не для нихъ весенни розы.
 Сладость утра, шумъ прора.
 Откровенной дружбы слезы.
 И любовницъ робкій зовъ?
 Рано другъ твой незабвенный
 Вздохомъ смерти воздохнулъ.
 И блаженствомъ упоенный,
 На груди твоей уснулъ.
 Спитъ увѣнчанный счастливецъ!
 Вѣрь любви, невинны мы.
 Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
 Не придетъ изъ вѣчной тьмы!
 Тихой ночью громъ не грянетъ.
 И завистливая тѣнь
 Близъ любовника не станетъ.
 Вызывая спящій день!

 КЪ НАТАШЪ.

[горничной княжны волконской].

Вянетъ, вянетъ лѣто красно.
 Улетаютъ ясны дни!
 Стелется туманъ ненастной
 Ночи въ дремлющей тѣни;
 Опустѣли злачны нивы,
 Хладенъ ручеекъ прривый.
 Лѣсъ кудрявый посядѣлъ;
 Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
 Что никто тебя не зрѣтъ?
 Иль не хочешь часъ единый
 Съ другомъ сердца раздѣлѣть?
 Ни надъ озеромъ волнистымъ,
 Ни подъ кровомъ липъ душистымъ
 Ранней, позднею порой
 Не встрѣчаюсь я съ тобой

Скоро, скоро холодъ зимній
 Рошу, поле посѣтитъ;
 Огонекъ въ лачужкѣ дымной
 Скоро ярко заблеститъ;
 Не увижу я прелестной,
 И какъ чижикъ въ млѣткѣ тѣсной,
 Долго буду горевать
 И Наташу вспоминать.

ЖЕЛАНІЕ.

Медлительно влекутся дни мои,
 И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ
 Всѣ горести несчастливой любви
 И тяжкое безуміе тревожитъ.
 Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
 Я слезы лью... мнѣ слезы утѣшенье.
 Моя душа, объятая тоской,
 Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
 О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
 Исчезни въ тѣмѣ, пустое привидѣнье!
 Мнѣ дорого любви моей мученье,
 Пускай умру, но пусть умру—любя!

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ, свирѣлью полевой
 Оглашено мое уединенье,
 И съ образомъ любовницы драгой

Последнее слетѣло сновидѣнье.
 Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь.
 Возшла заря, сіяетъ блѣдный день,
 А вокругъ меня глухое заустѣнье...
 Ужъ нѣтъ ея... Я былъ у береговъ.
 Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
 На берегу, на зелени луговъ
 Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ.
 Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
 Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ.
 Произносилъ я имя несравненной,
 Я зналъ ее—и гласъ уединенной
 Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали.
 Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной:
 Его струи медленно текли:
 Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенной.
 Ужъ нѣтъ ея!... До сладостной весны
 Простился я съ блаженствомъ и съ душою:
 Ужъ осени холодною рукою
 Главы березъ и липъ обнажены:
 Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ:
 Тамъ день и ночь кружится желтый листъ,
 Стоитъ туманъ на волнахъ охладѣлыхъ
 И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
 Поля, холмы, знакомыя дубравы!
 Хранители священной тишины!
 Свидѣтели безпечныхъ забавы!
 Забыты вы... до сладостной весны!

 РАЗЛУКА.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ.
 Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
 И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
 Къ рукъ твоей устами прикоснулся—
 Да, помню все! я сердцемъ ужаснулся,

Но заглушалъ несносную печаль;
 Я говорилъ: «не вѣчная разлука
 Всѣ радости уноситъ нынѣ вдаль.
 Забудемся! въ мечтахъ потонетъ мука;
 Уныніе, губительная скука
 Пустынника пріюгъ не посѣтятъ;
 Мою печаль усладой муза всгрѣтитъ;
 Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
 Души моей холодной мракъ освѣтитъ.»

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!
 Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
 Но горестямъ отрады не приводятъ
 И не несутъ забвенія фіалъ.
 О милая, повсюду ты со мною!
 Но я унылъ и втайнѣ я грущу.
 Блеснетъ ли день за синею горою,
 Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною—
 Я все тебя, прелестный другъ, ищу.
 Засну ли я—лишь о тебѣ мечтаю,
 Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
 Задумуюсь—неволью призываю,
 Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ.
 Разсѣянный сижу между друзьями,
 Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
 Гляжу на нихъ недвижными глазами,
 Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
 И ты со мной, о лира, пріуныла,
 Наперсница души моей больной!
 Твоей струны печалень звонъ глухой
 И лишь любви ты голосъ не забыла...
 О вѣрная, грусти, грусти со мной!
 Пускай твои небрежные напѣвы
 Изобразятъ уныніе мое,
 И слушая бряцаніе твое,
 Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы.

ЭЛЕГИЯ.

Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ
 Безъ ужаса признаться смѣетъ,
 Кого въ невѣдомой судьбѣ
 Надежда робкая лелѣетъ.
 Кому луны туманный лучъ
 Въ полночи свѣтитъ сладострастно.
 Кому тихонько вѣрный ключъ
 Во тьмѣ отворитъ дверь прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
 Отрады тайныхъ наслажденій:
 Увяль надежды ранній цвѣтъ;
 Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій;
 Печально младость улетитъ;
 Услышу старости угрозы;
 Но я, любовью позабытъ,
 Моей любви забуду ль слезы?

НАСЛАЖДЕНИЕ.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
 Едва развитый жизни цвѣтъ,
 Украдкой младость отлетаетъ,
 И слѣдъ ея—печали слѣдъ!
 Съ минутъ безчувственныхъ рожденія
 До вѣжныхъ юношества лѣтъ,
 Я все не знаю наслажденья,
 И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ!

Съ порога жизни въ отдаленье
 Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
 Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье;
 Но я за призракомъ летѣлъ.
 Златыя крылья развивая,
 Волшебной, вѣжной красотой

Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.

Я мчался къ цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!...
Когда жъ весельемъ окрыленной,
Настанетъ счастья быстрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

О К Н О.

Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушный?
Миѣ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно;
Дышать уныньемъ мой удѣлъ.
Напрасно лѣтнею порою
Любовникъ рощицъ и луговъ
Колышетъ розой полевою,
Летя съ тѣнистыхъ береговъ.

Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечерѣтъ
И тихо тмится небосводъ,
И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣтъ,
Склонясь на берегъ синихъ водъ....

Вчера, вечерней темнотою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видѣлъ: дѣва у окна
Склонившись на руку сидѣла.

Дышала въ тайномъ страхъ грудь,
 Съ волненьемъ дѣвица глядѣла
 На темный подъ холмами путь.

Я здѣсь! шепнула торопливо;
 И дѣва трепетной рукой
 Окно открыла боязливо.
 Луна покрылась темнотою....
 Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою.
 Тебя веселье ждетъ одно;
 Когда жъ вечернею порою
 И мнѣ откроется окно?

МѢСЯЦЪ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь.
 Уединенная луна,
 И на подушки сквозь окна
 Сіянье тусклое наводишь?
 Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
 Ты будишь грустныя мечтанья,
 Любви напрасныя страданья,
 И гордымъ разумомъ моимъ
 Чуть усыпленныя желанья.
 Летите прочь, воспоминанья!
 Засни, несчастная любовь!
 Ужъ не бывать той ночи вновь,
 Когда спокойное сіянье
 Твоихъ таинственныхъ лучей
 Сквозь темный ясень пронизало
 И блѣдно, блѣдно озаряло
 Красу любовницы моей.
 Почто, минуты, вы летѣли
 Тогда столь быстрой чередой,
 И тѣни легкія рѣдѣли

Предъ неожиданной зарей?
 Зачѣмъ ты, мѣсяцъ, укатился
 И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
 Зачѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
 Зачѣмъ я съ милою простился?..

НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

Съ благоговѣйною душой
 Приблизься путникъ молодой
 Любви къ пустынному приюту!
 Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
 Въ восторгѣ сладостномъ погасъ,
 И время самое для насъ
 Остановилось на минуту.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
 Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ;
 Обиды, пѣсни—все прощаю,
 А мнѣ пускай долги простятъ.

КЪ НЕЙ.

Эльвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку,
 Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ.
 Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
 Любовникъ осужденъ?
 Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ,
 Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
 Ужели никогда насъ утро не застанетъ
 Въ объятіяхъ любви?
 Эльвина! почему въ часы глубокой ночи
 Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
 На милую стремить томленья полны очи
 И страстью трепетать?

И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоенья.
 Твой шопотъ сладостный и томный стонъ внимать;
 И тихо въ скромной тѣмѣ для нѣги пробужденья
 Близъ милой засыпать?

СЛЕЗА.

[к п. валькиной]

Вчера за чашей пуншевою
 Съ гусаромъ я сидѣлъ,
 И молча съ мрачною душою
 На дальнѣйшій путь глядѣлъ.

«Скажи, что смотришь на дорогу?
 Мой храбрый спросилъ:
 «Еще по ней ты, слава Богу.
 Друзей не проводилъ.

Къ груди поникнувъ головою.
 Я скоро прошепталъ:
 «Гусаръ, ужъ нѣтъ ее со мною!..
 Вздохнулъ и замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ
 И капнула въ бокаль.
 «Дитя! ты плачешь о дѣвицѣ;
 Стыдись!»—онъ закричалъ.

«Оставь, гусаръ! Ахъ, сердцу больно!..
 Ты, знать, не горевалъ!
 Увы! одной слезы довольно,
 Чтобъ отравить бокаль!»

Опять я вашъ, о юные друзья!
 Туманные сокрылись дни разлуки.
 И брату вновь простерлись ваши руки,

Вашъ рѣзвый кругъ увидѣтъ снова и?
 Все тѣ же вы, но сердце ужъ не то же:
 Уже не вы ему всего дороже,
 Ужъ я не тотъ... Невидимой стезей
 Ушла пора веселости безпечной,
 Ушла навѣкъ, и жизни скоротечной
 Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной;
 Веселіе разсталось съ душой.
 Отверженный судьбиною ревнивой.
 Улыбку, смѣхъ, и рѣзвость и покой,
 Я все забылъ: печали молчаливой
 Покровъ лежитъ надъ юною главой.
 Напрасно вы бесѣдою шутливой
 И нѣжностью души краснорѣчивой
 Мой тяжкій сонъ хотите перервать!
 Все кончилось—и рѣзвости счастливой
 Въ душѣ моей изгладилась печать.
 Чтобъ удалить угрюмыя страданья,
 Напрасно вы несете лиру мнѣ:
 Минувшихъ дней погаснули мечтанья,
 И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
 Все кончилось; одну печаль я вижу:
 Мнѣ страшенъ міръ, мнѣ скученъ дневный свѣтъ;
 Пойду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
 Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу;
 Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
 Опали вы, листы вчерашней розы,
 Не доцвѣли до мѣсячныхъ лучей!
 Умчались вы, дни радости моей!
 Умчались вы—неволью лютятся слезы,
 И вяну я на темномъ утрѣ дней.
 О дружество, предай меня забвенью!
 Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
 Оставь меня сердечному мученью,
 Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

* *
*

Любовь одна веселье жизни хладной!
 Любовь одна мученіе сердець!
 Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный,
 А горестямъ не видѣнъ и конецъ.
 Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
 Сей быстрый мигъ поймаетъ на легу;
 Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
 Сгдыливую преклонитъ красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
 Вы, чувствами свободные, пѣвцы!
 Предъ милыми смирились вы душою.
 Вы пѣли страсть—и гордою рукою
 Красавицамъ несли свои вѣнцы.
 Слѣпой Амуръ, жестокій и пристрастный.
 Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
 Съ пермесскими царцами согласный.
 Инымъ пзъ васъ на радость указалъ:
 Другихъ навѣкъ печалiami связалъ.
 И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.

Наслѣдники Тибулла и Парни!
 Вы знаете безцѣнной жизни сладость;
 Какъ утра лучъ сіяютъ ваши дни.
 Пѣвцы любви, младую пойте радость!
 Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ.
 Въ объятіяхъ любовницъ умирайте:
 Стихи любви тихонько воздыхайте!...
 Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви, вы вѣдали печали!
 И ваши дни по терніямъ текли;
 Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
 Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
 Не зрѣли вы мпнутную забаву;
 Но не нашедъ блаженства вашихъ дней,

Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу—
И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тѣмѣ лѣсовъ.
Одинъ, одинъ брожу уныль и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ слышымъ.
Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стenanіямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется ли души холодной сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье—
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
Безплодное проходитъ вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ;
Одинъ люблю—онъ любитъ и любимъ!...
Люблю, люблю!... Но къ ней ужъ не коснется
Сградальца гласъ; она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному зефиру
Ужъ навсегда покинутую лиру—
И слабый даръ какъ легкій скрылся дымъ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Я видѣлъ смерть: она сидѣла
У тихаго порога моего.
Я видѣлъ гробъ—открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетѣла....
Умру—и младости моей
Никто слѣдовъ пустынныхъ не замѣтитъ,
И зора мнѣ много не встрѣтитъ
Послѣдній взоръ моихъ очей.

Прости, печальный міръ, гдѣ темная сгези
 Надъ бездной для меня лежала.
 Гдѣ жизнь меня не утѣшала.
 Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
 Небось лазурная завѣса,
 Любимые холмы, ручья веселый гласъ.
 Ты утро—вдохновенья часъ,
 Вы. тѣни мирныя таинственнаго лѣса,
 И все—прости въ послѣдній разъ!

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
 Златые дни, златые ночи.
 И томныхъ дѣвъ устремлены
 На васъ внимательныя очи.
 Играйте, пойте. о друзья!
 Утратьте вечеръ скоротечной:
 И вашей радости безпечной
 Сквозь слезы улыбнуся я.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Мечты. мечты!
 Гдѣ ваша сладость?
 Гдѣ ты, гдѣ ты.
 Ночная радость?
 Исчезнулъ онъ.
 Веселый сонъ,
 И одинокой
 Во тьмѣ глубокой
 Я пробужденъ.
 Кругомъ постели
 Нѣмая ночь.
 Вмигъ охладѣли,

Вмигъ улетѣли
 Толпою прочь
 Любви мечтанья.
 Еще полна
 Душа желанья
 И ловить сна
 Воспоминанья.
 Любовь, любовь,
 Внемли моленья:
 Пошли мнѣ вновь
 Свои видѣнья;
 И поутру,
 Вновь упоенный,
 Пускай умру
 Не пробужденный.

 ПѢВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда поля въ часъ утренній молчали,
 Свирѣли звукъ унылый и простой
 Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тѣмѣ лѣсной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали.
 Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
 Встрѣчали ль вы?

Вдохнули ль вы, внимая тихій гласъ
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
 Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ.
 Вдохнули ль вы?

А. А. ШИШКОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой.
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои.
 Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой.
 Гдѣ вѣжилися Тибуллъ, Мелецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона.
 Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Гелпкона
 Твою счастливую качали колыбель.

Друзей любить открытою душою,
 Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотой:
 Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать гоговь;

Но, милый, сжаляся надо мною.

Не требуй отъ меня стиховъ!

Не вѣчно вѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьи:
 Докучной истины я позднѣй вижу свѣтъ.
 По добротѣ души я вѣрилъ въ упоены

Мечтѣ, шепнувшей: ты поэтъ,

И презря мудрые угрозы и совѣты,
 Съ небрежной лѣнностью навизывалъ куплеты.
 Игрушкою себя невинной веселилъ;
 Угодникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями.
 Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
 Мечтательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ.
 Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвалъ
 И сонные стихи въ просонкахъ величало
 Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
 Душѣ наскучили парнасскія забавы;
 Недолго снились мнѣ мечтанья музъ и славы:
 И строгимъ опытомъ неволью пробужденъ,
 Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулси.
 Увидѣлъ, что еще не генія печать
 Охота смертная на риѣмахъ лепетать,
 Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:

И полно мнѣ писать!

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже, царя храни!
 Славному долги дни
 Дай на земли;
 Гордыхъ смригтелю,
 Слабыхъ хранителю,
 Всѣхъ утѣшителю
 Все испошли.

Тамъ—громкой славою,
 Сильной державою
 Миръ онъ покрылъ;
 Здѣсь — безмятежною
 Сѣнью надежною,
 Благостью вѣжною
 Насъ освѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
 Мощно хранила насъ
 Вѣрная длань,
 Гласъ умиленія,
 Благодаренія—
 Сердца стремленія—
 Вотъ наша дань!

[Къ празднованію 19 октября].

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Тебѣ, о Несторѣ Арзамаса,
 Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
 Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
 На страшной высотѣ Парнаса,
 Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!
 Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
 Веселья прежняго желанье,
 И слабый сердца переводъ—
 Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ. слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совѣмъ еще разсудокъ потерялъ
 Отъ ризмъ бакхическихъ шатаюсь на Пегасъ:
 Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ....
 Нѣтъ, нѣтъ. вы мнѣ совѣмъ не братъ:
 Вы дядя мой и на Парнасъ.

И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ рѣш-
 ваго міра, можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девя-
 тимѣсячную беременность пера лѣвнѣйшаго изъ поэтовъ-
 племянниковъ?

Да, каюсь я; конечно передъ вами
 Совѣмъ не правъ пустынный ризмоплетъ:
 Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами;
 Онъ виноватъ и прозой и стихами.
 Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода
 писемъ—обѣщательныя и извинительныя: первая въ
 началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея
 издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они со-
 стоятъ изъ двухъ посланій; это мнѣ кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
 Простыми пѣснями свирѣли
 Красавицъ нашихъ воспѣвать.
 И съ гнѣвной музой Ювенала
 Глухаго варварства начала
 Сатирой грозной осмѣять.
 И мучить бѣднаго Ослова ¹
 Священнымъ Феба языкомъ.
 И лобъ угрюмый Шутовскова ²
 Клеймить единственнымъ стихомъ!

¹ А. С. Шишковъ. ² Кв. Шаховъевъ.

О вы, которые умѣли
 Любить объдать и писать—
 Скажите искренно — ужели
 Вы не умжете прощать?

Напомню о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше
 времени; но... надобно ли еще объщать? Простите вы всѣ,
 когорыхъ любить мое сердце, и которые любите еще меня.

Шольё Андреевичъ,¹ конечно,
 Меня забылъ давнымъ-давно;
 Но я люблю его сердечно,
 За то, что любить онъ безопасно
 И пѣть и пить свое вино,
 И надъ всемірными глупцами
 Своими рѣзвыми стихами
 Смѣется, право, пресмѣшно.

[Конецъ декабря].

ЭПИГРАММЫ:

1.

«Скажи, что новаго?—Ни слова.
 «Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?»
 — О братецъ! отвяжись: я знаю только то,
 Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

---

2. ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣсть, за что философы, пинты
 На твой и мой давнымъ-давно сердиты
 Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
 Но и бранить причины не имѣю
 То, что дарить мнѣ радость и покой.
 Что, ежели бъ ты не была моею!
 Что, ежели бъ я не былъ, Ниса, твою?

---

¹ Князь Вяземскій.

3. ЭКСПРОМТЪ НА А.

Въ молчаньи предъ тобой сижу.
 Напрасно чувствую мученье.
 Напрасно на тебя гляжу:
 Того ужъ вѣрно не скажу.
 Что говоритъ воображенье.

4.

Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи.
 Какъ беспокоюсь я! три ночи,
 Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ!
 — Да, слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.

---

5. НА ПУЧКОВУ.

Зачѣмъ кричишь ты. что ты дѣва
 На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
 О, вижу я, пѣвица Эва,
 Хлопочешь ты о женихѣ.

---

6. НА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

Вотъ Виля—онъ любовью дышетъ.
 Онъ пѣсни пишетъ зло;
 Какъ Геркулесъ сатиры пишетъ,
 Влюбленъ, какъ Буало.

ОНА.

«Печаленъ ты, признайся, что съ тобой?»
 Люблю, мой другъ! «Но кто жъ тебя пѣвица!»
 Она. «Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лиля?»
 О, нѣтъ! «Кому жъ ты жертвуешь душой?»
 Ахъ, ей! «Ты скромнень, другъ сердечный!»

Но почему жъ ты столько огорченъ?
И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно....»
Не то, мой другъ! «Но что жъ?» Я ей не онъ!

КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости моп; когда померкну я,
Пускай оно груди безчувственной коснется:
Быть можетъ, милые друзья,
Быть можетъ, сердце вновь забьется.

ЭПИТАФИЯ.

Погойникъ К.питъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудеть.
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ.

On peut très bien, Mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vielle guenon:
Mais pour une grace—oh, mon Dieu, non.

НА ЛИЦЕЙСКАГО ДЯДЬКУ,

ОБАЗАВШАГОСЯ УВІЙЦЕЙ.

Заутра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужъ смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель лекаремъ моимъ!

1817.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

[и. о. кошанскому].

Помилуй, трезвый Аристархъ
 Моихъ бакхическихъ посланій!
 Не осуждай моихъ мечтаній
 И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ.
 Плоды веселаго досуга
 Не для безсмертья рождены.
 Но развѣ такъ сбережены
 Для самого себя, для друга.
 Да для Темиры молодой.
 Помилуй, жалься надо мной!

Я знаю самъ свои пороки,
 Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
 Твоей учености сухой.
 Конечно, бѣденъ гений мой:
 За риемой часто холостой.
 На зло законамъ сочетанья,
 Бѣгутъ трехстопные толпой
 На аю, аетъ и на ой.
 Еще немногія признанья:
 Я ставлю [кто же безъ грѣха?]
 Для мѣры, риемы, восклицанья.
 Для смысла, лишникъ три стиха;
 Нехорошо; но оправданья
 Позволь мнѣ скромно принести:
 Мои летучія посланья
 Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
 Не думай, цензоръ мой угрюмой,
 Что лѣнью жертвую стихамъ,
 Объятый стихотворной думой;

Встаю... бѣсуюсь по ночамъ;
 Что засвѣтивъ свою лампаду,
 Едва дыша, нахмуря взоръ,
 За вѣрный столъ крехтя засяду,
 Сижу, сижу три ночи сряду
 И выпсжу—трехстопный вздоръ....
 Такъ пишетъ [молвить не въ укоръ]
 Конюшій дряхлаго Пегаса
 Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
 Служитель старенькій Парнаса,
 Родитель старенькихъ стиховъ,
 И одъ неслишкомъ громозвучныхъ,
 И сказочекъ довольно скучныхъ!...

Но знаешь ли, о мой гонитель,
 Какъ я бесѣдую съ тобой?
 Безпечный Пинда посѣтитель
 Я съ музой нѣжусь молодой....
 Ужъ утра яркое свѣтило
 Поля и рощи озарило;
 Давно пропѣли пѣтухи!
 Въ полглаза дремя и зѣвая,
 Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
 Пишу короткіе стихи
 Среди пріятнаго забвенья,
 Склонясь въ подушку головой—
 И въ простотѣ, безъ украшенья,
 Мои слагаю извиненья
 Немного сонною рукой.
 Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной
 Такъ нѣжился пѣвецъ прелестной,
 Когда Веръ-Вера воспѣвалъ, *
 Или съ улыбкой рисовалъ,

* Грессе. Поэма эта переведена В. С. Курочкинымъ, подъ заглавіемъ: «Попугай» и была напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ.

Въ непринужденномъ упоены.
 Уединенный свой чердакъ.
 Въ такомъ лѣнивомъ положены
 Стихи текутъ и такъ и сякъ.
 Возможно ли въ свое творенье,
 Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
 Тогда вперять холодный умъ.
 Отдѣлкой портить небыллицы.
 Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ.
 И сокращать свои страницы?

Нашъ другъ Шамфоръ. Шольё. Парни.
 Враги труда, заботъ, печали,
 Не такъ, бывало, въ прежни дни
 Своихъ любовницъ воспѣвали.
 О вы, любезные пѣвцы,
 Сыны безопасности лѣливой!
 Давно вамъ отданы вѣнцы
 Отъ музы праздности счастливой;
 Но не блестящiе дары
 Поэзиі трудолюбивой—
 На верхъ ессальскiя горы
 Вели васъ тайные извивы;
 Веселыхъ грацій перстъ игривой
 Младяя лпы оживлялъ,
 И ваши челы обвивалъ
 Дѣтей пафоскихъ рой шумливой!
 И я—неопытный поэтъ,
 Небрежный вашихъ рпемъ наследникъ.
 За вами крадуся во слѣдъ....
 А ты, мой скучный проповѣдникъ.
 Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
 Поди, кричи, брани другова,
 И брось лѣливца молодова,
 Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни,
 Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
 Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
 Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
 Страшусь, неопытный, безславнаго пареня,
 Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
 Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
 Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
 Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, нанерсникъ музъ любимый
 И блѣдной зависти предметъ непоколебимый,¹
 Привѣтливомъ меня вниманьемъ ободрилъ;
 И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
 И славный старецъ нашъ, царей цѣвецъ избранный,
 Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,²
 Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
 И счастье мнѣ предрекъ, неизнаемое мной.
 И ты, природою на цѣсни обреченный,
 Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
 Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
 Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
 Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
 И, тайно сѣдисясь, въ восторгахъ пламенѣла?
 Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
 Отважной вѣрою исполнилася грудь.
 Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
 Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья;
 Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
 И, мнится, геній вашъ промчался надо мной.

Но что? Подъ грозною парнасскою скалою
 Какое зрѣлище открылось предо мною?
 Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
 Вражды и зависти угрюмые сыны,

¹ Караязинъ. ² Державинъ.

Возвышенныхъ творцовъ вошлы записные.
 Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя.
 Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
 Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй;
 Смѣхъ общій имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.
 Ко мнѣ два призрака склонилса главами:
 Одинъ¹ на груди сѣлъ и прозы и стиховъ,
 Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
 Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныхъ могилы!
 Съ улыбкой внемлетъ вой стопослагатель чилый:
 Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Телемахъ:
 Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
 И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
 Спондеи жесткіе и дактили тугіе.
 Ретивой музою прославленный пѣвецъ!
 Гордись, ты Мевія надутый образецъ!
 Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья.
 Стоптъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
 Торжественной хвалы къ нему несется шумъ.
 А оня—оня рпѣмою попралъ и вкусъ и умъ.
 Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ.
 Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
 Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
 Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
 И съ Пинда сброшенный и проклятый Распиномъ?
 Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
 Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
 Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
 Веселье россиянь, полунощное диво?²
 Нѣтъ, въ тихой Летѣ оня потонетъ молчаливо!
 Ужъ на челѣ его забвенія печать.
 Предбудущимъ вѣкамъ что могъ оня передать?
 Страшилась грація цинической свирѣли,
 И персты грубые на лиръ костенѣли.

¹ Тредьяковскій. ² Ломоносовъ.

Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесень;
 Явится Депрео — исчезнетъ Шапелень.
 И что жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
 Невѣжду пестуетъ невѣжество слѣпое;
 Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ.
 Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
 Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
 Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
 Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
 Другіе въ бѣшенныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
 Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
 На сцену возведя зѣвающую музу,
 Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ:
 Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
 Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
 Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ.
 При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
 И маковый вѣнецъ Теспису ими свитъ.
 Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
 Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
 Волнуясь, встаютъ неустовой толпой.
 Бѣда. кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
 Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
 Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
 Кто выражается правдивымъ языкомъ,
 И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
 Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
 И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

И вы возстаньте же, парнасскіе жрецы,
 Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы!
 Въ счастливой ереси и вкуса и ученья,
 Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
 Отмститель генія, другъ истины — поэтъ!
 Лющая съ небесъ и жизнь, и вѣчный свѣтъ,
 Стрѣлою гибели десница Аполлона

Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пнѳона.
 Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами.
 Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
 Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, мечь!
 Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
 Летите на враговъ—и Фебъ и музы съ вамп!
 Разите варваровъ кровавыми стихами:
 Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ;
 Спѣсивыхъ риторовъ безграмотный соборъ....
 Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
 Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно,
 И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
 Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ?
 Что нужды? Смѣло въ даль дорогою прямою:
 Ученю руку давъ, поддержанный тобою,
 Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
 Мнѣ ты примѣръ! чтѣ крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
 Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба:
 Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
 Ихъ слава—имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
 И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

ДЕЛЪВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
 Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
 Живи подъ ихъ надежной сѣнью:
 Въ уединеніи ты счастливъ, ты поэтъ!
 Напернику боговъ не страшны бури злыя:
 Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
 Его баюкаютъ камены молодыя,
 И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
 О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья,
 Еще въ младенческую грудь,
 Вліяли пскру вдохновенья

И тайный указали путь.
 Я мирныхъ звуковъ наслажденья
 Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
 И лира стала мой удѣлъ.
 Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
 Незъяснимый сердца жаръ,
 Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
 Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ!
 Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
 И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой,
 Ни гордой жаждою похвалъ
 Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
 Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
 Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
 Внимая звуку струнъ твоихъ.

СТАНСЫ.

[изъ вольтера].

Ты мнѣ велишь пылать душою:
 Отдай же мнѣ протекши дни;
 Съ моею вечернею зарею
 Мое ты утро съедини.

Мой вѣкъ невидимо проходить;
 Изъ круга смѣховъ и харитъ
 Ужъ время скрыться мнѣ велить
 И за руку меня выводитьъ.

Не дастъ оно пощады намъ:
 Кто примѣняться не умѣетъ
 Къ своимъ измѣнчивымъ годамъ,
 Тотъ ихъ несчастья лишь пмѣетъ.

Счастливымъ рѣзвымъ, молодымъ,
 Оставимъ страсти, заблужденья;
 Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья—
 Одно разсудку отдадимъ.

Вы, услаждавшіи печали
 Минутной младости моей,
 Любовь, мечтанья первыхъ дней!
 Ужель на вѣкъ вы убѣжали?

Намъ должно дважды умереть.
 Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ:
 Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
 Чтò значитъ послѣ—не дышать?

На пасмурномъ моемъ закатѣ,
 Среди пустынной темноты,
 Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
 Обмановъ милыя мечты!

Тогда на голосъ мой унылой
 Мнѣ дружба руку подала:
 Она любви подобна милой
 Въ одной лишь нѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы
 Отрадныхъ юности дней.
 И вслѣдъ пошелъ—но лишь я слезы.
 Что могъ во слѣдъ идти лишь ей!

СНОВИДѢНІЕ.

[изъ вольтера].

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ.
 Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
 Мечталось, я любилъ тебя,
 И сердце бѣлось наслажденьемъ.
 И страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъвивалъ....
 Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили?
 Но боги не всего теперь меня лишили:
 Я только царство потерялъ.

ПИСЬМО КЪ ЛИДЪ.

[ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ].

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
 Надъ нами тихій свой покровъ,
 И время къ полночи придвинетъ
 Стрѣлу медлительныхъ часовъ,
 Въ счастливой тишинѣ природы,
 Когда не спитъ одна любовь,
 Тогда моей темницы вновь
 Покину я нѣмые своды....
 Летучихъ остальныхъ минутъ
 Мнѣ слишкомъ тягостна потеря;
 Но скоро Аргусы заснутъ,
 Замкамъ предательнымъ повѣря,
 И я въ обители твоей!...
 По скорой поступи моей,
 По сладострастному молчанью,
 По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
 По воспаленному дыханью
 И жаркимъ, ласковымъ словамъ
 Узнай любовника!... Настали
 Восторги, радости мои!
 О Лида, если бъ умрали
 Съ блаженства, нѣги и любви!...

ИМЕНИНЫ.

Умножайте шумъ и радость;
 Пойте пѣсни въ добрый часъ:
 Дружба, грація и младость
 Имениницы у насъ.
 Между тѣмъ дитя крылато,
 Васъ привѣтствуя, друзья,
 Втайнѣ думаетъ: когда-то
 Имениникъ буду я?

БЕЗВѢРІЕ.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ.
 Считаая мрачное безвѣріе порокомъ,
 Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
 Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ.
 Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье!
 Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
 Взгляните на него—не тамъ, гдѣ каждый день
 Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь.
 Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною.
 Въ бесѣдѣ съ дружествомъ, плъ съ темною мечтою—
 Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой.
 Своей ужасною томимый пустой;
 То горьки слезы льетъ, то рабъ страстей. волненья.
 Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья.
 Напрасно, въ пышности свободной простоты.
 Природы передъ нимъ открыты красоты:
 Напрасно вокругъ себя печальный взоръ онъ водить:
 Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.
 Настигнетъ ли его глухимъ судьбъ ударъ.
 Отыметъ ли вдругъ минутный счастья даръ.
 Въ любви ли, въ дружествѣ ль обниметъ онъ измѣну.
 И невозвратную онъ имъ узнаетъ цѣну—
 Лишенный всѣхъ опоръ, отпадшій вѣры сынъ,
 Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
 И мощная рука къ нему съ дарами мира
 Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
 Несчастные, страстей и немощей сыны,
 Мы всѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены;
 Всечастно бранныхъ узъ готово разрушенье;
 Нашъ вѣкъ—невѣрный день; смерть—быстрое затмѣнье.
 Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ,
 Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ:
 Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
 И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!

Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
 О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
 Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
 И, ободренную, съ надеждой отпускаешь.
 Но, други, пережить ужаснѣе друзей!...
 Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
 Живить унылый духъ и сердца ожидаетъ:
 «Настанетъ—говорить—назначенно свиданье.»
 А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ!
 Съ усладою бытія несчастный разлученъ,
 Надежды тихаго не внемлетъ онъ привѣта:
 Подходить къ гробу онъ, взываетъ.... нѣтъ отвѣта!
 Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
 Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ?...
 Видали ль вы его надъ хладною могилой,
 Гдѣ Делія его таится пепелъ милой?
 Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
 Къ кресту припикнулъ онъ безчувственной главою;
 Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья,
 Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья,
 Дрожитъ! И между тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ пѣвъ.
 У гроба матери колѣна преклонивъ,
 Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
 Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжной.
 Одна, туманною луной озарена,
 Какъ ангель горести является она,
 Вдыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ:
 Все тихо; но она, какъ кажется, внимаетъ....
 Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
 Поникнулъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
 Спѣшитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ:
 Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ.
 Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
 При древнемъ торжествѣ священнычъ алтарей,
 При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ.
 Тревожится его безвѣрное мученье.

Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зреть;
 Съ померкшею душой святынь предстоить:
 Холодный ко всему и чуждый умилению,
 Съ досадою тихому внимаешь онъ моленью.
 «Счастливыцы!» мыслить онъ: «почто не можно мнѣ,
 Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ.
 Забывъ о разумѣ, и немощномъ и строгомъ,
 Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ!
 Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
 Ему сей тайны знать! Безвѣріе одно
 По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый,
 Несчастливаго влечетъ до вѣчныхъ вратъ могилы!»

КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
 Минутной рѣзвости нескромные стихи:
 Люблю я первый. будь увѣренъ.
 Твои счастливые грѣхи.

Все чередой идетъ опредѣленной.

Всему пора. всему свой мигъ;
 Смѣшонъ и вѣтреныи старикъ.
 Смѣшонъ и юноша степенный.
 Пока живется намъ, живи;
 Гуляй въ мое воспоминанье;
 Молись и Вакху и любви.

И черни презирай ревнивое роптанье:

Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить

Съ Клеерой, съ Портикомъ и съ книгой, и съ богами:

Что умъ высокій можно скрыть

Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи, царвасскій мой отецъ,
 Неужто вѣрный музъ любовникъ
 Не можетъ вѣжливый быть вѣзецъ

И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
 Ужели тотъ, кто иногда
 Жжетъ ладонь Аполлону даромъ,
 За честь не можетъ безъ стыда
 Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ,
 И, если можно, города?
 Беллона, муза и Венера
 Вотъ, кажется, святая вѣра
 Дней нашихъ всякаго пѣвца;
 Я шлюсь на русскаго Буфлера
 И на Дениса храбреца,¹
 Но не на Глинку офицера,
 Довольно плоскаго пѣвца;
 Не нужно мнѣ его примѣра!
 Ты скажешь: перестань, болтунъ,
 Будь человекъ, а не драгунъ!
 Парады, карауль, ученье—
 Все это оды не внушить,
 А только душу изсушить.
 И къ Марину для награжденья,
 Быть можетъ, прямо за Коцить
 — Пошлетъ читать его творенья.»
 Послушай, дядя милый мой,
 Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ,
 Ты съ дипломатикой косою!¹ . . .
 Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ,
 Оставь военные грѣхи,
 И въ сладостяхъ успокоенья
 Пиши сенатскія рѣшенья
 И пятистопные стихи;
 И не съ гусарскаго корнета—
 Возьми примѣръ съ того поэта,
 Съ того, котораго рука
 Нарисовала Ермака

¹ Д. В. Давыдовъ.

Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта.
 II плѣнь могучаго Мегмета,
 И мужа модные рога;
 Который, милостию Бога,
 Министръ и сладостный пѣвецъ,
 Былъ строгой чести образецъ.
 Какъ образецъ онъ будетъ слога....¹
 Все такъ, почтенный дядя мой,
 Почтенъ, кто глупости людской
 Рѣшилъ запутанные споры,
 Умѣлъ кто хитрости рукой
 Переплетать между собой
 Дипломатическіе вздоры,
 II править нашею судьбой.
 Смѣшонъ, конечно, мирный воишъ,
 II эпиграммы самой злой
 Въ извѣстныхъ «Святкахъ»² онъ достоинъ:
 Но что прелестнѣй и живѣй
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пустыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
 II что завиднѣй брашныхъ дней
 Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
 Вдали забавъ, и нѣгъ, и грацій,
 Какъ жилъ безсмертный трусъ Гораций
 Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
 Не знаютъ свѣта принужденья.
 Не вѣдаютъ, что скука, страхъ.
 Даютъ обѣды и сраженья,
 Поютъ и рубятся въ бояхъ.
 Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
 О комъ за пѣсни, за дѣла

¹ Пв. Пв. Дмитріевъ. ² Сатира кн. Д. П. Горчакова.

Гремитъ правдивая хвала,
 Кто славитъ Марса и Тамиру,
 И брачную повѣсилъ лиру
 Межъ вѣрной сабли и сѣкла!
 Но вы, враги трудовъ и славы,
 Потомцы Феба и забавы,
 Вы, мирной праздности друзья,
 Шепчу вамъ на-ухо: вы правы,
 И съ вами соглашаюсь я!
 Богъ создалъ для себя природу,
 Свой рай и счастье глупцамъ,
 Злословіе, мужнишь и моду,
 Конечно, для забавы дамъ;
 Заботы—знатному народу,
 Дурачество—для всѣхъ; а памъ—
 Уединенье и свободу.

— — —

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ

[изъ пѣни].

Давайте пить и веселиться,
 Давайте жизнью играть;
 Пусть чернь слѣзная суетится:
 Не намъ безумной подражать.
 Пусть наша вѣтрена младость
 Потонетъ въ нѣгъ и въ вивѣ;
 Пусть пзмѣняющая радость
 Намъ улыбнется хогъ во снѣ.
 Когда же юность легкимъ дымомъ
 Умчитъ веселость юныхъ дней,
 Тогда у старости отыметимъ
 Все, что отыметъ у ней.

— — —

КЪ ТОВАРИЩАМЪ ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

Промчались годы заточенья:
 Недолго, милые друзья,
 Намъ видѣтъ кровь уединенья
 И царскосельскія поля.
 Разлука ждетъ насъ у порогу;
 Зоветъ насъ свѣта дальнѣй шумъ.
 И каждый смотритъ на дорогу
 Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ.
 Шной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
 Уже въ воинственномъ нарядѣ
 Гусарской саблею махнулъ;
 Въ крещенской утренней прохладѣ.
 Красиво мерзнетъ на парадѣ,
 А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
 Другой, рожденный быть вельможей,
 Не честь, а почести любя,
 У плута знатнаго въ прихожей
 Покорнымъ плутомъ зритъ себя.
 Лишь я, судьбѣ своей послушный.
 Счастливой иѣги вѣрный сынъ.
 Душой безпечный, равнодушный,
 Въ постели задремалъ одинъ.
 Равны мнѣ писаря, уланы,
 Равны мнѣ каски, кивера;
 Не рвусь я грудью въ капиганы
 И не ползу въ ассесора.
 Друзья, немного снисхожденья!
 Оставьте пестрый мнѣ кознакъ.
 Пока его за прегрѣшенья
 Не промѣнялъ я на шишакъ;
 Пока лѣнивому возможно,
 Не опасаясь грозныхъ обѣдъ.
 Еще рукой неосторожной
 Въ июль распахнуть жилетъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Д. ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
 Хоть христіанинъ православною.
 Душа безсмертна, слова нѣтъ;
 Моимъ стихамъ удѣлъ неравною:
 И пѣсни музы своенравною,
 Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
 Погибнутъ смертію забавною,
 И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
 Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
 Что предпочелъ бы я скорѣй
 Безсмертію души моею
 Безсмертіе своихъ твореній.
 Не властны мы въ судьбѣ своей;
 По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
 Сей плодъ небрежный вдохновенья,
 Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
 На скромныхъ дружества листкахъ,
 Уйдетъ отъ общаго забвенья.
 Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
 Твоею дружбой оживленный;
 Мои стихи пускай умрутъ:
 Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
 Навѣрно ихъ переживутъ.

31 мая 1817.

ВЪ АЛЬБОМЪ ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
 Исписанный когда-то мною,
 На время улети въ лицейскій уголокъ
 Всесильной, сладостной мечтою.
 Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
 Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
 Печали, радости, мечты души твоею,
 Размолвки дружества и сладость примиренья,

Что было и не будетъ вновь...

И съ тихими тоски слезами

Ты вспомни первую любовь.

Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями

Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключень:

Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбамъ,

О милый, вѣченъ онъ!

РАЗЛУКА.

[В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ].

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,

Моимъ стихамъ внимаешь нашъ пенать.

Лицейской жизни милый братъ,

Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.

Прошли гѣта соединенья;

Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.

Прости! Хранимый небомъ.

Не разлучайся, другъ.

Съ свободою и Фебомъ!

Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,

Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:

И дни твои полетомъ сновидѣнья

Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!

Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,

При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья.

Святому братству вѣренъ я.

И пусть [услышитъ ли судьба мои молитвы?],

Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

Лицей. 9 июля 1817.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

Когда погаснутъ дни мечтанья

И позоветъ насъ шумный свѣтъ—

Кто вспомнитъ братскія свиданья

И дружество минувшихъ лѣтъ?...
 Позволь въ листахъ воспоминанья
 Оставить имъ минутный слѣдъ

1817 [при выпускѣ изъ лицея].

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Всевышней волею небесъ
 Окованный на службѣ царской—
 Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ,
 У насъ—онъ офицеръ гусарской.

КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ.
 На марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ вонтель,
 Дружбамъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
 И всюду онъ гусаръ.

К. П. БАКУНИНОЙ.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
 Мнѣ истина всего дороже.
 Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
 Подумавъ, я скажу все то же.

КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ,
 Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
 Съ дарами юности мой геній отлеталъ,
 И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
 Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны!
 Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
 Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
 Когда, поэзіи поклонникъ безмятежной,

На лиръ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки—

И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки.

Напрасно! Я влчилъ постыдной лѣни грузъ.
Въ дремоту хладную невольно погружался.
Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ мыслей музъ.
И — слезы на глазахъ — со славою прощался!

Но вдругъ, какъ молніи стрѣла
Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младасть.
Душа проснулась, ожила.

Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвѣло! Я жизнью тренегалъ:

Природы вновь восторженный свидѣтель.
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ.

Сильнѣй плѣняла добродѣтель...
Хвала любви, хвала богамъ!

Вновь лиры сладостной раздалися голоса юныи.
И съ звонкимъ тренегомъ воскреснувшія струны
Несу къ гвономъ ногамъ!

ТОРЖЕСТВО ВАХЛА.

Откуда чудный шумъ, неистовые вѣлки?
Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?
Что значать радостные лики
И пѣсни поселятъ?
Въ ихъ кругъ свѣтлая свобода
Пріяла праздничный вѣнокъ.
Но двинулись толпы народа...
Онъ приближается... Вотъ онъ, богъ сильный богъ!
Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
Вотъ онъ, вотъ Индін герой!
О радость! полныя тобой
Дрожать, готовы грянуть струны
Нелицемѣрною хвалою.

Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вогъ опъ, вотъ Вакхъ! О часъ отраднѣй!
 Державный тирсъ въ его рукахъ;
 Вѣнецъ желтѣетъ виноградный
 Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
 Течетъ. Его молодые тигры
 Съ покорной яростью влекутъ;
 Кругомъ летятъ эроты, игры—
 И гимны въ честь ему поютъ.
 За нимъ тѣснится козлоногій
 И фавновъ, и сатиоровъ рой;
 Плющемъ опутаны ихъ роги.
 Бѣгутъ смятенною толпою
 Вослѣдъ за быстрой колесницей:
 Кто съ тростниковою цѣвницей,
 Кто съ вѣрной кружкой своей;
 Тотъ оступившись упадаетъ.
 И бархатный коверъ полей
 Виномъ багровымъ обливааетъ,
 При дикомъ хохотѣ друзей.
 Тамъ, далѣ. вижу дивный ходъ:
 Звучатъ веселые тимпаны;
 Младья нимфы и спльваны,
 Составя шумный хороводъ,
 Несутъ недвижнаго Спмена...
 Вино сгрудится, брызжетъ пѣна,
 И розы сыплются кругомъ;
 Несутъ за спящимъ старикомъ
 И тирсъ, символъ побѣды мирной,
 И кубокъ тяжко-золотой,
 Вѣнчаннѣй крышкою сапфирной,
 Подарокъ Вакха дорогой.

Но воесть берегъ отдаленный:
 Власы раскинувъ по плечамъ.
 Вънчанны гроздемъ, обнаженны,
 Бѣгутъ вакханки по горамъ.
 Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
 Гремятъ и вторять ихъ ужаснымъ голосамъ.
 Промчались, летять, свиваются руками,
 Волшебной пляской топчуть лугъ;
 И младость пылкая толпами
 Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы:
 Ихъ страдооастные напѣвы
 Въ сердца вливають жаръ любви;
 Ихъ перси дышать вождельнѣемъ;
 Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
 Сказали: счастье лови!
 Ихъ вдохновенныя движенья
 Сперва изображаютъ намъ
 Сгдливость милаго смятенья.
 Желанье робкое, а тамъ
 Восторгъ и дерзость наслажденья.
 Но вотъ рассыпалсь по холмамъ и полямъ
 Махая тирсами несутся;
 Ужь издали ихъ вопли раздаются,
 И гулъ имъ вторитъ по лѣсамъ:
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
 Забвенью бросимъ суеты!
 Теки, вино, струею пѣвной
 Въ честь Вакха, музъ и красоты!
 Эванъ. эвое! Дайте чаши!

Несите свѣжіе вѣнцы!
 Небольнички, гдѣ тирсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

ПРОЩАНИЕ СЪ ТРИГОРСКИМЪ.

Престите, вѣрныя дубравы!
 Прости, безпечный миръ полей,
 И легкокрылыя забавы
 Столь быстро улетѣвшихъ дней!
 Прости, Тригорское, гдѣ радость
 Меня встрѣчала столько разъ!
 На то ль узналъ я вашу сладость,
 Чтобъ навсегда покинуть васъ?
 Отъ васъ беру воспоминанье,
 А сердце оставляю вамъ.
 Быть можетъ [сладкое мечтанье]
 Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
 Приду подъ липовые своды
 На скать Тригорскаго холма,
 Поклонникъ дружеской свободы,
 Веселыхъ грацій и ума.¹

10 сентября 1817.

Е. С. ОГАРЕВОЙ.

М—ъ, хвастунъ безстыдной,
 Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ.
 Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
 Что будто самъ онъ богъ садовъ.

---

¹ Вѣроятно въ эту же поѣздку Пушкинъ сообщалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

Есть въ Россіи городъ Луга
 Петербургскаго округа;
 Хуже бѣ не было сего
 Городишки на примѣтъ,
 Если бѣ не было на свѣтъ
 Новоржева моего.

Чему дивиться тугъ? Харига
 Улыбкой свягость побѣдигъ,
 Съ ума сведеть М—а
 И пылъ желаній въ немъ родигъ.

И онъ, твой всгрѣти взоръ волшебный,
 Забудеть о своемъ крестѣ.
 И нѣжно станегъ пѣть молебны
 Твоей небесной красотѣ.

 КЪ ***.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
 Среди забавъ я часто омраченъ,
 Зачѣмъ на все подѣмлю взоръ угрюмой.
 Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
 Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
 Я разлюбилъ веселую любовь
 И никого не называю милой:
 Кто разъ любилъ, ужъ не полюбигъ вновь;
 Кто счастье зналъ, ужъ не узнаеть счастья.
 На краткій мигъ блаженство памъ дано:
 Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
 Останется уныніе одно.

27 ноября 1817.

 КН. ЕВДОКІИ ПВАНОВНѢ ГОЛИЦЫНОЙ.

Краевъ чужихъ неолыгный любитель
 И своего всегдашній обвинитель,
 Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
 Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ гений мы найдемъ?
 Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
 Возвышенной и пламенно-свободной?
 Гдѣ женщина не съ мертвою красою,
 Но съ огненной, плѣнительной, живой?
 Гдѣ разговоръ найду непринужденный,

Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
 Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?—
 Отечество почти я ненавиждѣль;
 Но я вчера Голицыну увидѣль—
 И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

30 ноября 1817.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
 Свистъ;
 Мараютъ онъ единымъ духомъ
 Листъ;
 Потомъ всему терзаетъ свѣту
 Слухъ;
 Потомъ печатаетъ: и въ Лету
 Бухъ!

— — — —
 * *
 * *

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
 Разсчетъ коротокъ мой съ тобой:
 Ну, такъ—я празденъ, я безъ дѣла;
 А ты бездѣльникъ дѣловой.

«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный,
 Эмпіей человекъ пустой.»
 Да ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядный?
 А, понимаю: самъ собой!
 Ты полонъ дряни, милый мой!

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый,
 Педантъ надутый и мудреный:

Онъ важно судить обо всемъ.
 Всего онъ знаетъ понемногу.
 Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
 Ты просто глупъ, и слава Богу!

— — —
 * *
 * *

Охотникъ до журнальной драки.
 Сей усыпительный зоплъ
 Разводитъ опіумъ чернилъ
 Слюною бѣшеной собаки.

— — — — —
 1818.

—
 КЪ Ѡ. Ф. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вѣтреныхъ Лансъ.
 Прелестный баловень Киприды.
 Умѣй сносить, мой Адонисъ,
 Ея минутныя обиды!
 Она дала красы молодой
 Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
 И черный усъ и взглядъ живой.
 Любви улыбку и молчанье.
 Съ тебя довольно, милый другъ!
 Пускай, желаній пылкихъ чуждый.
 Ты поцѣлуями подругъ
 Не наслаждаешься; что нужды?
 Въ чаду веселій городскихъ.
 На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры.
 Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
 Летятъ задумчивые взоры....
 Увы! языкъ любви нѣмой,
 Сей вздохъ души краснорѣчивой.

Быть долженъ стадокъ, милый мой,
 Безпечности самолюбивой.
 И счастливъ ты своей судьбой!
 А я—повѣса вѣчно праздный,
 Помонокъ негровъ безобразный,
 Взрощенный въ дикой простотѣ,
 Любви не вѣдая страданій,
 Я нравлюсь юпой красотѣ
 Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній....
 Съ невольнымъ пламенемъ ланить,
 Украдкой нимфа молодая,
 Сама себя не понимая,
 На фавна иногда глядитъ.

 ВЪ АЛЬБОМЪ

МИХ. АНДР. ЩЕРВИНИНУ.

Житъе тому, любезный другъ,
 Кто страстью глупою не боленъ,
 Кому влюбиться недосугъ,
 Кто занять всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
 Кто Надпшкѣ подъ-вечерокъ
 За тайнымъ ужномъ ласкаеть,
 И жирный страсбургскій пирогъ
 Виномъ душистымъ запиваетъ;
 Кто, удаливъ заботы прочь,
 Какъ вѣрный сынъ пафосской вѣры,
 Проводитъ набожную ночь
 Съ молодой монашенкой Цитеры;
 Поутру сладко дремлетъ онъ,
 Читая лисгикъ Пивалда;
 Весь день веселью посвященъ;
 А ночью царствуетъ Кирида!
 И мы не такъ ли дни ведемъ.
 Щербининъ, рѣзвый другъ забавы.

Съ Амуромъ. шалостью. виномъ.
 Покаместъ молоды и здравы?
 Но дни молодые пролетятъ,
 Веселье, нѣга насъ покинутъ.
 Желаньямъ чувства измѣнятъ.
 Сердца изсохнутъ и остынутъ:
 Тогда безъ пѣсенъ. безъ подругъ.
 Безъ наслажденій. безъ желаній.
 Найдемъ отраду. милый другъ.
 Въ туманномъ свѣ воспоминаній!
 Тогда, качая головой,
 Скажу тебѣ у двери гроба:
 Ты помнишь Фанинъ, милый мой?
 — И тихо улыбаемся оба.

Н. П. КРИВЦОВУ.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ВОЛЬТЕРОВОЙ ПОЭМЫ

Когда сожмешь ты снова руку
 Которая тебѣ дарить,
 На скучный пугъ и на разлукъ
 Вотъ эту библию харить?
 Амуръ нашелъ ее въ Цитерѣ,
 Въ архивѣ шалости молодой:
 Но ней молись своей Венерѣ
 Благочестивою душой.
 Прости, эпикуреецъ мой!
 Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
 Лети во мрачный Альбионъ!
 Да сохранить тебя въ чужбинѣ
 Христось и вѣрный Купидонъ!
 Неси въ чужой предѣлъ пената;
 Но помни прежни дни свои:
 Люби недѣвственнаго брата,
 Страдальца чувственной любви.

СКАЗКИ.

... (Отъ радости въ постелѣ
Распрыгалось дитя.

«Неужто въ самомъ дѣлѣ?

Неужто не шутя?»

А мать ему: «бай-бай, закрой свои ты глазки;

Пора уснуть ужъ наконецъ,

Послушавши, какъ нашъ отецъ

Разсказываетъ сказки.»

Мартъ 1818.

КЪ ПЕТРУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роговой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья!
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна.
II . . . . .
Напишетъ наши имена.

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

[ШТЕЙНГЕЛЬ].

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
 Умильнымъ голосомъ и взоромъ,
 Младое сердце распалать.
 И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызывать?
 Къ чему обманчивая нѣжность,
 Стыдливости притворный видъ,
 Движеній томная небрежность,
 И трепеть усть, и жаръ ланить?
 Напрасны хитрѣя старанья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ....
 Невольный хладъ негодоганья
 Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
 Твоею прелестью надменной
 Кто не владѣлъ во тьмѣ ночной?
 Скажи: у двери оцѣневной
 Твоей обители презрѣнной
 Кто смѣлой не стучалъ рукой?
 Нѣтъ, нѣтъ, другому съой завѣный
 Неси, прелестница, вѣнокъ;
 Ласкай неопытный порокъ.
 Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
 Но гордый замыселъ забудь:
 Не привлечешь питомца музы
 Ты на предательскую грудь.
 Неси другимъ наемны узы.
 Своей любви постыдный торгъ.
 Къ корысти хладныя лобзанья,
 И принужденныя желанья,
 И златомъ купленный восторгъ!

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
 Или невѣрное то было свидѣнье,
 Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
 Обманомъ волновалъ мое воображенье?
 Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
 Ты ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
 Въ одеждѣ война съ неловкостью пріятной?
 Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
 Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
 И слабымъ шопотомъ подругу я называлъ....
 Но вновь въ умѣ моемъ тѣснились мрачныя грезы:
 Я слабою рукой искалъ тебя во мгнѣ....
 И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы,
 И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ....

Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
 Желанья, жизни огнь по сердцу пробѣжалъ!

Я закипѣлъ, затрепеталъ!

И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
 Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ.

Приди, меня мертвить любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи

Явись, волшебница! пускай увижу вновь
 Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,

И плащъ, и поясъ боевой,

И бранной обувью украшенныя ноги....

Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой:

Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой

Мнѣ снова ниспослали боги,

А съ нимъ и сладкія тревоги

Любви таинственной и шалости младай.

МЕЧТАТЕЛЮ.

[В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ].

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье:

Тебѣ пріятно слезы лить,

Напраснымъ пламенемъ томить воображенье

И въ сердцѣ тихое уныніе таить.

Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!

О если бы тебя, унылыхъ чувствъ некатель.

Постигло страшное безуміе любви;

Когда бѣ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови:

Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,

На ложѣ медленно терзаемый тоской.

Ты звалъ обманчивый покой.

Вотще смыкая скорбны очи,

Покровы жаркіе рыдая обнималъ.

И сохнуль въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:

Повѣрь, тогда бѣ ты не питалъ

Неблагодарнаго мечтающа;

Нѣтъ, нѣтъ, въ слезахъ упавъ къ ногамъ

Своей любовницы надменной,

Дрожащій, блѣдный, паступленный,

Тогда бѣ воскликнулъ ты къ богамъ:

Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,

Возьмите отъ меня сей образъ роковой:

Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой....

Но мрачная любовь и образъ незабвенный

Остались вѣчно бы съ тобой.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость

Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,

И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость.

Утѣшится безмолвная печаль,

И рѣзвая задумается радость.

ЖУКОВСКОМУ.

[на издание книжекъ его: «для немногихъ»].

Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты для немногихъ,
Не для завистливыхъ судей,
Не для собрателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбить счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

ВЪ АЛЬБОМЪ И. Я. СОСНИЦКОЙ.

Вы съединить могли съ холодностью сердечной
Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.
Кто любитъ васъ, тотъ очень глупъ, конечно;
Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

НА КАРАМЗИНА.

1.

Въ его исторіи изящность. простота
 Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
 Необходимость самовластья
 И прелести кнута.

2.

Послушайте: я вамъ скажу про старину,
 Про Игоря и про его жену.
 Про Новгородъ, про время золотое,
 И наконецъ про Грознаго Царя.
 — И, бабушка, затѣяла пустое:
 Докончи лучше намъ Плью богатыря.

НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА.

1.

Вотъ Хвостовой покровитель,
 Вотъ холопская душа,
 Просвѣщенія гонитель.
 Покровитель Бантыша.
 Напчайте, Бога ради,
 На него со всѣхъ сторонъ!...
 Не попробовать ли сзади?
 Тамъ всего слабѣе онъ.

2.

Полу-фанатикъ. полу-плуть
 Ему орудіемъ духовнымъ
 Проклятье, мечъ, и крестъ. и кнутъ.
 Пошли намъ, Боже, недостойнымъ,
 Поменьше пастырей такихъ—
 Полублагихъ. полусвятыхъ.

1819.

--

ВАС. ВАС. ЭНГЕЛЬГАРДУ.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
 Худой, обрѣтый, но живою:
 Его мучительная лапа
 Не тяготѣетъ надо мной.
 Здоровье, легкій другъ Пріангъ
 И сонъ, и сладостный покой,
 Съ Кипридой посѣтили снова
 Мой уголь тѣсный и простой.
 Утѣшь и ты полубольнаго!
 Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
 Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
 Лѣнивый Пинда граждапикъ.
 Свободы, Вакха вѣрный сынъ,
 Венеры набожный поклонникъ
 И наслажденій властелинъ!
 Отъ суеты столицы праздной.
 Отъ хладныхъ прелестей Невы,
 Отъ вредной сплетницы молвы,
 Отъ скуки, столь разнообразной.
 Я ѣду въ даль! Простіте дамы,
 Актрисы, франты, доктора.
 Шумящи игры, вечера,
 Гдѣ льются пуншъ и эшиграмы!
 Меня зовутъ поля, луга,
 Тѣнисты липы огорода,
 Озеръ пустынныхъ берега
 И деревенская свобода.
 Дай руку мнѣ. Приѣду я
 Въ началѣ мрачномъ октябрю:
 Съ тобою пить мы будемъ снова.
 Открытымъ сердцемъ говоря,

На счетъ глупца, вельможи злова,
 На счетъ холопа записнова.
 На счетъ небеснаго
 А иногда на счетъ земнова.

Н. П. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
 Гроба близкимъ новосельемъ:
 Право, намъ такимъ бездѣльемъ
 Заниматься недосугъ.
 Пусть остылой жизни чашу
 Тянетъ медленно другою:
 Мы жъ утратимъ юность нашу
 Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
 Каждый у своей гробницы.
 Мы присядемъ на порогъ,
 У нафосскія царицы
 Свѣжій выпросимъ вѣнокъ.
 Лишній мигъ у вѣрной лѣни:
 Круговой нальемъ сосудъ.
 И толпою наши тѣни
 Къ тихой Летъ убѣгутъ.
 Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель,
 И подруги шалуновъ
 Соберутъ ихъ легкій пепель
 Въ урны праздна пировъ.

СТАНСЫ.

[я. п. голстому].

Философъ ранній, ты бѣжишь
 Пировъ и наслажденій жизни,
 На игры младости глядишь
 Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милья забавы свѣта
 На грусть и скуку промѣняль,
 И на лампаду Эпиктета
 Златой Гораціевъ фіалъ.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ.
 Пора унылыхъ сожалѣній,
 Холодной истины заботъ
 И бесполезныхъ размышленій.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ.
 Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки:
 Надъ сѣдинами не гремятъ
 Безумства рѣзвыя гремяшки

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
 Зови же сладкое бездѣлье,
 И легкокрылую любовь,
 И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
 Живи безпечень, равнодушень!
 Мгновенью жизни будь послушень.
 Будь молодъ въ юности твоей!

— — —

* *
 *

Воспомнаньемъ упоенный,
 Съ благоговѣньемъ и тоской
 Объемлю грозный мраморъ твой,
 Кагула памятникъ надменный!
 Не смѣлый подвигъ россіянъ,
 Не слава, даръ Екатерины,
 Не Задунайскій великанъ
 Меня воспаменяютъ нынѣ...

ОРЛОВУ.

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
[Хотя и русской генералъ]
Любезность, разумъ просвѣщенной;
О ты, который, съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку.
Усталымъ усачамъ, верхомъ
Преподаешь царей науку.
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача;
Орловъ, ты правъ: я забываю
Свои гусарскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля—суеты!
На генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ слѣдить его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ придворный: общанья
Ему не стѣять ничего.
Смиривъ немирныя желанья
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой
Съ цѣвницей, нѣгой и природой
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ.
Или въ травѣ густыхъ луговъ
Или холма на злачномъ скатѣ
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ.
Я буду пѣть моихъ боговъ,

И буду ждать.—Когда жъ возстанеть
 Съ одра покоя богъ мечей
 И брани громкой вызовъ грянетъ,
 Тогда покину миръ полей;
 Пшомецъ пламенный Беллоны.
 У трона вѣрный гражданинъ!
 Орловъ, я стану подъ знамены
 Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
 Въ шатрахъ, средь сѣчи. средь пожаровъ
 Съ мечемъ и съ лирой боевой
 Рубиться буду предъ тобой
 И славу пѣть твоихъ ударовъ.

1819 Июль.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ
 Спасался нѣкогда монахъ,
 Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
 Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
 Уже лопаткою смиренной
 Себѣ могилу старецъ рылъ,
 И лишь о смерти вождельняной
 Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣтомъ у порогу
 Поникшей хижины своей
 Анахоретъ молился Богу.
 Дубровы дѣлались чернѣй;
 Туманъ надъ озеромъ дымился.
 И красный мѣсяцъ въ облакахъ
 Тихонько по небу катился.
 На воды сталъ глядѣть монахъ.

Глядитъ, неволью страха полный;
 Не можетъ самъ себя понять...
 И видитъ: закипѣли волны,

И присмирѣши вдругъ опять....
 И вдругъ.... легка, какъ тѣнь почвая.
 Бѣла, какъ ранній сѣвгъ холмовъ.
 Выходитъ женщина нагая
 И молча сѣла у бреговъ.

Глядитъ на стараго монаха.
 И чешетъ влажные власы.
 Святой монахъ дрожитъ со страха
 И смотритъ на ея красы.
 Она манитъ его рукою,
 Киваетъ быстро головой....
 И вдругъ падучею звѣздою
 Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмомъ
 И не молился цѣлый день:
 Передъ собой съ невольной думой
 Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
 Дубровы вновь одѣлись тьмою.
 Пошла по облакамъ луна.
 И снова дѣва надъ водою
 Сидитъ, прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою.
 Цѣлуетъ издали шутя,
 Играетъ, плещется волною.
 Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя.
 Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ....
 «Монахъ, монахъ! ко мнѣ. ко мнѣ!...»
 И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ....
 И все въ глубокой тишинѣ.

На третій день отшельникъ страстно
 Близъ очарованныхъ бреговъ
 Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
 А тѣнь ложилась средь дубровъ...
 Заря прогнала тьму ночную.

Монаха не нашли нигдѣ.
И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

ДЕРЕВНЯ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные ппры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумять.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда.
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты.
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные, и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ.
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя, или глупца въ величїи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединенїи величаюмъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ:

Онъ гонить лѣни сонъ угрюмый,
 Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
 И ваши творческія думы
 Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
 Другъ челоѣчества печально замѣчаетъ
 Вседѣ невѣжества губительный позоръ.

Не видя слезъ, не внемля стона,
 На пагубу людей избранное судьбой,
 Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона.
 Присвоило себѣ насильственной лозой
 И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
 Склоняся на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
 Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
 Неумолимаго владѣльца.

Здѣсь тягостный яремъ до гроба все влекутъ;
 Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя.

Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ

Для прихоти развратнаго злодѣя;
 Опора милая старѣющихъ отцовъ,
 Младые сыновья, товарищи трудовъ,
 Изъ хижины родной идутъ собою множить
 Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
 О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
 Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
 И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
 Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенной
 И рабство падшее по манію царя,
 И падъ отечествомъ свободы просвѣщенной
 Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря!

ДОВОМУ.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
 Тебя молю, мой добрый домовой,

Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
 И скромную семью моей обитель!
 Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
 И вѣтра поздняго осеніе набѣги;
 Да въ пору благотворны сѣвги
 Покроюгъ влажный тукъ полей!
 Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни.
 Постигни робостью полуночнаго вора,
 И отъ недружескаго взора
 Счастливый домикъ охрани!
 Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ.
 Люби мой милый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
 И сей укромный огородъ
 Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
 Люби зеленый скатъ холмовъ,
 Луга, измятые моею бродящей лѣнью,
 Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
 Они знакомы вдохновенью.

НЕДОКОНЧЕННАЯ БАРТИНА.

Чья мысль восгоргомъ угадала,
 Постигла тайну красоты?
 Чья кисть, о небо, означала
 Сии небесныя черты?
 Ты, гений!... Но любви страданья
 Его сразили. Взоръ нѣмой
 Вперилъ онъ на свое созданье,
 И гаснетъ пламенной душой.

ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
 Картину генія чернить
 И свой рисунокъ беззаконной
 Надъ ней безмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
 Спадаютъ ветхой чешуей;
 Созданье генія предъ нами
 Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
 Съ измученной души моей,
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

—

ОТВѢТЪ

НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТ-
 РИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ.

На лирѣ скромной, благородной.
 Земныхъ боговъ я не хвалю,
 И силѣ, въ гордости свободной,
 Кадиломъ лести не кадилю.
 Свободу лишь умѣя славить,
 Стихами жертвую лишь ей.
 Я не рожденъ царей забавить
 Стыдливой музою моею.
 Но, признаюсь, подъ Геліономъ,
 Гдѣ касталійскій токъ шумѣлъ,
 Я, вдохновенный Аполлономъ,
 Елизавету втайнѣ пѣлъ.
 Небеснаго земной свидѣтель,
 Воспламененною душой,
 Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
 Съ ея привѣтливой красой.
 Любовь и тайная свобода
 Внушали сердцу гимнъ простой—
 И неподкупный голосъ мой
 Былъ эхо русскаго народа.

—

НИКИТЪ ВСЕВОЛОДЪ ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
И такъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ пѣну,
Безпечно дремлютъ на яву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ,
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
— Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очагахъ,
И тучной знатности похмѣлье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держася моего совѣта,
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ

Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
-- Аи холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣвивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ; задорный кубокъ
Обходить ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой!
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепеть упоенья....
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милого найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.

Гдѣ бѣ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
 Изъ рукъ младаго сладострастья,
 И докажи, что ты знатокъ
 Въ невѣдомой наукѣ счастья.

27 ноября 1819.

КН. А. М. ГОРЧАКОВУ.

Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ.
 Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
 Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
 Гдѣ, красоты безпечный обожатель,
 Я провожу незнаемый досугъ.
 Какъ ты, мой другъ, въ неопытныхъ лѣтахъ,
 Опасною прельщенный суетой,
 Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
 Но угорѣлъ въ чаду большаго свѣта
 И отдохнуть убрался я домой.
 И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
 Младыхъ повѣсь счастливая семья,
 Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
 Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
 И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья,—
 Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
 Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
 Гдѣ холодомъ сердца поражены,
 Гдѣ Бутурлинъ невѣждъ законодатель,
 Гдѣ Шёппингъ царь, а скука предсѣдатель,
 Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
 Я помню спехъ дѣтей честолюбивыхъ,
 Злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ.
 И разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
 Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!...
 Когда въ кругу Лансъ благочестивыхъ
 Затянутый невѣжда-генераль
 Красавицамъ изношеннымъ . . . соннымъ

Съ трудомъ остритъ французскій мадригалъ.
 Гляди на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ.
 И всѣ вокругъ и дремлютъ и молчатъ.
 Крутятъ усы, плъ шпорами бренчатъ,
 Да пзрѣдка съ улыбкою зѣваютъ—
 Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
 Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ.
 Не слышу я, въ то время острыхъ словъ.
 Политики смѣшнаго лепетанья,
 Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
 Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ,
 И мистика придворнаго кривлянья!...
 И ты, харитъ любовникъ своевольный.
 Пріятный лжець, извительный болтунъ,
 По прежнему острякъ небогомольный,
 По прежнему философъ и шалунъ,
 И ты на мигъ оставъ своихъ вельможъ—
 И малый кругъ друзей монхъ умножь.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

[отрывокъ].

Ужъ я не тотъ! мои златые годы.
 Безумства жаръ, веселость, острота,
 Любовь стиховъ, любовь моей свободы—
 Проходитъ все, какъ легкая мечта.
 Такъ иногда за чашей ликованья
 Найдешь меня, объятаго тоской,
 Задумчивымъ, съ поникшей головой—
 И ты поймешь души моей страданья!...

НА А. М. КОЛОСОВУ.

[впослѣдствіи каратыгина].

Все плѣняетъ насъ въ Эсѹпри:
 Упоительная рѣчь,

Поступь важная въ порфирѣ,
 Кудри черныя до плечъ,
 Голосъ нѣжный, взоръ любви.
 Набѣленная рука,
 Размалеванныя брови
 И огромная нога!

1817—1820.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Для васъ, души моей царицы,
 Красавицы, для васъ однихъ
 Времени мнѣ минувшихъ небылицы,
 Въ часы досуговъ золотыхъ,
 Подъ шопоть старины болтливой
 Рукою вѣрной я писалъ;
 Примите жъ вы мой трудъ игривой!
 Ни чихъ не требуя похвалъ,
 Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
 Что дѣва съ трепетомъ любви
 Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
 На пѣсни грѣшныя мои.

1820.

ПРОЛОГЪ.

У лукоморья дубъ зеленый,
 Златая цѣпь на дубѣ томъ:
 И днемъ и ночью котъ ученый
 Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
 Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
 Налѣво—сказку говоритъ.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродить.
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Пѣбушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой.
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царица тужитъ.
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ:
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ.... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ.
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ. и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню—сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту....

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
Владимірѣ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медь изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили.
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники послали
И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Все смолкли, слушаютъ Баяна:
И славить сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но страстью пылкой утомленный,
Не ѣсть, не пить Русланъ влюбленный,
На друга милого глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ.
И щипля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждыя мгновенья.
Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ, свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя молодые;

Безмолвны, за ковпомъ пустымъ,
 Забыли кубки круговые
 И брашна неприятны имъ;
 Не слышать вѣщаго Баяна,
 Потупили смущенный взглядъ:
 То три соперника Руслана;
 Въ душѣ несчастные таятъ
 Любви и ненависти ядъ.
 Одинъ—Рогдай, воитель смѣлый,
 Мечемъ раздвинувшій предѣлы
 Богатыхъ кievскихъ полей:
 Другой—Фарлафъ, крикунъ надменный,
 Въ пирахъ ни кѣмъ не побѣжденный,
 Но воинъ скромный средь мечей;
 Послѣдній, полный страстной думы.
 Младой хазарскій ханъ Ратмиръ.
 Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
 И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ; встають рядами,
 Смѣшались шумными толпами,
 И всѣ глядятъ на молодыхъ:
 Невѣста очи опустила,
 Какъ будто сердцемъ приуныла,
 И свѣтель радостный женихъ.
 Но тѣнь объемлетъ всю природу,
 Ужъ близко къ полночи глухой;
 Бояре, задремавъ отъ меду,
 Съ поклономъ убралась домой.
 Женихъ въ восторгъ, въ упоены:
 Ласкаетъ онъ въ воображенны
 Стыдливой дѣвы красоту:
 Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
 Великій князь благословеньемъ
 Даруетъ юную чету.

И вотъ невѣсту молодую
 Ведутъ на брачную постель;

Огни погасли.... и ночную
 Лампаду зажигаетъ Дель.
 Свѣрились мнѣя надежды,
 Любви готовятся дары;
 Падутъ ревнивыя одежды
 На цареградскіе ковры....
 Вы слышите ль влюбленный шопоть,
 И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
 И прерывающійся ропоть
 Последней робости?... Супругъ
 Восторги чувствуетъ заранѣ;
 И вотъ они настали.... Вдругъ
 Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
 Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
 Кругомъ все смеркло, все дрожитъ,
 И замерла душа въ Русланѣ....
 Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
 Раздался дважды голосъ странной,
 И кто-то въ дымной глубинѣ
 Взвился чернѣ мглы туманной....
 И снова теремъ пустъ и тихъ.
 Встаетъ испуганный женихъ;
 Съ лица катится потъ остылой;
 Трепеща, хладною рукой
 Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой....
 О горе, нѣтъ подруги милой!
 Хватаетъ воздухъ онъ пустой;
 Людмилы нѣтъ во тьмѣ густой,
 Похищена безвѣстной силой!

Ахъ, если мученикъ любви
 Страдаетъ страстью безнадежно,
 Хоть грустно жить, друзья мои,
 Однако жить еще возможно.
 Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
 Обнять влюбленную подругу,
 Желаній, слезъ, тоски предметъ,

И вдругъ минутную супругу
На вѣкъ утратить.... О друзья,
Конечно, лучше бѣ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастной.
Но что сказалъ великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной.
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ.— «Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги:
О, сжаьтесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моею?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому—терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей!—
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
Кто жъ вызовется, дѣти, други?...»
—Я! молвилъ горестный женихъ.
«Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
«Сейчасъ коней своихъ сѣдлаемъ,
Мы рады весь изъѣздить мѣръ;
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
Не бойся, ѣдемъ за княжной!»
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
Русланъ унываемъ какъ убитъ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.

Садится на коней ретивыхъ;
 Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
 Летятъ въ клубящейся пыли;
 Уже скрываются вдали;
 Ужъ всадниковъ не видно болѣ....
 Но долго все еще глядитъ
 Великій князь въ пустое поле,
 И думой имъ во слѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
 И мысль и память потерявъ.
 Черезъ плечо глядя спѣсиво
 И важно подбочась, Фарлафъ
 Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.
 Онъ говоритъ: «насплу я
 На волю вырвался, друзья!
 Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
 Ужъ то-то крови будетъ течъ,
 Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!...
 Повеселись, мой вѣрный мечъ,
 Повеселись, мой конь ретивой!»

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
 Уже Людмилу обнимая,
 Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
 Въ немъ кровь играетъ молодая,
 Огня надежды полонъ взоръ;
 То скачетъ онъ во весь опоръ,
 То дразнитъ бѣгуна лихаго,
 Кружить, подъемлеги на дыбы,
 Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчитъ—ни слова....
 Сграшась невѣдомой судьбы
 И мучась ревностью напрасной,
 Всѣхъ больше безпокоенъ онъ,
 И часто взоръ его ужасной
 На князя мрачно усгременъ.

Соперники одной дорогой
 Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
 Днѣпра сталъ темень брегъ отлогой;
 Съ востока льется ночи тѣнь;
 Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
 Пора конямъ ихъ отдохнуть.
 Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
 Широкій пересѣкъся путь.
 «Разѣдемся, пора!» сказали.
 «Безвѣстной ввѣрима судьбѣ.»
 И каждый конь. не чуя стали,
 Но волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
 Одинъ въ пустынной тишинѣ?
 Людмилу, свадьбы день ужасный,
 Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ!
 На брови мѣдный шлемъ надвинувъ.
 Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
 Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
 И медленно въ душѣ твоей
 Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра....

Но вдругъ предъ витяземъ пещера;
 Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней.
 Идетъ подъ дремлющія своды,
 Ровесники самой природы.
 Вошелъ съ уныньемъ, что же зрѣть?
 Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ,
 Спокойный взоръ, брада сѣдая;
 Лампада передъ нимъ горитъ;
 За древней книгой онъ сидитъ,
 Ее внимательно читая.

«Добро пожаловать, мой сынъ!»
 Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
 «Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
 Во чракѣ старой жизни вяну;

Но наконецъ дождался дня,
 Давно предвидѣннаго мною.
 Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
 Садись и выслушай меня.
 Русланъ, лишился ты Людмилы;
 Твой твердый духъ теряетъ силы;
 Но зла промчится быстрый мигъ:
 На время рокъ тебя постигъ.
 Съ надеждой, вѣрою веселой
 Иди на все, не унывай;
 Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
 Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Русланъ—твой оскорбитель
 Волшебникъ, страшный Черноморъ,
 Красавицъ давній похититель,
 Полнощныхъ обладатель горъ.
 Еще ни чей въ его обитель
 Не проникалъ донинѣ взоръ;
 Но ты, злыхъ козней истребитель,
 Въ нее ты вступишь, и злодѣй
 Погибнетъ отъ руки твоей!
 Тебѣ сказать не долженъ болѣ.
 Судьба твоихъ грядущихъ дней,
 Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.»

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ,
 И въ радости лобзаетъ руку.
 Свѣтлѣетъ мѣръ его очамъ,
 И сердце позабыло муку.
 Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
 На вспыхнувшемъ лицѣ кручна....
 «Ясна тоски твоей причина,
 Но грусть не трудно разогнать,»
 Сказалъ старикъ: тебѣ ужасна
 Любовь сѣдаго колдуна;
 Спокойся, знай—она напрасна,

И юной дѣвѣ не страшна.
 Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
 Онъ свистнетъ—задрожитъ луна;
 Но прогивъ времени закона
 Его наука не сильна.
 Ревнивый, трепетный хранитель
 Замковъ безжалостныхъ дверей;
 Онъ только нѣмощный мучитель
 Прелестной плѣнницы своей:
 Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
 Клянеть жестокой жребій свой....
 Но, добрый витязь, день проходитъ,
 А нуженъ для тебя покой.»

Русланъ на мягкій мохъ ложится
 Предъ умирающимъ огнемъ;
 Онъ щетъ позабыться сномъ.
 Вдыхаетъ, медленно вертится...
 Напрасно! Витязь наконецъ:
 «Не спится что-то, мой отецъ!
 Что дѣлать! боленъ я душою,
 И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить!
 Позволь мнѣ сердце освѣжить
 Твоей бесѣдою святою.
 Прости мнѣ дерзостный вопросъ.
 Откройся: кто ты, благодатный,
 Судьбы наперсникъ непонятный?
 Въ пустыню кто тебя занесъ?»

Вздохнувъ съ улыбкою печальной.
 Старикъ въ отвѣтъ: «любезный сынъ,
 Ужъ я забылъ отчизны дальней
 Угрюмый край. Природный Финъ.
 Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
 Гоняя стадо сель окрестныхъ,
 Въ безпечной юности я зналъ
 Однѣ дремучія дубравы,

Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
 Да дикой бѣдности забавы.
 Но жить въ отрадной тишинѣ
 Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
 Какъ милый цвѣтъ уединенья,
 Жила Наина. Межъ подругъ
 Она гремѣла красотою.
 Однажды утренней порою
 Свои стада на темный лугъ
 Я гналъ, волюнку надувая;
 Передо мной шумѣлъ потокъ.
 Одна, красавица младая
 На берегу плела вѣнокъ.
 Меня влекла моя судьбина...
 Ахъ, витязь, то была Наина!
 Я къ ней—и пламень роковой
 За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
 И я любовь узналъ душой
 Съ ея небесною отрадой,
 Съ ея мучительной тоской.

Умчалась года половина;
 Я съ трепетомъ открылся ей,
 Сказалъ: люблю тебя, Наина!
 Но робкой горести моей
 Наина съ гордостью внимала,
 Лишь прелести свои любя,
 И равнодушно отвѣчала:
 Пастухъ, я не люблю тебя!

И все мнѣ дико, мрачно стало:
 Родная куща, тѣнь дубровъ,
 Веселы игры пастуховъ—
 Ничто тоски не утѣшало.
 Въ уныныи сердце сохло, вяло;

И наконецъ задумалъ я
Оставить финскія поля,
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдаль уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ сѣтга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей,
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились.
Дѣлили дань и дары,
И съ побѣжденными сажались
За дружелюбныя пиры.
Но сердце, полное Наиной.
Подъ шумомъ битвы и шпировъ
Томилось тайною кручиной,
Искало финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказалъ—и весла зашумѣли;
И страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влѣтѣли.

Сбылся давнишнія мечты.

Сбылся пылкія желанья!

Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленной,
Кораллы, злато и жемчугъ;
Предъ нею, страстью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я пльвникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвя съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю тебя!

Къ чему рассказывать, мой сынъ,
Чего пересказать вѣтъ силы?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горесть. и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей съдой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай: въ родинѣ моей,
Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ съдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ, и самая любовь.

И я, любви искагель жадной,
Рѣшился въ грусти безотрадной

Нанну чарами привлечь,
 И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
 Любовь волшебствами зажечь.
 Спѣшилъ въ объятія свободы,
 Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
 И тамъ, въ ученыхъ колдуновъ,
 Провелъ невидимые годы.
 Насталъ давно желанный мигъ,
 И тайну страшную природы
 Я свѣтлой мыслию постигъ:
 Узналъ я силу заклинаньямъ;
 Вънецъ любви, вънецъ желаньямъ!
 Теперь, Нанна, ты моя!
 Побѣда наша, думалъ я.
 Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
 Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

Въ мечтахъ надежды молодой,
 Въ восторгѣ пылкаго желанья,
 Творю поспѣшно заклинанья,
 Зову духовъ—и въ тьмѣ лѣспой
 Стрѣла промчалась громовая,
 Волшебный вихоръ поднялъ вой,
 Земля вздрогнула подъ ногой...
 И вдругъ сидитъ передо мной
 Старушка дряхлая, сѣдая,
 Глазами впалыми сверкая,
 Съ горбомъ, съ трясучей головой,
 Печальной ветхости картина.
 Ахъ, витязь, то была Нанна!..
 Я ужаснулся и молчалъ,
 Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
 Въ сомнѣнны все еще не вѣрилъ,
 И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
 Возможно ль! ахъ, Нанна, ты ли!
 Нанна, гдѣ твоя краса?

Скажи, ужели небеса
 Тебя такъ страшно пзмѣнили?
 Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,
 Разстался я съ душой и съ милой?
 Давно ли?.. «Ровно сорокъ лѣтъ!
 Былъ дѣвы роковой огвѣтъ;
 «Сегодня семьдесятъ мнѣ было.
 Что дѣлать!» мнѣ пищитъ она,
 Толпою годы пролетѣли,
 Прошла моя, твоя весна—
 Мы оба постарѣть успѣли.
 Но, другъ, послушай: не бѣда
 Невѣрной младости утрата.
 Конечно я теперь сѣда,
 Немножко, можегъ быть, горбага,
 Не то, что встарину была,
 Не такъ жива, не такъ мила;
 За то [прибавила болтунья]
 Огкрою тайну: я колдунья!»

II было въ самомъ дѣлѣ такъ.
 Нѣмой, недвижный передъ нею,
 Я совершенный былъ дуракъ
 Со всей премудростью моею.

Но вотъ ужасно: колдовство
 Вполнѣ свершилось по несчастью
 Мое сѣдое божество
 Ко мнѣ пылало новой страстью.
 Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
 Могильнымъ голосомъ уродъ
 Бормочетъ мнѣ любви признанье.
 Вообрази мое страданье!
 Я трепеталъ, потупя взоръ;
 Она сквозь кашель продолжала
 Тяжелый, страстный разговоръ:
 Такъ, сердце я теперь узнала;

Я вижу, вѣрный другъ, оно
 Для нѣжной страсти рождено;
 Проснулись чувства, я сгораю,
 Томлюсь желаньями любви...
 Приди въ объятія мои...
 О милый, милый, умираю!..»

И между тѣмъ она, Русланъ.
 Мигала томными глазами,
 И между тѣмъ за мой кафтанъ
 Держалась тощими руками;
 И между тѣмъ—я обмрала,
 Отъ ужаса зажмури очи;
 И вдругъ терять не стало мочи;
 Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
 Она во слѣдъ: «о недостойный!
 Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
 Невинной дѣвы ясны дни!
 Добился ты любви Нанны,
 И презираешь—вотъ мужщины!
 Измѣной дышутъ всѣ они!
 Увы, сама себя вини;
 Онъ обольстилъ меня, несчастной!
 Я отдалась любви страстной...
 Измѣнникъ! пзвергъ! о позоръ!
 Но трепещи, дѣвичій воръ!»

Такъ мы разстались. Съ этимъ цоръ
 Живу въ своемъ уединеньѣ
 Съ разочарованной душой;
 И въ мѣрѣ старцу утѣшенье
 Природа, мудрость и покой.
 Уже зоветъ меня могила;
 Но чувства прежнія свои
 Еще старушка не забыла,
 И пламя позднее любви
 Съ досады въ злобу превратила

Душою черной зло любя,
 Колдунья старая конечно
 Возненавидитъ и тебя,
 Но горе на землѣ не вѣчно.»

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
 Разказы старца; ясны очи
 Дремотой легкой не смыкалъ,
 И тихаго полета ночи
 Въ глубокой думѣ не слыжалъ.
 Но день блистаетъ лучезарный....
 Со вздохомъ витязь благодарный
 Объемлетъ старца-колдуна;
 Душа надеждою полна;
 Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
 Русланъ заржавшаго коня;
 Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ.
 «Отецъ мой, не оставь меня!»
 И скачетъ по пустому лугу.
 Съдой мудрецъ младому другу
 Кричитъ во слѣдъ: «счастливый путь!
 Прости, люби свою супругу,
 Совѣловъ старца не забудь!»

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
 Не знайте мира межъ собой;
 Несите мрачной славѣ дани
 И упивайтесь враждой!
 Пусть мѣръ предъ вами цѣпенѣтъ,
 Дивися грознымъ торжествамъ:
 Никто о васъ не пожалѣетъ,
 Никто не помѣшаетъ вамъ.
 Соперники другаго рода,
 Вы, рыцари парнасскихъ горъ,

Старайтесь не смѣшить народа
 Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
 Бранитесь—только осторожно.
 Но вы, соперники въ любви,
 Живите дружно, если можно.
 Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
 Кому судьбою непремѣнной
 Дѣвичье сердце суждено,
 Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
 Сердиться глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый.
 Глухимъ предчувствіемъ томимый.
 Оставя спутниковъ своихъ,
 Пустился въ край уединенный.
 И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
 Въ глубокую думу погруженный—
 Злой духъ тревожилъ и смущалъ
 Его тоскующую душу,
 И витязь пасмурный шепталъ:
 «Убью!.. преграды всё разрушу....
 Русланъ!... узнаешь ты меня....
 Теперь-то дѣвица поплачетъ...
 И вдругъ, поворотивъ коня,
 Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
 Все утро сладко продремавъ,
 Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
 У ручейка, наединѣ,
 Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
 Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
 Какъ вдругъ, онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
 Какъ буря, мчится на конѣ;
 И времени не тратя болѣ,
 Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
 Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,

Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
Летитъ—а тотъ за нимъ во слѣдъ.
«Остановись, бѣглець безчестный!»
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный;
«Презрѣнный, дай себя догнать!
Дай голову съ тебя сорвать!»
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчася, обмиралъ,
И вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣ гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливой,
Прижавши уши брызливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга,
Весной растопленнаго снѣга,
Потоки мутные текли
И рыли влажную грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивой,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальные закусили
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжело въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
Жестокій мечъ ужъ занесенъ;
«Погибни, трусь! умри!» вѣщаетъ....
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрыпя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отѣхавъ ото рва,

Бѣсился... но едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ всгрѣтилъ подъ горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ съдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала:
«Ты тамъ найдешь его», сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
«Встань молодецъ, все тихо въ полѣ;
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня;
Вставай, послушайся меня.

Смущенный витязъ поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ и молвилъ оживая:
«Ну, слава Богу, я здоровъ!»

«Повѣрь!» старуха продолжала:
«Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забѣжала;
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно развѣзжать по свѣту;
Ты, право, будешь самъ не радъ.
Послѣдуй моему совѣту,
Ступай тихохонько назадъ.
Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ.

Въ своемъ послѣдственномъ селеньѣ
Останься лучше безъ заботъ:
Отъ насъ Людмила не уйдетъ.»

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣньѣ
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о княжнѣ младой;
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ спилицы, ропоть водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится;
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной думою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей,
И говоритъ: «найду ли друга?
Гдѣ ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой свѣтлый взоръ?
Услышу ль нѣжный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародѣя
Ты вѣчной плѣнницей была,
И скорбной дѣвою старѣя,
Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
Или соперникъ дерзновенный
Придетъ?... Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный,
Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ.»

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье
И топотъ по полю глухой.

«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
 Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ.
 Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
 Свирѣпый всадникъ—и грозой
 Помчался князь ему на встрѣчу.
 «Ага! догналъ тебя! постой!»
 Кричитъ наѣздникъ удалой:
 «Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
 Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;
 А тамъ лица своихъ невѣстъ.
 Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва:
 Онъ узнаеть сей буйный гласъ...

Друзья мои, а наша дѣва?
 Оставимъ витязей на часъ;
 О нихъ опять я вспомню скорѣ.
 А то давно пора бы мнѣ
 Подумать о молодой княжнѣ
 И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
 Наперсникъ иногда нескромной,
 Я рассказалъ, какъ ночью темной
 Людмилы вѣжной красоты
 Отъ воспаленнаго Руслана
 Сокрылись вдругъ среди тумана.
 Несчастная! когда злодѣй,
 Рукою мощною своей
 Тебя сорвавъ съ постели брачной,
 Взвился какъ вихорь къ облакамъ
 Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачной,
 И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ—
 Ты чувствъ и памяти лишилась,
 И въ страшномъ замкѣ колдуна,
 Безмолвна, трепетна, блѣдна,
 Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
 Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
 Когда за курицей трусливой
 Султанъ курятника спѣсивой,
 Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
 И сладострастными крылами
 Уже подругу обнималъ;
 Надъ ними хитрыми кругами
 Цыплятъ селенья старый воръ,
 Пріявъ губительныя мѣры,
 Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
 И палъ какъ молнія на дворъ.
 Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
 Во тьму разсѣлинъ безопасныхъ
 Уноситъ бѣдную злодѣй.
 Напрасно, горестью своей
 И хладнымъ страхомъ пораженный,
 Зоветъ любовницу пѣтухъ...
 Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
 Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная книжна
 Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
 Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
 Объята—наконецъ она
 Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
 И смутнымъ ужасомъ полна;
 Душой летитъ за наслажденьемъ,
 Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
 Гдѣ жъ милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?
 Зоветъ—и помертвѣла вдругъ.
 Глядитъ съ боязнію вокругъ...
 Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
 Лежитъ несчастная дѣвица
 Среди подушекъ пуховыхъ,
 Подъ гордой сѣнью балдахина;

Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златыя
Подъемлютъ ароматный паръ:
Довольно.... благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
Но свѣтлый теремъ не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ.

Три дѣвы красоты чудесной
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Княжнѣ явились, подошли,
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая—
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
Покрышь кудри золотыя,
И грудь, и плечи молодя
Фатой, прозрачной какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо пзъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица

Жемчужный поясъ подаетъ.
 Межъ тѣмъ незримая пѣвица
 Веселы пѣсни ей поетъ.
 Увы, ни камни ожерелья,
 Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
 Ни пѣсни лести и веселья
 Ея души не веселятъ;
 Напрасно зеркало рисуетъ
 Ея красы, ея нарядъ;
 Потупя неподвижный взглядъ,
 Она молчитъ, она тоскуетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,
 На темномъ сердца днѣ читали,
 Конечно знаютъ про себя,
 Что если женщина въ печали,
 Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибуць,
 На зло привычекъ и разсудку,
 Забудетъ въ зеркало взглянуть—
 То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
 Не зная, что начать, она
 Къ окну рѣшетчату подходитъ,
 И взоръ ея печально бродитъ
 Въ пространствѣ пасмурной дали.
 Все мертво. Снѣжныя равнины
 Коврами яркими легли;
 Стоять угрюмыхъ горъ вершины
 Въ однообразной бѣлизнѣ,
 И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
 Кругомъ не видно дымной кровли,
 Не видно путника въ снѣгахъ,
 И звонкій рогъ веселой ловли
 Въ пустынныхъ не трубятъ горахъ;
 Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
 Бунтуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,

И на краю съдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжитъ въ серебряную дверь;
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ:
Прекраснѣе садовъ Арипды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ, или князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумять
Великолѣпныя дубровы;
Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ.
И кедровъ гордыя вершины,
И золотыя апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вѣтся вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей китайскій
Во мракъ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы.
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморныя преграды,
Жемчужной, огненной дугой

Валился, плещуть водопады;
 И ручейки въ тѣни лѣсной
 Чуть вьются сонною волной.
 Приютъ покоя и пролады,
 Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
 Мелькають свѣтлыя бесѣдки;
 Повсюду розъ живыя вѣтки
 Цвѣтуть и дышуть по тронамъ.
 Но безутѣшная Людмила
 Идетъ, идетъ и не глядитъ;
 Волшебства роскошь ей постыла,
 Ей грустенъ вѣги свѣтлый видъ;
 Куда, сама не зная, бродитъ,
 Волшебный садъ кругомъ обходитъ,
 Свободу горькимъ давъ слезамъ,
 И взоры мрачныя возводитъ
 Къ неумолчимымъ небесамъ.
 Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
 Къ устамъ она прижала перстъ;
 Казалось, умыселъ ужасный
 Рождался.... Страшный путь отверсть:
 Высокій мостикъ надъ потокомъ
 Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
 Въ унынии тяжкомъ и глубокомъ
 Она подходитъ—и въ слезахъ
 На воды шумныя взглянула,
 Ударила, рыдая, въ грудь,
 Въ волнахъ рѣшилась утонуть—
 Однако въ воды не прыгнула
 И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
 По солнцу бѣгая съ утра,
 Устала, слезы осушила,
 Въ душѣ подумала: пора!
 На травку съѣла, оглянулась—

И вдругъ надъ нею сънь шатра,
 Шумя, съ прохладой развернулась;
 Обѣдъ роскошный передъ ней;
 Приборъ изъ яркаго кристалла;
 И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
 Незрима арфа заиграла.
 Дивится плѣнная княжна;
 Но втайнѣ думаетъ она:
 «Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
 Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
 О ты, чья гибельная страсть
 Меня терзаетъ и лелѣетъ,
 Мнѣ не страшна злодѣя власть:
 Людмила умереть умѣетъ!
 Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
 Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ—
 Не стану ѣсть, не буду слушать,
 Умру среди твоихъ садовъ!»
 Подумала—и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмгъ шатерь,
 И пышной роскоши приборъ.
 И звуки арфы... все пропало;
 По-прежнему все тихо стало;
 Людмила вновь одна въ садахъ
 Считается изъ рощи въ рощи;
 Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
 Плыветъ луна, царица ночи;
 Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
 И тихо на холмахъ почпла;
 Княжну невольно клонитъ сонъ;
 И вдругъ невѣдомая сила
 Нѣжнѣй, чѣмъ вешнй вѣтерокъ.
 Ее на воздухъ поднимаетъ,
 Несетъ по воздуху въ чертогъ,
 И осторожно опускаетъ

Сквозь ѳмїамъ вечернихъ розъ
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вокругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ;
Но ихъ унылый, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспышимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что жъ наша плѣнница теперь?
Дрожить какъ листъ, дохнуть не смѣтъ;
Хладѣютъ перси, взоръ темнѣтъ;
Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ;
Не спитъ, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядитъ....
Все мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышитъ трепетанье....
И мнится.... шепчетъ тишина;
Идутъ—идутъ къ ея постелѣ;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ.... о страхъ!... и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно, сколь возможно,

И на подушкахъ осторожно
 Съдую бороду несетъ;
 И входитъ съ важною за нею,
 Подъявъ величественно шею,
 Горбатый карликъ изъ дверей:
 Его-то головъ обритою,
 Высокимъ колпакомъ покрытою,
 Принадлежала борода.
 Ужъ онъ приближился; тогда
 Княжна съ постели соскочила,
 Съдаго карлу за колпакъ
 Рукою быстрой ухватила,
 Дрожащій занесла кулакъ,
 И въ страхъ завизжала такъ.
 Что всѣхъ араповъ оглушила.
 Трепеща, скорчился бѣднякъ,
 Княжны испуганной блѣднѣе;
 Зажавши уши поскорѣе.
 Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
 Запутался, упалъ и бьется;
 Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
 Араповъ черный рой мятется;
 Шумять, толкаются, бѣгутъ,
 Хватаютъ колдуна въ охапку,
 И вонъ распутывать несутъ,
 Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
 Вы помните ль неждану встрѣчу?
 Бери свой быстрый карандашъ,
 Рисуи, Орловскій, ночь и сѣчу!
 При свѣтѣ трепетномъ луны
 Сразились витязи жестоко;
 Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
 Ужъ копья брошены далеко,
 Уже мечи раздроблены.

Кольчуги кровію покрыты,
 Щиты трещать, въ куски разбиты...
 Они схватились на коняхъ;
 Взрывая къ небу черный прахъ,
 Подъ ними борзые кони бьются;
 Борцы, недвижно сплетены,
 Другъ друга стиснувъ, остаются,
 Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
 Ихъ члены злобой сведены;
 Переплелись и костенѣютъ;
 По жиламъ быстрый огонь бѣжитъ;
 На вражьей груди грудь дрожить—
 И вотъ колеблются, слабѣютъ—
 Кому-то пасть.... Вдругъ витязь мой,
 Вскипѣвъ, желѣзною рукой
 Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
 Подъемлетъ, держитъ надъ собой—
 И въ волны съ берега бросаетъ.
 «Погибни!» грозно восклицаетъ;
 «Умри, завистникъ злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
 Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:
 То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
 Рогдай, надежда кіевлянъ,
 Людмилы мрачный обожатель.
 Онъ вдоль днѣпровскихъ береговъ
 Искалъ соперника слѣдовъ;
 Нашелъ, наступъ—но прежняя сила
 Питомцу битвы измѣнила,
 И Руси древній удалецъ
 Въ пустынь свой нашелъ конецъ.
 И слышно было, что Рогдая
 Тѣхъ водъ русалка молодая
 На хладны перси приняла,
 И жадно вигязя лобзая,

На дно со смѣхомъ увлекла;
 И долго послѣ, ночью темной,
 Бродя близъ тихихъ береговъ,
 Богатыря призракъ огромной
 Пугаль пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Напрасно вы въ тѣни таплись
 Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
 Стихи мои! вы не сокрылись
 Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
 Ужъ бѣдный критикъ, ей въ услугу,
 Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
 Зачѣмъ Русланову подругу,
 Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
 Зову и дѣвой и княжной?
 Ты видишь, добрый мой читатель,
 Тутъ злобы черную печать!
 Скажи, зоишь, скажи, предатель,
 Ну какъ и что мнѣ отвѣчать?
 Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
 Краснѣй, я спорить не хочу;
 Довольный тѣмъ, что правъ душою,
 Въ смиренной кротости молчу.
 Но ты поймешь меня, Климена,
 Потупишь томные глаза,
 Ты, жертва скучнаго Гимена....
 Я вижу: тайная слеза
 Падетъ на стихъ мой, сердцу внятный;
 Ты покраснѣла, взоръ погасъ;
 Вздохнула молча.... вздохъ понятный!
 Ревнивецъ, бойся—близокъ часъ!
 Амуръ съ Досадою своеюравной
 Вступили въ смѣлый заговоръ,

И для главы твоей безславной
Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
На теменѣ полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати;
Вокругъ брады его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы.
Межъ тѣмъ, для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;
Какъ вдругъ, откуда ни возьмись,
Въ окно влетаетъ змій крылатый:
Гремя желѣзной чешуей,
Онъ въ кольца быстрыя согнулся
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
«Привѣтствую тебя, сказала,
Собратъ, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общою враждой;
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой;
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ.»

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вѣщая: «дивная Наина!

Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
 Мы посрамимъ коварство Фина;
 Но мрачныхъ козней не боюсь:
 Противникъ слабый мнѣ не страшень;
 Узнай чудесный жребій мой:
 Сей благодатной бородой
 Не даромъ Черноморъ украшенъ.
 Доколь власовъ ея съдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубить,
 Никто изъ витязей лихихъ,
 Никто изъ смертныхъ не погубить
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
 Моею будетъ вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обреченъ!
 И мрачно вѣдьма повторила:
 «Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
 Потомъ три раза прошипѣла,
 Три раза топнула ногой,
 И чернымъ змиемъ улетѣла.

Блестая въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуньей ободренной,
 Развеселясь, рѣшился вновь
 Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорность и любовь.
 Разряженъ карликъ бородатый,
 Опять идетъ въ ея палаты;
 Проходитъ длинный комнатъ рядъ:
 Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ въ садъ,
 Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
 Вдоль озера, вокругъ водопада,
 Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
 Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ!
 Кто выразить его смущенье,
 И ревъ, и трепетъ изступленья!
 Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.

Раздался карлы дикій стонъ:
 «Сюда, невольники, бѣгите!
 Сюда! надѣюсь я на васъ!
 Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
 Скорѣе, слышите ль? сейчасъ!
 Не то—шутите вы со мною—
 Всѣхъ удавлю васъ бородою!»

Читатель, расскажу ль тебѣ,
 Куда красавица дѣвалась?
 Всю ночь она своей судьбѣ
 Въ слезахъ дивилась и—смѣялась.
 Ее пугала борода;
 Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
 И былъ смѣшонъ, а никогда
 Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
 Навстрѣчу утрепнимъ лучамъ
 Постель оставила Людмила,
 И взоръ невольный обратила
 Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
 Невольно кудри золотые
 Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
 Невольно волосы густые
 Рукой небрежной заплела;
 Свои вчерашніе наряды
 Нечаянно въ углу нашла;
 Вздохнувъ, одѣлась и съ досады
 Тихонько плакать начала;
 Однако съ вѣрнаго стекла,
 Вздыхая, не сводила взора,
 И дѣвицъ пришло на умъ,
 Въ волненьи своенравныхъ думъ,
 Примѣрять шапку Черномора.
 Все тихо, никого здѣсь нѣтъ,
 Никто на дѣвушку не взглянетъ...
 А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ

Какая шапка не пристанегъ!
 Рядиться никогда не лѣнь!
 Людмила шапкой завертѣла;
 На брови, прямо, на бекрень,
 И задомъ напередъ надѣла.
 И что жъ? О чудо старыхъ дней!
 Людмила въ зеркалѣ пропала;
 Перевернула—передъ ней
 Людмила прежняя предстала;
 Назадъ надѣла—снова нѣтъ;
 Сняла—и въ зеркалѣ! «Прекрасно!
 Добро, колдунъ! добро, мой свѣтъ!
 Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно;
 Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
 И шапку стараго злодѣя
 Княжна, отъ радости краснѣя.
 Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся же къ герою.
 Не стыдно ль заниматься намъ
 Такъ долго шапкой, бородою,
 Руслана поруча судьбамъ?
 Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
 Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
 Предъ нимъ открылся долъ широкій
 При блескѣ утреннихъ небесъ.
 Трепещетъ витязъ поневолѣ:
 Онъ видитъ старой битвы поле.
 Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
 Желтѣютъ кости; по холмамъ
 Разбросаны, колчаны, латы;
 Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щитъ;
 Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
 Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
 И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
 Богатыря тамъ остовъ цѣлый

Съ его поверженнымъ конемъ
 Лежитъ недвижный; копя, стрѣлы
 Въ сырую землю вонзены,
 И мирный плющъ ихъ обвиваетъ....
 Ничто безмолвной тишины
 Пустыни сей не возмущаетъ,
 И солнце съ ясной вышины
 Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вокругъ себя
 Взираетъ грустными очами.
 «О поле, поле, кто тебя
 Усыялъ мертвыми костями?
 Чей борзый конь тебя топталъ
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 Кто на тебѣ со славой палъ?
 Чьи небо слышало молитвы?
 Зачѣмъ же, поле, смогло ты
 И поросло травой забвенья?...
 Временъ отъ вѣчной темноты,
 Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
 Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
 Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
 И струны громкія Баяновъ
 Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
 Что добрый мечъ герою нуженъ
 И даже панцырь; а герой
 Съ послѣдней битвы безоруженъ.
 Обходить поле онъ вокругъ;
 Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
 Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
 Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
 Себѣ доспѣховъ щцетъ онъ.
 Проснулись гуть и степь нѣмая,
 Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;

Онъ поднялъ щитъ, не выбирая.
 Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
 Но лишь меча сыскать не могъ.
 Долину брани объѣзжая,
 Онъ видитъ множество мечей,
 Но всѣ легки, да слишкомъ малы.
 А князь красавецъ былъ не вялый,
 Не то, что витязъ нашихъ дней.
 Чтобъ чѣмъ нибудь играть отъ скуки,
 Копье стальное взялъ онъ въ руки,
 Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
 И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
 Надъ усыпленною землею;
 Дымятся снѣгіе туманы
 И всходитъ мѣсяцъ золотой;
 Померкла степь. Тропою темной
 Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
 И видитъ: сквозь ночной туманъ
 Вдали чернѣетъ холмъ огромной,
 И что-то страшное храпѣть.
 Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
 Чудесный холмъ какъ будто дышетъ.
 Русланъ внимаетъ и глядитъ
 Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
 Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
 Конь упирается, дрожитъ,
 Трясетъ упрямой головою,
 И грива дыбомъ поднялась.
 Вдругъ холмъ, безоблачной луною
 Въ туманѣ блѣдно озарясь,
 Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь—
 И чудо видитъ предъ собою.
 Найду ли краски и слова?
 Предъ нимъ живая голова.

Огромны очи сномъ объаты;
Храпитъ, качая шлемъ пернатый;
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходять, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ оны
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Обвѣхаль голову кругомъ,
И ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ ноздри коніемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула....
Поднялся вихоръ, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рожи молчаливы,
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь успѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
Куда ты, витязь неразумный!
Ступай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь, голова вскричала;
«Вотъ гости мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!

Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
 Прощай!» Но витязь знаменитой,
 Услыша грубыя слова,
 Воскликнулъ съ важностью сердитой:
 «Молчи, пустая голова!
 Слыхалъ я истину бывало:
 Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
 Я ѣду, ѣду, не свищу,
 А какъ наѣду, не спущу!»

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
 Стѣсненной злобой пламенѣя,
 Надулась голова; какъ жаръ,
 Кровавы очи засверкали;
 Напѣнясь, губы задрожали;
 Изъ усть, ушей поднялся паръ;
 И вдругъ она, что было мочи,
 Навстрѣчу, князю стала дуть;
 Напрасно конь, зажмурия очи,
 Склонивъ главу, натужа грудь,
 Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
 Невѣрный продолжаетъ путь;
 Объятый страхомъ, ослѣпленный,
 Онъ мчится вновь изнеможенный
 Далече въ полѣ отдохнуть.
 Вновь обратиться витязь хочетъ—
 Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
 А голова ему вослѣдъ,
 Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
 Гремить: «ай, витязь! ай, герой!
 Куда ты? Тише, тише, стой!
 Эй, витязь, шею сломнись даромъ;
 Не трусь, наѣздникъ, и меня
 Порадуй хоть однимъ ударомъ,
 Пока не заморилъ коня.»
 И между тѣмъ она героя

Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозить ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодной
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишаась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.—
Въ спокойномъ духѣ горячася,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушень,
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.—
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ поднятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжелой рукавицей
Съ размаха голову разитъ.
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ

Его схватилъ, и къ головѣ
 По окровавленной травѣ
 Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ—
 Ей носъ и уши обрубить;
 Уже Русланъ готовъ разить,
 Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ—
 Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
 Главы молящей жалкій стонъ...
 И тихо мечъ онъ опускаетъ;
 Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
 И мщенье бурное падетъ
 Въ душѣ, моленьемъ усмиренной;
 Такъ на долину таетъ ледъ.
 Лучемъ полудня пораженной.

«Ты вразумилъ меня, герой!»
 Со вздохомъ голова сказала;
 «Твоя десница доказала,
 Что я виновенъ предъ тобой.
 Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
 Но, витязь, будь великодушенъ!
 Достоинъ плача жребій мой.
 И я былъ витязь удалой!
 Въ кровавыхъ битвахъ супостата
 Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
 Счастливъ, когда бы не имѣлъ
 Соперникомъ меньшаго брата!
 Коварный, злобный Черноморь.
 Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
 Семейства нашего позоръ,
 Рожденный карлой, съ бороною,
 Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
 Не могъ онъ безъ досады видѣть,
 И сталъ за то въ душѣ своей
 Меня, жестокий, ненавидѣть.
 Я былъ всегда немного простъ,

Хотя высокъ; а сей несчастной,
Имѣя самый глупый ростъ,
Умень какъ бѣсъ—и золь ужасно.
Притомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И все на свѣтѣ презирая—
Доколѣ борода цѣла—
Пзмѣнникъ не страшится зла.
Вотъ онъ однажды съ видомъ дружбы,
—Послушай, хитро мнѣ сказать,
Не откажись отъ важной службы:
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами,
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ—и что же? страхъ!
Я разобралъ во тьмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
Что насъ обоихъ онъ погубитъ:
Мнѣ бороду мою отрубитъ,
Тебѣ главу; суди же самъ,
Сколь важно намъ приобрѣтенье
Сего созданья злыхъ духовъ!
—Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненье?
Сказалъ я карлѣ, я готовъ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта.—
И сосну на плечо взвалилъ,
А на другое для совѣта
Злодѣя брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу,
Шагалъ, шагаль и, славу Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами

Нашли мы роковой подвалъ;
 Я разметалъ его руками
 И потаенный мечъ досталъ.
 Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
 Межъ нами ссора закипѣла—
 И было, признаюсь, о чемъ!
 Вопросъ: кому владѣтъ мечемъ?
 Я спорилъ, карла горячился:
 Бранился долго; наконецъ
 Уловку выдумалъ хитрецъ,
 Притихъ и будто бы смягчился.

- Оставимъ бесполезный споръ,
 Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
 Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
 Разсудокъ въ мирѣ жить велитъ;
 Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
 Кому сей мечъ принадлежитъ.
 Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
 Чего не выдумаетъ злоба!],
 И кто услышитъ первый звонъ,
 Тотъ и владѣй мечемъ до гроба.—
 Сказалъ и легъ на землю овъ.
 Я съ-дуру также растянулся;
 Лежу, не слышу ничего,
 Смекая: обману его!
 Но самъ жестоко обманулъ.
 Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
 Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
 Подкрался сзади, размахнулъ,
 Какъ вихоръ свистнулъ острый мечъ,
 И прежде, чѣмъ я оглянулъ,
 Ужъ голова слетѣла съ плечъ—
 И сверхъестественная сила
 Въ ней жизни духъ остановила.
 Мой остовъ терніемъ обросъ;

Вдали, въ сгранѣ, людьми забвенной,
 Пслѣлъ мой прахъ непогребенной;
 Но злобный карма перенесъ
 Меня въ сей край уединенной,
 Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
 Тобой сегодня взятый мечъ.
 О витязь, ты хранимъ судьбою!
 Возьми его, и Богъ съ тобою!
 Быть можетъ на своемъ пути
 Ты карлу-чародѣя встрѣтишь—
 Ахъ, если ты его замѣтишь.
 Коварству, злобѣ отмсти!
 И наконецъ я счастливъ буду,
 Спокойно мѣръ оставлю сей,
 И въ благодарности моей
 Твою пощечину забуду. »

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возставъ отъ сна,
 Благодарю сердечно Бога
 За то, что въ наши времена
 Волшебниковъ не такъ ужъ много.
 Къ тому же—честь и слава имъ!—
 Женибы наши безопасны...
 Ихъ замыслы не такъ ужасны
 Мужьямъ, дѣвцамъ молодымъ.
 Но есть волшебники другіе,
 Когорыхъ нешавижу я:
 Улыбка, очи голубыя
 И голосъ милый—о друзья!
 Не вѣрьте имъ, они лукавы!
 Страшитесь, подражая мнѣ,
 Ихъ упительной отравы,
 И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
 Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,

Любви, мечтаній и чертей,
 Могиль и рая вѣрный житель:
 И музы вѣтренной моей
 Наперсникъ, пестунъ и хранитель!
 Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
 Что въ повѣсти моей забавной
 Теперь вослѣдъ тебѣ лечу
 И лиру музы своенравной
 Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слышали,
 Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
 Предалъ сперва себя съ печалю,
 А тамъ и души дочерей;
 Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,
 Молитвой, вѣрой и постомъ,
 И непритворнымъ покаяньемъ
 Снискалъ заступника въ святомъ;
 Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
 Его двѣнадцать дочерей—
 И насъ плѣнили, ужаснули
 Картины тайныхъ сихъ ночей,
 Сн чудесныя видѣнья,
 Сей мрачный бѣсъ, сей Бояій глѣвъъ,
 Живыя грѣшника мученья
 И прелесть непорочныхъ дѣвъъ.
 Мы съ ними плакали, бродили
 Вокругъ зубчатыхъ гѣмка стѣвъъ,
 И сердцемъ тронутымъ любили
 Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣвъъ;
 Душой Вадима призывали,
 И пробужденье зрѣли ихъ,
 И часто инокинъ святыхъ
 На гробъ отцовскій провожали...
 И что жъ, возможно ль?... намъ солгали!
 Но правду возвѣщу ли я?...

Младой Ратмиръ, направя къ югу
 Нетерпѣливый бѣгъ коня,
 Ужь думалъ предъ закатомъ дня
 Нагнать Русланову супругу.
 Но день багряный вечерѣлъ;
 Напрасно витязъ предъ собою
 Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
 Все было пусто надъ рѣкою.
 Зари послѣдній лучъ горѣлъ
 Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
 Нашъ витязъ мимо черныхъ скалъ
 Тихонько проѣзжалъ, и взоромъ
 Ночлега межъ деревъ искалъ.
 Онъ на долину выѣзжаетъ
 И видитъ: замокъ на скалахъ
 Зубчаты стѣны возвышаетъ;
 Чернѣютъ башни на углахъ;
 И дѣва по стѣнѣ высокой,
 Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
 Идетъ, зарей освѣщена;
 И дѣвы пѣснь едва слышна
 Должны въ тишинѣ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
 Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужь поздно, путникъ молодой!
 Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

«Здѣсь ночью нѣга и покой,
 А днемъ и шумъ и пированье.
 Приди на дружное призванье,
 Приди, о путникъ молодой!

«У насъ найдешь красавицъ рой;
 Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
 Приди на тайное призванье,
 Приди, о путникъ молодой!

«Тебѣ мы съ утренней зарей
 Наполнимъ кубокъ на прощанье.
 Приди на мирное призванье,
 Приди, о путникъ молодой!

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
 Огъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужъ поздно, путникъ молодой!
 Укройся въ теремъ нашъ отрадный!»

Она манитъ, она поетъ—
 И юный ханъ ужъ подѣ стѣною;
 Его встрѣчаютъ у воротъ
 Дѣвицы красныя толпою;
 При шумѣ ласковыхъ рѣчей
 Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
 Онѣ плѣнительныхъ очей;
 Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
 Въ чертоги входитъ ханъ молодой,
 За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
 Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
 Другая кованыя латы,
 Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
 Одежда нѣги замѣнитъ
 Желѣзные доспѣхи брани.
 Но прежде юношу ведугъ
 Къ великолѣпной русской бани.
 Ужъ волны дымныя текутъ
 Въ ея серебряные чаны,
 И брызжутъ хладныя фонтаны;
 Разостланъ роскошью коверъ—
 На немъ усгальй ханъ ложится;
 Прозрачный паръ надъ нимъ клубится.
 Потупя нѣги полный взоръ.
 Прелестныя, полунагія,
 Въ заботѣ нѣжной п нѣмой,
 Вкругъ хана дѣвы молодыя

Тѣснится рѣзвою толпой.
 Надъ рыцаремъ пная машегъ
 Въгвями молодыхъ березъ,
 И жаръ отъ нихъ душистый пашегъ;
 Другая сокомъ вешнихъ розъ
 Усталы члены прохлаждаетъ,
 И въ ароматахъ потопляегъ
 Темнокудрявые власы.
 Восторгомъ витязь упоенной
 Уже забылъ Людмилы плѣнной
 Недавно милья красы;
 Томится сладостнымъ желаньемъ;
 Бродящій взоръ его блеститъ,
 И полный страстнымъ ожиданьемъ,
 Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ выходитъ онъ изъ бани.
 Одѣтый въ бархатныя ткапи,
 Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
 Садится за богатый пиръ.
 Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
 Онъ можетъ воспѣвать одинъ
 Обѣды греческихъ дружинъ,
 И звонъ. и пѣну чашъ глубокихъ.
 Милѣе по слѣдамъ Парни
 Мнѣ славить лпрою небрежной
 И наготу въ ночной тѣни,
 И поцѣлуй любви нѣжной!
 Луною замокъ озаренъ;
 Я вижу теремъ отдаленный,
 Гдѣ витязь томный, воспаленный
 Вкушаетъ одипокій сонъ;
 Его чело, его лапаты
 Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
 Его уста полуоткрыты
 Лобзанье тайное манятъ;

Онъ страстно. медленно вздыхаетъ,
 Онъ видитъ ихъ—и въ пылкомъ снѣ
 Покровы къ сердцу прижимаетъ.
 Но вотъ въ глубокой тишинѣ
 Дверь отворилась; полъ ревнивой
 Скрипитъ подъ ножкой торопливой,
 И при серебряной душѣ
 Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
 Сокрытесь, отлетите прочь!
 Проснись—твоя настала ночь!
 Проснись—дорогъ мигъ утраты!..
 Она подходитъ. онъ лежитъ
 И въ сладострастной вѣгѣ дремлетъ;
 Покровъ его съ одра скользитъ
 И жаркій пухъ чело объемлетъ.
 Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
 Стоитъ недвижно, бездыханна,
 Какъ лицемѣрная Діана
 Предъ милымъ пастыремъ своимъ;
 И вотъ она, на ложе хана
 Колѣномъ опершись однимъ,
 Вздохнувъ, лицо къ нему склоняетъ
 Съ томленьемъ. съ трепетомъ живымъ,
 И сонъ счастливица прерываетъ
 Лобзаньемъ страстнымъ и вѣвымъ...

Но други, дѣвственная лира
 Умолкла подъ моей рукой,
 Слабѣтъ робкій голосъ мой—
 Оставимъ юнаго Ратмира;
 Не смѣю пѣсней продолжать:
 Русланъ насъ долженъ занимать,
 Русланъ, сей витязъ безпримѣрный,
 Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.

Упорнымъ боемъ утомленъ,
 Подъ богатырской головою

Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
 Но вотъ ужъ раннею зарею
 Сіяетъ тихій небосклонъ;
 Все ясно; утра лучъ игривый
 Главы косматый лобъ златить.
 Русланъ встаетъ и конь ретивый
 Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
 Съ деревъ спадаетъ дряхлый листь;
 Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
 Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
 Тяжелый, пасмурный туманъ
 Нагіе холмы обвиваетъ;
 Зима приближилась — Русланъ
 Свой путь отважно продолжаетъ
 На дальный сѣверъ; съ каждымъ днемъ
 Преграды новыя встрѣчаетъ:
 То бьется онъ съ богатыремъ,
 То съ вѣдьмою, то съ велканомъ,
 То лунной ночью видитъ онъ,
 Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
 Окружены сѣдымъ туманомъ,
 Русалки, тихо на вѣтвяхъ
 Качаясь, витязя младава
 Съ улыбкой хитрой на устахъ
 Маятъ, не говоря ни слова...
 Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
 Безстрашный витязь невредимъ;
 Въ его душѣ желанье дремлетъ;
 Онъ ихъ не видитъ, имъ не вземлетъ —
 Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, ни кѣмъ не зрима,
 Отъ нападеній колдуна
 Волшебной шапкою хранима,
 Что дѣлаетъ моя княжна,

Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другъ мыслить и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ кіевскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улетаетъ;
Отца и братьевъ обнимаетъ.
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ—
Забыты плѣнь и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали.
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою,
Но въ сторону—незрима вдругъ—
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала ругъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На дугъ измятый упали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали.
Что пьетъ иль кушаетъ княжна.

На вѣтвяхъ кедра плъ березы
 Скрываясь по ночамъ, она
 Мнутаго искала сна—
 Но только проливала слезы,
 Звала супруга и покой,
 Томилась грустью и зѣвотой,
 И рѣдко-рѣдко предъ зарей,
 Склонясь ко древу головой,
 Дремала тонкою дремотой.
 Едва рѣдѣла ночи мгла,
 Людмила къ водопаду шла
 Умыться хладною струею:
 Самъ карла утренней порою
 Однажды видѣлъ изъ палатъ,
 Какъ подъ невидимой рукою
 Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
 Съ своей обычною тоскою
 До новой ночи, здѣсь и тамъ,
 Она бродила по садамъ;
 Нерѣдко подъ вечеръ слышали
 Ея пріятный голосокъ;
 Нерѣдко въ рощахъ поднимали
 Шъ ею брошенный вѣнокъ,
 Или клочки персидской шали,
 Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
 Досадою, злобой омраченный,
 Колдунъ рѣшился наконецъ
 Поймать Людмилу непременно.
 Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
 Пріавъ супружескій вѣнецъ
 Изъ рукъ прелестной Цитереп,
 Раскинулъ сѣть ея красамъ,
 Открывъ насмѣшливымъ богамъ
 Киприды вѣжныя затѣи...

Скучая, бѣдная княжна
 Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
 Сидѣла тихо близъ окна,
 И сквозь колеблемыя вѣтки
 Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
 Вдругъ слышитъ—кличутъ: «милый другъ!»
 И видитъ вѣрнаго Руслана.
 Его черты, походка, станъ;
 Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ,
 И на бедрѣ живая рана—
 Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!
 Русланъ!.. онъ точно!» И стрѣлою
 Къ супругу плѣнница летитъ,
 Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
 Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?»
 Уже достигла, обняла...
 О ужасъ... призракъ исчезаетъ!
 Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
 На землю шапка упадаетъ.
 Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
 «Она моя!» и въ тотъ же мигъ
 Зритъ колдуна передъ очами.
 Раздался дѣвы жалкій стонъ,
 Падетъ безъ чувствъ—и дивный сонъ
 Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжною!
 О страшный видъ: волшебникъ хилый
 Ласкаетъ дерзостной рукой
 Младья прелести Людмилы!
 Ужели счастливъ будетъ онъ?
 Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
 И кто-то карлу вызываетъ.
 Въ смятеньи, блѣдный чародѣй
 На дѣву шапку надѣваетъ;
 Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!

И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ.
Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немного вѣтрена... такъ что же?
Еще милѣе тѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите, можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной—судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви рождаютъ жаръ.
А та—подъ юпкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ дѣло не о томъ!
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На свѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдува перепугалъ?
Русланъ. Онъ, мстѣю пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,

Призывный рогъ какъ буря воегъ.
Нетерпѣливый конь кипигъ
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждегъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подьемлетъ смутный взоръ
И видитъ—прямо надъ главою—
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ погрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ—и свысока
Шумя летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ—да тамъ и сѣтъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, кряхтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь вослѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на 'воздухъ слабѣя
И силъ русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану

Коварно молвитъ: слушай, князь!
 Тебѣ вредитъ я переставу;
 Младое мужество любя,
 Забуду все, прощу тебя,
 Спущусь—но только съ уговоромъ...
 «Молчи. коварный чародѣй!»
 Прервалъ нашъ витязь: «съ Черноморомъ,
 Съ мучителемъ жены своей,
 Русланъ не знаетъ договора!
 Сеи грозный мечъ накажетъ вора,
 Летн хоть до ночной звѣзды,
 А быть тебѣ безъ бороды!»
 Боязнь объемлетъ Черномора;
 Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
 Напрасно длинной бородой
 Усталый карла потрясаетъ:
 Русланъ ея не выпускаетъ
 И щиплетъ волосы порой.
 Два дня колдунъ героя носитъ.
 На третій онъ пощады проситъ:
 О рыцарь, сжапись надо мной;
 Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
 Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;
 Скажи—спущусь, куда велншь...
 Теперь ты нашъ; ага, дрожишь!
 Смирись, покорствуй русской силѣ!
 Неси меня къ моей Людмилѣ.»

Смиренно внемлетъ Черноморъ:
 Домой онъ съ витяземъ пустился;
 Летитъ—и мигомъ очутился
 Среди своихъ ужасныхъ горъ.
 Тогда Русланъ одной рукою
 Взялъ мечъ сраженной головы,
 И бороду схвативъ другою,
 Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.

«Знай нашихъ!» молвилъ онъ жестоко;
«Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?» и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжетъ волоса;
Свистя, зоветъ коня лихаго;
Веселый конь летитъ и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живаго
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой,
Достигъ, и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.
Влали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ араповъ чудный рой,
Толпы певольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ—и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ—
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьи чувствъ нетерпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ—
Идетъ, идетъ—и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ —
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя кладъ объемлетъ,
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы...
«Быть можетъ, горестъ... плѣнъ угрюмый...
Мпнута... волны...» Въ сихъ мечтахъ

Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
 Поникнулъ витязь головою;
 Его томитъ невольный страхъ;
 Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
 Мрачится разумъ; дикій пламень
 И ядъ отчаянной любви
 Уже текутъ въ его крови.
 Казалось, тѣнь княжны прекрасной
 Коснулась трепетнымъ устамъ...
 И вдругъ, неистовый, ужасной,
 Стремится витязь по садамъ;
 Людмилу съ воплемъ призываетъ,
 Съ холмовъ утесы отрываетъ,
 Все рушить, все крушить мечемъ—
 Бесѣдки, рощи упадаютъ,
 Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
 Степь обнажается кругомъ!
 Далеко гулы повторяютъ
 И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
 Повсюду мечъ звенитъ и свищетъ,
 Прелестный край опустошенъ —
 Безумный витязь жертвы ищетъ,
 Съ размаха вправо, влѣво онъ
 Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
 И вдругъ—нечаянный ударъ
 Съ княжны невидимой сбиваетъ
 Прощальный Черномора даръ...
 Волшебства вмгъ исчезла сила:
 Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
 Не вѣря самъ своимъ очамъ,
 Нежданнымъ счастьемъ упоенной,
 Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
 Подруги вѣрной, незабвенной,
 Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
 Любви, восторга слезы льетъ.
 Зоветъ ее—но дѣва дремлетъ,

Сомкнуты очи и уста,
 И сладострастная мечта
 Младую грудь ея подъемлетъ.
 Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
 Его терзаетъ вновь кручина....
 Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
 Гласъ добродѣтельнаго Финна:

«Мужайся, князь! Въ обратный путь
 Ступай со спящею Людмилой;
 Наполни сердце новой силой,
 Любви и чести вѣренъ будь;
 Небесный громъ на злобу грянетъ,
 И воцарится тишина—
 И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
 Передъ Владиміромъ возстанетъ
 Отъ очарованнаго сна.»

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
 Беретъ въ объятія жену,
 И тихо съ ношей драгоцѣнной
 Онъ оставляетъ вышину,
 И сходитъ въ доль уединенной.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
 Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
 Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
 Свѣжа какъ вешняя заря,
 И на плечо богатыря
 Лицо спокойное склонила.
 Власами, свитыми въ кольцо,
 Пустынный вѣтерокъ играетъ;
 Какъ часто грудь ее вздыхаетъ!
 Какъ часто тихое лицо
 Мгновенной розою пылаетъ!
 Любовь и тайная мечта
 Руслановъ образъ ей приносятъ,

И съ томнымъ шопотомъ уста
 Супруга имя произносятся....
 Въ забвеньи сладкомъ ловить онъ
 Ея волшебное дыханье,
 Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
 И сонныхъ персей волнованье....

Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ,
 И въ бѣлый день, и по ночамъ,
 Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
 Еще далекъ предѣлъ желанной,
 А дѣва спить. Но юной князь,
 Бесплоднымъ пламенемъ томясь,
 Ужель, страдалецъ постоянной,
 Супругу только сторожилъ,
 И въ цѣломудренномъ мечтанъ,
 Смиривъ нескромное желанье,
 Свое блаженство находилъ?
 Монахъ, который сохранилъ
 Потомству вѣрное преданье
 О славномъ витязѣ моемъ,
 Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ.
 И вѣрю я! безъ раздѣленья
 Унылы, грубы наслажденья:
 Мы прямо счастливы вдвоемъ.
 Пастушки, сонъ княжны прелестной
 Не походилъ на ваши сны,
 Порой томительной весны,
 На муравъ, въ тѣни древесной.
 Я помню маленькій лужокъ
 Среди березовой дубравы,
 Я помню темный вечерокъ,
 Я помню Лиды сонъ лукавый....
 Ахъ! первый поцѣлуй любви
 Дрожащій, легкій, торопливой
 Не разогналъ, друзья мои,

Ея дремоты терпѣливой....
 Но полно, я болтаю вздоръ!
 Къ чему любви воспомнанье?
 Ея утѣха и страданье
 Забыты мною съ давнихъ поръ;
 Теперь влекутъ мое вниманье
 Княжна, Русланъ и Черноморь.

Предъ нпмп стелется равнина,
 Гдѣ ели изрѣдка взошли;
 И грознаго холма вдали
 Чернѣетъ круглая вершина
 Небесъ на яркой синевѣ.
 Русланъ глядитъ—и догадался,
 Что подѣзжаетъ къ головѣ.
 Быстрѣе борзый конь помчался;
 Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
 Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
 Власы ея какъ черный лѣсъ,
 Поросшій на челѣ высокою;
 Ланиты жизни лишены;
 Свинцовой блѣдностью покрыты,
 Уста огромныя открыты,
 Огромны зубы стѣснены....
 Надъ полумертвой головою
 Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
 Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ
 Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
 Онъ крикнулъ: «здравствуй, голова!
 Я здѣсь! наказанъ твой пзмѣнникъ!
 Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ плѣнникъ!»
 И князя гордыя слова
 Ее внезапно оживилъ,
 На мигъ въ ней чувство разбудилъ,
 Очнулась будто ото сна,
 Взглянула, страшно застонала....

Узнала витязя она,
 И брата съ ужасомъ узнала.
 Надулись въздри; на щекахъ
 Багровый огонь еще родился,
 И въ умирающихъ глазахъ
 Послѣдній гнѣвъъ изобразился.
 Въ смятены, въ бѣшенствѣ иѣмомъ
 Она зубами скрежетала,
 И брату хладнымъ языкомъ
 Укоръ невнятный лепетала....
 Уже ея въ тотъ самый часъ
 Кончалось долгое страдаше:
 Чела мгновенный пламень гасъ,
 Слабѣло тяжкое дыханье,
 Огромный закатился взоръ,
 И вскорѣ князь и Черноморъ
 Узрѣли смерти содроганье....
 Она почила вѣчнымъ сномъ.
 Въ молчаньи витязь удалился;
 Дрожащій карликъ за сѣдломъ
 Не смѣлъ дышать, не шевеллся,
 И чернокнижнымъ языкомъ
 Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
 Какой-то рѣчки безымянной,
 Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
 Стоялъ поникшей хаты кровъ,
 Густыми соснами вѣнчанной.
 Въ теченьи медленномъ рѣка
 Вблизи плетень изъ тростника
 Волною сонной омывала,
 И вокругъ ея едва журчала
 При легкомъ шумѣ вѣтерка.
 Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
 Уединенна и темна;

И тамъ, казалось тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дни
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиранный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ.
Рыбакъ, на весла наклоненной,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко берегу приплываетъ;
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,
Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаетъ.
Но въ изумленьи молчаливомъ
Кого же въ рыбака счастливомъ
Нашъ юный витязь узнаетъ?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,

Ратмиръ, въ пустынь безмятежной
 Людмилу, славу позабылъ,
 И имъ на вѣки измѣнилъ
 Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приближился, и выпгъ
 Отшельникъ узнаеть Руслана,
 Встаеть, летить. Раздался крикъ...
 И обнялъ князь младаго хана.
 «Что вижу я?» спросилъ герой,
 «Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
 Тревоги жизни боевой,
 И мечъ, который ты прославилъ?»
 «Мой другъ», отвѣтствовалъ рыбакъ,
 «Душѣ наскучилъ бранной славы
 Пустой и гибельный призракъ.
 Повѣрь, невинныя забавы,
 Любовь и мирныя дубравы
 Милѣе сердцу во сто кратъ.
 Теперь, утративъ жажду брани,
 Престалъ платить безумству дань,
 И вѣрнымъ счастьемъ богатъ,
 Я все забылъ, товарищъ милый,
 Все, даже прелести Людмилы.»
 «Любезный ханъ, я очень радъ!»
 Сказалъ Русланъ: «она со мною.»
 «Возможно ли, какой судьбою?
 Что слышу? Русская княжна....
 Она съ тобою, гдѣ жъ она?
 Позволь.... но нѣтъ, боюсь измѣны;
 Моя подруга мнѣ мила;
 Моей счастливой перемѣны
 Она виновницей была;
 Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
 Она мнѣ возвратила вновь
 Мою утраченную младость,

И миръ, и чистую любовь.
 Напрасно счастье мнѣ сулили
 Уста волшебницъ молодыхъ;
 Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
 Я для нея покинулъ ихъ;
 Оставилъ теремъ ихъ веселый,
 Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
 Сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый,
 Забылъ и славу, и враговъ.
 Отшельникъ мирный и безвѣстный,
 Остался въ счастливой глуши,
 Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
 Съ тобою, свѣтъ моей души!»

Пастушка милая внимала
 Друзей открытый разговоръ,
 И устремивъ на хана взоръ,
 И улыбалась, и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на берегахъ
 До темной ночи просидѣли
 Съ душой и сердцемъ на устахъ.
 Часы невидимо летѣли.
 Чернѣетъ лѣсъ, темна гора;
 Встаетъ луна—все тихо стало;
 Герою въ путь давно пора.
 Накинувъ тихо покрывало
 На дѣву спящую, Русланъ
 Идетъ и на коня садится;
 Задумчиво безмолвный ханъ
 Душой вослѣдъ ему стремится,
 Руслану счастья, побѣдъ,
 И славы и любви желаетъ...
 И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
 Невольной грустью оживляетъ.

Зачѣмъ судьбой не суждено
 Моей непостоянной лирѣ

Геройство воспѣвать одно,
 И съ нимъ [везнаемья въ мѣрѣ]
 Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
 Печальной истины поэтъ,
 Зачѣмъ я долженъ для потомства
 Порокъ и злобу обнажать,
 И тайны козни вѣроломства
 Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искатель недостойный,
 Охоту къ славѣ потерявъ,
 Никѣмъ незнаемый, Фарлафъ
 Въ пустынь дальнюю и спокойную
 Скрывался и Наины ждалъ.
 И часъ торжественный насталъ.
 Къ нему волшебница явилась,
 Вѣщая: «знаешь ли меня?
 Ступай за мной; сѣдай коня!»
 И вѣдьма кошкой обратилась.
 Осѣданъ конь; она пустилась;
 Тропами мрачными дубравъ
 За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Должна тихая дремала,
 Въ ночной одѣтая туманъ,
 Луна во мглѣ перебѣгала
 Изъ тучи въ тучу, и курганъ
 Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
 Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
 Сидѣлъ съ обыкновенною тоскою
 Предъ усыпленною княжною;
 Глубоку думу думалъ онъ,
 Мечты летѣли за мечтами.
 И непримѣтно вѣялъ сонъ
 Надъ нимъ холодными крылами.
 На дѣву смутными очами
 Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,

И утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою:
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной бездны глубиною
Стоитъ недвижна и блѣдна....
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бездной онъ....
Знакомый гласъ, призывный стонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ....
Русланъ стремится за женой;
Стремглавъ летитъ во тьмѣ глубокой....
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владимиръ въ гридницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей.
Между двѣнадцатью сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за бранными столами.
И также гнѣвенъ старый князь,
Какъ въ день ужасный расстаганья;
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей, •
Не ходитъ чаша круговая....
И видитъ онъ среди гостей
Въ бою сраженнаго Рогдая;
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣннаго стакана
Онъ, весель, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младаго хана,
Друзей и недруговъ.... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго Баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.

Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
 Ведеть онъ за руку Людмилу;
 Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
 Молчитъ, склонивъ главу унылу;
 Князья, бояре—всѣ молчать,
 Душевные движенья кроя.
 И все исчезло—смертный хладъ
 Объемлетъ спящаго героя.
 Въ дремоту тяжело погруженъ,
 Онъ льетъ мучительныя слезы,
 Въ волненьи мыслить: «это сонъ!»
 Томится, но зловѣщей грезы,
 Увы, прервать не въ силахъ онъ.

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
 Объяты рощи темнотою;
 Долина въ мертвой тишинѣ....
 Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
 Онъ видитъ сумрачный курганъ;
 У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
 И ходитъ конь кругомъ кургана.
 Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
 Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ;
 Въ немъ сердце замерло, дрожитъ;
 Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
 Тихонько обнажаетъ мечъ,
 Готовясь витязя безъ боя
 Съ размаха на двое разсѣчь....
 Къ нему подѣхалъ. Конь героя,
 Врага почуя, закипѣлъ,
 Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
 Русланъ не внемлетъ—сонъ ужасный,
 Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!...
 Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
 Герою въ грудь рукой презрѣнной

Вонзаетъ трижды хладну сталь...
 И мчится боязливо въ даль
 Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
 Лежалъ во мракѣ подъ горою.
 Часы летѣли. Кровь рѣкою
 Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
 Поутру взоръ открывъ туманной,
 Пуская тяжкій, слабый стонъ,
 Съ усильемъ приподнялся онъ,
 Взглянулъ, поникъ главою бранной—
 И палъ недвижный, бездыханный.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
 На лирѣ легкой и небрежной
 Старинны были напѣвать,
 И музѣ вѣрной посвящать
 Часы безцѣннаго досуга....
 Ты знаешь, милая подруга:
 Поссорясь съ вѣтреной молвой,
 Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
 Забылъ и трудъ уединенный,
 И звуки лиры дорогой.
 Отъ гармонической забавы
 Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ....
 Дышу тобой—и гордой славы
 Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
 Меня покинулъ тайный геній
 И вымысловъ и сладкихъ думъ;
 Любовь и жажда наслажденій
 Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
 Но ты велишь, но ты любила
 Разказы прежніе мои,

Преданья славы и любви;
 Мой богатырь, моя Людмила,
 Владимиръ, вѣдьма, Черноморъ,
 И Финна вѣрныя печали
 Твое мечтанье занимали;
 Ты, слушая мой легкій вздоръ,
 Съ улыбкой иногда дремала,
 Но иногда свой нѣжный взоръ
 Нѣжнѣе на пѣвца бросала....
 Рвшусь; влюбленный говорунъ,
 Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
 Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
 Бренчу про витязя младава.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
 Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
 Ужъ кровь его не льется болѣ,
 Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
 Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
 Не шевелится шлемъ косматый.

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
 Поникнувъ гордой головою,
 Въ его глазахъ исчезъ огонь.
 Не машетъ гривой золотою,
 Не тѣшится, не скачетъ онъ
 И ждетъ, когда Русланъ воспрянегъ....
 Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
 И долго щитъ его не грянетъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ,
 Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
 Еще не знаетъ ни о чемъ.
 Усталый, сонный и сердитый,
 Княжну, героя моего
 Бранилъ отъ скуки молчаливо.
 Не слыша долго ничего,
 Волшебникъ выглянулъ—о диво!

Онъ видитъ: богатырь убитъ,
 Въ крови потопленный лежитъ;
 Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
 Злодѣй отъ радости дрожитъ
 И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
 Но старый карла былъ не правъ.

Межъ тѣмъ, Напной осѣненный,
 Съ Людмилой, тихо усыпленной,
 Стремится къ Кіеву Фарлафъ;
 Летитъ, надежды, страха полный;
 Предъ нимъ уже днѣпровски волны
 Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
 Ужъ видитъ златоверхій градъ;
 Уже Фарлафъ по граду мчится,
 И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
 Въ волненьи радостномъ народъ
 Валитъ за всадникомъ, тѣснится;
 Бѣгутъ обрадовать отца —
 И вотъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
 Владиміръ-солнышко въ то время
 Въ высокомъ теремѣ своемъ
 Сидѣлъ, томясь привычной думой.
 Бояре, витязи кругомъ
 Сидѣли съ важностью угрюмой.
 Вдругъ внемлетъ онъ, передъ крыльцомъ
 Волненье, крики, шумъ чудесный;
 Дверь отворилась; передъ нимъ
 Явился воинъ неизвѣстный;
 Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
 И вдругъ смутились, зашумѣли.
 «Людмила здѣсь! Фарлафъ... ужели?»
 Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
 Встаетъ со стула старый князь,
 Слѣшитъ тяжелыми шагами

Къ несчастной дочери своей,
Подходить, отчими рукамп
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но хитро персть къ устамъ прижавъ,
«Людмила спить!» сказалъ Фарлафъ;
«Я такъ нашелъ ее недавно
Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ
У злаго лѣшаго въ рукахъ;
Тамъ совершилось дѣло славно,
Три дня мы билися; луна
Надъ боемъ трижды подымалась;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась;
И кто прерветъ сей дивный сонъ?
Когда настанетъ пробужденье?
Не знаю—скрыть судьбы законъ!
А намъ надежда и терпѣнье
Одни остались въ утѣшенье.»

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ;
Толпа волнуется, валить
Туда, гдѣ на одрѣ високомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князья и витязи кругомъ
Стоять унылы; гласы трубы,

Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь.
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами:
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяннѣ, въ досадѣ.
Трепещеть, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ:
Шумя, тѣснились все другъ къ другу;
О чудѣ всякій толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей.
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Блнки, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской...
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры блѣвють за рѣкой,
Щиты какъ зарево блистають.
Въ поляхъ наѣздники мелькають.
Вдали подъемля черный прахъ;
Идутъ походныя телеги,
Костры пылають на холмахъ.
Бѣда: возстали печенѣги!

Но въ это время вѣщій Финнъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ 'ожидаль
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальною цѣпью дикихъ горъ,
Жпища вѣгровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боятся,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа:
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча;
Тотъ льется мертвою водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ.
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтні сосны не шумятъ,
Не вьются птицы, лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣгній пилъ изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ сбережетъ...
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсгалъ отшельникъ передъ ними;
Прервали духи дивный сонъ
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны;
Наполнилъ, въ воздухъ пропалъ.
И очутился въ два мгновенья
Въ долину, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою—
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотою
Продвѣлъ: тогда водой живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою,

Встаеть Русланъ, на ясный день
 Очами жадными взираеть;
 Какъ безобразный сонъ. какъ тѣнь,
 Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
 Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
 Въ немъ сердце всныхнувъ замираеть.
 Вдругъ витязъ вспрынулъ. Вѣщій Финъ
 Его зоветъ и обнимаетъ:
 «Судьба свершилась, о мой сынъ!
 Тебя блаженство ожидаетъ:
 Тебя зоветъ кровавый пиръ,
 Твой грозный мечъ бѣдою грядетъ:
 На Кіевъ снидетъ кроткій миръ.
 И тамъ она тебѣ предстанеть.
 Возьми завѣтное кольцо,
 Коснися имъ чела Людмилы.
 И тайныхъ чаръ исчезнуть силы;
 Враговъ смутить твое лицо:
 Настанетъ миръ. погибнетъ злоба.
 Достойны счастья будьте оба.
 Прости на долго, витязъ мой!
 Дай руку... тамъ, за дверью гроба—
 Не прежде—свидимся съ тобой!»
 Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
 Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
 Русланъ, для жизни пробужденный.
 Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ...
 Но ничего не слышно болѣ!
 Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ:
 Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
 Руслановъ конь нетерпѣливой
 Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой;
 Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
 Ужъ онъ летитъ, живой и здравый,
 Черезъ поля. черезъ дубравы.

Но между тѣмъ какой позоръ
 Являетъ Кіевъ осажденный!
 Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
 Народъ, уныньемъ пораженный,
 Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ
 И въ страхѣ ждетъ небесной казни;
 Стенанья робкія въ домахъ,
 На стогнахъ тишина боязни.
 Одинъ, близъ дочери своей.
 Владиміръ въ горестной молитвѣ:
 И храбрый сонмъ богатырей
 Съ дружиной вѣрною князей
 Готовится къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
 Съ зарею двинулись съ холмовъ;
 Неукротимыя дружины,
 Воиньясь, хлынули съ равнины
 И потекли къ стѣнѣ градской:
 Во градѣ трубы загремѣли,
 Бойцы сомкнулись, полетѣли
 На встрѣчу рати удалой,
 Сошлись—и заварился бой.
 Почуя смерть, взыграли кони,
 Пошли стучать мечи о брони,
 Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась;
 Равнина кровью залилась;
 Стремглавъ наѣздники помчались;
 Дружины конныя смѣшались;
 Сомкнутой, дружною стѣной
 Тамъ рубится со строемъ строй;
 Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется;
 Тамъ конь испуганный несется;
 Тамъ русскій палъ, тамъ реченѣгъ,
 Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
 Тотъ опрокинуть булавою,

Тотъ легкой пораженъ стрѣлою;
 Другой, придавленный щитомъ.
 Растоптанъ бѣшеннымъ конемъ...
 И длился бой до темной ночи.
 Ни врагъ, ни нашъ не одолѣть.
 За грудями кровавыхъ тѣлъ
 Бойцы сомкнули томны очи.
 И крѣпко былъ ихъ бранный сонъ;
 Лишь изрѣдка на полѣ битвы
 Былъ слышенъ надшихъ скорбный стонъ
 И русскихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя тѣнь,
 Волна серебрилася въ потокѣ,
 Сомнительный рождался день
 На отуманенномъ востокѣ.
 Яснѣли холмы и лѣса,
 И просынались небеса.
 Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
 Дремало поле боевое;
 Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
 Съ тревогой шумною воспринялъ.
 Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
 Смутилось сердце кievлянъ;
 Бѣгутъ пестройными толпами
 И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
 Блестая въ латахъ какъ въ огнѣ,
 Чудесный воинъ на конѣ
 Грозой несется, колетъ, рубитъ,
 Въ ревуцій рогъ, летая, трубитъ...
 То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
 Нашъ витязь палъ на басурмана;
 Онъ рыщетъ съ карлою за сѣдломъ
 Среди испуганнаго стана.
 Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
 Гдѣ конь сердитый ни промчится,

Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрываетъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ. раздавленныхъ. безглавыхъ.
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ.
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней;
Противились не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнить;
Лижуетъ Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летитъ;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдной;
Копье сіяетъ какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемѣ вьется борода;
Летитъ, надеждой окрыленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ восторгомъ упоенный,
Толпился съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людила;
Владиміръ. въ думу погруженъ,
У ногъ ея стоялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы;
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,

Вдали отъ вражескихъ мечей,
 Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана.
 Стоялъ на стражѣ у дверей.
 Едва злодѣй узналъ Руслана,
 Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
 Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ.
 И палецъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
 Достойной казни ждетъ измѣна!
 Но, помня тайный даръ кольца,
 Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей;
 Ея спокойнаго лица
 Касается рукой дрожащей...
 И чудо—юная княжна,
 Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
 Казалось, будто бы она
 Дивилася столь долгой ночи;
 Казалось, что какой-то сонъ
 Ее томилъ мечтой неясной;
 И вдругъ узнала—это онъ!
 И князь въ объятіяхъ прекрасной.
 Воскреснувъ пламенной душой,
 Русланъ не видитъ, не внимаетъ.
 И старецъ въ радости вѣмой,
 Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ?
 Ты угадаешь, другъ мой милой!
 Неправый старца гнѣвъ погасъ;
 Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
 У ногъ Руслана объявилъ
 Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
 Счастливый князь ему простилъ;
 Лишенный силы чародѣйства,
 Былъ принятъ карла во дворецъ;
 И бѣдствій праздную конецъ.

Владиміръ въ гридницѣ высокої
Запровалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ міра житель равнодушной,
На лонѣ праздної тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ—и забывалъ обиды
Сльпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣгреной Дорпды,
И сплетни шумныя глушцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Ужъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!...
Я погибалъ.... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, вѣжнѣй утѣшитель
Болѣзненной души моеї!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!
Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами кругыми,
На скатѣ каменныхъ стреминъ,
Питаюсь чувствами вѣчными

И чудной прелестью картинъ
 Природы дикой и угрюмой;
 Душа, какъ прежде, каждый часъ
 Полна, томительною думой—
 Но огонь поэзи погасъ
 Ищу напрасно впечатлѣній!
 Она прошла, пора стиховъ,
 Пора любви, веселыхъ сновъ,
 Пора сердечныхъ вдохновеній!
 Восторговъ краткій день протекъ—
 И скрылась отъ меня навѣкъ
 Богиня тихихъ пѣснопѣній...

26 Іюня 1820. Кавказъ.

1820.

—
ДОРИДА.

Въ Доридѣ нравятся и локоны злагые,
 И блѣдное лицо, и очи голубыя,
 Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
 Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
 Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
 Желанья гасли вдругъ и снова разгорались,
 Я таялъ: но среди невѣрной темноты
 Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
 И весь я полонъ былъ таинственной печали.
 И имя чуждое уста мои шептали.

ДОРИДЪ.

[ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ].

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
 Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
 Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,

Стыдливость робкая—харитъ безцѣнный даръ.
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность,
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

ОЛИНЬКЪ МАССОНЪ.

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Какъ же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцѣлуемъ сладострастья—
Соблазнительнаго счастья
Назначаешь тайный часъ;
Мы съ горячкою любовной
Прибѣгаемъ въ часъ условной—
Въ дверь стучимъ; но въ сотый разъ
Слышимъ твой коварный шопоть,
И служанки сонный ропоть,
И насмѣшливый отказъ.
Ради рѣзваго разврата,
Приапическихъ затѣй,
Ради нѣги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли нашъ влюбленный плачь—
День восторговъ, день забвенья
Намъ навѣрное назначь.

ПЛАТОНИЗМЪ.

Я знаю, Лидинька, мой другъ,
Кому въ задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досугъ,
Кому ты жертвуешь украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ.

Тебя страшитъ проказникъ милый,
Очарователь легкокрылый;
И хладной важностью своей
Тебѣ несносенъ Гименей;
Ты молишься другому богу —
Своей покорствуя судьбѣ,
Восторги пылкіе къ тебѣ
Нашли пустынную дорогу.
Я понялъ слабый жаръ очей,
Я понялъ взоръ полуоткрытыхъ.
И поблѣднѣвшія ланиты,
И томность поступи твоей,
Твой богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ даритъ.
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожитъ.
Онъ любитъ сны воображенья.
Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ.
Онъ другъ стыдливый наслажденья,
Онъ братъ любви—но одинокъ.
Когда безсонницей унылой
Во тьмѣ ночной томилъ ты.
Онъ оживляетъ тайной силой
Твои неясныя мечты,
Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой
И гонитъ тихую рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкій, дѣвственный покой.
Въ уединенномъ упоеньи
Ты мыслишь обмануть любовь!
Напрасно—въ самомъ наслажденьи
Томишься и вздыхаешь вновѣ!
Амуръ ужели не заглянетъ
Въ неосвященный твой пріютъ?
Твоя краса какъ роза вянетъ.
Минуты юности бѣгутъ...

Ужь ли мольба моя напрасна?
 Забуди преступныя мечты —
 Не вѣчно будешь ты прекрасна.
 Не для себя прекрасна ты!

ОДА ВОЛЬНОСТЬ.

[отрывки].

Бѣги, сокройся отъ очей,
 Цитеры слабая царица!
 Гдѣ ты, гдѣ ты—
 Свободы грозная пѣвица?
 Сорви съ главы моей вѣнокъ,
 Разбей извѣженную лиру,
 Хочу воспѣть я вольность міру,
 — — паразитъ порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
 Того возвышеннаго галла,
 Кому сама средъ грозныхъ бѣдъ
 Ты гимны смѣлые внушала.¹
 Любимцы вѣтренной судьбы,
 Тираны міра, трепещите!
 А вы—мужайтесь и внимлите.
 Возстаньте, падшіе рабы.

Увы, куда ни брошу взоръ,
 Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
 Законовъ гибельный позоръ,
 Неволн немощныя слезы.
 Вездѣ неправедная власть
 Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
 Повсюду рабства грозный гепій
 И къ славѣ роковая сграсть.

¹ А. Шенье.

Лишь тамъ —
 Неслышимо людей стenanье,
 Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
 Законовъ мощныхъ сочетанье.
 Гдѣ всемъ простертъ ихъ твердый щитъ,
 Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
 Гражданъ надъ равными главами
 Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ.

И преступленье съ высока
 Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
 Гдѣ неподкупна ихъ рука
 Ни алчной скупостью, ни страхомъ.
 Тебя въ свидѣтеля зову,
 О мученикъ ошпбогъ славныхъ.
 За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
 Сложившій царскую главу!

Восходитъ къ смерти Людовикъ,
 Въ виду безмолвнаго потомства,
 Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
 Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
 Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
 Падетъ преступная сѣкира —
 И самовластная порфира
 На галахъ скованныхъ лежитъ...

* *
 * *

Когда на мрачную Неву
 Звѣзда полуночи сіяетъ
 И беззаботную главу
 Спокойный сонъ отягощаетъ,
 Глядитъ задумчиво пѣвецъ
 На грозный, спящій средъ тумана,
 Пустынный памятникъ —
 Забвенью брошенный дворецъ.

НА АРАКЧЕЕВА.

I.

Всей Россіи притѣснитель,
 Губернаторовъ мучитель,
 II Совѣта онъ учитель.
 А Царю—онъ другъ и братъ.
 Полонъ злобы полонъ мести,
 Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести—
 Кто жъ онъ «преданный безъ лести»?¹
 Просто фрунтовой солдатъ.

II.

Холопъ!... Благодарн слою судьбу:
 Ты стоишь лавровъ Герострата.
 Иль смерти вѣмца Коцебу...

---

* * *

Мнѣ бой знакомъ—люблю языкъ мечей;
 Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
 Люблю войны кровавыя забавы,
 II смерти мысль мила душѣ моей.
 Во цвѣтъ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
 Передъ собой кто смерти не видалъ,
 Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
 II милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

---

* * *

Погасло дневное свѣтило;
 На море синее вечерній палъ туманъ.
 Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

---

¹ Девизъ Аракчеева: «Безъ лести преданъ».

Я вижу берегъ отдаленный,
 Земли поуденной волшебные края:
 Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
     Воспомнаньемъ упоенный...
 И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
     Душа кипить и замираетъ;
 Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
 Я вспомнилъ прежнихъ дѣтъ безумную любовь.
 И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило.
 Желаній и надеждъ томительный обманъ...
     Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
 По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
     Но только не къ берегамъ печальнымъ
     Туманной родины моей.
 Страны, гдѣ пламенемъ страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались.
     Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
     Моя потерянная младость,
 Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное страданью предала.
     Искатель новыхъ впечатлѣній,
     Я васъ бѣжалъ, отечески края,
     Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій.
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой.
 Покою, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, измѣнницы младыхъ.
 Подруги тайныя моей весны златыя,
 И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ.
 Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!...

Черное Море. 1820. Сентябрь.

ЭЛЕГИЯ.

Увы. зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой!
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей.
Недолго радовать собою
Счастливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой острою
Бесѣды наши оживлять.
И тихой. ясною душою
Страдальца душу улаждать.
Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое.
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья.
Внимаю каждый звукъ рѣчей.
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

[Юрзубъ].

---

* *
*

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Тагъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ.
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ,
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

ЧАДАЕВУ.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
 Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
 Дымилась жертвоприношенья;
 Здѣсь упокоена была
 Вражда свирѣпой Эвмениды:
 Здѣсь провозвѣстница Тавриды
 На брата руку занесла!
 На сихъ развалинахъ свершилось
 Святое дружбы торжество,
 И душъ великихъ божество
 Своимъ созданьемъ возгордилось...

. . . \ . . .
 Чадаевъ, помнишь ли бывшее?
 Давно ль съ восторгомъ молодымъ
 Я мыслить имя роковое
 Предать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смрпенномъ,
 Теперь и лѣнь, и тишина.
 И въ умиленьи вдохновенномъ.
 На камень, дружбой освященномъ,
 Пишу я наши имена.

[Съ морскаго берега Тавриды].

 ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви. фонтанъ живой!
 Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
 Люблю немолчный говоръ твой
 И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
 Меня кропитъ росю хладной:
 Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадной!
 Журчи, журчи свою мнѣ бль...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
 И я твой мраморъ вопрошалъ:
 Хвалу странѣ прочелъ я дальшой;
 Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!
 И здѣсь ужель забвенно ты?
 Или Марія и Зарема
 Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
 Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
 Свои минутныя видѣнья,
 Души неясный идеалъ?

НЕРЕИДА

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
 На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
 Скрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
 Надъ ясной влагою полубогиня грудь
 Младую, бѣдую какъ лебедь, воздымала
 И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Каменка.

Рѣдѣть облаковъ летучая гряда.
 Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
 Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
 И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
 Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышнѣ;
 Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
 Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
 Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило.
 Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
 Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
 И сладостно шумятъ таврическія волны.

Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный.
 Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.
 Когда на хижины сходила ночи тѣнь
 И дѣва юная во мглѣ тебя искала
 И именемъ своимъ—подругамъ называла.

Каменка.

ВИНОГРАДЪ

Не стану я жалѣть о розахъ.
 Увидшихъ съ легкою весной;
 Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ.
 Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой.
 Краса моей долины злачной,
 Отрада осени златой,
 Продолговатый и прозрачной.
 Какъ персты дѣвы молодой.

* *
*

Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой.
 За ланью быстрой и пугливой
 Стремится дикій Актеонъ.
 Уже на чистый небосклонъ
 Восходитъ блѣдная Діана—
 И въ сумракъ пускаетъ оны
 Стрѣлу послѣднюю колчана...

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

МОЛДАВСКАЯ ПѢСНЯ.

Глижу какъ безумный на черную шаль,
 И хладную душу терзаетъ печаль.
 Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
 Младую гречанку я страстно любилъ.
 Прелестная дѣва ласкала меня;
 Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей.
Съ тобою пируютъ [шепнулъ онъ] друзья;
Тебѣ жъ измѣнила гречанка твоя.
И далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.
Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.
Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...
Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.
Не взвидѣлъ я сѣта: бузатъ агремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.
Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.
Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.
Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.
Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.
Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.
Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы вопнѣ,
Покрытый кровію святой,

Чудесный твой отецъ. преступникъ и герой.
 И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.
 Тебя младенца онъ ласкалъ
 На пламенной груди рукой окровавленной:
 Твоей пгрушкой былъ княжалъ,
 Братоубійствомъ позщенной.
 Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
 Онъ молча, надъ твоей невинной колыбелью,
 Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
 И лепеть твой внималъ. и не былъ чуждъ веселью!
 Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
 Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
 Смиреной живнiю предъ небомъ искупила:
 Съ могилы грозной къ небесамъ
 Она, какъ сладкiй ѳнiамъ,
 Какъ чистая любви молитва восходила.

ЭПИГРАММЫ.

1. [на каченовскаго].

Хавронiосъ! ругатель закоснѣлый.
 Во тьмѣ, въ пыли, въ презрѣннiи посѣдѣлый,
 Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ
 И пасквилей томительная тупость?
 «Затѣйникъ золъ!» съ улыбкой скажетъ глупость;
 «Невѣжда глупъ!» зѣвая, скажетъ умъ.

2.

Когда бъ писать ты началъ съ-дуру.
 Тогда бъ навѣрно ты пролѣзъ
 Сквозь нашу тѣсную цензуру,
 Какъ видишь въ царствiе небесъ.

3. [на Ѳ. П. Толстого].

Въ жизни мрачной и презрѣнной
 Былъ онъ долго погруженъ;

Долго всѣ концы вселенной
 Осквернялъ развратомъ онъ.
 Но исправясь понемногу,
 Онъ загладилъ свой позоръ,
 И теперь онъ, слава Богу,
 Только что картежный воръ.

1821.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Идиллии москв.

Когда по синевѣ морей
 Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
 Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
 И челны на волнахъ лепѣтъ;
 Заботъ и думъ слагая грузъ,
 Тогда лѣнюсь я веселѣ
 И забываю пѣсни музъ:
 Мнѣ моря сладкій шумъ милѣ.
 Когда же волны по брегамъ
 Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
 И громъ гремитъ по небесамъ,
 И молніи во мракъ блещутъ,
 Я удаляюсь отъ морей
 Въ гостепріимныя дубровы:
 Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
 И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый—
 Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
 Игралнице слѣпой пучины,
 А я въ надежной тишинѣ
 Внимаю шумъ ручья долины.

ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
 Оживлены дубровы и луга.
 Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды
 И пышные ласкаютъ берега,
 Гдѣ на холмы, подѣ лавровые своды,
 Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
 Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный.
 Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
 Туда летятъ желанія мои.
 Я помню горъ высокія вершины.
 Прозрачныхъ водъ веселія струи,
 И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
 Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи.
 Среди заботъ и съ дружбою взаимной.
 Подѣ кровлею живутъ гостеприимной.

Все мило тамъ красую безмятежной.
 Все путника плѣняетъ и манитъ,
 Какъ въ ясный день дорогою прибрежной.
 Привычный конь по склону горъ бѣжигъ.
 Повсюду трудъ веселый и прилежный
 Сады татаръ и нивы богагитъ,
 Холмы цвѣтутъ, и въ лисгахъ винограда
 Всентъ янтарь, ночныхъ пировъ ограда.

Все живо тамъ: и тополей прохлада.
 Въ тѣни ошивъ уснувшія стада,
 Вокругъ домовъ рѣшотки винограда,
 Монастыри, селенья, города,
 И моря шумъ, и говоръ водопада,
 И средь валовъ бѣгуція суда,
 И яркіе лучи златаго Феба,
 И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
 Забывъ молву и свѣта суеты,
 На берегахъ веселаго Салгира
 Воспоминать души моей мечты?
 Въ мопхъ ругахъ Овидіева лира,
 Счастливая пѣвица красоты,
 Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
 Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
 Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
 И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
 И ясныя, какъ радость, небеса?
 Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
 Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
 Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
 Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?...

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
 Пастухъ и земледѣль въ младенческія лѣты,
 Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
 Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
 И майскіе дожди, младыхъ полей ограду,
 И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
 Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
 Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
 Или солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
 Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
 Или бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
 Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинь,
 Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
 И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

ДѢВА.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
 Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
 Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
 Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
 Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
 Иылаеть близъ нея задумчивая младость;
 Любимцы счастія, наперсянки судьбы
 Смирренно ей несутъ влюбленные мольбы:
 Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
 И. очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

ДЮНЕЯ.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
 Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
 Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
 Твой взоръ потушенный желаніемъ горитъ.
 И долго послѣ. Дюнея,
 Улыбку нѣжную лицо твое хранитъ.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
 Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
 Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
 Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
 И семипольную цѣвницу мнѣ вручила;
 Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
 По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
 Уже наигрывала я слабыми перстами

II гимны важные, внушенные богами.
 II пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
 Съ утра до вечера въ пѣмой тѣни дубовъ
 Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
 II радуя меня наградою случайной,
 Откинувъ локоны отъ милаго чела,
 Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
 Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
 II сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

1821 г. февраля 14.

Я пережилъ свои желанья,
 Я разлюбилъ свои мечты!
 Остался мнѣ одинъ страданья,
 Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
 Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ!
 Живу печальнымъ, одинокой.
 II жду: придетъ ли мой конецъ?

. Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
 Какъ бури слышенъ зимній свистъ.
 Одинъ на вѣткѣ обнаженной
 Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка, 22 февраля.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЫННИКЪ.

Подъ бурей рока—твердый камень.
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ РАВЕСКОМУ.

Прими съ улыбкою, мой другъ.
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ изгнанной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда я погибалъ безвишный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ.
Когда княжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили—
Я близъ тебя еще покоиство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили.
И бури надо мной свирѣпость утомили—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту,¹ пустынный величавый.
Ауловъ² и полей властитель пятиглавый.
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины.
Гремучіе ключи, увядшія равнины.
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной

¹ Бешту, или правильнѣе Бештау, кавказская гора, въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи.

² Ауль. Такъ называются деревни кавказскихъ народовъ.

Дышлѣ души младыя впечатлѣнья;
 Гдѣ рыскаегь въ горахъ вопиственный разбой,
 И дикій геній вдохновенья
 Таится въ тишинѣ глухой!
 Ты здѣсь найдешь воспомнанья,
 Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
 Противорѣчія страстей,
 Мечты знакомыя, знакомыя страданья
 И тайный гласъ души моея.
 Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя
 Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя,
 Въ поля кровавыя, подѣ тучи вражыхъ стрѣлъ,
 Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
 Отечество тебя ласкало съ умильемъ,
 Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.
 Я рано скорбь узналъ, постигнуть былъ гоненьемъ,
 Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
 Но сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,
 Я ждалъ безопасно лучшихъ дней,
 И счастье моихъ друзей
 Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
 Черкесы праздные сидятъ.
 Сыны Кавказа говорятъ
 О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ.
 О красотѣ своихъ коней.
 О наслажденьяхъ дикой вѣги;
 Воспоминаютъ прежнихъ дней
 Неотразимые набѣги,
 Обманы хитрыхъ узденей.³
 Удары шашекъ⁴ ихъ жестокихъ,

³ Узденъ, вачальникъ или князь. — ⁴ Шашка, черкесская сабля.

И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ.
 И пепель раззоренныхъ селъ.
 И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
 Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ:
 И вдругъ предъ ними на конѣ
 Черкесь. Онъ быстро на арканѣ
 Младаго плѣнника влачилъ.
 «Вотъ русскій!» хищникъ возопилъ.
 Ауль на крикъ его сбѣжался
 Ожесточенною толпой;
 Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
 Съ обезображенной главой,
 Какъ трупъ недвижимъ оставался.
 Лица враговъ не видитъ онъ,
 Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
 Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
 И холодомъ тлетворнымъ дышетъ.

И долго плѣнникъ молодой
 Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
 Ужъ полдень надъ его главой
 Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
 И жизни духъ проснулся въ немъ.
 Невнятный стонъ въ устахъ раздался:
 Согрѣтый солнечнымъ лучемъ.
 Несчастный тихо приподнялся;
 Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
 И видитъ: неприступныхъ горъ
 Надъ нимъ воздвигнулась громада.
 Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
 Черкесской вольности ограда.
 Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,
 Какъ сна ужаснаго тревоги,
 И слышигъ, загремѣли вдругъ
 Его закованные ноги...

Все, все сказалъ ужасный звукъ!
 Затмилась передъ нимъ природа.
 Прости, священная свобода!
 Онъ рабъ.

За саклями³ лежитъ
 Онъ у колючаго забора.
 Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора.
 Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
 Предъ нимъ пустынные равнины
 Лежатъ зеленой пеленой;
 Тамъ холмовъ тянутся грядой
 Однообразныя вершины;
 Межъ нихъ уединенный путь
 Вдали теряется угрюмой...
 И плѣнника младаго грудь
 Тяжелой взволновалась думой...

Въ Россію дальній путь ведетъ,
 Въ страну, гдѣ пламенную младость
 Онъ гордо началъ безъ заботъ,
 Гдѣ первую позналъ онъ радость,
 Гдѣ много млага любилъ,
 Гдѣ обнялъ грозное сгряданье,
 Гдѣ бурной жизнью погубилъ
 Надежду, радость и желанье,
 И лучшихъ дней воспоминанье
 Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.*

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
 И зналъ невѣрной жизни цѣну.
 Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,

³ Сакли. хижина. — * Въ рукошпи было еще добавлено:

Когда роскошнымъ дѣвъ веселья
 Младыми розами вычалъ,
 И жаръ безумнаго похмѣлья
 Минугой сграси посвящалъ.

Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
 Наскучивъ жертвой бытъ привычной
 Давно презрѣнной суеты,
 И непріязни двуязычной,
 И простодушной клеветы,
 Отступникъ свѣта, другъ природы,
 Покинулъ онъ родной предѣлъ,
 И въ край далекій полетѣлъ
 Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
 Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
 Страстями сердце погубя,
 Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
 Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
 Одушевленные тобою;
 И съ вѣрой, пламенной мольбою
 Твой гордый идолъ обнималъ.

Свершилось... Цѣлью упованья
 Не зрять онъ въ мірѣ ничего.
 И вы, послѣднія мечтанья,
 И вы сокрылись отъ него.
 Онъ рабъ. Склонясь главою на камень.
 Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
 Погасъ печальной жизни пламень,
 И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
 Вдали раздался шумный гулъ;
 Съ полей народъ идетъ въ аулъ.
 Сверкая свѣтлыми косами.
 Пришли; въ домахъ зажглись огни,
 И постепенно шумъ нестройной
 Умолкнулъ; все въ ночной тьмѣ
 Объято нѣгою спокойной;
 Вдали сверкаетъ горный ключъ,

Сбѣгая съ каменной стремнины;
 Одѣлись пеленою тучъ
 Кавказа спящія вершины...
 Но кто, въ сіяніи луны.
 Среди глубокой тишины
 Идетъ, украдкою ступая?
 Очулся русскій. Передъ нимъ.
 Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ.
 Стоитъ черкешенка младал.
 На дѣву молча смотритъ онъ
 И мыслить: это лживый сонъ,
 Усталыхъ чувствъ игра пустая...
 Луною чуть озарена.
 Съ улыбкой жалости отрадной,
 Колѣна преклонивъ, она
 Бъ его устамъ кумысъ ⁶ прохладной
 Подноситъ тихою рукой.
 Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный,
 Онъ ловитъ жадною душой
 Приятной рѣчи звукъ волшебный
 И взоры дѣвы молодой.
 Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ...
 Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
 Но голосъ нѣжный говоритъ:
 Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
 И онъ, собравъ остатокъ силъ;
 Велѣнью милому покорной,
 Привсталъ и чашей благотворной
 Томленье жажды утоплить.
 Потомъ на камень вновь склонился
 Отягощенною главой,
 Но все къ черкешенкѣ молодой
 Угасшій взоръ его стремился.

⁶ Кумысъ дѣлается изъ кобыльаго молока; напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всеми горскими и кочующими народами Азии. Онъ довольно приятенъ и почитается весьма здоровымъ.

И долго, долго передъ нимъ
 Она, задумчива, сидѣла,
 Какъ бы участіемъ нѣмымъ
 Утѣшить плѣнника хотѣла;
 Уста невольно каждый часъ
 Съ начатою рѣчью открывались.
 Она вздыхала, и не разъ
 Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ тѣнь.
 Въ горахъ, окованный, у стала
 Проводить плѣнникъ каждый день.
 Пещеры влажная прохлада
 Его скрываетъ въ лѣтній зной.
 Когда же рогъ луны серебристой
 Блеснетъ за мрачною горой,
 Черешенка, тропой тѣнистой,⁴
 Приноситъ плѣннику вино,
 Кумысъ и ульевъ сотъ душистой,
 И бѣлоснѣжное пшено;
 Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ.
 На немъ покоитъ нѣжный взоръ,
 Съ неясной рѣчію сливается
 Очей и знаковъ разговоръ;
 Поетъ ему и пѣсни горъ,
 И пѣсни Грузіи счастливой,
 И памяти нетерпѣливой
 Передаетъ языкъ чужой.⁷
 Впервые дѣвственной душой
 Она любила, знала счастье;
 Но русскій жизни молодой

---

⁷ Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія, вѣчно ею претерпѣваемые. Пѣсни грузинскія пріятны и по большей части заунывны. Онѣ славятъ минутные успѣхи кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ Бакунина и Циціанова, измѣны, убійства, иногда любви и наслажденія.

Давно утратилъ сладострастье:
 Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
 Любви младенческой, открытой—
 Быть можетъ, сонъ любви забытой
 Боялся онъ вспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
 Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
 И неожиданную радость
 Еще обнимемъ мы не разъ;
 Но вы, живыя впечатлѣнья,
 Первоначальная любовь,
 О, первый пламень упоенья,
 Не прилагаете вы вновь.

Казалось, плыникъ безнадежный
 Къ унылой жизни привыкалъ.
 Тоску неволи, жаръ мятельный,
 Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
 Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
 Въ часъ ранней утренней пролады,
 Вперилъ онъ неподвижный взоръ
 На отдаленныя громады
 Съдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
 Великолѣпныя картины!
 Престолы вѣчныя снѣговъ,
 Очамъ казались ихъ вершины
 Недвижной цѣпью облаковъ,
 И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
 Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый.
 Блѣлъ на небѣ голубомъ.⁸

⁸ Въ 1-хъ изданіяхъ, въ примѣчаніи, находились двѣ обширныя выписки стиховъ, относящихся къ Кавказу, изъ Державина и Жуковского, съ замѣткою Пушкина: «Державинъ въ превосходной своей одѣ графу Зубову первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія картины Кавказа: О юныи воецъ и пр.—Жуковский въ своемъ посланіи къ

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
 Предтеча бури, громъ гремѣлъ.
 Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ
 Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
 У ногъ его дымились тучи,
 Въ степи взвивался паръ летучій;
 Уже пріюта между скалъ
 Елень испуганный искалъ;
 Орлы съ утесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
 Ужь гласомъ бури заглушались...
 И вдругъ на доли—дождь и градъ
 Изъ тучъ сквозь молній извергались:
 Волнами роя крутизны,
 Сдвигая камни вѣковые,
 Текли потоки дождевые—
 А плѣнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за тучей громовою,
 Возврата солнечнаго ждалъ,
 Недосягаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-то радостью внималъ.

Но европейца все вниманье
 Народъ сей чудный привлекалъ.
 Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
 Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
 Любилъ ихъ жизни простоту,
 Гостепрѣимство, жажду брани,
 Движеній вольныхъ быстроту,
 И легкость ногъ, и силу длани;
 Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
 Какъ иногда черкесь проворной,

г. Воейкову также посвящаетъ нѣсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа: Ты зрѣлъ, какъ Терекъ и пр.»

Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ бѣркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ приучаясь.
Опѣ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ,
Онѣ имѣ гордится, имѣ утѣшенъ:
На немѣ брони, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный—
Все тотъ же онѣ, все тотъ же видѣ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ или въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимѣ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги,
Все путь ему—болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимѣ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;

Съдой потокъ предъ нимъ шумить—
 Онъ въ глубь кипящую несется,
 И путникъ, брошенный ко дну,
 Глощаетъ мутную волну,
 Изнемогая смерти просить
 И зрить ее передъ собой....
 Но мощный конь—его стрѣлой
 На берегъ пѣнистый выноситьъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
 Въ рѣку низверженный грозой,
 Когда на холмахъ пеленою
 Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
 Черкесъ на корни вѣковые,
 На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щитъ, бурку, панцирь и шоломъ,
 Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
 За нимъ бросается потомъ,
 Неутомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка реветъ,
 Могучій токъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склонясь на копья, казаки
 Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
 И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плыветъ оружiе злодѣя...
 О чемъ ты думаешь, казакъ?
 Воспоминаешь прежни битвы,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ,^{*}
 Полковъ хвалебныя молитвы
 И родину?.. Коварный сонъ!
 Простите, вольныя станицы,

^{*} Вар. У стѣнъ Парижа свой бивакъ.

И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
 Стрѣла выходитъ изъ колчана,
 Взвплась—и падаетъ казакъ
 Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей
 Черкесь въ отеческомъ жилищѣ
 Сидитъ ненастною порой,
 И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
 И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
 И робко сядетъ у огня—
 Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ
 И гостю въ чашѣ благовонной
 Чихирь⁹ отрадный подаетъ.
 Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
 Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
 И утромъ оставляетъ онъ
 Ночлега кровь гостепріимной.¹⁰

Бывало въ свѣтлый Байранъ¹¹
 Сберутся юноши толпою;
 Игра смѣняется игрою:
 То полный разобравъ колчанъ,

⁹ Чихирь — красное грузинское вино.

¹⁰ Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепріимствомъ. Гость становится для нихъ священною особою. Предать его или не защищать почитается межъ ними за величайшее безчестіе. Кунакъ [т. е. пріятель, знакомецъ] отвѣчаетъ жизнью за вашу безопасность. и съ нимъ вы можете углубиться въ самую среднюю кабардинскихъ горъ.

¹¹ Байранъ или Байрамъ — праздникъ розговѣнья.—Рамазанъ—мусульманскій постъ.

Они крылатыми стрѣлами
 Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
 То съ высоты крутыхъ холмовъ,
 Нетерпѣливыми рядами
 При данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
 Какъ лани землю поражаютъ,
 Равнину пылью покрываютъ
 И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
 Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
 И часто игры воли праздною
 Игрой жестокой смущены.
 Нерѣдко шашки грозно блещутъ
 Въ безумной рѣзвости пировъ,
 И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
 И въ радости младенцы плещутъ.*

Но русскій равнодушно зрѣлъ
 Сип кровавыя забавы.
 Любилъ онъ прежде игры славы
 И жаждой гибели горѣлъ.
 Невольникъ чести безпощадной,
 Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
 На поединкахъ твердый, холодной,
 Встрѣчая гибельный свинецъ.
 Быть можетъ, въ думу погруженный,
 Онъ время то воспоминалъ,
 Когда, друзьями окруженный,
 Онъ съ ними шумно пировалъ...
 Жалѣлъ ли онъ о дняхъ мпнувшихъ,
 О дняхъ надежду обманувшихъ.
 Иль, любопытный, созерцалъ
 Суровой простоты забавы,
 И дикаго народа нравы
 Въ семь вѣрномъ зеркалѣ читалъ—

* Вар. II жены робкія трепещуть.

Ташъ въ молчаніи онъ глубокомъ
 Движенъя сердца своего,
 И на челѣ его высокомъ
 Не измѣнялось ничего.
 Безпечной смѣлости его
 Черкесы грозные дивились,
 Щадили вѣкъ его молодой,
 И шопотомъ между собой
 Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
 Восторги сердца, жизни сладость;
 Твой огненный, невинный взоръ
 Высказывалъ любовь и радость.
 Когда твой другъ во тьмѣ ночной
 Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
 Сгорая нѣгой и желаньемъ,
 Ты забывала міръ земной,
 Ты говорила: «плѣнникъ милый,
 Развесели свой взоръ унылый,
 Склонись главою ко мнѣ на грудь,
 Свободу, родину забудь.
 Скрываться рада я въ пустынь
 Съ тобою, царь души моей!
 Люби меня; никто донинѣ
 Не цѣловалъ моихъ очей;
 Къ моей постелѣ одинокой
 Черкесъ молодой и черноокой
 Не крался въ тишинѣ ночной;
 Слыву я дѣвою жестокой,
 Неумолимой красотой.
 Я знаю жребій мнѣ готовый:
 Меня отецъ и братъ суровый
 Немилому продать хотять

Въ чужой ауль цѣною злата:
 Но умолю отца и брата,
 Не то—найду кинжалъ иль ядъ!..
 Непостижимой, чудной силой
 Къ тебѣ я вся привлечена,
 Люблю тебя, невольникъ милой,
 Душа тобой упоена...»

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
 На дѣву страстную взиралъ,
 И полный тяжкимъ размышленьемъ
 Словамъ любви ея внималъ.
 Онъ забывался: въ немъ тѣснились
 Воспоминанья прошлыхъ дней,
 И даже слезы изъ очей
 Однажды градомъ покатились.
 Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
 Тоска любви безъ упованья.
 Предъ юной дѣвой наконецъ
 Онъ изліялъ свои страданья.

«Забудь меня: твоей любви,
 Твоихъ восторговъ я не стою;
 Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
 Другаго юношу зови.
 Его любовь тебѣ замѣнить
 Моей души печальный хладъ;
 Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
 Твою красу, твой милый взглядъ,
 И жарь младенческихъ лобзаній,
 И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
 Безъ упованья, безъ желаній
 Я вяну жертвою страстей.
 Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
 Душевной бури слѣдъ ужасной;
 Оставь меня, но пожалѣй
 О скорбной участи моей!

Несчастнѣй другъ, зачѣмъ не прежде
 Явилась ты мнѣ очамъ,
 Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
 И упонгельнымъ мечтамъ! *
 Но поздно! умеръ я для счастья,
 Надежды призракъ улегълъ;
 Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья
 Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣтъ...

Какъ тяжело мертвыми устами
 Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
 И очи, полныя слезами,
 Улыбкой хладною встрѣчать!
 Измучась ревностью напрасной,
 Уснувъ безчувственной душой.
 Въ объятіяхъ подруги страстной.
 Какъ тяжело мыслить о другой!...

Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
 Ты пьешь лобзанія мои,
 И для тебя часы любви
 Проходятъ быстро, безмятежно:
 Сидя слезы въ тишинѣ,
 Тогда, разсѣянный, унылый,
 Передъ собою, какъ во снѣ,
 Я вижу образъ вѣчно мпый;
 Его зову, къ нему стремлюсь.
 Молчу. не вижу, не внимаю;
 Тебѣ въ забвеньи предаюсь
 И тайный призракъ обнимаю;
 О немъ въ пустынѣ слезы лью;

Въ рукописи было прибавлено:

Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
 Морей и бури вольный шумъ.
 Девичій голосъ, гимны славы
 Еще плыли жадный умъ.

Повсюду онъ со мною бродить,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

«Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспомнанья, грусть и слезы—
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости!.. дай руку на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалить хладная разлука—
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь.»

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука,
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася.

«Ахъ, русскій, русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ ли вновь когда нибудь?
Ужель на вѣкъ погибла радость?...
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бъ изъ жалости одной,

Молчаньемъ, ласкою притворной;
 Я услаждала бѣ жребій твой
 Заботой нѣжной и покорной;
 Я стерегла бѣ минуты сна,
 Покой тоскующаго друга;
 Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,
 Твоя прекрасная подружка?
 Ты любишь, русскій? ты любимъ?...
 Понятны мнѣ твои страданья...
 Прости жъ и ты мои рыданья,
 Не смѣйся горестямъ моимъ.»

Умолкла. Слезы и стенанья
 Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
 Уста безъ словъ роптали пени;
 Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
 Она едва могладохнуть.
 И плѣнникъ, тихою рукою
 Поднявъ несчастную, сказалъ:
 «Не плачь! и я гонимъ судьбою,
 И муки сердца испыталъ.
 Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной,
 Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
 И гасну я, какъ пламень дымной,
 Забытый средь пустыхъ долинъ.
 Умру вдали береговъ желанныхъ;
 Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
 Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ,
 Заржавитъ тягостная цѣпь...»

Свѣтила ночи затмѣвались;
 Въ дали прозрачной означались
 Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
 Главу склонивъ, потупя взоръ,
 Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
 Одинъ окрестъ аула бродить.

Заря на знойный небосклонъ
 За днями новы дни возводитъ;
 За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
 Вотще свободы жаждетъ онъ.
 Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
 Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ.
 Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,
 Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
 Ночной ауловъ разоритель,
 Рабовъ отважный избавитель,
 Зоветъ..... но все кругомъ молчитъ;
 Лишь волны плещутся, бушуя,
 И человѣка звѣрь почуя
 Въ пустыню темную бѣжитъ.

Однажды слышитъ русскій плѣнный,
 Въ горахъ раздался кликъ военный:
 «Въ табуны, въ табуны!» Бѣгутъ, шумятъ;
 Уздечки мѣдныя гремятъ,
 Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
 Кипятъ осѣдланные кони;
 Къ набѣгу весь аулъ готовъ,
 И дикіе питомцы брани
 Рѣкою хлынули съ холмовъ,
 И скачутъ по берегамъ Кубани
 Сбирать насильственные дани.

Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
 У саклей псы сторожевые.
 Младенцы смуглые, нагіе,
 Въ свободной рѣзвости шумятъ;
 Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
 Изъ трубокъ дымъ, вѣясь, синѣетъ.
 Они безмолвно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушаютъ припѣвъ—
 И старцевъ сердце молодѣетъ.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
 Въ горахъ безмолвіе почное;
 Казакъ усталый задремалъ,
 Склонясь на кошѣ стальное.
 Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
 Влача по дну рѣчному сѣти;
 Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
 Какъ тонуть маленькія дѣти,
 Купаясь жаркою порой:
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
 Цвѣтутъ богатія ставицы;
 Веселый пляшетъ хороводъ;
 Бѣгите, русскія пѣвицы,
 Спѣшите, красныя, домой:
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
 Мечтаетъ русскій о побѣгѣ;
 Но цѣпь невольника тяжка,
 Быстра глубокая рѣка...
 Межъ тьмѣ, померкнувъ, степь уснула,
 Вершины скалъ омрачены.
 По бѣлымъ хижинамъ аула
 Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
 Елены дремлютъ надъ водами,

Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горамъ
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна,
Къ нему приближилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи.
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги! сказала дѣва горь:
Нигдѣ черкесь тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ—твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ.»

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скатилась—
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ! дѣва говоритъ,
Бѣги!» Не взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя покровъ ея клубилъ.
«О другъ мой! русскій возопилъ:
Я твой на вѣкъ, я твой до гроба.
Ужасный край оставимъ оба,

Бѣги со мной...»—Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
 Она исчезла, жизни сладость—
 Я знала все, я знала радость,
 И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
 Возможно ль? ты любилъ другую!...
 Найди ее, люби ее!
 О чемъ же я еще тоскую,
 О чемъ уныніе мое?...
 Прости! любви благословенья
 Съ тобою будутъ каждый часъ.
 Прости—забудь мои мученья,
 Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ.—

Къ черкешенкѣ простеръ онъ руки,
 Воскресимъ сердцемъ къ ней летѣль,
 И долгій поцѣлуй разлуки
 Союзъ любви запечатлѣлъ.
 Рука съ рукой, унынья полны,
 Сошли ко берегу въ тишинѣ—
 И русскій въ шумной глубинѣ
 Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
 Уже противныхъ скалъ достигъ,
 Уже хватается за нихъ...
 Вдругъ волны глухо зашумѣли,
 И слышенъ отдаленный стонъ...
 На дикій берегъ выходитъ онъ,
 Глядитъ назадъ... берега яспѣли
 И опѣненные бѣлѣли,
 Но нѣтъ черкешенки молодой
 Ни у береговъ ни подъ горой...
 Все мертво... на берегахъ уснувшихъ
 Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
 И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
 Струистый исчезаетъ кругъ...

Все понялъ онъ... Прощальнымъ взоромъ
 Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ

Пустой ауль съ его заборомъ,
 Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ.
 Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
 Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
 Когда въ горахъ черкесъ суровый
 Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокой,
 Ложился день на темный долъ,
 Взошла заря. Тропой далекой
 Освобожденный плѣнникъ шелъ,
 И передъ нимъ уже въ туманахъ
 Сверкали русскіе штыки,
 И окликались на курганахъ
 Сторожевые казаки.

20 февраля 1821. Каменка.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ муза, легкій другъ мечты,
 Къ предѣламъ Азіи летала
 И для вѣнка себѣ срывала
 Кавказа дикіе цвѣты.
 Ее плѣнялъ нарядъ суровой
 Племень, возросшихъ на войнѣ,
 И часто въ сей одеждѣ новой
 Волшебница являлась мнѣ;
 Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
 Одна бродила по скаламъ,
 И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
 Она прислушивалась тамъ;
 Любила бранныя станцы,
 Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
 Курганы, тихія гробницы,
 И шумъ, и ржанье табуновъ.
 Богиня пѣсенъ и разсказа,

Воспоминанія полна,
 Быть можетъ, повторитъ она
 Преданья грознаго Кавказа;
 Расскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
 Мстислава древнѣй поединокъ,¹²
 Измѣны, гибель россиянь
 На лонѣ мстительныхъ грузинокъ.
 И воспою тотъ славный часъ,
 Когда, почуя бой кровавый,
 На негодующій Кавказъ
 Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
 Когда на Терекъ съдомъ
 Впервые грянулъ битвы громъ
 И грохоть русскихъ барабановъ,
 И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
 Явился пылкій Циціановъ.
 Тебя я воспою, герой,
 О Котляревскій, бичъ Кавказа!
 Куда ни мчался ты грозой —
 Твой ходъ, какъ черная зараза,
 Губилъ, ничтожилъ племена...
 Ты днесъ покинулъ саблю мести,
 Тебя не радуеть война;
 Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
 Вкушаешь праздный ты покой
 И тишину домашнихъ доловъ...
 Но се—Востокъ подьемлетъ вой!...
 Поникни снѣжною главою,
 Смирись, Кавказъ—идеть Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
 Все русскому мечу подвластно.

¹² Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, прозванный Удалымъ, удѣльный князь Тмутаракани [островъ Тамань]. Онъ воевалъ съ косогами [по всей вѣроятности, нынѣшними черкесами] и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю.—Ист. Гос. Росс., томъ II.

Кавказа гордые сыны,
 Сражались, гибли вы ужасно;
 Но не спасла васъ ваша кровь,
 Ни очарованныя брони,
 Ни горы, ни лихіе кони,
 Ни дикой вольности любовь!
 Подобно племени Батыя,
 Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
 Забудетъ алчной брани гласъ,
 Оставить стрѣлы боевыя.
 Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
 Подѣдетъ путникъ безъ боязни,
 И возвѣстятъ о вашей казни
 Преданья темныя молвы.

Одесса. 1821. 15-е мая.

КЪ АГЛАЪ.

И вы повѣрять мнѣ могли,
 Какъ семилѣтняя Агнеса?
 Въ какомъ романѣ вы нашли,
 Чтобъ умеръ отъ любви повѣса?
 Послушайте. Вамъ тридцать лѣтъ,
 Да, тридцать лѣтъ—не многимъ болѣ;
 Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ,
 Кружился долго въ немъ на волѣ:
 Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
 Проказы утомить успѣли;
 Вамъ также съ вашей стороны
 Тревоги сердца надобли.
 Умы давно въ насъ охладѣли,
 Не кстати намъ учиться вновь!
 Мы знаемъ: вѣчная любовь
 Живетъ едва ли три недѣли!
 Я вами точно былъ плѣненъ,

Къ тому же скука... мужъ ревнивый....
 Я притворился, что влюбленъ,
 Вы притворились, что стыдливы....
 Мы поклялись.... потомъ.... увы!
 Потомъ забыли клятву нашу:
 Себѣ гусара взяли вы,
 А я наперсницу Наташу.
 Мы разошлись. До этихъ поръ
 Все хорошо, благопристойно:
 Могли бы мы безъ глупыхъ ссоръ
 Жить мирно, дружно и спокойно;
 Но нѣтъ! въ трагическомъ жару
 Вы мнѣ сегодня поутру
 Съдую воскресили древность:
 Вы проповѣдуете вновь
 Покойныхъ рыцарей любовь,
 Учтивый жаръ, и грусть, и ревность....
 Оставимъ юный пылъ страстей,
 Когда мы клонимся къ закату,
 Вы—старшей дочери своей,
 Я—своему меньшому брату.
 Имъ можно съ жизнію шалить
 И слезы впредь себѣ готовить;
 Еще пристало имъ любить,
 А намъ уже пора злословить!

ПАВЛУ АЛЕКСАНДР. КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
 Черты волшебницы прекрасной?
 Талантовъ обожатель страстной,
 Я прежде былъ ея поэтъ.
 Съ досады, можетъ быть, неправой,
 Когда одна въ дыму кадилъ

Красавица блистала славой.
 Я свистомъ гимны заглушилъ.
 Погибни, злобы мигъ единой.
 Погибни, шпы ложный звукъ:
 Она виновна, милый другъ,
 Предъ Селлименой и Мопной.
 Такъ легкомысленной душой,
 О боги, смертный васъ поноситъ;
 Но вскорѣ трепетной рукой
 Вамъ жертвы новыя приноситъ.

5 апрѣля

—
* *
*

Наперсица волшебной старины,
 Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
 Тебя я зналъ во дни моей весны.
 Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
 Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
 Являлась ты веселою старушкой.
 И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
 Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
 Ты, дѣтскую качая колыбель,
 Мой юный слухъ напѣвамъ плѣнила,
 И межъ пеленъ оставила свирѣль.
 Которую сама заморозила!
 Младенчество прошло какъ легкій сонъ:
 Ты отрока безпечнаго любила—
 Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ.
 И ты его тихонько посѣтила.
 Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
 Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
 Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
 Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
 Покровъ, клубясь волною непослушной,
 Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной:

Вся въ локонахъ, обвѣтая вѣнкомъ,
 Прелестная глава благоухала;
 Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
 Румянилась и тихо трепетала....

СЪТОВАНИЕ.

[д. в. давидову].

Недавно и. въ часы свободы,
 Уставъ Наѣзdnика читалъ,
 И даже ясно понималъ
 Его искусные доводы;
 Узналъ я рѣзкія черты
 Неподражаемаго слога,
 И перевертывалъ листы,
 И думалъ: вѣтрeный пѣвецъ!
 Перебѣсилась наконецъ
 Твоя проказливая лира;
 И сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
 Ты видно сталъ въ угоду міра
 Благоразумный человекъ!
 О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
 Кто далъ Давыдову совѣтъ
 Оставить, лавръ, оставить розы?
 Какъ могъ унизиться до прозы
 Вѣнчаннѣй музою поэтъ,
 Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
 И тѣни Бурцова угрозы?

ЧААДАЕВУ.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
 Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
 Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.

Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеснить, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставля шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ единеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышлений.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись:
Старинный звукъ меня обрадовалъ—и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда еще незнаемый вѣкъмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣнемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Ни музы, ни труды, ни радости досуга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!

Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
 Я тайно пзнывалъ, страдалецъ утомленной;
 Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
 Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
 Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
 Умѣлъ и презирать, умѣи ненавидѣть.
 Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
 Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
 Или философа, который въ прежни лѣта
 Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
 Но просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
 Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
 Ораторъ Лужниковъ, ни кѣмъ не замѣчаемъ,
 Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
 О лепетаньи дамъ, зопловъ и глупцовъ,
 И сплетней разбирать игривую затѣю,
 Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
 Благодарю боговъ: прошелъ, я мрачный путь;
 Печали равнія мою тѣснили грудь:
 Къ печалимъ я привыкъ, расцелся я съ судьбою,
 И жизнь перенесу стоической душою.
 Одно желаніе: останься ты со мной!
 Небесъ я не томилъ молитвою другой.
 О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
 Когда соединимъ слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
 Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель,

И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
 Приду. приду я вновь, мой милый домосѣдъ.
 Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ.
 Младые вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
 Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, поборанимъ,
 Вольнолюбивыя надежды оживимъ.
 И счастливъ буду я; но только, ради Бога,
 Гони ты Шёлпинга отъ нашего порога.

Кишиневъ 6 апрѣля 1821 г.

*
* *

Всегда такъ будетъ и бывало,
 Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
 Ученыхъ много, умныхъ мало.
 Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЪ.

Подруга думы празднои.
 Чернильница моя!
 Мой ввѣкъ однообразной
 Тобой украсилъ я.
 Какъ часто другъ веселья
 Съ тобою забывалъ
 Условный часъ похмѣлья
 И праздничный бокалъ!
 Подъ сѣнью хаты скромной,
 Въ часы печали томной,
 Была ты предо мной
 Съ лампадой и мечтой.
 Въ минуты вдохновенья
 Къ тебѣ я прибѣгалъ.
 И музу призывалъ
 На пиръ воображенья...

Сокровища мои
 На днѣ твоємъ таятся
 . . . . .
 Прозрачный легкій дымъ
 Носился надъ тобою,
 И съ трепетомъ живымъ
 Въ немъ быстрой чередою
 . . . . .
 Тебя я посвятилъ
 Занятіямъ досуга,
 И съ лѣнью примирилъ:
 Она твоя подруга!
 Съ тобою успѣхъ узналъ
 Отшельникъ неизвѣстной...
 Завѣтный твой кристалъ
 Хранитъ огонь небесной;
 И подъ вечеръ, когда
 Перо по книжкѣ бродитъ,
 Безъ всякаго труда
 Оно въ тебѣ находитъ
 Концы моихъ стиховъ
 И вѣрность выраженья,
 То звуковъ или словъ
 Нежданное стеченье,
 То ѣдкой шутки соль,
 То [тутъ же] слогъ суровой,
 То странность рѣчмы новой,
 Неслыханной дотоль.
 Любовница свободы,
 Ты съ нею заодно
 Прославляла вино
 И прелести природы;
 Ты смѣху обрекла
 Пустыхъ любимцевъ моды
 И рѣчи и дѣла.
 Съ глупцовъ сорвавъ одежду,

Я весело клеймилъ
 Зоила п невѣжду
 Пятномъ твоихъ чернилъ....
 Но ихъ не разводилъ
 Ни тайной злости пѣной.
 Ни ядомъ клеветы—
 И сердца простоты
 Ни лестью, ни измѣной
 Не замарала ты.

Безпечный сынъ природы.
 Пока золотые годы
 Въ забвеньи трачу я,
 Со мною неразлучно
 Живи благополучно,
 Наперсница моя!
 Но здѣсь, на лонѣ лѣни
 Я слышу нѣжны пени
 Заботливыхъ друзей....
 Ужели ихъ забуду,
 Друзей души моей,
 И имъ невѣренъ буду?
 Оставь, оставь порой
 Привычныя затѣи,
 И дактиль, и хорен,
 Для прозы почтовой.
 Минуты хладной скуки.
 Сердечной пустоты,
 Уныніе разлуки,
 Всегдашнія мечты,
 Мои надежды, чувства
 Безъ лести, безъ искусства
 Бумагъ передай...
 Болтливостью небрежной
 И вѣтреной, п пѣжной
 Ихъ сердце угѣшай...

Когда же берегъ ада
 Навѣкъ меня возьметъ,
 Когда со мной заснетъ
 Перо, моя отрада,
 И ты, въ углу пустомъ
 Оспротѣвъ, остынешь
 И навсегда покинешь
 Поэта тихій домъ—
 Чадаевъ другъ мой милой
 Тебя возьметъ, унымой.
 Послѣдній будь привѣтъ
 Любимцу праздныхъ лѣтъ;
 Взыскательнаго свѣта
 Очей не привлекай,
 Но вѣрнаго поэта
 Друзьямъ напоминай.
 Изсохшая, пустая,
 Межъ двухъ его картинъ
 Останься вѣкъ нѣмая,
 Укрась его каминъ.

[Кишиневъ] 11 апрѣля 1821.

КИНЖАЛЪ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
 Для рукъ безсмертной Немезиды,
 Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
 Послѣдній судія позора и обиды!
 Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона.
 Свершитель ты проклятій и надеждъ;
 Ты кроешься подъ сѣнью трона,
 Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.
 Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
 Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
 И, озираясь, онъ трепещетъ
 Среди своихъ пировъ.

Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
 На сушѣ, на моряхъ, во храмъ, подъ шатрами,
 За потаснными замками,
 На ложѣ сна, въ семьѣ родной.

Шумить подѣ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
 Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
 Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый....
 Ты Кесаря сразилъ—и мертвъ объемятъ онъ
 Помпея мраморъ горделивый.

Исчадѣ мятежа подѣмятъ злобный крикъъ.
 Презрѣнный, мрачный и кровавый
 Надъ труномъ вольности безглавой
 Палачъ уродливый возникъ.¹

Апостолъ гибели, усталому анду
 Перстомъ онъ жертвы назначалъ:
 Но высшій судъ ему послалъ
 Тебя и дѣву-Эвмениду....²

О юный праведникъ, избранникъ роковой.
 О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ:
 Но добродѣтели святой
 Остался гласъ въ казенномъ прахѣ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сгалъ.
 Грози бѣдой преступной силѣ—
 И на торжественной могилѣ
 Горить безъ надписи кинжалъ.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
 Угасъ великій человекъ.
 Въ неволѣ мрачной закатился
 Наполеона грозный вѣкъ.
 Исчезъ властитель осужденный.

¹ Маратъ. — ² Шарлотта Корда.

Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже попомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Миръ долго, долго будетъ полнъ,
Приосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила....
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почпла,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ли орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своеюравной,
Бѣдой шумѣли знамена.
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
Огъ рабства пробудился миръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахъ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвѣдя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;

Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ:
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремля взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гбѣла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величїи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливецъ душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ....

Россія, бранная царица,
 Воспомни древнія права!
 Померкни, солнце Австерлица!
 Пылай, великая Москва!
 Настали времена другія:
 Исчезни, краткій нашъ позоръ!
 Благослови Москву, Россія!
 Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
 Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
 Онъ бездну видитъ предъ очами.
 Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
 Бѣжать Европы ополченья;
 Окровавленные снѣга
 Провозгласили ихъ паденье,
 И таетъ съ ними слѣдъ врага.

II все какъ буря закипѣло;
 Европа свой расторгла плѣтъ;
 Вослѣдъ тирану полетѣло,
 Какъ громъ, проклятіе племенъ.
 III длань народной Немезиды
 Подъяту видитъ великанъ:
 И до послѣдней всѣ обиды
 Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
 II зло воинственныхъ чудесъ
 Тоскою душнаго изгнанья,
 Подъ сѣнью чуждою небесъ.
 II знойный островъ заточенья
 Полнощный парусъ посѣтитъ,
 II путникъ слово примиренья
 На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очн,
 Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,

И льдистый ужасъ полуночи,
 И небо Франціи своей;
 Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
 Забывъ войну, потомство, тронъ.
 Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
 Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
 Тотъ малодушный, кто въ сей день
 Безумнымъ возмутитъ укоромъ
 Его развѣнчанную тѣнь!
 Хвала!... Онъ русскому народу
 Высокій жребій указалъ.
 И міру вѣчную свободу
 Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Июль. 1821.

НИКОЛАЮ СТЕП. АЛЕКСѢВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
 Твои ревнивыя мечты:
 Я позабылъ любви призывы
 И плѣвъ опасной красоты;
 Свободы другъ миролюбивый.
 Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
 Я, равнодушный и лѣнивый,
 Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
 Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
 Уже не властны надо мной.
 Забыло сердце нѣжный трепетъ
 И пламя юности живой.
 Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
 Вдыхать неловко и смѣшно,
 Надеждѣ вѣрить безразсудно,
 Мужей обманывать грѣшно.
 Прошелъ веселой жизни праздникъ.

Какъ мой задумчивый проказникъ.
 Какъ Баратынскій, я твержу:
 «Нельзя ль найти подруги нѣжной?
 Нельзя ль найти любви надежной?»
 И ничего не нахожу.
 Оставя счастья призракъ ложный,
 Безъ упоительныхъ сграсгей,
 Я сталъ наперсникъ осторожный
 Моихъ неопытныхъ друзей.
 Когда любовникъ изступленной,
 Тоскуя, плачетъ предо мной,
 И для красавицы надменной
 Клянется жертвовать собой;
 Когда въ жару своихъ желаній
 Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
 Неясныхъ, темныхъ ожиданій
 Обманчивый, но сладкій сонъ,
 И крѣпко руку сжавъ у друга,
 Клянетъ ревниваго супруга,
 Или докучливую мать:
 Его безумнымъ увѣреньямъ
 И поминутнымъ повтореньямъ
 Люблю съ участіемъ внимать;
 Я льщу слѣпой его надеждъ,
 Я молодъ юностью чужой,
 И говорю: такъ было прежде
 Во время оно и со мной.¹

¹ Въ первый разъ стихотвореніе это было напечатано съ такимъ окончаніемъ:

И что жъ? Измѣной кладнокровнѣй
 Я ль стану дружеству вредить,
 И снова тактики любовнои
 Уроки хитрые твердить?
 Люби, ласкай твои желанья,
 Надеждъ, сердцу слѣпо вѣрь.
 Увы! пройдутъ любви мечтанья
 И будешь то, чѣмъ я теперь.

КЪ ***.

Зачѣмъ безвременную скуку
 Зловѣщей думою питать
 И неизбѣжную разлуку
 Въ уныньи робкомъ ожидать?
 И такъ ужъ близокъ день страданья!
 Одишь, въ тиши пустыхъ полей,
 Ты будешь звать воспомнанья
 Потерянныхъ тобою дней:
 Тогда изгнаньемъ и могилой,
 Несчастнѣй, будешь ты готовъ
 Купить хоть слово дѣвы милой.
 Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

. . . . . Сокрылся онъ.
 Любви, забавъ питомецъ нѣжной:
 Кругомъ него глубокой сонъ
 И хладъ могилы безмятежной....

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
 Когда весной въ тѣни деревь
 Онъ кружился на свободѣ;
 Но нынче въ рѣзвѣмъ хороводѣ
 Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
 Его веселостью живой,
 Полупечально улыбались
 И говорили межъ собой:
 И мы любили хороводы.
 Блистали также въ насъ умы:
 Но погоди, приспѣютъ годы,
 И будешь то, что нынѣ мы;

Какъ намъ, о міра гость игривый,
 Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
 Теперь играй....» Но старцы живы,
 А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
 И безъ него друзья пируютъ,
 Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
 Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
 Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
 Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
 Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
 И память радостей почившихъ
 Привычной думою зоветъ....
 Къ чему?

Надъ ясными водами
 Гробницы мирною семьей,
 Подъ наклоненными крестами,
 Таятся въ рощѣ вѣковой.
 Тамъ, на краю большой дороги,
 Гдѣ липа старая шумитъ,
 Забывъ сердечныя тревоги,
 Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
 Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
 И вокругъ безчувственной гробницы
 Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
 Напрасно утромъ за малиной
 Къ ручью красавица съ корзиной
 Идетъ и въ холодъ ключевой
 Пугливо ногу опускаетъ:
 Ничто его не вызываетъ
 Изъ мирной сѣни гробовой....

ЭЛЕГИЯ.

[къ м. а. г—ой].

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
 Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
 Но если юноши, внимая молча мнѣ,
 Дивились долгому любви моей мученью;
 Но если ты сама, предавшись умиленью,
 Печальные стихи твердила въ тишинѣ
 И сердца моего языкъ любила страстной;
 Но если я любимъ: позволь, о милый другъ.
 Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
 Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.¹
 Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ.
 Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
 Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
 И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.

23 августа 1821.

КЪ ***.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
 И младости моей мятежное теченье.
 Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
 Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье.
 Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
 Пускай я радости вкушаю невполиѣ;
 Но ты, невинная, ты рождена для счастья,
 Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ любви:
 Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцѣлуевъ сладострастья;

¹ Послѣ этого стиха было написано и потомъ зачеркнуто:

Не бойся вѣтреныхъ невѣждъ,
 Не бойся клеветы ревнивой.
 Не обмани моихъ надеждъ
 Своею скромностью пугливой.

Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
 Светла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
 Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
     Незанимательную повѣсть?
 Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
 Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
 Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
 И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
 Быть можетъ, навсегда.... Нѣтъ, милая моя,
 Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
 Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
 Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!
 24—25 августа.

ВОЙНА.

Война!... Подъяты наконецъ,
 Шумять знамена бранной чести!
 Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
 Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ!
     И сколько сильныхъ впечатлѣній
     Для жаждущей души моей:
 Стремленье бурныхъ ополченій,
 Тревоги става, звукъ мечей,
 И въ роковомъ огнѣ сраженій
 Паденье ратныхъ и вождей!
 Предмегы гордыхъ пѣснопѣній
 Разбудятъ мой уснувшій геній.
 Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
     Огни враговъ, ихъ чуждое званье,
 Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
     И смерти грозной ожиданье.
 Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
 Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
 Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть;
 Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,

И все умереть со мной: надежды юныхъ дней.
 Священный сердца жаръ, къ высокому стремленью.
 Воспоминаніе и брата и друзей;
 И мыслей творческихъ напрасное волненье.
 И ты, и ты, любовь?... Ужель ни бранный шумъ.
 Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы—
 Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?

Я таю, жертва злой отравы:

Покой обжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой.

И тягостная лѣнь душою овладѣла....

Что жъ медлитъ ужасъ боевой?

Что жъ битва первая еще не закипѣла?...

29 ноября 1821.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ.
 Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
 Ты вѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
 Твой безотрадный плачь мѣста сѣмъ прославилъ:
 И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
 Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
 Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображенъ
 Пустыню мрачную, поэта заточенье,
 Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
 И краткой теплотой согрѣтые луга.
 Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою.
 Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
 Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ.
 И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ.
 Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
 Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда:
 Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ хладной Скиѣи свирѣпые сыны.
 За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.

Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
 И по льду звучному безтрепетно идутъ.
 Ты самъ [дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!],
 Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
 Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
 И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
 Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой,
 И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой
 Ни дочь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
 Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
 Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
 Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;
 Дни старости твоей въ забвеніи потонуть.
 Златой Италіи роскошный гражданинъ,
 Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
 Ты въ тяжелой горести далекой дружбѣ пишешь:
 «О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
 И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О други, Августу мольбы мои несите!
 Карающую длань слезами отклоните!
 Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ—
 Последнею мольбой смягчая рокъ ужасной,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харитъ,
 Твое уныніе и слезы укоритъ?
 Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
 Снъ элегіи—последнія творенья, *
 Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,

И свѣтомъ, и собою, и жизнью недовольный.
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
 Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
 Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очн.
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
 Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
 На склескихъ берегахъ переселенецъ новый,
 Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
 Слойми разстилалъ пушистые снѣга;
 Зима дышала тамъ; а съ вешней теплотою
 Здѣсь солнце ясное катилось надо мною:
 Младую зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
 Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
 Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
 Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя.
 Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
 Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
 Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
 Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
 Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
 Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
 Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
 И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
 Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!...
 Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой

Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
 Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной—
 Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
 Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
 И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
 Да сохранится же завѣтное преданье:
 Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
 Не славой, участю я равенъ былъ тебѣ.
 Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
 Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
 Великодушный грекъ свободу вызывалъ:
 И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
 Но не унижилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
 Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

26 декабря.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ немъ.
 Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошпбкой
 Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ,
 И простодушіе съ язвительной улыбкой.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

Клеветникъ безъ дарованья,
 Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
 А дневнаго пропитанья
 Ежемѣсячнымъ враньемъ.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

Не стая вороновъ слеталась
 На груди тлѣющихъ костей.
 За Волгой, ночью, вокругъ огней
 Удамыхъ шайга собиралась.
 Какая смѣсь одеждъ и лицъ.
 Племень, нарѣчій, состояній!
 Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
 Они стеклися для стяжаній!
 Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець—
 Живуть безъ власти, безъ закона.
 Межъ ними зрится и бѣглець
 Съ береговъ воинственнаго Дона,
 И въ черныхъ локонахъ еврей.
 И дикіе сыны степей,
 Калмыкъ, башкирецъ безобразной,
 И рыжій финнъ, и съ лѣнью праздною
 Вездѣ кочующій цыганъ.
 Опасность, кровь, развратъ, обманъ
 Суть узы страшнаго семейства;
 Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
 Промель въ степени злодѣйства;
 Кто рѣжетъ хладною рукой
 Вдовицу съ бѣдной сиротой.
 Кому смѣшно дѣтей стenanъе.
 Кто не прощаетъ, не щадитъ,
 Кого убійство веселитъ,
 Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все; теперъ луна
 Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ.
 И чарка пѣннаго вина
 Изъ рукъ въ другія переходитъ.
 Простерты на землѣ сырой

Иные чутко засыпають:
 И сны зловѣщіе летаютъ
 Надъ ихъ преступной головой.
 Другимъ рассказы сокращаютъ
 Угрюмой ночи праздный часъ;
 Умолкли всѣ—ихъ занимаетъ
 Пришельца новаго рассказъ,
 И все вокругъ его внимаетъ.

«Насъ было двое: братъ и я,
 Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
 Вскормила чуждая семья.
 Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
 Уже мы знали нужды гласъ,
 Сносили горькое презрѣнье,
 И рано волновало насъ
 Жестокой зависти мученье.
 Не оставалось у сиротъ
 Ни бѣдной хижинки, ни поля;
 Мы жили въ горѣ, средь заботъ,
 Наскучила намъ эта доля,
 И согласились межъ собой
 Мы жребій испытать пной:
 Въ товарищи себѣ мы взяли
 Булатный ножъ, да темну ночь;
 Забыли робость и печали,
 А совѣсть отогнали прочь.

«Ахъ, юность, юность удалая!
 Житье въ то время было намъ,
 Когда погибель презирая,
 Мы все дѣлили пополамъ.
 Бывало, только мѣсяцъ ясный
 Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
 Изъ подземелія мы въ лѣсъ
 Идемъ на промыселъ опасный.
 За деревомъ сидимъ и ждемъ:

Идетъ ли позднею дорогою
 Богатый жидъ или попъ убогой—
 Все наше, все себѣ беремъ!
 Зимой, бывало, въ ночь глухую
 Заложимъ тройку удалую,
 Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
 Летимъ надъ снѣжной глубиной.
 Кто не боялся нашей встрѣчи?
 Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
 Туда! къ воротамъ! и стучимъ.
 Хозяйку громко вызываемъ.
 Вошли—все даромъ: пьемъ, ѣдимъ.
 И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

«И что жъ? попались молодцы:
 Недолго братья пировали:
 Поймали насъ — и кузнецы
 Насъ другъ ко другу приковали.
 И стража отвела въ острогъ.
 Я старше былъ пятью годами
 И вынести больше брата могъ.
 Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами
 Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.
 Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
 Въ забвеньи, жаркой головою
 Склоняясь къ моему плечу,
 Онъ умиралъ, твердя всечасно:
 «Мнѣ душно здѣсь.... я въ лѣсу хочу....
 Воды, воды!...» Но я напрасно
 Страдальцу воду подавалъ:
 Онъ снова жаждою томился,
 И градомъ потъ по немъ катился.
 Въ немъ кровь и мысли волновалъ
 Жаръ ядовитаго недуга:
 Ужъ онъ меня не узнавалъ,
 И помпунтно призывалъ

Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: «гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашень
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшень,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!...»
То снова разгорался въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека.
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами,
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
Братъ! сжался надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ....
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ....
Пусти его — онъ не опасенъ;
Въ немъ крови капли теплой пѣтъ....
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!...»
Я слушалъ, ужасъ одолевъ,
Хотѣлъ унять больного слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ;

То слышалъ ихъ ужасныи шопоть.
 То вдругъ погони близкій топоть.
 И дико взглядъ его сверкалъ,
 Стояли волосы горою.
 И весь какъ листь онъ трепеталъ.
 То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
 На площадяхъ толпы люлей,
 И сграшный ходъ до мѣста казни.
 И кнутъ, и грозныхъ палачей...
 Безъ чувствъ. исполненный боязни.
 Братъ упадалъ ко мнѣ на грудь.
 Такъ проводилъ я дни и ночи.
 Не могъ минуты отдохнуть,
 И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
 Вновь силы бѣга возвратилась:
 Бѣзъзнь ужасная прошла.
 И съ нею грезы удалились.
 Воскресли мы. Тогда сильнѣи
 Взяла тоска по прежней долѣ:
 Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волю.
 Акала воздуха полей.
 Намъ тошеть былъ и мракъ темницы.
 И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы.
 И сгражи кликъ. и звонъ цѣпей.
 И легкій шумъ залетной птицы.

«По улицамъ однажды мы.
 Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
 Сбѣрали вмѣстѣ подаянье.
 И согласились въ тишинѣ
 Исполнить давнее желанье.
 Рѣка шумѣла въ сгородахъ.
 Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
 Бухъ! — поплыли въ водахъ глубокихъ.
 Цѣпями общими гремимъ,

Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,
И разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: «лови! лови! уйдуть!»
Два стража издали плывуть,
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ.
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою....
Погоню видимъ за собою,
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ—
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ—мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достигъ успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ....
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;

Рука задрогла, онъ вздохнулъ—
И на груди моеи уснулъ.

Надъ хладнымъ тѣломъ я остался.
Три ночи съ нимъ не разставался.
Все ждалъ, очнется ли мертвецъ?
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ; грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ....
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь—ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пирры, веселые почлеги
И наши буйные набѣги—
Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокой;
Окаменѣлъ мой духъ жестокой
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика,
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горячею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
«Ты плачешь! полно, брось печали;
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать;
Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!»

И кружка вновь пошла кругомъ;
 На мигъ утихшая бесѣда
 Вновь оживляется виномъ;
 У всякаго своя есть повѣсть;
 Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистель.
 Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердца дремлетъ совѣсть:
 Она проснется въ черный день.

1822.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
 И ваши тайные цвѣты,
 О вы, поэзи прелестной
 Благословенныя мечты!
 Вы насъ увѣрили, поэты,
 Что тѣни легкою толпой,
 Отъ береговъ холодной Леты.
 Слетаются на брегъ земной
 И невидимо навѣщаютъ
 Мѣста, гдѣ было все милѣй,
 И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
 Сердца покинутыхъ друзей;
 Онѣ, безсмертіе вкушая,
 Ихъ поджидаютъ въ Элзей,
 Какъ ждетъ на пиръ семья родная
 Своихъ замедлившихъ гостей....
 Но, можетъ быть, мечты пустыя—
 Быть можетъ, съ ризой гробовой
 Всѣ чувства брошу я земныя,
 И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
 Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ

Нетлѣнной славой и красой.
 Гдѣ чистый пламень пожираетъ
 Несовершенство бытія,
 Минутныхъ жизни впечатлѣній
 Не сохранишь душа моя:
 Не буду вѣдать сожалѣній,
 Тоску любви забуду я....

ДРУЗЬЯМЪ.

Вчера былъ день разлуки шумной.
 Вчера былъ Вагха буйный пиръ,
 При кликахъ юности безумной.
 При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, музы васъ благословили.
 Вѣнками свѣше осѣня,
 Когда вы, други, отличили
 Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
 Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
 Она не суетной работой,
 Не рѣзбою плѣняла насъ;

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
 Что, жажду скиѣскую поя,
 Бутылка полная вливалась
 Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и думою сердечной
 Во дни мпнувшіе леталъ,
 И горе жизни скоротечной,
 И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
 И скорбь исчезла предо мной,
 Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
 Подъ зашипѣвшею струей.

ПТИЧКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
 Родной обычай старины:
 На волю птичку выпускаю
 При свѣтломъ праздникѣ весны.
 Я сталъ доступенъ утѣшенью;
 За что на Бога мнѣ роптать,
 Когда хоть одному творенью
 Я могъ свободу даровать?

[13 мая 1822].

ОТРЫВКИ

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННЫХЪ: ДРАМЫ И ПОЭМЫ

ВАДИМЪ.

I.

[изъ драмы].

Вадимъ.

Рогдай, я ждалъ тебя! Скорѣй, какую вѣсть
 О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принести?
 Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа;
 Жива ль въ ихъ памяти славянская свобода?
 Иль князя чуждаго покорные рабы
 Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

Рогдай.

Вадимъ! надежда есть. Народъ нетерпѣливый,
 Старинной вольности питомецъ горделивый,
 Съ досадою влачить позорный свой яремъ.
 Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
 Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ:

Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
 Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
 Умы встревожены—и пламя тлѣетъ въ нихъ.
 Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
 Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ....

Вадимъ.

Безумные! давно ль они въ глазахъ моихъ
 Встрѣчали съ торжествомъ властителей чужихъ
 И вольныя главы подъ иго преклоняли?
 Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь....
 Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь....

II.

[изъ поэмы].

Сводъ неба мракомъ обложился;
 Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ.
 Сверкая межъ вечернихъ тучъ.
 Столпомъ неровнымъ отразился.
 Качаясь, лебедь на волнѣ
 Заснулъ, и все кругомъ почло....
 Но вотъ по темной глубинѣ
 Стремится бѣлое вѣтрило,
 И блещетъ пѣна при лунѣ;
 Летитъ испуганная птица,
 Услыша близкій шумъ весла.
 Чей это парусъ? Чья десница
 Его во мракъ напругла?

Ихъ двое. На весло нагбенный.
 Одинъ, смиренный житель волнъ,
 Гребетъ и къ югу править челнъ;
 Другой, какъ вѣлхвомъ пораженный.
 Стоитъ недвижимъ; на брега
 Глаза вперивъ, не молвить слова.

И черезъ челнъ его нога
 Перешагнуть уже готова.
 Плывуть....

«Причаливай, старикъ!

Къ утесу правь!»—и въ волны вмигъ
 Прыгнулъ пловецъ нетерпѣливой,
 И береговъ уже достигъ.
 Межъ тѣмъ, рукой неторопливой
 Другой вѣтрило оцувивъ,
 Свой челнъ къ утесу пригоняетъ,
 Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
 Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ,
 И всходитъ медленной стопой
 На берегъ дикій и крутой.
 Кремепъ звучить, и пламя вскорѣ
 Далеко освѣтило море.
 Суровый край! Громады скалъ
 На берегу стоятъ угрюмомъ;
 Объ нихъ мятежный бьется валъ
 И пѣна плещеть; сосны съ шумомъ
 Качаютъ старыя главы
 Надъ зыбкой пеленой пучины;
 Кругомъ ни цвѣта, ни травы,
 Песокъ да мохъ; скалы, стремнины
 Вездѣ хранять клеймо громовъ
 И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
 И тлѣютъ кости—пиръ волковъ
 Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
 Къ огню заботливый старикъ
 Простеръ нѣмѣющія руки.
 Примѣты долголѣтней муки:
 Согбенны кости, тощій ликъ,
 На коемъ время углубляло
 Свои послѣдніе слѣды,
 Одежда, обувь—все являло

Въ немъ дикость, нужду и труды.
 Но кто же тотъ? Блистаегь младость
 Въ его лицѣ; какъ вешній цвѣтъ
 Прекрасенъ онъ; но, мнится, радость
 Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
 Въ глазахъ потупленныхъ кручина;
 На немъ одежда славянина,
 И на бедрѣ славянскій мечъ.
 Славянъ вотъ очи голубые,
 Вотъ ихъ и волосы златые,
 Волнами падшіе до плечъ....

Косматымъ рубищемъ одѣтый,
 Огнемъ живительнымъ согрѣтый.
 Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
 Но юноша, на перси руки
 Задумчиво сложивъ крестомъ,
 Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ....

Проходитъ ночь; огонь погасъ,
 Остылъ и пепель; водъ пучина
 Бѣлѣетъ; близко утра часъ;
 Нисходитъ сонъ на славянина.

Видалъ онъ дальныя страны,
 По сушѣ по морю носился,
 Во дни былые, дни войны,
 На западѣ, на югѣ бился.
 Дѣля добычу и труды
 Съ суровымъ племенемъ Одена,
 И передъ нимъ враговъ ряды
 Бѣжали, какъ морская пѣна
 Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ.
 Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
 И арфамъ скальдовъ изступленныхъ.
 Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ,
 И очи дѣвъ иноплеменныхъ

Красною чуждой привлекалъ.
 Но сладкій сонъ не переноситъ
 Теперь героя въ край чужой,
 Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
 Гдѣ мечъ главы героевъ коситъ;
 Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ
 Киріаландіи печальной.
 Ни Альбіона, гдѣ искалъ
 Кровавыхъ сѣчь и славы дальней;
 Ему не снится шумъ валовъ;
 Онъ позабылъ морскія битвы,
 И пламя яркое костровъ,
 И трубный звукъ, и лай ловитвы;
 Другія грезы и мечты
 Волнуютъ сердце славянина:
 Предъ нимъ славянская дружина;
 Онъ узнаетъ ея щиты,
 Онъ снова простираетъ руки
 Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
 Забытымъ въ долги дни разлуки,
 Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ....¹

¹ Въ изданіи 1829 г. послѣ этого опущены стихи:

Онъ видитъ Новгородъ великой,
 Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
 Но тынъ обросъ крапивой дикой,
 Обвиты окна повилкой,
 Въ травъ заглохъ широкій дворъ.
 Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
 Проходитъ молчаливый рядъ:
 Все мертво.... нѣтъ гостей веселыхъ,
 Застольны чаши не гремятъ....
 И вотъ веселая свѣтлица.
 Въ немъ сердце бьется: здѣсь пль нѣтъ
 Любовь очей, душа-дѣвица?
 Цвѣтеть ли здѣсь мой милый цвѣтъ?
 Найду ль ее?.... И съ этимъ словомъ
 Онъ входитъ... Что же? Страшный видъ —
 Въ постелѣ хладной, подъ покровомъ

Межь тѣмъ привычныя заботы
 Средь усладительной дремоты
 Тревожатъ душу старика:
 Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
 Плыветъ по волѣ вѣтерка;
 Его тихонько увлекаетъ
 Къ залпу свѣтлая рѣка,
 И рыба сонная впадаетъ
 Въ тяжелый неводъ старика;
 Все тихо: море почиваетъ,
 Но туча виснетъ; дальній громъ
 Надъ звучной бездною грохочетъ.
 И вотъ пучина надъ челномъ,
 Кипитъ, подьѣмлетъ, влокочетъ;
 Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
 Несчастнѣй возвратиться хочетъ,
 Челнокъ трещитъ—и пополамъ!
 Рыбакъ идетъ на дно морское....
 И пробудясь, трепещетъ онъ,
 Глядитъ окрестъ—брега въ покоѣ,
 На полусвѣтлый небосклонъ
 Восходитъ утро золотое;
 Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ.
 На встрѣчу радостной денницы.
 Щебеча, полетѣли птицы,
 И разсвѣло....

Дѣвица мертвая лежитъ!...
 Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
 Покровъ приподнимаетъ онъ,
 Глядитъ, глядитъ—и слабый стонъ
 Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
 Она, она! ея черты!...
 На персяхъ рану обнажаетъ;
 Она погибла! восклицаетъ;
 Кто могъ?... И слышитъ голосъ: ты! ..

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшоткой въ темницѣ сырой.
 Вскормленный на волѣ орель молодой,
 Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
 Бровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
 Какъ будто со мною задумалъ одно.
 Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
 И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
 Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
 Туда, гдѣ спнѣютъ морскіе края,
 Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я!...»

Кипшицевъ 1822

ПѢСНЬ О ВЪЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
 Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
 Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
 Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
 Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
 Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
 Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
 Идетъ вдохновенный кудесникъ,
 Покорный Перуну старикъ одному,
 Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
 Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеншій весь вѣкъ.
 И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.
 Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
 Что сбудется въ жизни со мною?
 И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
 Могильной засыплюсь землею?
 Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
 Въ награду любого возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ.

А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.

Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:

Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И синяго моря обманчивый валъ

Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кивжалъ
Щадятъ побѣдителя годы....

Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;

Онъ, чуя господскую волю,
То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ.
То мчится по бранному полю.

И холодъ и сѣча ему ничего:

Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегъ усмѣхнулся; однако чело

И взоръ омрачился думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло.
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладить, и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,

Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога

Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.»

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщей Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.

И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана....

Они поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ;
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»

И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ

И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ, на холмѣ, у берега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
 И молвилъ: «спл. другъ одинокой!
 Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
 На тризиѣ, уже недалекой,
 Не ты подъ сѣкирой ковыль обagriшь
 И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
 «Такъ вотъ гдѣ таилась погибель мой!
 Мнѣ смертію кость угрожала!
 Изъ мертвой главы гробовая змія.
 Шипя, между тѣмъ выползала:
 Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
 И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
 Ковши круговые запѣнась шипятъ
 На тризиѣ плачевной Олега:
 Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ:
 Дружина пируетъ у брега;
 Бойцы поминаютъ минувшіе дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

1. Купонъ 1822

УЕДИНЕНИЕ.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
 Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
 Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
 Воспоминавй и надеждъ;
 Кому судьба друзей послала,
 Кто скрытъ, по милости Творца,
 Отъ усыпителя глупца,
 Отъ пробудителя нахала.

ПРЯТЕЛЮ.

Не притворяйся, милый другъ.
 Соперникъ мой широкоплечій:
 Тебѣ не страшень лиры звукъ.

Ни элегическія рѣчи.
 Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
 Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ,
 Твоя красавица не дура;
 Я вижу все и не сержусь:
 Она прелестная Лаура,
 Да я въ Петрарки не гожусь.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
 Священна для души поэта:
 Она Державинымъ воспѣта
 И славой русскою полна.
 Еще донынѣ тѣнь Назона
 Дунайскихъ ищетъ береговъ;
 Она летитъ на сладкій зовъ
 Питомцевъ музъ и Аполлона,
 И съ нею часто при лунѣ
 Брожу вдоль берега крутаго;
 Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
 Въ тебѣ Овидія живаго.

ЕМУ ЖЕ.

Я жду обѣщанной тетради:
 Что жъ медлишь, милый трубадуръ!
 Пришли ее мнѣ, Феба ради,
 И награди тебя Амуръ.

ГРЕЧАНКЪ.

[каллипсо].

Ты рождена воспламенить
 Воображеніе поэтовъ,
 Его тревожить и плѣнять

Любезной живостью привѣтовъ.
 Восточной странностью рѣчей,
 Блистаньемъ зеркальныхъ очей
 И этой ножкою нескромной;
 Ты рождена для нѣги томной,
 Для упоенія страстей.
 Скажи: когда пѣвецъ Лелы
 Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
 Свой неизмѣнный идеалъ,
 Ужъ не тебя ль изображалъ
 Поэтъ мучительный и милый?
 Быть можетъ, въ дальней сторонѣ.
 Подъ небомъ Греціи священной,
 Тебя страдалецъ вдохновенной
 Узналъ иль видѣлъ какъ во снѣ,
 И скрылся образъ незабвенной
 Въ его сердечной глубинѣ.
 Быть можетъ, лирою счастливой
 Тебя волшебникъ искушалъ;
 Невольный трепеть возникалъ
 Въ твоей груди самолюбивой:
 И ты, склонись къ его плечу...
 Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
 Питать я пламя не хочу:
 Мнѣ долго счастье чуждо было,
 Мнѣ ново наслаждаться имъ,
 И тайной грустію томимъ,
 Боюсь: невѣрно все, что мило.

 АДЕЛИ.

[А. А. давыдовой].

Играй, Адель,
 Не знай печали.
 Хариты, Лель
 Тебя вѣнчали

И колыбель
 Твою качалш.
 Твоя весна:
 Тиха, ясна:
 Для наслажденья
 Ты рождена.
 Часъ упоенья
 Лови. лови!
 Младья лѣта
 Отдай любви,
 И въ шумѣ свѣта
 Люби, Адель,
 Мою свирѣль.

[Ноябрь 1822. Каменка].

ЖАЛОБА.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поварь,
 А вы, вы знатный господинъ:
 Таковъ объ васъ народный говоръ,
 Высокородный Сѣверинъ.
 Потомокъ предковъ благородныхъ,
 Увы, никто въ моей роднѣ
 Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
 И не варитъ обѣда мнѣ.

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

[в. п. Панаеву].

Куда ты холоденъ и сухъ!
 Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
 Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты бѣденъ!
 Какъ утомляешь ты мой слухъ!
 Твоя пастушка, твой пастухъ
 Должны ходить въ овчинной шубѣ;

Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
Гдѣ ты нашелъ ихъ? Въ шустерь-клубѣ
Или на Красномъ-кабачкѣ?

---

* *
*

Невѣдомскій поэтъ, невѣдомый ни кѣмъ.
Печатаеть стихи, невѣдомо зачѣмъ.

---

* *
*

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ; иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

---

* *
*

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
Съ счастьемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кстати,
И умны вы не впопадъ.

---

* *
*

Лизѣ страшно полюбить —
Полно, нѣтъ ли тутъ обмана?
Берегитесь: можетъ быть.
Эта новая Діана
Притаила нѣжну страсть
И стыдливыми глазами
Ищетъ робко между вами:
Кто бы ей помогъ упасть.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Многіе, также какъ и я. посѣщали сей
Фонтанъ, но иныхъ уже нѣтъ. другіе
странствуютъ далече.

С а д и.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ,
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой—
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занять онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ ли мѣстію кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ.
Страшится ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ. онъ скучаетъ бранной славой,
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Ужель въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла.
И дочь неволи, нѣтъ и плѣна
Гиру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирей,
Ни думать, ни желать не смѣя.
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и холодной,
На лонѣ скуки безотрадной
Измѣнъ не вѣдаютъ онъ;
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ,
И непримѣтно за собой
И младость, и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день.
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью править лѣпя;
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младья жены, какъ-нибудь
Желая сердце обманугъ.
Мѣняютъ пышные уборы.
Заводятъ игры, разговоры.
Шли при шумѣ водъ живыхъ.
Надъ ихъ прозрачными струями.
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
Гуляютъ легкими роями.
Межъ ними ходитъ злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно:

Его ревнивый взоръ и слухъ
 За всѣми слѣдуетъ всечасно.
 Его стараньемъ заведенъ
 Порядокъ вѣчный. Воля хана
 Ему единственный законъ;
 Святую заповѣдь Корана
 Не строже наблюдаетъ онъ.
 Его душа любви не проситъ;
 Какъ истуканъ, онъ переноситъ
 Насмѣшки, ненависть, угорь,
 Обиды шалости нескромной,
 Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
 И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
 Ему извѣстенъ женскій нравъ;
 Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ и въ неволѣ;
 Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
 Не властны надъ его душой:
 Онъ имъ уже не вѣрить болѣ.

Раскинувъ легкіе волосы,
 Какъ идутъ плѣнницы младыя
 Купаться въ жаркіе часы,
 И льются волны ключевыя
 На ихъ волшебныя красы,
 Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
 Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
 Прелестницъ обнаженный рой;
 Онъ по гарему въ тьмѣ ночной
 Неслышными шагами бродитъ:
 Ступая тихо по коврамъ,
 Къ послушнымъ крадется дверямъ,
 Отъ ложа къ ложу переходитъ;
 Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ женъ
 Роскошный наблюдаетъ сонъ,
 Ночной подслушиваетъ лепетъ;

Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепеть.
 Все жадно примѣчаетъ онъ:
 И горе той, чей шопоть сонный
 Чужое имя призывалъ,
 Или подруги благосклонной
 Порочны мысли довѣрялъ!

Что жъ полонъ грусти умъ Гипрея?
 Чубукъ въ рукахъ его потухъ:
 Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
 У двери знака ждетъ евнухъ.
 Встаетъ задумчивый властитель;
 Предъ нимъ дверь настезъ. Молча онъ
 Идетъ въ завѣтную обитель
 Еще недавно млыхъ женъ.

Безпечно ожидая хана,
 Вокругъ игриваго фонтана
 На шелковыхъ коврахъ онъ
 Толпою рѣзвою сидѣли
 И съ дѣтской радостью глядѣли.
 Какъ рыба въ ясной глубинѣ
 На мраморномъ ходила днѣ.
 Нарочно къ ней на дно пивы
 Роняли серьги золотыя.
 Кругомъ невольницы, межъ тѣмъ,
 Шербетъ носили ароматной.
 И пѣсню звонкой и пріятной
 Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруетъ небо человѣку
 Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
 Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
 На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный берегъ Дуная
Своею смертью освятить:
Къ нему на встрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетить.»

3.

«Но тотъ блаженный, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣеть, милая, тебя.»

Опѣ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яспѣ дня, чернѣе ночи.
Чей голосъ выразить сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?
Какъ сердце. полное тобой,
Забьется для красы чужой?
Но равнодушный и жестокий,
Гирей презрѣлъ твои красы,

И ночи хладные часы
Проводитъ мрачный, одинокій,
Съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной:
Свѣдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доли
Была, какъ вешній день ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали;
Чтобъ даже замужемъ она
Вспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ.
Движенья стройныя, живыя,
И очи томно-голубыя.
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страданьѣ тайкомъ изывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала,
И независимый досугъ

Въ отцовскомъ замкѣ межъ подругъ
Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тьмы татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтушій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріиппа свѣтлица....
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіютъ мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница...
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править,
И тягостнымъ ярмомъ безславить
Опустошенную страну.

Увы! дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжцу:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадить:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей:

Она въ купальнѣ потаенной
 Одна съ невольницей своей:
 Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
 Печальный возмущать покой;
 Гарема въ дальнемъ отдѣленѣ
 Позволено ей жить одной:
 И, мнится, въ томъ уединенѣ
 Сокрылся нѣкто неземной.
 Тамъ день и ночь горитъ лампада
 Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
 Души тоскующей отрада,
 Тамъ упованье въ тишинѣ
 Съ смиренной вѣрой обитаетъ.
 И сердцу все напоминаетъ
 О близкой, лучшей сторонѣ...
 Тамъ дѣва слезы проливаетъ
 Вдали завистливыхъ подругъ;
 И между тѣмъ, какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
 Святыню строгую скрываетъ
 Спасенный чудомъ уголокъ.
 Такъ сердце, жертва заблужденій.
 Среди порочныхъ упоеній.
 Хранитъ одинъ святой залогъ,
 Одно божественное чувство. . . .

Настала ночь; покрылся тѣнью
 Тавриды сладостной поля;
 Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
 Я слышу пѣнье соловья;
 За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
 Она съ безоблачныхъ небесъ
 На доли, на холмы, на гѣсъ
 Сіянье томное наводитъ.
 Покрыты бѣлой пеленой,

Какъ тѣни легкія, мелькая,
 По улицамъ Бахчисарая,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой.
 Простыхъ татаръ спѣшать супруги
 Дѣлать вечерніе досуги.
 Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
 Объятый пѣгой безмятежной;
 Не прерывается ни чѣмъ
 Спокойство ночи. Стражъ надежной,
 Дозоромъ обошелъ евнухъ.
 Теперь онъ спитъ; но страхъ прилежной
 Тревожитъ въ немъ и спящій духъ.
 Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даетъ уму.
 То чей-то шорохъ, то шептанье.
 То крики чудятся ему;
 Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
 Онъ пробуждается, дрожитъ,
 Напуганнымъ пришикнувъ ухомъ...
 Но все кругомъ его молчитъ;
 Одни фонтаны сладкозвучны
 Изъ мраморной темницы бьютъ,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракъ соловья поютъ;
 Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
 И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
 Ночей роскошнаго востока!
 Какъ сладко льются ихъ часы
 Для обожателей пророка!
 Какая нѣга въ ихъ домахъ,
 Въ очаровательныхъ садахъ,
 Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ подъ вліяніемъ луны
 Все полно тайнъ и тишины

И вдохновеній сладострастныхъ!

Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна.
 Едва дыша, встаетъ она;
 Идетъ; рукою торопливой
 Открыла дверь; во тьмѣ ночной
 Ступаетъ легкою ногой...
 Въ дремотѣ чуткой и пугливой
 Предъ ней лежитъ евнухъ съдой.
 Ахъ, сердце въ немъ неумолно:
 Обманчивъ сна его покой!..
 Какъ духъ, она проходитъ мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка....
 Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
 И тайный страхъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный.
 Кивотъ, печально озаренный,
 Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
 И крестъ, любви символъ священный...
 Грузинка, все въ душѣ твоей
 Родное что-то пробудило,
 Все звуками забытыхъ дней
 Невнятно вдругъ заговорило.
 Предъ ней покоплась княжна,
 И жаромъ дѣвственнаго сна
 Ея ланиты оживлялись.
 И слезъ являя свѣжій слѣдъ,
 Улыбкой томной озарялись:
 Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
 Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
 Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема.
 Казалось, ангелъ почивалъ,

И сонный слезы проливалъ
 О бѣдной плѣнницѣ гарема...
 Увы, Зарема, что съ тобой?
 Стѣснилась грудь ея тоской,
 Невольно клонятся колѣни,
 И молить: «сжался надо мной,
 Не отвергай моихъ моленій!...»
 Ея слова, движенье, стонъ
 Прервали дѣвы тихій сонъ.
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зрить;
 Въ смятенъ, трепетной рукою
 Ее подѣмля, говорить:
 —Кто ты?.. Одна, пороку ночью,
 Зачѣмъ ты здѣсь? «Я шла къ тебѣ:
 Спаси меня, въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ осталась...
 Я долго счастьемъ наслаждалась,
 Была безпечнѣй день отъ дня...
 И тѣнь блаженства миновалась!
 Я гибну. Выслушай меня.

«Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далеко... но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моей
 Донинѣ врѣзаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ,
 Потоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы,
 Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной,
 Не знаю; помню только море,
 И человѣка въ вышинѣ
 Надъ парусами...

Страхъ и горе
 Донинѣ чужды были мнѣ;

Я въ безмятежной тишинѣ,
Въ тѣни гарема расцвѣтала,
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной вѣги
Войну кровавую презрѣлъ.
Пресѣкъ ужасныя набѣги,
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданьи
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньи.
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ непрерывномъ упоеньи
Дышали счастьемъ; и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, пѣмъною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докученъ сердца стонъ;
И прежнихъ чувствъ, и разговоръ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна.
Я знаю, не твоя вина...
И такъ послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бѣ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь,
Зачѣмъ же холодной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;

На мнѣ горятъ его лобзанья;
 Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
 Давно всѣ думы, всѣ желанья
 Гирей съ моими сочеталъ;
 Меня убьетъ его измѣна...
 Я плачу! видишь, я колѣна
 Теперь склоняю предъ тобой.
 Молю, винить тебя не смѣя,
 Отдай мнѣ радость и покой,
 Отдай мнѣ прежняго Гирея...
 Не возражай мнѣ ничего;
 Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
 Презрѣваемъ, просьбою, тоскою,
 Чѣмъ хочешь, отврати его;
 Клянись... [хоть я для Альгорана.
 Между невольницами хана,
 Забыла вѣру прежнихъ дней,
 Но вѣра матери моей
 Была твоя] клянись мнѣ ею
 Зарему возвратить Гирею...
 Но слушай; если я должна
 Тебѣ. . княжломъ я владѣю,
 Я близъ Кавказа рождена! »

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
 Не смѣетъ слѣдовать княжна.
 Невинной дѣвѣ непонятенъ
 Языкъ мучительныхъ страстей;
 Но голосъ ихъ ей смутно внятень,
 Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
 Какія слезы и моленья
 Ее спасутъ отъ посрамленья?
 Что ждетъ ее? Ужели ей
 Остатокъ горькихъ, юныхъ дней
 Провести наложницей презрѣнной?
 О Боже! если бы Гирей

Въ ея темницѣ отдаленной
 Забылъ несчастную навѣкъ.
 Или кончиной ускоренной
 Унылы дни ея пресѣкъ.
 Съ какою бѣ радостью Марія
 Оставила печальный свѣтъ!
 Мгновенья жизни дорогія
 Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
 Что дѣлать ей въ пустынь міра?
 Ужъ ей пора, Марію ждуть,
 И въ небеса на лоно міра
 Родной улыбкою зовуть.

. . . . .

Промчался дни; Маріи нѣтъ.
 Мгновенно сирота почла.
 Она давно-желанный свѣтъ
 Какъ новый ангелъ озарила.
 Но что же въ гробъ ее свело?
 Тоска ль неволи безнадежной,
 Бользнь, или другое зло.
 Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!..
 Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
 Его Гирей опять оставилъ;
 Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
 Онь злой набѣгъ опять направилъ;
 Онь снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный, кровожадный;
 Но въ сердца хана чувствъ иныхъ
 Таптся пламень безотрадный.
 Онь часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю, и съ размаха
 Недвижимъ остается вдругъ,
 Глядитъ съ безуміемъ вокругъ.
 Блѣднѣетъ, будто полный страха.
 И что-то шепчетъ, и порой
 Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
 Гаремъ не зрять его лица;
 Тамъ, обреченныя мученью,
 Подъ стражей хладнаго скопца
 Старѣють жены. Между ними
 Давно грузинки нѣтъ; она
 Гарема стражами нѣмыми
 Въ пучину водъ опущена.
 Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
 Свершилось и ея страданье.
 Какая бѣ ни была вина.
 Ужасно было наказанье!...

Опустошивъ огнемъ войны
 Кавказу близкія страны
 И села мирныя Россіи,
 Въ Тавриду возвратился ханъ,
 И въ память горестной Маріи
 Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
 Въ углу дворца уединенный.
 Надъ нимъ крестомъ осѣнена
 Магометанская луна
 [Символь, конечно, дерзновенный,
 Незнанья жалкая вина].
 Есть надпись: ѣдкими годами
 Еще не сгладилась она.
 За чуждыми ея чертами
 Журчить во мраморѣ вода
 И каплетъ хладными слезами,
 Не умолкая никогда.
 Такъ плачетъ мать во дни печали
 О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
 Младья дѣвы въ той странѣ
 Преданье старины узнали,
 И мрачный памятникъ онѣ
 Фонтаномъ слезъ пменовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ,
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвенны дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ быччъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ,
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыгъ послѣднее жилище.
Сии надгробны столбы,
Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!... Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью
Невольно предавался умъ
Непзъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!...

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
 Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
 Тогда преслѣдовалъ меня
 Неотразимый, неизбѣжный?
 Маріи ль чистая душа
 Являлась мнѣ, или Зарема
 Носилась, ревностью дыша,
 Среди опустѣлаго гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
 И красоту еще земную;
 Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
 Объ ней въ изгнаніи тоскую...
 Безумецъ! полно, перестань,
 Не растравляй тоски напрасной!
 Мятажнымъ снамъ любви несчастной
 Заплачена тобою дань—
 Опомнись! долго ль, узникъ томной,
 Тебѣ оковы лобызать,
 И въ свѣтѣ лирою нескромной
 Свое безумство разглашать?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
 Забывъ и славу, и любовь,
 О, скоро васъ увижу вновь,
 Брега веселые Салгира!
 Приду на склонъ приморскихъ горъ,
 Воспоминаній тайныхъ полный,
 И вновь таврическія волны
 Обрадуютъ мой жадный взоръ.
 Волшебный край, очей отрада!
 Все живо тамъ: холмы, лѣса,
 Янтарь и яхонтъ винограда,
 Долинъ пріютная краса,
 И струй, и тополей прохлада—
 Все чувство путника манитъ,
 Когда, въ часъ утра безмятежной,

Въ горахъ, дорогою прибрежной.
 Привычный конь его бѣжитъ,
 И зеленѣющая влага
 Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
 Вокругъ утесовъ Аю-дага....

1823.

КЪ ѲЕД. НИКОЛ. ГЛИНКЪ.

Когда средь оргій жизни шумной
 Меня постигнулъ остракизмъ,
 Увидѣлъ я толпы безумной
 Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
 Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
 Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
 Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
 Великодушный гражданинъ!
 Пускай судьба опредѣлила
 Гоненья грозныя мнѣ вновь,
 Пускай мнѣ дружба измѣнила,
 Какъ измѣнила мнѣ любовь,
 Въ моемъ изгнаньи позабуду
 Несправедливость ихъ обидъ:
 Онѣ ничтожны, если буду
 Тобой оправданъ, Арпстидъ!

Кишиневъ Январь 1823.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя.
 Телега на ходу легка;
 Ямщикъ лихой, сѣдое время
 Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телегу;
Мы рады голову сломать,
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошолъ!...

Но въ полдень нѣтъ ужъ твой отваги—
Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катить по прежнему телега.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонить лошадей.

—

ЭПИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ.

1.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Не смыслю я другаго разговора!
Въ тѣ дни, когда огъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготить,
И, всюду насъ преслѣдуя, томить
Предметъ одинъ и думы и страданій—
Не правда ли — въ толпѣ молодыхъ друзей
Наперсника мы ищемъ и находимъ;
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Нарѣчимъ восторговъ переводимъ.
Когда же мы поймали на-лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего намъ болѣе желать—
Чтобъ оживить о ней госпомпанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать...

2.

О милый другъ! кому я посвятилъ
 Мой первый сонъ, надежды и желанья.
 Красавица, которой я былъ милъ,
 Простишь ли мнѣ мой воспоминанья.
 Мои грѣхи, забавы юныхъ дней?
 Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей.
 При матери докучливой и строгой,
 Тебя томилъ я тайною тревогой
 И просвѣтилъ невинныя красы?
 Я научилъ послушливую руку
 Обманывать печальную разлугу
 И услаждать безмолвные часы
 Безсонницы, дѣвическую муку.
 Но молодость утрачена твоя:
 Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
 Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла...
 Простишь ли ты, о милая моя?...

3.

Не сѣтуйте, красавицы мои,
 О женщины, наперсницы любви!
 Умѣете вы хитростью счастливой
 Обманывать вниманье жениха
 И знатоковъ внимательные взоры,
 И на слѣды прекраснаго грѣха
 Невинности набрасывать уборы.
 Отъ матери проказливая дочь
 Беретъ урокъ стыдливости покорной,
 И мнимыхъ слезъ, и съ робостью притворной
 Играетъ роль . . . .
 Но поутру, оправясь понемногу,
 Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ — такъ тома;
 Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ: слава Богу!
 А старый другъ случится у окна...

4.

Не правда ли, вы помните то поле,
 Друзья мои, гдѣ въ прежніи дни весной,
 Остая классъ, мы бѣгали на волѣ
 И тѣшились отважною борьбой?...
 ...Сплетенные, кружась, идутъ по дугу,
 На вражью грудь опершись бородой,
 Соединивъ крестъ-на-крестъ ноги, руки,
 То силою, то хитростью науки
 Хотятъ увлечь другъ друга за собой...

5.

И вдругъ предъ нимъ открылся небосклонъ.
 Во глубинѣ небесъ необозримой,
 Въ сіяніи и въ славѣ нестерпимой,
 Тамъ ангелы волнуются, кишатъ,
 Безчисленны летаютъ серафимы,
 Струнами арфъ бряцаютъ херувимы,
 Архангелы задумчиво сидятъ,
 Главы закрывъ лазурными крылами.¹

6.

Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
 Усердное, внимательное пѣнье!
 Храни меня, внемли мое моленье:
 Досель я былъ еретикомъ въ любви,
 Младыхъ богинь безумный обожатель,
 Другъ демона, повѣса и предатель...
 Раскаянье мое благослови:
 Приемлю я намѣренья благія—
 Перемѣнюсь — Елену видѣть я...
 Подвластна ей навѣкъ душа моя.
 Моимъ рѣчамъ придай очарованье,

¹ Этотъ отрывокъ помѣщенъ въ Р. Архивѣ 1881 кн. 3 [с. 471] между стихотвореніями 1830—1836 г., но онъ несомнѣнно относится къ 1283 г.

Повравиться повѣдай тайну мнѣ,
 Въ ея груди зажги любви желанье—
 Не то пойду молиться сатанѣ.
 Но дни бѣгутъ, и время сѣдиною
 Мою главу тишкомъ посеребрить,
 И важный брагъ съ любезною женою
 Предъ алтаремъ меня соединить...
 Даруй ты мнѣ блаженное терпѣнье,
 Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь
 Спокойный сонъ, въ супругъ увѣренье.
 Въ семействѣ мнрѣ и къ ближнему любовь.

 ЭЛЕГІЯ.

[г-жь иизничъ.]

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты.
 Моей любви безумное волненье?
 Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье?
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
 И всѣхъ дарить надеждою пустою
 Твой чудный взоръ, то пѣжный, то унылой?
 Мною овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачитьъ.
 Увѣрепа въ любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ сгустокъ.
 Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
 Терзаюсь я досадою одинокой;
 Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
 Хочу ль бѣжать: съ боязнию и мольбой
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
 Заводитъ ли красавица другая
 Двусмысленный со мною разговоръ:
 Спокойна ты; веселый твой угоръ
 Мея мертвить, любви не выражая.
 Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,

Наединѣ заставъ меня съ тобой,
 Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?..
 Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
 Имѣеть онъ блѣднѣть и ревновать?..
 Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
 Безъ матери, одна, полуодѣта,
 Зачѣмъ его должна ты принимать?
 Но я любимъ!.. Наединѣ со мною
 Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Такъ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣшны мученія мои;
 Но я любимъ, тебя я понимаю.
 Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, какъ сильно я люблю;
 Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю!

* *
*

Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла
 По небу стелется одеждою свинцовой;
 Какъ привидѣнiе, за рощею сосновой
     Луна туманная взошла....
 Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
 Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
 Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
 Тамъ море движется роскошной пеленой
     Подъ голубыми небесами...
 Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
 Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
     Тамъ, подъ завѣтными скалами,
 Теперь она сидитъ печальна и одна...
 Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
 Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
 Одна... ни чьимъ устамъ она не предаетъ
 Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣгоснѣжныхъ.

Никто ея любви небесной не достоинъ.
 Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоенъ;
 Но если.

— — —
 НОЧЬ.

Мой голосъ для тебя, и ласковый и томной.
 Тревожить позднее молчанье ночи темной.
 Близъ ложа моего печальная свѣча
 Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
 Текуть, ручьи любви, текуть полны тобою.
 Во тьмѣ твои глаза блистаютъ предо мною.
 Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
 Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... гвои... твоя.

26 октября.

ДЕМОНЪ.

[АЛ. НИК. РАЕВСКОМУ].

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
 Всѣ впечатлѣнья бытія—
 И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
 И ночью пѣнье соловья;
 Когда возвышенныя чувства.
 Свобода, слава и любовь,
 И вдохновенныя искусства
 Такъ сильно волновали кровь:
 Часы надеждъ и наслажденій
 Тоской внезапной осѣня,
 Тогда какой-то злобный геній
 Сталъ тайно навѣщать меня.
 Печальны были наши встрѣчи:
 Его улыбка, чудный взглядъ.

Его язвительныя рѣчи
 Вливали въ душу хладный ядъ.
 Неистошимой клеветою
 Онъ провидѣнье искушалъ;
 Онъ звалъ прекрасное мечтою,
 Онъ вдохновенье презиралъ;
 Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
 На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
 И ничего во всей природѣ
 Благословить онъ не хотѣлъ.

ПЫДЕ СЪЯТЕЛЬ СЪЯТИ СЪМЕНА СВОЯ.

Свободы съятель пустынный,
 Я вышелъ рано, до звѣзды;
 Рукою чистой и безвинной
 Въ поработенныя бразды
 Бросалъ живительное сѣмя;
 Но потерялъ я только время,
 Благіе мысли и труды...
 Паситесь, мирные народы,
 Васъ не пробудить чести кличъ!
 Къ чему стадамъ дары свободы?
 Ихъ должно рѣзать или стричъ;
 Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
 Ярмо съ гремушками да бичъ.

[¹ декабря 1823].

КНЯГИНѢ ГОЛИЦЫНОЙ.

Давно объ ней воспоминанье
 Ношу въ сердечной глубинѣ;
 Ея минутное вниманье
 Отрадой долго было мнѣ.
 Твердилъ я стихъ обвороченный,
 Мой стихъ, унынья звукъ живой,*

Такъ мило ея повторенный.
 Замѣченный ея душой.
 Вновь лиръ слезъ и тайной мукъ
 Она съ участіемъ вняла—
 И нынѣ ей передала
 Свои плѣнительные звуки...
 Довольно! Въ гордости моей
 Я мыслить буду съ умиленьемъ:
 Я славой былъ обязанъ ей,
 А, можетъ быть, и вдохновенъемъ.

1823. Одесса.

ОТРЫВОКЪ.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
 Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
 Безмолвно бодрствовалъ—и жребіи земли
 Въ увѣнчанной главѣ стѣсенные лежали,
 Чредою выпадали

И міру тихую неволю въ даръ несли.

И дѣлу своему владыка самъ дивился.
 «Се благо!» думалъ онъ—и взоръ его носился
 Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
 Отъ Царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:

Все молча ждетъ удара—

Все пало, подъ ярмомъ склонились всѣ главы.

«Свершилось!» молвилъ онъ. «Давно ль народы міра
 Паденье славили великаго кумира?»

«Давно ли ветхая Европа свирѣѣла,
 Надеждой новою Германія кипѣла,
 Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
 За Пприньями давно ль судьбой народа

Ужъ правила свобода,

И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?»

«Давно ль?—И гдѣ же вы, зпждители свободы?
 Ну, что жь? Витійствуйте, ищите правъ природы,
 Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
 Вотъ Кесарь—гдѣ же Брутъ? О, грозные витии,
     Цѣлуйте жезлъ Россіи
 И васъ поправшую желѣзную стопу!»

Онъ рекъ—и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
 Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
 Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ.
 На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очп....
     Раздался бой полночи—

И се, внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ провидѣнья,
 Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
 Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
 Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
     Сей хладный кровопійца,
 Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зарп.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
 Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
 Ни пламень гаснуцій нахмуренныхъ очей—
 Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
     Мученіемъ покоя

Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
 То вдалъ затерянный, то вдругъ неотразимый,
 Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
 Во цвѣтъ здравія, и мужества, и мощи,
     Владыкѣ Полунощи

Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлпца
 Дружны Сѣвера гнала его десница,
 И русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;

Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ или позоромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ....

---

* *
*

Возстань, о Греція, возстань!
Не даромъ напрягаешь силы,
Не даромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пидъ, и Оермопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Афинъ,
Гроба Тезея и Перикла.

Сграна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги.
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

---

* *
*

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Ріэго былъ удушенъ.
«Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ;
«Отъ одного мерзавца міръ избавленъ.»
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ—
Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я—но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого добротства
Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости оттѣнокъ благодетства.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ КН. А. Н. ГОЛИЦЫНУ. ¹

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился,
 И радость райскую принесть съ собою къ намъ;
 Но житель горныхъ мѣстъ, ты миромъ не прельстился,
 И снова отлетѣлъ въ отчизну къ небесамъ.

1824.

АЛЕКСАНДРУ ЛЬВОВИЧУ ДАВЫДОВУ.

[на приглашенье ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ крима].

Нельзя, мой толстый Аристиппъ:
 Хоть я люблю твои бесѣды,
 Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
 Твой вкусъ и жирные обѣды;
 Но не могу съ тобою плыть
 Къ брегамъ полуденной Тавриды.
 Прошу меня не позабыть,
 Любимецъ Вакха и Киприды!
 Когда чахоточный отецъ
 Немного тощей Энеиды
 Пускался въ море наконецъ,
 Ему Горацій, умный льстецъ,
 Прислалъ торжественную оду,
 Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
 Сулилъ хорошую погоду:
 Но льстивыхъ одъ я не пишу;
 Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
 У неба я тебѣ прошу
 Лишь аппетита на дорогу.

---

¹ Сынъ кн. Никол. Борис. и кн. Елены Александровны [рожденной кн. Солтыковои], родился 1822 апр. 22, умеръ 1823 мая 18.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЬ.

Я люблю вечерній пирь.
 Гдѣ веселье предсѣдатель,
 А свобода, мой кумирь,
 За столомъ законодатель;
 Гдѣ до утра слово «пей»
 Заглушаетъ крики пѣсенъ,
 Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
 А кружокъ бутылокъ тѣсенъ!

ИНОСТРАНКЪ.

[въ альбомѣ].

На языкѣ, тебѣ невнятномъ.
 Стихи прощальные пишу;
 Но въ заблужденіи пріятномъ
 Вниманья твоего прошу:
 Мой другъ, доколѣ не увяну
 Въ разлукѣ, чувство погубя,
 Боготворить не перестану
 Тебя, мой другъ, одну тебя!
 На чуждыя черты взирая,
 Вѣрь только сердцу моему,
 Какъ прежде вѣрила ему,
 Его страстей не понимая.

19 мая 1824. Veux-tu m'aimer! Point de D.

ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ
 Струить эфиръ.
 Шумить,
 Бѣжитъ
 Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна златая.
 Тише... чу.... гитары звонъ...
 Вотъ испанка молодая
 Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
 Струитъ эфиръ.
 Шумитъ.
 Бѣжитъ
 Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
 И явись какъ яркій день!
 Сквозь чугунныя перилы
 Ножку дивную продвни!

Ночной зефиръ
 Струитъ эфиръ.
 Шумитъ,
 Бѣжитъ
 Гвадалквивиръ.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
 Въ послѣдній разъ передо мной
 Ты катишь волны голубыя
 И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
 Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
 Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
 Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
 Какъ часто по берегамъ твоимъ
 Бродилъ я тихій и туманный,
 Завѣтнымъ умысломъ томилъ.

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы.

Смиранный парусъ рыбарей.
Твоею прихотью хранимый,
Скользить отважно средь зыбей:
Но ты выигралъ, неодолимый—
И сталъ тонетъ кораблей!

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтический побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... и былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ.
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.

Шуми, взволнуйся непогодой:
 (Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ;
 (Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
 Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
 Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Миръ опустѣлъ.... Теперь куда же
 Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
 Судьба людей повсюду та же:
 Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
 Иль самовластье, иль тиранъ.

Прощай же, море! не забуду
 Твоей торжественной красы,
 И долго, долго слышать буду
 Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
 Перенесу, тобою полнъ,
 Твои скалы, твои заливы,
 И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

[Одесса].

АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
 Тростникъ болотный долу клонишь?
 Зачѣмъ на дальній небосклонъ
 Ты облако столь гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
 Сводъ неба глухо облекался;
 Недавно дубъ надъ высотой
 Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты разыгралъ,
 Ты про шумѣлъ грозой и славой—
 И бурны тучи разогналъ,
 И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ
 Отнынѣ радостью блистаетъ,
 II облакомъ зефиръ играетъ,
 II тихо зыблется тростникъ.

1824 г. Михайловское.

ПРОЗЕРПИНА.

[ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ].

Плещутъ волны Флегетона.
 Своды тартара дрожатъ:
 Кони блѣднаго Плутона
 Быстро къ нимфамъ Пеліона
 Изъ ада бога мчатъ.
 Вдоль пустыннаго залива
 Прозерпина вслѣдъ за нимъ.
 Равнодушна и ревнива,
 Потекла путемъ однимъ.
 Предъ богинею колѣна
 Робко юноша склонилъ.
 II богинямъ льститъ измѣна:
 Прозерпинѣ смертный милъ.
 Ада гордая царца
 Взоромъ юношу зоветъ.
 Обняла, и колесница
 Ужъ къ аиду ихъ несетъ.
 Мчатся, облакомъ одѣты;
 Видятъ вѣчные дуга,
 Элизей и томной Леты
 Усыпленные брега.
 Тамъ безсмертье, тамъ забвенье.
 Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
 Прозерпина въ упоеньѣ,
 Безъ порфиръ и вѣнца,

Повинуется желаньямъ.
 Предастъ его лобзаньямъ
 Сокровенныя красы.
 Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ,
 И молчитъ и томно стонетъ....
 Но бѣгутъ любви часы....
 Плещутъ волны Флегетона,
 Своды тартара дрожать:
 Кони блѣднаго Плутона
 Быстро мчатъ его назадъ,
 И Кереры дочь уходитъ,
 И счастливецъ за собой
 Изъ элизія выводитъ
 Потаенною тропой;
 И счастливецъ отпираетъ
 Осторожною рукой
 Дверь, откуда вылетаетъ
 Сновидѣннй ложный рой.

29 августа 1824.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Издревле сладостный союзъ
 Поэтовъ межъ собой связуетъ—
 Они жрецы единыхъ музъ,
 Единый пламень ихъ волнуетъ;
 Другъ другу чужды по судьбѣ,
 Они родня по вдохновенью.
 Клянусь Овидіевой тѣнью:
 Языковъ, близокъ я тебѣ!
 Давно бѣ на дерптскую дорогу
 Я вышелъ утренней порой,
 И къ благосклонному порогу

Повесь тяжелый посохъ мой.
И возвратиши бѣ оживленный
Картинной беззаботныхъ дней.
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лпрою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я пошусь,
Куда подуетъ самовластье:
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ.
Влачу закованные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье.
Мои хъ надеждъ не обмани:
Въ деревнѣ, гдѣ Петра пигомецъ,
Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ.
Скрывался прадѣдъ мой, арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елизаветы
И дворъ, и пышные обѣты.
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей.
Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметь въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ.
Шалунъ, замѣченный тобою;
И музъ возвышенный пророкъ.
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ.
И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульной.
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры,
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ,

И скуку зимнихъ вечеровъ,
Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Мичаиловское. 20 сентября 1824

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
И такъ рѣшите, жду я слова:
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмгъ рублями замѣнимъ,
И въ пугъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя ль узнать?

ПОЭТЪ

Я былъ далеко:

Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
И видѣлъ вновь пріюты скалъ,
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бываю, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ,
Тамъ долѣ яркія видѣнья,

Съ неизъяснимою красой.
 Вились летали надо мной
 Въ часы ночнаго вдохновенья.
 Все волновало вѣжнѣй умъ:
 Цвѣтущій лугъ, луны блистанье.
 Въ часовнѣ ветхой бури шумъ.
 Старушки чудное преданье.
 Какой-то демонъ обладалъ
 Мои играны, досугомъ;
 За мной повсюду онъ леталъ,
 Мнѣ звуки дивныя шепталъ.
 И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава;
 Въ ней грезы чудныя рождались;
 Въ размѣры стройныя стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой речью замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйной,
 Иль иволги напѣвъ живой,
 Иль ночью моря гулъ глухой.
 Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
 Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
 Дѣлиться не былъ я готовъ
 Съ толпою пламеннымъ восторгомъ.
 И музы сладостныхъ даровъ
 Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
 Я былъ хранитель ихъ скупой:
 Такъ точно, въ гордости вѣмой,
 Отъ взоровъ черни лицемѣрной
 Дары любовницы младой
 Хранить любовникъ суевѣрной.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но слава замѣнила вамъ
 Мечтанья тайнаго отрады:

Вы разошлись по рукамъ,
 Межъ тѣмъ, какъ пыльные громады
 Лежалой прозы и стиховъ
 Напрасно ждуть себѣ чтецовъ
 И вѣтреной ей награды.

ПОЭТЪ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
 Души высокія созданья!
 И отъ людей, какъ отъ могилъ,
 Не ждалъ за чувство воздаянья!
 Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
 И, терномъ славы неувитый.
 Презрѣнной чернью забытый.
 Безъ имени покинулъ свѣтъ!
 Обманчивѣй и сновъ надежды,
 Чтò слава? Шопотъ ли чтеца?
 Гоненье ль низкаго невѣжды?
 Иль восхищеніе глупца?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Лордъ Байронъ былъ того же мѣшья;
 Жуковскій то же говорилъ:
 Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
 Ихъ зладкозвучныя творенья.
 И впрямъ, завиденъ вашъ удѣлъ:
 Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ;
 Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
 Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
 Героевъ утѣшаетъ онъ;
 Съ Коринной на кнѣерскій тронъ
 Свою любовницу возноситъ.
 Хвала для васъ докучный звонъ;
 Но сердце женщинъ славы проситъ:

Для нихъ пишете; ихъ ушамъ
 Пріятна лесть Анакреона:
 Въ младыя лѣта розы намъ
 Дороже лавровъ Геликова.

ПОЭТЪ.

Самолюбивыя мечты,
 Утѣхи юности безумной!
 И я, средь бѣры жизни шумной,
 Искать вниманья красоты.
 Мои слова, мои напѣвы,
 Коварной силой иногда
 Смирять умѣли въ сердца дѣвы
 Волненье страха и стыда;
 Глаза прелестныя читали
 Меня съ улыбкою любви;
 Уста волшебныя шептали
 Мнѣ звуки сладкіе мои!
 Но полно; въ жертву имъ свободы
 Мечтатель ужъ не принесеть;
 Пускай ихъ юноша поетъ.
 Любезный баловень природы.
 Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
 Безмолвно жизнь моя несется;
 Стовъ лиры вѣрной не коснется
 Ихъ легкой, вѣтреной души;
 Нечисто въ нихъ воображенье,
 Не понимаетъ насъ оно.
 И, признакъ Бога, вдохновенье
 Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
 Когда на память мнѣ невольно
 Придетъ внушенный ими стихъ.
 Я содрогаюсь, сердцу больно.
 Мнѣ стыдно доловъ моихъ.
 Къ чему несчастный я стремился?

Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?
 Ахъ, лира, лира! что же ты
 Мое безумство разгласила?
 Ахъ, если бѣ Лета поглотила
 Мои летучія мечты!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
 Причины вашихъ огорченій
 Мнѣ знать нельзя; но исключеній
 Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
 Ужели ни одна не стоитъ
 Ни вдохновенья, ни страстей,
 И вашихъ пѣсень не присвоитъ
 Всесильной красотъ своей?
 Молчите вы?

ПОЭТЪ.

Зачѣмъ поэту
 Тревожить сердца тяжкій сонъ?
 Бесплодно память мучить онъ.
 И что жъ, какое дѣло свѣту?
 Я всѣмъ чужой. Душа моя
 Хранитъ ли образъ незабвенный?
 Любви блаженство зналъ ли я?
 Тоскою ль долгой изнуренный,
 Таилъ я слезы въ тишинѣ?
 Гдѣ та была, которой очи,
 Какъ небо, улыбался мнѣ?
 Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?
 . . . . .
 И что жъ? Докучный стонъ любви,
 Слова покажутся мои
 Безумца дикимъ лепетаньемъ.

Тамъ сердце ихъ пойметъ одно.
 И то съ печальнымъ содроганьемъ.
 Судьбою такъ ужъ рѣшено.
 Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
 Одна была—предъ ней одной
 Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
 Любви поэзіи святой.
 Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ лиць чудесный.
 Гдѣ льются вѣчныя струи,
 Я находилъ огонь небесный.
 Сгорая жаждою любви.
 Ахъ, мысль о той души завялой
 Могла бы юность оживить,
 И сны поэзіи бывалой
 Толпою снова возмутить!
 Она одна бы разумѣла
 Стихи неясные мои;
 Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
 Лампадой чистою любви.
 Увы, напрасныя желанья!
 Она отвергла заклинанья,
 Мольбы, тоску души моей:
 Земныхъ восторговъ изліянья,
 Какъ божеству, не нужно ей.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

И такъ, любовью утомленный.
 Наскуча лепетомъ молвы,
 Заранѣ отказались вы
 Отъ вашей лиры вдохновенной.
 Теперь, оставя шумный свѣтъ.
 И музъ, и вѣтреную моду.
 Что жъ изберете вы?

ПОЭТЪ.

Свободу.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
 Возьмите истинѣ полезной:
 Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
 Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
 Что слава? Яркая заплата
 На вѣтромъ рубищѣ пѣвца.
 Намъ нужно злата, злата, злата;
 Копите злато до конца!
 Предвижу ваше возраженье;
 Но васъ я знаю, господа:
 Вамъ ваше дорого творенье,
 Пока на пламени труда
 Кипитъ, бурлитъ воображенье;
 Оно застынетъ, и тогда
 Постыло вамъ и сочиненье.
 Позвольте просто вамъ сказать:
 Не продается вдохновенье.
 Но можно рукопись продать.
 Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
 Нетерпѣливые чтецы;
 Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
 За ними тощія пѣвцы:
 Кто проситъ пищи для сатиры,
 Кто для души, кто для пера,
 И, признаюсь, отъ вашей лиры
 Предвижу много я добра.

ПОЭТЪ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.

26 сентября. въ Михайловскомъ.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой.
 Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
 Не бойся, не хочу прельщенный мыслью ложной
 Цензуру поносить хулой неосторожной—
 Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
 У насъ писатели я знаю каковы;
 Ихъ мыслей не тѣснитъ цензурная расправа
 И чистая душа передъ тобою права.
 Впервыхъ, искренно и признаюсь тебѣ.
 Нерѣдко о твоей жалбѣ и судьбѣ:
 Людской безмыслицы присяжный толкователь.
 Хвостова, Буниной единственный читатель.
 Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
 То прозу глупую, то глупые стихи.
 Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожить:
 Тотъ англійскій романъ съ французскаго предложить.
 Тотъ оду сочинить, потѣя да крехтя,
 Пной трагедію напишетъ намъ шутя—
 До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай. бѣгися.
 Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.
 Такъ! цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ
 Умъ чтеньемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ. Бюффонтъ.
 Державинъ, Карамзинъ манять его желанье—
 А долженъ посвятить бесплодное вниманье
 На бредни новыя какого-то враля,
 Которому досугъ пѣть рощи, да поля...
 Да связь утрата въ нихъ пищи ее сначала.
 Или вымарывай изъ тощаго журнала
 Насмѣшки грубыя и площадную брань:
 Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.

Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный!
 Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный:
 Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;

Но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпитъ онъ.
 Блюститель тишины, приличія и нравовъ
 Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
 Закону преданный, отечество любя,
 Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
 Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
 Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
 Онъ другъ писателю, предъ знатью не трусливъ,
 Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
 А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
 Гдѣ должно бѣ умствовать, ты хлопаешь глазами.
 Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
 Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
 Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
 Глазъ правды—мятежемъ, Куницына—Маратомъ,
 Рѣшилъ—а тамъ поди, хоть на тебя проси!
 Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
 Благодаря тебѣ, не видимъ книгъ доселѣ?
 И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
 То, славу русскую и здравый умъ любя,
 Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
 Остались намъ стихи, поэмы, триолеты,
 Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
 Досуговъ и любви невинныя мечты,
 Воображенія минутныя цвѣты...
 О, варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры.
 Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
 Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
 Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
 Ни слогъ пѣвца «Пировъ», столь чистый, благородный—
 Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
 На все кидаешь ты косою, невѣрный взглядъ.
 Подозрѣвая всѣхъ—во всемъ ты видишь ядъ.
 Оставь, пожалуй, трудъ нимало не похвальный:
 Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,
 И право никогда искусный коноваль

Излишней пылкости Пегаса не лишай.
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ. чьи забавы—
Осмѣивать законъ, правительство и нравы.
Тотъ не подвергнется взысканью твоему.
Тотъ не знавалъ тебя—мы знаемъ почему—
И рукопись его, не погибая въ Леть,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтъ.
Барковъ шутивыхъ одъ къ тебѣ не посылай.
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжать.
И Пушкина стихи въ печати не бывали—
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешь—и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едва ли Шаликовъ не вредный человекъ.
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты «Наказъ» Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; поймешь инымъ путемъ:
Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной.
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица.
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачилъ кумпры.
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ.
Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ.
Киприду иногда являлъ безъ покрывала—
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бѣ раздѣлялись они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зеркало—
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать...
Старинной глупости мы праведно стыдимся.
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся.
Когда никто не смѣлъ отечества назвать.

И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!
 Нѣтъ, нѣтъ! оно прошла, губительное время,
 Когда невѣжества несла Россія бремя;
 Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
 Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
 Исправься жѣ, будь умнѣй и примирился съ нами.
 Все правда, скажешь ты, не стану спорить съ вами:
 Но можно ль цензору по совѣсти судить?
 Я долженъ то того, то этого щадить.
 Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
 Читаю, да крещусь—мараю наудачу...
 На все есть мода, вкусъ. Бывало, на примѣръ,
 У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
 А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
 Я бѣдный человѣкъ; къ тому жѣ жена и дѣти...
 Жена и дѣти, другъ, повѣрь—большое зло:
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
 Но дѣлать нечего! такъ если невозможно
 Домой тебѣ скорѣй обратиться осторожно
 И службою своей ты нуженъ для царя,
 Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наследникъ,¹
 Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ!
 Недавно, тяжкою цензурой угнетенъ,
 Последнихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ.

---

¹ Еще въ Одессѣ, въ июнь 1824 г., Пушкинъ по поводу смерти Тимковскаго писалъ:

Тимковскій царствовалъ—и всѣ твердили вслухъ,
 Что врядъ ли гдѣ ословъ найдешь подобныхъ двумъ.
 Явился Бируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовскій:
 Ну, право, ихъ умъи покойный былъ Тимковскій.

Со всею братіей гонимый совокупно.
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно:
Потѣшилъ языка бранчивую свербежь:
Но извини меня, мнѣ было невтерпежь.
Теперь въ моей глуши журналы раздирай.
И бѣдной братіи стишонки разбирая
[Теперь же мнѣ читать охога и досугъ].
Обрадовася я, по нимъ замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новыи.
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
И твердостью души, и смѣлостью ума.
Какъ изумилася поэзія сама.
Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной.,
Завѣтныя слова: божественный, небесный—
И ими назвалась [для рѣшмы] красота.
Не оскорбляя тѣмъ ужъ Господа-Христа.
Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои посланія хоть очень я люблю.
Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
Но подразнивъ тебя, я перемѣной сею
Пріятно изумленъ. гордиться не посмѣю.
Отнесся я къ тебѣ по долгу своему;
Но мнѣ ль исправить васъ? Нѣтъ. вѣдаю, кому
Сей важной новостью обязана Россія:
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ.
Шшшковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ среди народа
Священной памятью двѣнадцатаго года:
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ мѣзь любилъ:
Пхъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ:
Отъ хлада нашихъ дней укрылъ онъ лавръ единый
Оспротѣлаго вѣнца Екатерины.
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ.
Омара да Гали пріявъ за образецъ.

Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушить старался просвѣщенье.
Благочестивая, смѣренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ твердый въ правилахъ, съ душою превосходной,
И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачекъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки
Вы были преданы, печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно! мрачная година протекла,
И ярче ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я, съ переменною несчастнаго правленья,
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;
Но, самъ не знаю какъ, ты, видно, устоялъ.
И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить:
Будь строгъ. но будь уменъ. Не просить у тебя.
Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно,
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, но мирному уму,
И даже глупости, невинной и довольной,
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты въ плодахъ досужнаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата.
Престоловъ, алтарей и нравовъ суфостата,
То славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

КОВАРНСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
 Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
 Когда свою онъ отъ руки твоей,
 Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
 Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя.
 Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою:
 Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя.
 Онъ мучится безумною тоскою;»
 Не говори: «неблагодаренъ онъ;
 Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
 Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...
 Ужели ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
 Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ унасть.
 Чтобъ вымолить у друга примиренье.
 Но если ты святую дружбы власть
 Употреблялъ на злобное гоненье:
 Но если ты затѣйливо явилъ
 Пугливое его воображенье,
 И гордую забаву находилъ
 Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженъ;
 Но если самъ презрѣнной клеветы
 Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
 Но если цѣпь ему накинута ты
 И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
 И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
 Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
 Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей—
 Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

15 октября 1824. Михайловское.

 ЦЫГАНЫ.

Цыганы шумною толпой
 По Бессарабѣ кочуютъ.

Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ
Какъ вольность весель' ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телегъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалъній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальное глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она придетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
 По степи юноша спѣшитъ;
 Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
 «Отецъ мой, дѣва говоритъ,
 Веду я гостя: за курганомъ
 Его въ пустынь и нашла
 И въ таборъ на ночь зазвала.
 Онъ хочетъ быть какъ мы цыганомъ;
 Его преслѣдуетъ законъ,
 Но я ему подругой буду.
 Его зовутъ Алеко; онъ
 Готовъ идти за мною всюду.»

СТАРИКЪ.

Я радъ. Остаешься до утра
 Подъ сѣнью нашего шатра,
 Или пробудь у насъ и долъ.
 Какъ ты захочешь. Я готовъ
 Съ тобой дѣлить и хлѣбъ и кровь.
 Будь нашъ, привыкни въ нашей долѣ,
 Бродящей бѣдности и волѣ;
 А завтра съ утренней зарей
 Въ одной телегѣ мы поѣдемъ;
 Примись за промыселъ любой:
 Желѣзо куй, пль пѣсни пой
 И села обходи съ медвѣдемъ.

АЛЕКО.

Я остаюсь.

ЗЕМФИРА.

Онъ будетъ мой:
 Кто жъ отъ меня его отгонитъ?
 Но поздно... мѣсяцъ молодой
 Зашелъ, поля покрыты мглой,
 И сонъ мени неволью клонитъ...

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
 Вокругъ безмолвнаго шатра.
 «Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
 Проснись, мой гость, пора, пора!
 Оставьте, дѣти, ложе нѣги.»
 И съ шумомъ высыпалъ народъ;
 Шатры разобраны; телеги
 Готовы двинуться въ походъ;
 Все вмѣстѣ тронулось—и вотъ
 Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
 Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
 Дѣгей играющихъ несутъ;
 Мужья и братья, жены, дѣвы,
 И старъ и младъ во слѣдъ идутъ;
 Крикъъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
 Медвѣдя ревъ, его цѣпей
 Нетерпѣливое бряцанье,
 Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
 Дѣтей и старцевъ нагота,
 Собакъ и лай и завыванье,
 Волынки говоръ, скрипъ телегъ,
 Все скудно, дико, все нестройно,
 Но все такъ живо-непокойно,
 Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
 Такъ чуждо этой жизни праздной,
 Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
 На опустѣлую равнину,
 И грусти тайную причину
 Исколковать себѣ не смѣлъ.
 Съ нимъ черноокая Земфира,
 Теперь онъ вольный житель міра,
 И солнце весело надъ нимъ
 Полуденной красою блещетъ;

Что жъ сердце юноши трепещеть.
Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда:
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ:
Солнце красное взоидетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы.
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людамъ скучно, людамъ горе:
Птичка въ дальнія страны.
Въ теплый край, за синее море
Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ изгнанникъ перелетной.
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его, порой, волшебной славы
Манила дальняя звѣзда.
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безопасно подъ грозою

И въ ведро ясное дремалъ,
 И жилъ, не признавая власти
 Судьбы коварной и слѣпой;
 Но, Боже, какъ играли страсти
 Его послушною душой!
 Съ какимъ волненіемъ кипѣли
 Въ его измученной груди!
 Давно ль, на долго ль усмирѣли?
 Онѣ проснутся: погоди.

ЗЕМФИРА.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
 О томъ, что бросилъ навсегда?

АЛЕКО.

Что жъ бросилъ я?

ЗЕМФИРА.

Ты разумѣешь:
 Людей отчизны, города.

АЛЕКО.

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
 Когда бы ты воображала
 Неволю душевныхъ городовъ!
 Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
 Не дышать утренней прохладой,
 Ни вешнимъ запахомъ луговъ
 Любви стыдятся, мысли гонять,
 Торгуютъ волею своею,
 Главы предъ идолами клонять
 И просить денегъ да цѣпей.
 Что бросилъ я? Измѣнъ волненье.
 Предразсужденій приговоръ,
 Толпы безумное гоненье
 Или блистательный позоръ.

ЗЕМФИРА.

Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтныя ковры.
Тамъ игры, шумныя пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

АЛЕКО.

Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы.... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я... одно мое желанье—
Съ тобой дѣлать любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.

СТАРИКЪ.

Ты любишь насъ, хотъ и рождень
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
[Я прежде зналъ, ко позабылъ
Его мудреное прозванье].
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,

И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
 Чужіе люди за него
 Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
 Какъ мерзла быстрая рѣка
 И зимни вихри бушевали,
 Пушистой кожей покрывали
 Они святаго старика;
 Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
 Привыкнуть никогда не могъ;
 Скитался онъ изсохшій, блѣдной,
 Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
 Его каралъ за преступленье,
 Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье.
 И все несчастный тосковалъ,
 Бродя по берегамъ Дуная,
 Да горьки слезы проливалъ,
 Свой дальный градъ вспоминая,
 И завѣщалъ онъ, умирая,
 Чтобы на югъ перенесли
 Его тоскующія кости,
 И смертью — чуждой сей земли
 Неуспокоенные гости.

АЛЕГО.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
 О Римъ, о громкая держава!
 Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
 Скажи мнѣ, что такое слава?
 Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
 Изъ рода въ роды звукъ бѣгушій,
 Или подъ сѣнью дымной кущи
 Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два лѣта. Также бродятъ
 Цыганы мирною толпой;
 Вездѣ, по-прежнему, находятъ

Гостепріимство и покой.
 Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
 Алеко воленъ, какъ они;
 Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
 Ведеть кочующіе дни.
 Все тотъ же онъ, семья все та же;
 Онъ прежнихъ лѣтъ не помня даже.
 Къ бытью цыганскому привыкъ;
 Онъ любить ихъ ночлеговъ сѣни.
 И упоенье вѣчной лѣни,
 И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
 Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
 Косматый гость его шатра,
 Въ селеняхъ, вдоль степной дороги,
 Близъ молдаванскаго двора
 Передъ толпою осторожной
 И тяжело пляшетъ и реветъ.
 И цѣпь докучную грызетъ.
 На посохъ опершись дорожной.
 Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
 Алеко съ пѣньемъ звѣря водить.
 Земфира поселянъ обходить
 И дань ихъ вольную беретъ;
 Настанетъ ночь; они всѣ трое
 Варятъ нежатое пшено;
 Старикъ уснулъ — и все въ покоѣ...
 Въ шатрѣ и тихо, и темно.

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
 Ужъ остывающую кровь;
 У люльки дочь поетъ любовь.
 Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

ЗЕМФИРА.

Старый мужъ, грозный мужъ.
 Рѣжь меня, яги меня:

Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другаго люблю,
Умираю любя.

АЛЕКО.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсенъ не люблю.

ЗЕМФИРА.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою.

Рвѣжь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣ весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любитъ меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

АЛЕКО.

Молчи, Земфира, я доволенъ...

ЗЕМФИРА.

Такъ повяль пѣсню ты мою?

АЛЕКО.

Земфира!..

ЗЕМФИРА.

Ты сердиться волеешь,
 Я пѣсню про тебя пою.
 [Уходить и поеть: Старый мужъ и проч.]

СТАРИКЪ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эта
 Во время наше сложена;
 Уже давно въ забаву свѣта
 Поется межъ людей она.
 Кочуя на степяхъ Кагула,
 Ее, бывало, въ зимнюю ночь
 Моя пѣвала Мариула,
 Передъ огнемъ качая дочь.
 Въ умѣ моемъ минувши лѣта
 Часъ отъ часу темнѣй, темнѣй;
 Но заронила пѣсня эта
 Глубоко въ памяти моей.

— — —

Все тихо; ночь; луной украшенъ
 Лазурный юга небосклонъ.
 Старикъ Земфирой пробужденъ:
 «О, мой отецъ! Алеко страшень,
 Послушай; сквозь тяжелый сонъ
 И стонетъ, и рыдаетъ онъ.»

СТАРИКЪ.

Не тронь его, храни молчанье.
 Слыхалъ я русское преданье:
 Теперь, полуночной порой,
 У спящаго тѣснить дыханье
 Домашній духъ: передъ зарей
 Уходитъ онъ. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА.

Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфра!

СТАРИКЪ.

Тебя онъ шчетъ и во снѣ —
Ты для него дороже міра.

ЗЕМФИРА.

Его любовь постыла мнѣ;
Мнѣ скучно, сердце воли просить.
Ужъ я... Но тише! слышишь? онъ
Другое имя произносить.

СТАРИКЪ.

Чье имя?

ЗЕМФИРА.

Слышишь? хриплый стонъ
И скрежетъ ярый!.. Какъ ужасно!
Я разбужу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно,
Ночного духа не гони;
Уйдетъ и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветъ меня; проснулся.
Иду къ нему. — Прощай, усни.

АЛЕКО.

Гдѣ ты была?

ЗЕМФИРА.

Съ отцомъ спѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

АЛЕКО.

Мнѣ снилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами...
Я видѣлъ страшныя мечты.

ЗЕМФРА.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

АЛЕКО.

Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ.
Ни даже сердцу твоему.

СТАРИКЪ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь. тоска тебя погубитъ.

АЛЕКО.

Отецъ! она меня не любитъ.

СТАРИКЪ.

Утѣшься, другъ; она дитя;
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно.
А сердце женское шути.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ,
И вотъ ужъ перешла въ другое,

И то не долго поѣтитъ.
 Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ.
 Примолви: тамъ остановись!
 Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
 Люби одно, не пзмѣнись!
 Утѣшься!...

АЛЕКО.

Какъ она любила!
 Какъ нѣжно преклонясь ко мнѣ,
 Она въ пустынной тишинѣ
 Часы ночные проводила!
 Веселья дѣтскаго полна,
 Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
 Шль упительнымъ лобзаньемъ
 Мою задумчивость она
 Въ минуту разогнать умѣла!
 И что жъ? Земфира не вѣрна!
 Моя Земфира охладѣла.

СТАРИКЪ.

Послушай, расскажу тебѣ
 Я повѣсть о самомъ себѣ.
 Давно, давно, когда Дунаю
 Не угрожалъ еще москаль—
 [Вотъ видишь, я припоминаю.
 Алеко, старую печаль],
 Тогда боялись мы султана,
 А правилъ Буджакомъ паша
 Съ высокихъ башенъ Агермана—
 Я молодъ былъ, моя душа
 Въ то время радостно кипѣла
 И ни одна въ кудряхъ моихъ
 Еще сѣдинка не бѣлѣла.
 Между красавицъ молодыхъ
 Одна была.... и долго ею

Какъ солнцемъ любовался я,
И наконецъ назвалъ моею.

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе: только годъ
Меня любила Мариула.

Однажды, близъ кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ, у горы,
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спалъ; зари блеснула;
Проснулся я—подруги нѣтъ!
Ищу, зову—пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!... Съ этихъ поръ
Постылы мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

АЛЕГО.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ вослѣдъ неблагодарной,
И хищнику и ей коварной
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

СТАРИКЪ.

Къ чему? Вольнѣ птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?

Чредою всѣмъ дается радость;
 Что было, то не будетъ вновь.

АЛЕКО.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не спора
 Отъ правъ моихъ не откажусь;
 Или хоть мщеньемъ наслажусь.
 О. нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
 Нашель я спящаго врага,
 Клянусь, и тутъ моя нога
 Не пощадила бы злодѣя:
 Я въ волны моря, не блѣднѣя,
 И беззащитнаго бъ толкнулъ;
 Внезапный ужасъ пробужденья
 Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
 И долго мнѣ его паденья
 Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гультъ.

МОЛОДОЙ ЦЫГАНЪ.

Еще одно, одно лобзанье!

ЗЕМФИРА.

Пора! мой мужъ ревнивъ и золъ.

ЦЫГАНЪ.

Одно... но долъ—на прощанье!

ЗЕМФИРА.

Прощай, покамѣсть не пришелъ.

ЦЫГАНЪ.

Скажи—когда жъ опять свиданье?

ЗЕМФИРА.

Сегодня, какъ зайдетъ луна,
 Тамъ, за курганомъ надъ могилой...

ЦЫГАНЪ.

Обманетъ! не придетъ она.

ЗЕМФРА.

Бѣги—вотъ онъ! Приду, мой милый.

Алеко спитъ. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ съ крикомъ пробудясь во тьмѣ,
Ревниво руку простираетъ:
Но оробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ—
Его подруга далека....
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ...
Все тихо! страхъ его объемлетъ,
По немъ текутъ и жаръ, и хладъ;
Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ телегъ ужасенъ бродитъ;
Спокойно все; поля молчатъ;
Темно; луна зашла въ туманы;
Чуть брежетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ;
Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальные курганы:
Нетерпѣливо онъ идетъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.

Могила на краю дороги
Вдали бѣлѣетъ передъ нимъ,
Туда слабѣющія ноги
Влачить, предчувствіемъ томимъ;
Дрожатъ уста, дрожатъ колѣни....
Идетъ.... и вдругъ.... или это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни,
И близкій шопотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пора!...

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Постой!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пора, мой милый.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Ужъ поздно.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Какъ ты робко любишь.

Минуту!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Ты меня погубишь.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Минуту!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Если безъ меня

Проснется мужъ...

АЛЕКО.

Проснулся я.

Куда вы? Не спѣшите оба—

Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.

ЗЕМФИРА.

Мой другъ. бѣги. бѣги!

АЛЕКО.

Постой!

Куда, красавецъ молодой?

Лежи!

[Возвзаетъ въ него ножъ].

ЗЕМФИРА.

Алеко!

Цыганъ.

Умираю!

ЗЕМФИРА.

Алеко, ты убьешь его!
 Взгляни, ты весь обрызганъ кровью!
 О. что ты сдѣлалъ?

АЛЕКО.

Ничего.

Теперь дыши его любовью....

ЗЕМФИРА.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя.
 Твои угрозы презираю.
 Твое убійство проклинаю.

АЛЕКО.

Умри жъ и ты! [Поражаетъ ее].

ЗЕМФИРА.

Умру любя!

Востокъ денницей озаренный
 Сіялъ. Алеко за холмомъ.
 Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный
 Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
 Два трупа передъ нимъ лежали;
 Убійца страшень былъ лицомъ;
 Цыганы робко окружали
 Его всгоревоженной толпой;
 Могилу всторонѣ бопали.
 Шли жены скорбной чередой
 И въ очи мертвыхъ цѣловали.
 Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ,
 И на погибшую глядѣлъ
 Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
 Подняли трупы, понесли.
 И въ лоно хладное земли
 Чету младую положили.
 Алеко издали смотрѣлъ

На все. Когда же ихъ зарыли
 Послѣдней горстію земной,
 Онъ молча, медленно склопился,
 И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась рекъ:
 «Оставь насъ, гордый человѣкъ!
 Мы дики, вѣтъ у насъ законовъ,
 Мы не терзаемъ, не казимъ,
 Не нужно крови намъ и стоновъ;
 Но жить съ убійцей не хотимъ.
 Ты не рожденъ для дикой доли,
 Ты для себя лишь хочешь воли;
 Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
 Мы робки, и добры душою,
 Ты золь и смѣль—оставь же насъ;
 Прости! да будетъ миръ съ тобою.»

Сказалъ—и шумною толпою
 Поднялся таборъ кочевой
 Съ долины страшнаго ночлега,
 И скоро все въ дали степной
 Сокрылось. Лишь одна телега,
 Убогимъ крытая ковромъ,
 Стояла въ полѣ роковомъ.
 Такъ иногда передъ зимою,
 Туманной утренней порою
 Когда подѣмлется съ полей
 Станица позднихъ журавлей
 И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
 Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
 Одинъ печально остается,
 Повиснувъ раненымъ крыломъ.
 Настала ночь; въ телегѣ темной
 Огня никто не разложилъ,
 Никто подъ крышею подъемной
 До утра сномъ не опочилъ.

ЭПИЛОГЪ.

Вошебной силой пѣснопѣнья
 Въ туманной памяти моей
 Такъ оживляются видѣнья
 То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
 Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
 Ужасный гулъ не умолкалъ,
 Гдѣ повелгельныя грани
 Стамбулу русскій указалъ,
 Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавою
 Еще шумитъ минувшей славой,
 Встрѣчалъ я посреди степей,
 Надъ рубежами древнихъ становъ.
 Телеги мирныя цыгановъ,
 Смиренной воѣноски дѣтей.

За ихъ лѣнивыми толпами
 Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ.
 Простую пищу ихъ дѣлилъ
 И засыпалъ предъ ихъ огнями;
 Въ походахъ медленныхъ любилъ
 Ихъ пѣсней радостные гулы,
 И долго милой Мариулы
 Я имя нѣжное твердилъ.

Но счастья нѣтъ и между вами.
 Природы бѣдные сыны!
 И подъ издранными шатрами
 Живутъ мучительные сны;
 И ваши сѣни кочевыя
 Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ.
 И всюду страсти роковыя,
 И отъ судебъ защиты нѣтъ.

ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ.

[Jenne fille, ton cœur avec nous veut se taire...].

Ты вынешь и молчишь; печаль тебя сѣждаетъ;
 На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
 Давно твоей пглой узоры и цвѣты
 Не оживлялся. Безмолвно любилъ ты
 Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали;
 Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
 Любви не угаишь: мы любимъ, и какъ пась,
 Дѣвнцы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
 Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
 Красавецъ молодой съ очами голубыми,
 Съ кудрями черными?... Красѣешь? Я молчу,
 Но знаю, знаю все; и если захочу,
 То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
 Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
 Ты тайнѣ ждешь его. Идетъ. и ты бѣжишь.
 И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
 Никто на праздникъ блестящаго мая,
 Межъ колесницами роскошными летая,
 Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
 Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ. ¹

[посвященіе по прасковѣ Александр. осиповой].

I.

Клянусь четой и нечетой,
 Клянусь мечемъ и правой бигвой,

¹ «Нечестивые, пишетъ Магометъ [глава Награды], думаютъ, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень.» Мнѣніе сихъ нечестивыхъ конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ. — [Примѣчаніе Пушкина, какъ и въ прочія].

Клянуся утренней звѣздой.
Клянусь вечернею молитвой: "

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя.
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не и ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не и ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жъ. презирай обманъ.
Сгезею правды бодро слѣдуй.
Люби спроть. и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

О, жены чистыя пророка.
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно; вамъ присгало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для иѣгъ законныхъ и стыдливыхъ.
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.

А вы. о госпи Магомета!
Сгекаясь къ вечери его.
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ пареньи думъ благочестивыхъ.

Въ другихъ мѣстахъ корана. Алла клянется копытами кобылицы. плодами смоковницы. свободою Мекки. добродѣтелью и порокомъ. ангелами и человекомъ. и проч. Странный сей реторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминутно.

Не любитъ онъ велерѣчивыхъ,
 И словъ нескромныхъ и пустыхъ;
 Почтите пиръ его смиреньемъ,
 И цѣломудреннымъ склоненьемъ
 Его невольницъ молодыхъ.³

III.

Смутясь нахмурился пророкъ,
 Слѣнца послышавъ приближенъе:⁴
 Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
 Ему являть недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
 Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ;
 Спокойно возвѣщай коравъ,
 Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ кичится человекъ?
 За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
 Что дышетъ онъ недолгій вѣкъ,
 Что слабъ умереть, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвить,
 И воскреситъ его по волѣ?
 Что съ неба дни его хранить
 И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды,
 И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
 Благословивъ его труды
 И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

Но дважды ангелъ вострубитъ;
 На землю громъ небесный грянетъ:

³ «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скромнъ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться.» и проч. Ревность араба такъ и дышетъ въ слѣхъ заповѣдяхъ.

⁴ Изъ книги: Слѣпецъ.

И братъ отъ брата побѣжить.
И сынъ отъ матери отпрянетъ.

И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ тобою древле, о всеспильный.
Могучій состязаться мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.
Я также, рекъ онъ, жизнь дарую.
И также смертью наказую,
Съ тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва твоего:
Подъемлю солнце я съ востока;
Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой. ⁵

Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ день, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

⁵ Плохая физика, но за го какал смѣлал поэзіл.

Творцу молитесь; онъ могучій:
 Онъ править вѣтромъ; въ знойный день
 На небо насылаетъ тучи;
 Дчетъ земль древесну сѣнь

Онъ милосердъ: онъ Магомегу
 Открылъ сіяющій коранъ,
 Да притечемъ и мы ко свѣту,
 И да надеть съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ:
 Въ бою съ обритыми глазами,
 Съ окровавленными мечами,
 Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
 О дѣти пламенныхъ пустынь!
 Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь.
 Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ.
 А малодушнымъ посмѣянье.
 Они на бранное призыванье
 Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстися добычей боевою,
 Теперь въ раскаянны своемъ
 Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
 Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженны:
 Теперь они вошли въ эдемъ,
 И потонули въ наслажденны
 Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый:
 Въ пещерѣ твоей

Святая лампада
 До утра горитъ.
 Сердечной молитвой.
 Пророкъ. удали
 Печальныя мысли.
 Лукавыя сны!
 До утра молитву
 Смиренно твори;
 Небесную книгу
 До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣсгью предъ блѣдной нищею
 Не съишь своихъ даровъ разсчитливою рукою:
 Щедрота полная угодна небесамъ.
 Въ день грознаго суда, подобно нивѣ гучной,
 О сѣятель благополучной,
 Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожагъвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
 Вручая нищему скуное подаиье,
 Сжимаешь ты свою зависливую длань;
 Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что съ камня моетъ дождь обильной,
 Исчезнуть—Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога ропталъ,
 Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
 Въ пустынь блуждая три дня и три ночи.
 И зноемъ и пылью тягчимыя очи
 Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
 И кладезь подъ пальмою видигъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
 И жадно холодной струей освѣжилъ
 Горѣвшіе тяжело языкъ и зѣнцы.

И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
 И многіе годы надъ нимъ протекли,
 По волѣ владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
 Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
 «Давно ли въ пустынь заснулъ ты глубоко?»
 И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко
 На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
 Съ утра я глубоко проспалъ до утра.»

Но голосъ: «о путникъ, ты долѣ спалъ;
 Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
 Ужъ пальма истлѣла, а кладезь холодной
 Изсякъ и засохнулъ въ пустынь безводной,
 Давно занесенной песками степей;
 И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.»

И горемъ объятый мгновенный старикъ,
 Рыдая, дрожащей главою поникъ....
 И чудо въ пустынь тогда совершилось:
 Минувшее въ новой красѣ оживилось;
 Вновь зыблется пальма тѣнистой главою;
 Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встаютъ,
 И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
 И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
 Въ крови заиграла воскресшая младость:
 Святые восторги наполнили грудь;
 И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

ПРИЗНАНИЕ.

[Александръ иван. оспповой.]

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь,
 Хоть это трудъ и стыдъ напрасной:
 И въ этой глуноски несчастной

У вашихъ ногъ я признаюсь!
 Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ....
 Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
 Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
 Болѣзнь любви въ душѣ моей:
 Безъ васъ мнѣ скучно, я зѣваю;
 При васъ мнѣ грустно, я терплю:
 И мочи нѣтъ, сказать желаю,
 Мой ангелъ, какъ я васъ люблю!
 Когда я слышу изъ гостиной
 Вашъ легкій шагъ, или платья шумъ.
 Или голосъ дѣвственный, невинной,
 Я вдругъ теряю весь свой умъ.
 Вы улыбнетесь—мнѣ ограда;
 Вы отвернетесь—мнѣ тоска.
 За день мученія—награда
 Мнѣ ваша блѣдная рука.
 Когда за пальцами прилежно
 Сидите вы, склонясь небрежно.
 Глаза и кудри опустя,
 Я въ умиленіи, молча, нѣжно,
 Любуюсь вами какъ дитя!...
 Сказать ли вамъ мое несчастье,
 Мою ревнивую печаль,
 Когда гулять, порой, въ ненастье,
 Вы собираетесь въ даль?
 И ваши слезы въ одиночку,
 И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
 И путешествіе въ Опочку,
 И фортепьяно вечеромъ....
 Аллина, жальтесь надо мною!
 Не смѣю требовать любви:
 Быть можетъ, за грѣхи мои.
 Мой ангелъ, я любви не стою!
 Но притворитесь: этотъ взглядъ
 Все можетъ выразить такъ чудно!

Ахъ, обмануть меня не трудно:
И самъ обманываться радъ!...*

ЭПИГРАММА НА Z**.

Воспитанный подъ барабаномъ.
Нашъ Z** лихимъ былъ капитаномъ:
Подъ Австерлицемъ онъ бѣжалъ.
Въ двѣнадцатомъ году дрожалъ,
За то былъ фрунтовой профессоръ!
Но фрунтъ герою надобль—
Теперь коллежскій онъ ассесоръ
По часги иностранныхъ дѣлъ.

ОДА.

ЕГО СЯГЕЛЬСТВУ ГРАФУ ДМ. ПВ. ХВОСТОВУ,
съ примѣчаніями автора.

Султанъ ярится. ¹ Кровь Эллады
И рѣзвоскачетъ, ² и кипить.
Открылись грекамъ древни клады, ³
Трепещеть въ Стиксѣ лютый Питтъ. ⁴

* Къ ней же вѣроятно относится и слѣдующее стихотвореніе, сообщенное Греховымъ въ Р. словѣ [1861. № 1], но принадлежность его Пушкину сомнительна:

Мнѣ пѣть ни въ чей отъ васъ потачки;
Жестоки вы. Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ.
Вы говорите: брежу я.
За что же гнѣвъ такой? Не знаю!
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой—
И потому я повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангелъ мой!

¹ Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику. — ² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоедову. — ³ Подъ словомъ клады должно разумѣть правдивую ненависть вилышнихъ Лепидовъ, Ахиллесовъ и Мильтіадовъ къ жестокимъ чалмоносцамъ. — ⁴ Г. Питтъ, знаменитый англійскій министръ и извѣстный противникъ Свободы.

И се—летитъ продерзко судно
 И мечетъ громы обоюдно:
 Се Бейронъ, Феба образецъ.
 Притекъ—во недугъ быстرونарный.
 Строптивый и неблагодарный,
 Взнесъ смерти на него рѣзецъ.

Пѣвецъ безсмертный и маститый!
 Тебя Эллада днесъ зоветъ
 На мѣсто тѣни знаменитой,
 Предъ коей Церберъ днесъ реветъ!
 Какъ здѣсь ты будешь тамъ сенаторъ.
 Какъ здѣсь—почтенный литераторъ;
 Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
 Гдѣ отъ крови земля промокла:
 Перикла лавръ, лавръThemistocla!
 Лети туда. Хвостовъ нашъ, самъ!

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба.
 Гремѣла и правдива лесь.
 Овъ лордъ—графъ ты! поэты оба!
 Се, мысля, явно сходство естъ —
 Никакъ! Ты съ вѣрною супругой⁶
 Подъ бременемъ судьбы уиругой
 Живешь въ любви—и наконецъ
 Глубокъ овъ, но единообразенъ!
 А ты глубокъ, игривъ и разенъ—
 И въ шалостяхъ ты впрямъ пѣвецъ.

А я—невѣдомый пѣнта—
 Въ восторгъ новомъ воспою
 Во слѣдъ пѣнта знаменита
 Правдиву похвалу свою,

⁵ Горичка.—⁶ Графиня.. . Хвостова, урожденная Княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называется овъ ея Темирою. [Смъ послѣднее замѣч. къ одѣ: Заздравный кубокъ].

Моляся кораблю бѣгущу,
 Да Бейрона онъ узритъ кущу ⁷
 И да блюдутъ твой мирный сонъ ⁸
 Нептунъ, Плутонъ. Зевсъ, Цитерея,
 Гебея. Псиша, Кронъ, Астрея,
 Фебъ. Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

-----

⁷ Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Советнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу Графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простиралъ,
 Уже изъ отческія кущи
 Взпрая на суда бѣгущи.

Здѣсь поэтъ. увлекался воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ [благословенной Элады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ⁵ дерзкія волны; Плутонъ пеходитъ изъ пресподней бездны, дабы узрѣть того, кто испошлетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ лже-пророка, Зевсъ улыбается ему съ небесъ: Цитерея [Венера] осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подьметъ кубокъ за здравіе его; Псиша, во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликуетъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ и Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго пѣнты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Собранія сочиненій А. С. Пушкина были напечатаны въ слѣдующихъ семи изданіяхъ:

1. Стихотворенія Александра Пушкина. Спб. Въ тип. Деп. Нар. Пр. 1826. XII и 192 стр. При этомъ изданіи приложено «Предисловіе издателей»: «Собранныя здѣсь стихотворенія не составляютъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помѣщены будутъ современемъ, въ особенной книжкѣ. Мы теперь предлагаемъ только то, что не могло войти въ собраніе собственно-называемыхъ поэмъ.—Въ короткое время авторъ нашъ успѣлъ соединить голоса читателей въ пользу своихъ поэтическихъ дарованій. Мы считаемъ себя въ правѣ ожидать особеннаго вниманія и снисхожденія публики къ нынѣшнему изданію его стихотвореній. Любопытно, даже поучительно будетъ для занимающихся словесностью, сравнить четырнадцатилѣтняго Пушкина съ авторомъ Руслана и Людмилы и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрѣли, какъ на исторію поэтическихъ его досуговъ въ первое десятилѣтіе авторской жизни.—Многіе изъ сплхъ стихотвореній напечатаны были прежде въ періодическихъ изданіяхъ. Иныя, быть можетъ, нами и пропущены. При всемъ томъ, это первое, въ нѣкоторомъ порядкѣ, собраніе небольшихъ стихотвореній такого автора, котораго всѣ читаютъ съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ нимъ и передъ публикою извиняемся особенно въ томъ, что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографскія ошибки.»—Въ книжку вошли: 1) Элегіи (числомъ 17); 2) Разныя стихотворенія (24); 3) Эпиграммы и надписи (21); 4) Подражанія древнимъ (12); 5) Посланія (16), и 6) Подражанія Корану (9).

2. Стихотворенія Александра Пушкина. 2 части. Спб. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 1829. 224 и 176 стр. — Въ этомъ изданіи, сдѣланномъ самимъ Пушкинымъ, стихотворенія размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, а не по родамъ и видамъ поэзіи, какъ въ предъидущемъ. Именно: въ 1-й ч. пьесы 1815—1824 и подражанія Корану; во 2-й пьесы 1825—1829 и разныя годовыя.

3-я часть вышла 1832 г., въ 208 стр., и заключаетъ пьесы 1829—1831 и разныхъ годовъ (всего 53), 4-я часть вышла въ 1835 г. Въ тип. Росс. Академіи, въ 189 стр.

Поэмы и повѣсти Александра Пушкина. 2 ч. Спб. 1835. Въ Военной тип. 232 и 221 стр. (Какъ бы 5 и 6 ч. къ изданію 1829—1835).

3. Сочиненія Александра Пушкина, 8 ч. Спб. Въ тип. Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ. 1838.—Съ портретомъ и факсимиле и статью Жуковского о смерти Пушкина. Въ I томѣ Евгений Онѣгинъ и драматическія произведенія. Во II—поэмы. Въ III и IV—стихотворенія. Въ V и VI—Исторія Пугачевского бунта. Въ VII и VIII—проза.—Въ 1841 г. вышли: Дополнительные томы: IX, X и XI. Изданіе П. Глазунова и М. Заикина.

4. Сочиненія Пушкина, съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и съ его рисунковъ и проч. Изданіе П. В. Анненкова. 6 т. Спб. 1855. Въ военной тш. 8 д. л.—Седьмой дополнительный томъ. Спб. Въ тип. Э. Праца. 1857.—Т. I. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина, съ приложеніями и 7 снимками.—Т. II. Стихотворенія 1814—1830 и неизвѣстныхъ годовъ. Т. III. Стихотворенія 1831—1836, поэмы, сказки, пѣсни славянъ.—Т. IV. Евгений Онѣгинъ и драматическія произведенія.—Т. V и VI. Произведенія въ прозѣ и Исторія Пугачевского бунта.—Т. VII. Дополненія къ 6 томамъ: не напечатанныя въ нихъ произведенія, алфавитный указатель ко всѣмъ томамъ и оглавленіе къ I тому.

5. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Я. А. Исакова. Спб. 1859—1860. Съ портретомъ автора и факсимиле. 6 томовъ, съ приложеніемъ: бібліографическаго указателя сочиненій Пушкина, состав. Г. Н. Геннади, и брошюры: «Послѣдніе дни и кончина А. С. Пушкина», А. Н. Амосова.

6. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Изданіе 2-е, Я. А. Исакова, подъ ред. Г. Н. Геннади. Спб. 1870. Съ 2 портретами и факсимиле. 6 томовъ.

7. Тоже. Изданіе 3-е, Я. А. Исакова, подъ ред. П. А. Ефремова. Спб. 1880—1881. Съ 2 портретами. 6 томовъ.

1811.

Эпиграмма (стр. 1). Еще десятилѣтнимъ ребенкомъ Пушкинъ перечиталъ почти всю французскую бібліотеку своего отца и, подражая прочитанному, началъ писать французскіе стихи, особенно же любилъ

импровизировать комедіи. Онъ устроилъ даже нѣчто вродѣ театра. гдѣ авторомъ и актеромъ былъ самъ, а публикой—его сестра, Ольга Сергѣевна. Однажды эта публика осмѣяла его пьесу «l'Escamoteur». По этому случаю и написана «Эпиграмма» («Матеріалы» г. Анненкова. Спб. 1855, стр. 14).

La Tolyade (стр. 1). Начитавшись Генриады, Пушкинъ задумалъ шуточную поэму, въ 6 пѣсняхъ. о войнѣ между карлами и карлшцами во времена Дагобера, котораго карло, по имени Toly, былъ ея героемъ. Гувернеръ Пушкина расхохотался при первыхъ стихахъ поэмы. такъ что авторъ тотчасъ же бросилъ ее въ печку. (Тамъ же).

1812.

Къ Деліи (стр. 1). Первый опытъ подражательныхъ стиховъ Пушкина, вскорѣ по поступленіи въ царскосельскій лицей. Пушкинъ написалъ окончательно только первую строфу, а съ двумя остальными не могъ сладить. Онъ доконченъ и поправлены его товарищемъ Пличевскимъ. («Пушкинъ въ лицей», В. П. Гаевского. Современникъ 1863 г., № 5). Это и слѣдующее за нимъ стих. Делія—впервые были напечатаны въ посмертномъ изд. сочиненій Пушкина.

Измѣны (стр. 3). Напечатано въ «Росс. Музеумъ» 1815. № 12, почему и было относимо въ 1815 году. В. П. Гаевскій указалъ на 1812 годъ потому что конецъ этого стихотворенія, названный «Посланиемъ къ С. Г. Чирикову», сохранился въ рукописи гувернера Иконникова, котораго съ 1812 г. въ лицей уже не было. Стихотвореніе относится къ пріѣзжавшей въ лицей гр. Натальѣ Викторовнѣ Кочубей, бывшей впоследствии замужемъ за гр. А. Г. Строгановымъ (Татьяна—«Онгина»). По замѣчанію гр. Корфа, она, а не Бакунина, была первымъ предметомъ увлеченій Пушкина.

Въ журналѣ «Свѣточъ» (1861 г. № 3) было напечатано съ именемъ А. С. Пушкина стихотвореніе «Воспитанница музъ, прелестна Катерина», написанное въ 1813 г., но оно принадлежитъ А. М. Пушкину, какъ и стихотворенія: «Страшный судъ», «На смерть Кутузова» и «Цѣль нашей жизни», тоже приписывавшіяся Александру Сергѣевичу.

1814.

Къ сестрѣ (стр. 5)—подражаніе стих. Батюшкова «Моя пенаты»; въ первый разъ напечатано въ изданіи г. Анненкова, безъ 5 заключительныхъ стиховъ, сообщенныхъ потомъ въ Библ. Зап. 1858 г., № 10.

Къ другу стихотворцу (стр. 9). Напечатано въ первый разъ въ 30*

«Вѣстникъ Европы» 1814 г., № 13. Во всѣхъ промежуточныхъ изданіяхъ до 3-го Псаковского оно являлось съ пропусками и измѣненіями. Это первое явившееся въ печати стих. Пушкина представляетъ подражаніе двумъ посланіямъ В. Л. Пушкина: «Къ Жуковскому» и «Кн. Вяземскому». Указанныя на стр. 10: Рпематовъ, Графовъ и Вибрусь—кн. Шпхматовъ, гр. Хвостовъ и Бобровъ, плохіе тогдашніе стихотворцы.

Кольна (стр. 12). Напечатано въ «Вѣстникъ Европы» 1814, № 13. Это переложеніе въ стихи прозаическаго перевода Кострова Макферсоновыхъ поэмъ, вышедшаго подъ заглавіемъ: «Оссіанъ, сынъ Фингаловъ», и сдѣланнаго Костровымъ съ французской передѣлки Легурнера.— Ошибки послѣднихъ изданій исправлены по тексту Вѣст. Европы, но пропуски не возстановлены, потому что рукописи не сохранились.

Эвлега и Осгаръ (стр. 16 и 18) напечатаны въ IX томѣ посмертнаго изданія; а годъ, къ которому они относятся, указанъ г. Гаевскимъ. * Оба стихотворенія представляютъ подражаніе Парви и служатъ какъ бы посредствующимъ звѣномъ для перехода отъ Оссіана къ подражанію чисто-эротическимъ произведеніямъ французскаго поэта, которое отразилось на послѣдующихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, какъ напр. помѣщенное вслѣдъ за «Осгаромъ» стихотвореніе Леда (стр. 21), впервые напечатанное въ посмертномъ изданіи.

Венеръ отъ Лалсы (стр. 23) помѣщено въ «Вѣстникъ Европы» 1814 г. № 18, въ переведенной П. И. Пущинымъ прозаической статьѣ изъ Лягарпа: «Объ эпиграммѣ и надписи древнихъ».

Красавицѣ, которая нюхала табакъ (стр. 23) написано къ сестрѣ лицейскаго товарища поэта, княжнѣ Еленѣ Мих. Горчаковой, вышедшей впослѣдствіи за кн. Кантагузена; впервые напечатано въ посмертномъ изданіи съ двумя пропусками, которые теперь возстановлены по рукописи Московскаго Музея, причемъ оказалось, что стихъ принятый г. Анненковымъ за исправленіе, составляетъ возстановленіе 1-го пропуска; а во 2-мъ пропускѣ вовсе нѣтъ непристойности, обозначенной Чириковымъ въ Р. Архивѣ 1881.

Стансы (стр. 24) написаны съ той же кн. Горчаковой.

Къ Натальѣ и Къ молодой актрисѣ (стр. 25 и 28) даны посмертнымъ изданіемъ въ крайне небрежномъ видѣ,—первое даже безъ окончанія. Они относятся къ актрисѣ изъ крѣпостныхъ гр. Варееломея

* Подобное этимъ стихотвореніе: Г а р а л ь и Г а л ь в и н а, приписанное Пушкину, въ рукописяхъ всегда встрѣчается съ именемъ А. Шидловскаго.

Васильевпча Толстого, игравшей на его домашнемъ театрѣ въ Царскомъ Селѣ.

Опытность и Блаженство (стр. 29 и 30) напечатаны въ «Вѣстникъ Европы» 1814, №№ 19 и 20; въ нихъ Пушкинъ подражалъ анакреонтическимъ постамъ Франціи и нашему Батюшкову.

Пирующие студенты (стр. 33) напечатано въ посмертномъ изданіи подъ заглавіемъ: «Пирующие друзья». Дополненія и поправки 2-й строфы были даны въ Библиогр. Запискахъ 1858 г. № 10 и потомъ въ статьѣ г. Гаевского, въ Современникъ 1863 г. № 5. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сдѣланы указанія на тѣ лица, къ которымъ относятся разныя мѣста этого стихотворенія.

Къ Батюшкову (стр. 36) напечатано въ «Россійскомъ Музеумъ» 1815. № 1, а добавочные, первоначально пропущенные посмертнымъ изданіемъ, 21 стихъ (Скажи, по милости и пр., стр. 38) сообщены въ VII томѣ изданія г. Анненкова: незначительные варіанты помѣщены были въ Библиогр. Запискахъ 1858 г. № 10, но одинъ изъ нихъ, кажется, вѣрнѣе передаетъ 10-й стихъ на стр. 38: вмѣсто «Наидемъ безчисленныхъ поэтовъ» г. Анненкова.

Къ Н. Г. Ломоносову (стр. 39), брату лицейскаго товарища Пушкина, напечатано въ «Рос. Музеумъ», 1815. № 3, а въ посмертномъ изданіи было перепечатано только въ отрывкѣ подъ заглавіемъ «Путешественнику», и съ выноскою: «авторъ писалъ это 14-ти лѣтъ».

Романсъ (стр. 40) впервые былъ напечатанъ, помимо желанія автора, и безъ пятаго куплета, въ альманахѣ «Памятникъ Отечественныхъ Музъ» на 1827 годъ. Пушкинъ началъ было переправлять этотъ «Романсъ» для изданія своихъ стихотвореній 1826 г., но не кончилъ, и вычеркнулъ вмѣстѣ съ 7-ю лицейскими же стихотвореніями, внесенными въ тетрадь: Подражаніе, Къ ней, Уныніе, Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, Наѣздникъ, Мѣсяць и Усы. Замѣчаніе г. Анненкова, будто первый издатель «просмотрѣлъ въ послѣднемъ куплетѣ одинъ стихъ, необходимый для рѣимы—съ волненьемъ сына ухватила», который г. Анненковъ и внесъ въ текстъ — неправильно, потому что этотъ стихъ принадлежитъ именно къ неоконченнымъ поправкамъ и въ текстѣ является лишнимъ, давая куплетъ въ 9 стиховъ, тогда какъ въ остальныхъ по 8-ми. Въ 5-мъ куплетѣ 3-й стихъ измѣненъ посмертнымъ изданіемъ противъ рукописи, по которой и былъ восстановленъ въ Библиогр. Запискахъ (1858 г. № 10). Сравн. Отеч. Зап. 1882, № 3, въ VII «письмѣ къ тетенькѣ».

Mon portrait (стр. 42) — стихи посвящены лицейскому товарищу поэта, барону Павлу Федоровичу Гревеницу, и были напечатаны въ

«Маякъ» 1840 г. ч. 3, съ переводомъ П. Корсакова. Поправка въ 4-мъ куплетѣ взята нами изъ статьи г. Гаевского: «Пушкинъ въ лицѣ».

Городокъ (стр. 43) напечатанъ съ пропусками въ «Росс. Музеумѣ» 1815. № 7. и еще съ большими пропусками перешелъ въ посмертное и слѣдующія изданія. Нынѣ возстановленъ полный текстъ по Библиогр. Запискамъ 1861 г. № 9, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сдѣланы необходимыя поясненія.

Эпиграммы (стр. 55) — первыя двѣ были напечатаны въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 1, двѣ слѣдующихъ въ указанной выше статьѣ г. Гаевского. а 5-я сообщена лицейскимъ товарищемъ поэта Θ. Θ. Матюшкинымъ.

1815.

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ (стр. 57) напечат. въ «Росс. Музеумѣ» 1815. № 4, при чемъ въ первый разъ явилась полная подпись: «Александръ Пушкинъ», до того замѣнявшаяся заглавными буквами или цифрами. При стихахъ была выноска издателя Музея: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, котораго талантъ такъ много общаетъ». Другая выноска поясняла стихъ: вознесся памятникъ — «въ честь графу А. Г. Орлову». О чтеніи этого стихотворенія на лицейскомъ экзаменѣ, въ присутствіи Державина, сохранились замѣтки самого Пушкина, помѣщенные въ V томѣ настоящаго изданія.

Казакъ (стр. 62) напеч. въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 3, съ подписью: «1 . . . 14—16», а въ Библиогр. Зап. 1858, № 10, была сообщена первоначальная редакція по рукописи, сохранившейся у Пуцина, гдѣ при заглавіи была приписка: «Подражаніе малороссійскому», а въ концѣ характерная подпись: «А... Аннибалъ-Пушкинъ, Любезному Ивану Ивановичу Пуцину». Указаніе на эти стихи находится въ письмѣ Пличевскаго къ Фуссу (Р. Архивъ 1864, № 10). Измѣненія въ рукописи Пуцина начинаются послѣ 2-го куплета съ пропущеннаго 3-го:

Мѣткого копыя луною
Свѣтится конецъ;
Въ грудь упершись бороною,
Задремалъ донецъ.

Послѣ 4-го печатнаго:

Добрый конь остановился,
Мордой траву рветъ;
Храбрый воинъ пробудился,
Вмигъ узду беретъ.

За тѣмъ 5-й печатный куплетъ поставленъ послѣ 6-го, и есть еще кое-какіе варианты, которыхъ мы не приводимъ по ихъ незначительности.

Вишня (стр. 64) — впервые напечатано было 13 куплетовъ въ VII томѣ изданія г. Анненкова, а дополненіе помѣщено нами въ Библиогр. Запискахъ 1861 г., откуда и взято, съ пропускомъ стиха, въ нынѣшнее изданіе; но все такъ стихотвореніе это напечатано еще не вполне.

Бова (стр. 67) напечатано въ посмертномъ изданіи съ пропусками, необозначенными даже точками. Два изъ нихъ, пополненные въ текстѣ нынѣшняго изданія, были даны первоначально въ особомъ изданіи «Сказокъ Пушкина», вышедшемъ въ 1873 году.

Наполеонъ на Эльбѣ (стр. 75). Напечатано было въ «Сынѣ Отечества» 1815 года, №№ 25 — 26, и отсюда въ посмертномъ изд., гдѣ была сдѣлана безсмысленная опечатка: «И троны въ прахъ низвергну я горами», вмѣсто громами. Это не было исправлено и послѣдующими изданіями, не смотря на указаніе Библиогр. Записокъ 1858 г. По упоминанію бѣгства Наполеона съ Эльбы это стихотвореніе не могло быть написано раньше февраля 1815 г.

Лицинію (стр. 77) напечатано въ «Росс. Музеумѣ» 1815, № 5, а отсюда перешло въ изданіе 1826 г. и во все послѣдующія, съ значительными поправками. Въ журналѣ слѣдующіе стихи читались такъ: Ст. 2: Увѣнчанъ.... Ст. 6: Какъ лекторовъ полкъ...

8—16: Съ покорностью ему умильный мещуть взглядъ,
Ждутъ въ тайномъ трепетѣ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя, и старцы съ сѣдиной
Стремятся все за нимъ и взоромъ и душой,
И даже слѣдъ колесъ, въ грязи впечатлѣнный,
Какъ нѣкій памятникъ имъ, кажется, священны.
О Ромуловъ народъ! предъ кѣмъ ты палъ во прахъ?
Предъ кѣмъ возчувствовалъ въ душѣ столь низкій страхъ?

25—36: Но кто подъ портикомъ съ руками за спиною,
Въ изорванномъ плащѣ и съ нищенской кляукою,
Поникнувъ головой, нахмурившись идетъ?
Не ошибаюсь я, философъ то Даметь.
Даметь! куда, скажи, въ одеждѣ столь убогой,
Средь Рима пышнаго бредешь своей дорогой?
„Куда? не знаю самъ. Пустыни я ищу,
Среди разврата жить ужъ больше не хочу,
Янетовыхъ дѣтей пороки, злобу вижу,

Навѣкъ оставлю Римъ: я людства ненавижу.“
 .Индійнѣ, добрый другъ! не лучше ли и намъ,
 Отдавъ поклонъ мечтѣ, Форгунѣ, суетамъ,
 Съдаго старика примѣромъ научиться,
 Не лучше ли скорѣй со градомъ распроститься,
 Гдѣ все на откупѣ: законы, правота,
 И жены, и мужья, и честь, и красота?

- 39—44: Другихъ неопытныхъ въ любовну ловятъ сѣтъ!
 Намъ съядно слабости съ морщинами имѣть:
 Летигъ отъ старика любовь въ толпѣ веселій.
 Пускай безстыдный Клитъ, вельможей рабъ Корнелій,
 Оставя ложе сна, съ запѣвшимъ пѣгухомъ
 Отъ знатныхъ къ богачамъ бѣгутъ изъ дома въ домъ.
- 48—52: Докучныхъ ригторовъ, парнасскихъ Геростратовъ.
 Въ деревню принесемъ отеческихъ пенатовъ.
 Въ тѣнистой рощицѣ, на берегу морскомъ,
 Найти не трудно намъ красивый, свѣтлый домъ.
- 58—59: Свой духъ воспламеню Петрономъ, Ювеналомъ,
 Въ гремящей сатирѣ порокъ изображу.
- 66: Войны ужасный мечъ пріялъ въ кровавы длани.
 71: Речеть задумавшись, въ мечтаньяхъ углубленъ.

Крохъ того поправлено въ ст. 23: о срамъ; 54: въ тиши, и 65: дикіе.

Къ А. П. Галичу (стр. 80) напечатано въ «Росс. Музеумъ», 1815, № 8, подъ заглавіемъ «Къ Г—у». Лицейскій профессоръ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, какія посланія пишутся ему его слушателями. Текстъ вошелъ безъ измѣненій въ посмертное изд. и г. Анненкова, а въ «Библ. Запискахъ», 1858, № 10, напечатанъ одинъ стихъ, пропущенный послѣднимъ (стр. 80, ст. 5 снизу), и на стр. 81 еще три стиха, которые ввести въ текстъ мы не рѣшились, потому что въ такомъ случаѣ недоставало бы стиха, рѣшающаго съ напечатаннымъ 18-мъ:

Покину кельи кровь пустынной.
 Забывъ волшебный свой Парнасъ,
 Златой досугъ и міръ невинной...

Старикъ (стр. 82) передѣлано потомъ для изданія 1826 г., первоначально же было напечатано въ «Росс. Музеумъ» 1815, № 5, въ такомъ видѣ:

Ужъ я не тотъ философъ страстной,
 Что прежде такъ любить умѣлъ,
 Моя весна и лѣто красно
 Ушли за тридцать земель!

Амуръ, свѣтъ возраста златова!
 Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтиль;
 Ахъ, еслибъ я родился снова,
 Ужъ такъ ли бы тебѣ служилъ!

Къ Пушкину (стр. 82) напечатано въ «Росс. Музеумъ» 1815. № 8. Подробности объ этомъ и другихъ стихахъ къ Пушкину сообщены имъ въ интересныхъ его «Запискахъ», напечатанныхъ въ «Атеней» 1859 г. № 8, откуда мы взяли и исправленіе одного стиха.

Къ Батюшкову (стр. 84) это второе посланіе къ Батюшкову напечатано въ «Росс. Музеумъ» 1815, № 6, и представляетъ подражаніе стихамъ самого Батюшкова, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ какъ будто отвѣтъ на какое-то предложеніе съ его стороны. Въ 1815 г. Пушкинъ дѣйствительно видѣлся съ Батюшковымъ, какъ видно изъ письма его къ кн. Вяземскому, 27 марта 1816 г. Последний стихъ посланія взятъ Пушкинымъ изъ стихотворенія Жуковскаго, обращеннаго къ Батюшкову же.

Вода и вино (стр. 85)—въ «Росс. Музеумъ» 1815, № 6, а Погребъ и Воспоминаніе (стр. 85, 86) впервые явились въ посмертномъ изданіи. По разсказу Пушкина, за одинъ изъ пировъ, упоминаемыхъ въ «Воспоминаніи», всѣ участники должны были двѣ недѣли стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвъ, были смѣщены на послѣдніе мѣста за столомъ и записаны въ «черную книгу», которая была впоследствии, при выпускѣ, предъявлена конференціи и только благодаря директору Энгельгардту не повліяла на будущность юношей. Дядька Оома, покупавшій ромъ, былъ тотчасъ же уволенъ и Пушкинъ написалъ тогда, въ подражаніе Д. Давыдову, стихотвореніе (отъ имени Малиновскаго, потому что его фамилія не укладывалась въ стихъ), изъ котораго Пушкинъ запомнилъ только одинъ куплетъ:

Мы недавно отъ печали
 Пушкинъ, Пушкинъ, я, баронъ,
 По бокалу осушали,
 И Оому прогнали вонъ.

Мечтатель (стр. 87)—въ «Росс. Музеумъ» 1815, № 9. По мнѣнію г. Анненкова оно представляетъ первое проявленіе самостоятельнаго таланта и манеры Пушкина въ средѣ самаго подражанія.

Къ кн. А. М. Горчакову (стр. 90). Это стихотвореніе, обращенное къ лицейскому товарищу поэта (нынѣ государственный канцлеръ), впервые напечатано посмертнымъ изданіемъ и отсюда перешло въ прочія.

Къ Галлчу (стр. 91) — въ «Росс. Музеумъ» 1815, №№ 10—12, съ искаженіемъ 22-го стиха, исправленнаго въ нынѣшнемъ изданіи.

Къ Дельвигу (стр. 96)—первоначально напечатано въ посмертномъ изданіи съ ошибками и пропускомъ 8 стиховъ послѣ: «Указывать перстомъ» и 1 стиха послѣ: «Конечно, ручейки». Стихи эти возстановлены по подлинной рукописи поэта, хранящейся въ Александровскомъ Лицеѣ.

Разсудокъ и любовь, Сраженный рыцарь и Мое завѣщаніе (стр. 98—100)—въ посмертномъ изданіи, гдѣ былъ сдѣланъ въ завѣщаніи пропускъ въ 4 стиха (стр. 102), оставшіяся невозстановленнымъ и у г. Анненкова. Онъ имѣлъ рукопись, перправленную Пушкинымъ для изданія 1826 г., и изъ поправокъ привелъ къ стиху 9:

Устройте завтра шумный ходъ,
Несите радостныя чаши
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши.

и къ стиху 36: И брякнуть перстни золотые
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ;
Гдѣ вы, подруги молодя,
Летите—дорогъ смертный часъ.

Кромѣ того измѣнены стихи: 6—«Безпечной жизни и любви», 18—«Семель радостнаго сына».—Сверхъ того надо еще добавить, что въ подлинномъ автографѣ, хранящемся у Я. К. Грота, стихотвореніе начиналось тремя стихами, потомъ зачеркнутыми:

Нѣтъ, братья! полно мнѣ терпѣть!
Дорожный посохъ мнѣ наскучилъ
Угрюмый рокъ меня измучилъ!
Хочу я завтра умереть... и пр.

Изъ этого же автографа видно, что въ приведенномъ г. Анненковымъ вариантѣ къ 36 стиху первоначально было «кольца» вм. перстни, а 3-й стихъ читался: «А вы подруги молодя,» вмѣсто чего было поправлено: «А вы, товарищи младые».

Бакуниной (стр. 102)—напечатано въ «Материалахъ» г. Анненкова, но безъ имени лица, къ которому относится.

Къ живописцу (стр. 103)—въ альманахѣ 1827 г. «Памятникъ отечественныхъ музъ».—По словамъ Пущина поэтъ проситъ живописца изобразить черты той же Бакуниной; лицеистъ М. Л. Яковлевъ положилъ стихи на музыку и они часто пѣлись въ лицей.—Пушкинъ исключилъ это стихотвореніе изъ рукописи изданія 1826 г., предварительно написавъ: «передѣлать все, оставя одну послѣднюю строфу». Передѣлки эти

и были имъ начаты; первый стихъ измѣненъ: «Дитя харитъ и вдохновенья», а 2-й куплетъ совсѣмъ переименованъ:

Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной,
И взоры самой красоты.

Роза (стр. 103)—впервые напечатано въ «Росс. Музеумъ» 1815, № 12, и въ изд. 1826 г., Пушкинъ внесъ въ это изданіе только 4 лицейскихъ стихотворенія, 1815 г. значительно передѣлавъ ихъ: Роза, Старикъ, Лицинію и: Гробъ Анакреона. Въ рукописи съ 5-го стиха было:

Вотъ жизни младость,
Не повтори:
Такъ вянетъ радость,
Въ душѣ скажи... и пр.

Гробъ Анакреона (стр. 104) напечатано въ «Трудахъ общества любителей росс. словесности при моск. унив.» 1818, ч. X, и предварительно было читано въ засѣданіи общества дядею поэта. Для изданія 1826 г. Пушкинъ исключилъ 9 стиховъ, начиная съ 5-го:

Темныхъ миртовъ занавѣса
Наклонлася къ водамъ:
Въ ихъ сѣни, у края лѣса,
Чью гробницу вижу тамъ?
Розы юныя алѣютъ
На покрытомъ камнѣ мхомъ;
Лавры цвѣтъ любви лелѣютъ,
И зефиры ихъ не смѣютъ
Свѣять трепетнымъ крыломъ.

12—15 стихи были: Други, други! въ сладкомъ мирѣ
Здѣсь теоскій спитъ мудрецъ.
Посмотрите: на гробницѣ
Сынъ отрады изображенъ;
Здѣсь на вѣтренной цѣвницѣ
Рѣзвый нашъ Анакреонъ
Красотой очарованный
Нѣжно гимны ей поетъ,
Виноградомъ увѣнчанный
Въ чашу сокъ его ліетъ

Въ концѣ измѣнены два стиха:

Вотъ и музы и хариты
Пригорюнившись сидятъ,

Плющемъ, розами повиты,
Кажется, въ слезахъ твердятъ... и пр.

Кромѣ того поправлены стихи: 20 — «Здѣсь на лру кпнувъ длани», 28—«Вкругъ любовника съдаго», 37—«Какъ невинный сонъ любви», и 38—«Смертный. вѣкъ твой сновидѣнье».

На возвращеніе государя (стр. 105) напечатано въ тѣхъ же «Трудахъ» 1817, ч. IX и отсюда въ изданіи г. Анненкова. Написано въ самомъ концѣ 1815 г.. потому что государь возвратился изъ заграницы въ Петербургъ только 1 декабря.

Къ баронессѣ Дельвигъ (стр. 108), сестрѣ лицейскаго товарища поэта. Напечатано въ VII т. изданія г. Анненкова и хотя подъ стихами написано время ихъ сочиненія, но вѣроятно или поэтъ ошибся, или годъ прочитанъ невѣрно, потому что въ первомъ же стихѣ говорится: «вамъ 8 лѣтъ, а мнѣ 17 было». Пушкинъ родился 26 мая 1799 г., слѣд. 17 лѣтъ ему пробыло не раньше мая 1816 г.

Моя эпиграфія (стр. 109)—въ «Росс. Музеумъ» 1815, № 10 и въ «Сѣв. Звѣздѣ» на 1829 г., съ подписью 1... 16—14 и Ап., безъ означенія полного имени въ первомъ стихѣ.

Эпиграммы (стр. 109). Первая напечатана въ «Росс. Музеумъ» 1815, № 6, съ подписью 1... 17—14. Г. Анненковъ приписываетъ Пушкину еще двѣ эпиграммы съ подписью 16—17, напечатанныя въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г., но едва ли это вѣрно.—Двѣ послѣднія эпиграммы явились въ изданіи 1870 г., по сообщенію кн. Н. А. Долгорукаго.

Къ этому же году надо отнести не сохранившуюся въ рукописи шутку, сообщенную Пушкинымъ въ Атенѣ 1859 г. Она написана по поводу ссоры двухъ женщинъ, выходившихъ отъ всенощной:

Отъ всенощной, вечеръ, идя домой,
Антипьевна съ Марѳушкою бранилась:
Антипьевна отѣнно горячилась.
„Постой! кричитъ: управлюсь я съ тобой.
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
Постой! о всемъ узнаетъ муженекъ!“
—Тебѣ ль грозить? Марѳушка отвѣчаетъ:
Ванюша что? Вѣдь онъ еще дитя!
А свать Трофимъ, который у тебя
И день и ночь? Весь городъ это знаетъ.

Молчи жъ, кума: и ты какъ я грѣшна:
Словами жъ всякаго пожалуй разобидишь.
Въ чужой — соломинку ты видишь.
А у себя не видишь и бревна.

1816.

Фавнъ и пастушка (стр. 110). Это подражаніе пьесъ Парни: «Les déguisements de Vénus» впервые напечатано въ «Памятникъ Отеч. Музъ» 1827 г., но только въ отрывкахъ. и отнесено къ 1818 г. Въ тетради М. А. Корфа оно отмѣчено 1816 годомъ. и въ настоящемъ изданіи напечатано по тексту этой тетради, а нѣкоторые изъ нынѣшнихъ дополненій еще прежде были помѣщены въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1858. № 10.

Къ Морфею (стр. 117)—эта пьеса. впервые напечатанная въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г., представляетъ передѣлку слѣдующаго стихотворенія, помѣщеннаго въ посмертномъ изданіи:

Сну.

Знакомецъ милый и старинный,
О сонъ, хранитель вѣрный мой!
Гдѣ ты? Подъ кровлею пустынной
Мнѣ ложе стелеть ужъ покой.
Въ безмолвной тишинѣ ночной
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду
Моей мучительной любви!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки грустный приговоръ:
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милый
Когда жъ умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забуть любовь до новой ночи!

Къ Машѣ, сестрѣ бар. Дельвига (стр. 118)—въ посмертномъ изданіи. Годъ указанъ Пушкинымъ.

Пуншева пѣсня (стр. 118)—въ VII т. изданія г. Анненкова взята съ рукописи, сохранившейся въ бумагахъ брата поэта. Г. Гаевскій указываетъ, что пѣсня переведена въ 1816 г. и представляетъ единственное заимствованіе изъ нѣмецкой литературы, которую Пушкинъ не

любилъ (П. въ лицей, стр. 373—4). Этотъ переводъ далъ поводъ поэту написать и свой:

Заздравный кубокъ (стр. 119).—Стихотвореніе это напечатано впервые въ посмертномъ изданіи, а нынѣ исправлено по рукописи, согласно статьѣ г. Гаевского.—Глинка, уже въ послѣднюю пору своей дѣятельности, написалъ музыку на эти стихи.

Усы (стр. 120)—напечатано въ посмертномъ изданіи; а г. Анненковымъ отнесено къ 1817 г.; но въ письмѣ лицейста Илличевскаго къ Фусеу. отъ 30 марта 1816 г., уже названы эти стихи («Р. Архивъ» 1874. № 10).

Къ Юшкову (стр. 122)—отрывки эги даны въ изданіи г. Анненкова. Сельцо Захарьино. къ которому относятся эти воспоминанія, находится верстахъ въ 40 отъ Москвы по смоленской дорогѣ. Оно было куплено бабушкой поэта, Марьей Алексѣвной Ганнибалъ, и продано въ 1811 г., когда Пушкина повезли въ лицей.

Желаніе (стр. 124)—напеч. въ VII т. изданія г. Анненкова безъ начала и съ пропускомъ двухъ стиховъ. Дополненія даны въ «Библ. Запискахъ», 1858. № 10. Время, когда написаны эти стихи, указывается письмомъ Вас. Льв. Пушкина изъ Москвы, отъ 17 апрѣля 1816 г. (См. Складчина, 1874, стр. 366). Съ этимъ дѣтскимъ стихотвореніемъ Чириковъ въ Р. Архивѣ 1881, I, смѣшалъ прекрасное стихотвореніе изъ послѣдней поры литературной дѣятельности поэта (О муза пламенной сатиры)—только по тому, что какое-то заграничное изданіе соединило ихъ въ одно стихотвореніе.

Посланіе Лидѣ (стр. 125)—въ «Сѣв. Наблюдателѣ» 1817, № 23, а отсюда въ изданіи г. Анненкова съ пропускомъ 4 стиховъ, приведенныхъ потомъ въ «Библ. Запискахъ».

Слово милой и Лидѣ (стр. 127)—напечатаны: первое въ посмертномъ, а 2-е въ изданіи 1826 г. и оба относятся къ тому же лицу, какъ и помѣщенное на стр. 144 стихотвореніе: Къ молодой вдовѣ. Г. Гаевскій указалъ, что въ семьѣ директора лицея жила овдовѣвшая не долго передъ тѣмъ Марія Смитъ, урожденная Charon-Larose, вышедшая впоследствии замужъ за Паскаля. Миловидная, любезная и остроумная, она умѣла оживлять собиравшееся у Энгельгардта общество, а Пушкинъ немедленно началъ ухаживать за нею. За стихотвореніе его «Къ молодой вдовѣ» она обидѣлась и показала стихи Энгельгардту, что и было началомъ непріязненныхъ отношеній между ними, продолжавшихся до конца курса.

Амуръ и Гименей (стр. 127)—въ изд. 1826 г., гдѣ въ оглавленіи стихотвореніе названо было «сказкою».

Истина (стр. 129)—въ посмертномъ изданіи, а поправки по рукописи сообщены въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 10.

Фіалъ Анакреона (стр. 130)—дано также посмертнымъ изданіемъ. Въ рукописи для изд. 1826 г. Пушкинъ отмѣтилъ надъ двумя послѣдними стихотвореніями: «не надо». Это его первое стихотвореніе, написанное бѣлыми стихами.

Наѣздникъ (стр. 131)—дано тѣмъ же изданіемъ, а въ 1826 г. поэтъ началъ передѣлывать, но не окончилъ и исключилъ вовсе. Пьеса названа была въ передѣлкѣ: «Наѣздники»; 16 первыхъ и 8 послѣднихъ стиховъ зачеркнуты, и стихотвореніе начиналося съ 17-го, исправленнаго такъ: «Ужъ подемъ всадники спѣшатьъ»; 19-й поправленъ: «Коней ласкаютъ и смирятъъ»; стихи 38—41 и 46—49 вычеркнуты; а ст. 58—62 (стр. 132) измѣнены такъ:

Расторгну цѣнь судьбы жестокой,
Влечу я съ братьями въ огонь;
Ударь падеть... и одинокой
Въ долину выбѣжитъ мой конь.

Предпослѣдняя строфа также передѣлана:

О вы, хранимые судьбами
Для сладостныхъ любви награды!
Любви безцѣнными слезами
Благословится вашъ возвратъ.
Въ минуты сладкаго спасенья,
О други, вспомните пѣвца!

Г. Анненковъ не упоминаетъ: находилось ли въ рукописи не напечатанное начало 3-го стиха послѣдней строфы.

Кн. Горчакову (стр. 133)—напечатано въ «Современникѣ» 1856 г., № 11, и оттуда въ VII томѣ г. Анненкова съ добавкой одного стиха.

Старлица-пророчица (стр. 135)—напечатано въ «Литературной Газетѣ» 1830, № 24, безъ имени автора, и принадлежность Пушкину указана г. Греномъ («Общезанимат. Вѣстникъ», 1857, № 6); хотя должно замѣтить, что другое, имъ же указанное стих. «Лилія», оказалось принадлежащимъ кн. Вяземскому. 11-й снизу стихъ на стр. 136 исправленъ по списку, а въ Лит. Газетѣ былъ: «Спасъ не услышалъ».

Сонъ (стр. 137)—вѣроятно этотъ «отрывокъ», впервые напечатанный посмертнымъ изданіемъ, составляетъ часть не сохранившагося посланія: «Оправданная лѣнь», о которомъ упоминаетъ г. Гаевскій (II. въ лицѣ, стр. 147). Въ 6-й строфѣ поэтъ говоритъ о своей нянь, Аринѣ Родіоновнѣ, и объ ея сказкахъ.

Къ принцу Оранскому (стр. 143). За это стихотвореніе, впервые напечатанное поем. изданіемъ. Пушкинъ получилъ золотыя часы съ цѣпочкой отъ императрицы Маріи Феодоровны. Оно написано по случаю одного изъ торжествъ бракосочетанія принца съ вел. кн. Анною Павловною. Праздникъ былъ данъ въ Павловскѣ, въ Розовомъ павильонѣ, незадолго передъ отъѣздомъ новобрачныхъ за границу, послѣдовавшимъ 10 іюня 1816 г. Стихи, написанные Пушкинымъ по порученію Нелединскаго-Мелецкаго и Карамзина, пѣлись на празднествѣ во время ужина. (См. Пушкинъ въ лицѣ, стр. 372).

Къ молодой вдовѣ (стр. 144) — напеч. посмертнымъ изданіемъ и отнесено г. Анненковымъ къ 1817 г., но судя по «Запискамъ» Пущина, написано въ 1816 г. О «вдовѣ» этой сказано выше, въ примѣч. къ стр. 127. Для изданія 1826 г. Пушкинъ началъ передѣлку, но исправивъ 2 стиха, исключилъ все стихотвореніе. Вотъ эти стихи: «Ветръ-тилъ смертный часъ» и «На груди твоей угасъ» (ст. 30 и 35).

Къ Наташѣ (стр. 145) — въ поем. изданіи. По указанію г. Гаевского написано осенью 1816 г., по поводу перѣзда Наташи въ Петербургъ. У Пущина разсказано, какъ Пушкинъ въ темномъ корридорѣ вытѣго Наташи поцѣловалъ ея госпожу, кн. Волконскую, по жалобѣ которой было произведено цѣлое слѣдствіе. Госпожѣ за ея жалобу Пушкинъ оплатилъ эпиграммой.

Желаніе и слѣдующій за нимъ рядъ стихотвореній (стр. 146—156), по замѣчанію г. Анненкова, порождены чувствомъ юношеской привязанности поэта (къ Бакуниной), появившеюся нѣсколько ранѣ этой эпохи, и представляютъ первое проявленіе самостоятельности, первыя попытки къ выходу изъ французскаго анакреонтическаго направленія. Желаніе впервые напечатано въ «Памятникѣ Отечеств. Музъ» 1827 г., а остальные въ посмертномъ изданіи.

Осеннее утро (стр. 146) — написано тоже подъ вліяніемъ разлуки съ Бакуниной, переѣхавшей изъ Царскаго Села въ Петербургъ.

Разлука (стр. 147) — это стихотвореніе было совершенно передѣлано для изданія 1826 г., но вычеркнуто потомъ изъ рукописи. Вотъ эта передѣлка, впервые сообщенная г. Анненковымъ (т. 2, стр. 138):

УНЫШЕ.

Мой милый другъ, растался я съ тобою;
 Душой уснувъ, безмолвно я грущу.
 Блеснетъ ли день за синюю горою,
 Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною,
 Я все тебя, далекій другъ, ищу:

Одну тебя вездѣ воспоминаю.
 Одну тебя въ невѣрномъ вижѣ снѣ;
 Задумаюсь—неволью призываю,
 Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ.

И ты со мной, о лира, пріуныла,
 Наперсница души моеѣ больной!
 Твоей струны печалень звонъ глухой,
 И лишь тоски ты голосъ не забыла...
 О вѣрная, грусти, грусти со мной!
 Пускай твои небрежныя напѣвы
 Изобразятъ уныніе любви,
 И слушая бряцанія твои,
 Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы.

Наслажденіе (стр. 149)—впервые напечатано въ посмертномъ изд., и г. Анненковымъ отнесено къ 1817 г., но въ подлинномъ автографѣ у Я. К. Грота оно помѣщено непосредственно передъ стихотвореніемъ «Окно».

Окно (стр. 150). Г. Анненковъ предполагалъ, что посмертное изданіе составило это стихотвореніе изъ двухъ различныхъ, ибо въ рукописи онъ нашелъ только вторую половину съ стиха: «Недавно темною порою». Между тѣмъ изъ автографа, находящагося у Я. К. Грота, оказывается, что это одно, цѣльное стихотвореніе. притомъ раздѣленное на 4 строфы, а не на двѣ какъ было въ печати. Оно исправлено нынѣ по автографу, противъ котораго въ посмертномъ изд. было измѣнено:

14: И тихо тускнеть небоводъ.

17: Недавно темною порою.

21: Она задумчиво снѣдла.

23: Она съ волненіемъ глядѣла.

Мѣсяцъ (стр. 151)—въ посмертномъ изданіи. Въ рукописи 1826 г. измѣненъ 17-й стихъ такъ: «Красу возлюбленной моеѣ» и исключено слѣдовавшее за нимъ четверостишіе, попавшее вѣроятно изъ другой пьесы:

Что вы, восторги сладострастья.
 Предъ тайной прелестью отрадъ,
 Прямой любви, прямого счастья?
 Примчатся ли радости назадъ

Надпись къ бесѣдкѣ. Завѣщаніе. Къ ней и Слеза (стр. 152—153)—написаны на одномъ листкѣ, сохранившемся у Я. К. Грота. Въ печати они явились впервые: «Надпись» въ VII т. Анненковского изданія по списку, а не по подлиннику, «Завѣщаніе» въ статьѣ Гасекаго (Соврем. 1863, № 7); «Къ ней»—въ Сѣв. Наблюдатель 1817. №

11. гдѣ 4-й стихъ читался: «И рокомъ осужденъ», вм. вышшняго, даннаго посмертнымъ изданіемъ. Наконецъ «Слезѣ» — въ посмертномъ изданіи, гдѣ напечатаны и прочія, здѣсь непоименованныя стихотворенія стр. 146—156.

Подражаніе (стр. 156). Впервые напечатано г. Анненковымъ (т. 2, стр. 139) изъ тетради для изданія 1826 г. Въ «Библ. Запискахъ» 1858. № 10, былъ сообщенъ другой списокъ этого стихотворенія, вѣроятно первой редакціи:

И видѣлъ смерть; она безмолвно сѣла
У мрачнаго порога моего.
И видѣлъ гробъ: открылась дверь его:
    Душа, померкнувъ, охладѣла...
    Покину скоро я друзей,
    И жизни горестной моеи
    Ничто слѣдовъ ужъ не примѣтитъ;
    Последній взоръ моихъ очей
    Луча безсмертія не встрѣтитъ,
И погасающій свѣчиликъ юныхъ дней
Ничтожества спокойный мракъ освѣтитъ.
Прости печальный міръ, гдѣ темная стезя
    Надъ бездною для меня лежала.
Гдѣ вѣра тихая меня не утѣшала,
    Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Прости свѣтлю дня, прости небесъ завѣса,
Нѣмая ночи мгла, денницы сладкій часъ,
Знакомые холмы, ручьи пустынный гласъ,
    Безмолвіе таинственнаго лѣса,
    И все прогни въ послѣдній разъ!
А ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ,
Предметомъ тайныхъ слезъ и горестей залогомъ,
Прости! минуло все, ужъ гаснетъ пламень мой,
    Схожу я въ хладную могилу
    И смерти сумракъ роковой
Съ мученьями любви покроетъ жизнь унылу!
А вы, друзья, когда лишенный силъ,
Едва дыша въ болѣзненномъ бореньи,
Скажу я вамъ: „о други, я любилъ!“
    И тихій духъ умретъ въ изнеможеньи,
Друзья мои, тогда, тогда подите къ ней:
    Скажите: влягъ онъ вѣчной тьмою;
    И можетъ быть, объ участи моеи
Она вздохнетъ надъ урной гробовою!

Въ сборникѣ стихотвореній, принадлежавшемъ А. В. Шереметеву (начала двадцатыхъ годовъ), элегія эта называется Прощаніе. Стихи съ 3-го по 11-й замѣнены тамъ слѣдующими:

Къ нему душа съ надеждой полетѣла...
 Протекшей младости моей
 Никто, никто слѣдовъ пустынныхъ не примѣнитъ,
 И зора милого не встрѣтитъ
 Последній взоръ моихъ очей.

. . . . .
 Прости, печальный міръ и т. д.

Окончаніе, начиная съ 16 стиха, замѣнено такъ:

Прости родныхъ небесъ спокойная завѣса!
 Прости: ночная тѣнь и сладкій утра часъ.
 Любимые холмы, ручья знакомый гласъ.
 Вы, сѣни мирныя таинственного лѣса!...
 И все прости въ послѣдній разъ!
 А ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ.
 Предметомъ вѣчныхъ слезъ и горестей залогомъ.
 Прости, все кончилось! безумный пламень мой
 Теряеть наконецъ мучительную силу:
 Я быстро нисхожу въ отверстую могилу,
 Съ послѣдней радостью, съ послѣднею тоской.

Друзьямъ (стр. 157)—въ изданіи 1826 г., а въ помертвомъ была напечатана первоначальная редакція:

Къ чему, веселые друзья,
 Мое тревожитъ васъ молчанье?
 Забѣвъ послѣднее прощанье.
 Ужъ муза смолкнула моя.
 Напрасно лиру взялъ я въ руки
 Бряцать веселье на шпрахъ.
 И на ослабленныхъ струнахъ
 Искать потерянные звуки.
 Богомъ вамъ еще даны
 Златые дни, златыя ночи,
 И на любовь устремлены
 Огнемъ исполненные очи!
 Играйте, пойте, о друзья! и проч.

Кромѣ того стихотвореніе это сохранилось еще въ одной редакціи, помѣщенной нами въ «Библи. Запискахъ» 1861. № 19:

Среди бесѣды вашей шумной
 Одинъ унылъ и мраченъ я...

На ширь раздольный и безумный
 Не призывайте вы меня.
 Любилъ и я когда-то съ вами
 Подъ звонъ бокаловъ шировать
 И гармонически стихами
 Шировъ веселье воспѣвать;
 Но пролетѣлъ мигъ упоеній,
 Я радость свѣтлую забылъ,
 Меня печали мрачный геній
 Крылами черными покрылъ...
 Не кличьте жь вы меня съ собою
 Подъ звонъ бокаловъ шировать:
 Я не хочу своей тоскою
 Веселье ваше отравлять!
 Богами вамъ... и пр., какъ на 157 стр.

Пробужденіе и Пѣвецъ. (стр. 157—8)—взѣты изъ изданія 1826 г., а первоначально были напечатаны въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» 1817. №№ 1 и 25. Вариантовъ, по ихъ незначительности мы не приводимъ. Последняя пѣса была еще перепечатана въ «Денницѣ» 1831 г., съ приложеніемъ музыки Веретовскаго. Еще есть музыка Хрестіановича.

Шишкову (стр. 159). Напечатано въ изд. 1826 г., подъ заглавіемъ «Ш—ву». Г. Анненковъ отнесъ это посланіе къ «Кн. Шаликову» (т. 2, стр. 155) и съ тѣхъ поръ оно печаталось съ этимъ именемъ, между тѣмъ какъ по содержанію своему никакъ не могло относиться къ 50-лѣтнему Шаликову, котораго нельзя было по этому назвать: «Шалуномъ увѣчаннымъ Венерой» и говорить ему: «И нынѣ въ юности прекрасной». Стихотвореніе дѣйствительно относится къ молодому царскосельскому знакомцу поэта А. А. Шишкову, племяннику адмирала и министра просвѣщенія, тому самому, къ которому сохранилось письмо, помѣщенное у насъ въ VII томѣ.

Въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 10, приведены изъ черновой рукописи 13 стиховъ, исключенные Пушкинымъ въ изданіи 1826 г., почему они и нами откинута изъ текста стихотворенія, куда были внесены г-мъ Геннадіи. Эти стихи слѣдуютъ послѣ 8-го печатнаго:

И нынѣ въ юности прекрасной
 Съ тобою вѣрныя сонутницы твои.
 Брицай, о трубадуръ, на арфѣ сладострастной
 Ты гимны счастливой любви,
 Пои сердца юнаго кипящее желанье,
 Красавицы твоей упорство, трепетанье,
 Со груди сорванный завистливый покровъ,

Стыдливости послѣднее роптанье
 И страсти торжество на ложѣ изъ цвѣтовъ.
 Пои, въ нѣгѣ устремивъ на друга томны очи.
     Тебѣ подвластныя красы,
 Въ ея объятіяхъ исчезнувшія ночи —
     Любви безцѣнные часы.
 Но я — друзей любить открытою душою... и проч.

Боже, царя храни (стр. 160)—напечатано въ посмертномъ изд., а написано было въ 1816 г., къ празднованію дня основанія лицея (19 октября), и было пропѣто на праздникѣ воспитанниками лицея. Первая строфа принадлежитъ Жуковскому, которая только одна и была напечатана въ «Сынѣ Отеч.» 1815, № 48, подъ заглавіемъ «Молитва русскихъ»; въ полномъ же своемъ объемѣ «Гимнъ» Жуковского явился въ печати въ 1818 году. Въ автографѣ, у Я. К. Грота, въ началѣ 2 строфы было написано: «Кроткою славою, свѣтлой державою».

Письмо къ В. Л. Пушкину (стр. 160) напеч. въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 11, а въ посмертномъ изданіи была перепечатана только 2-я строфа (5 стиховъ), подъ заглавіемъ: «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ». Поздравленіе съ новымъ годомъ указываетъ, что письмо писано въ концѣ декабря 1816 г. или въ началѣ января 1817 г., что согласно и съ фразой о «девятимѣсячной беременности огвѣгомъ», потому что Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо дяди отъ 17 апрѣля (см. «Складчину» 1874, стр. 366), гдѣ В. Л. говоритъ: «ты братъ мнѣ по Аполлону». — Вотъ было прозвище Василья Львовича въ «Арзамасскомъ Обществѣ», въ которое въ слѣдующемъ году принять и племянникъ, но былъ тамъ только одинъ разъ, причемъ по обычаю общества произнесъ вступительную рѣчь александрійскими стихами. Г. Бартенева сообщаетъ сохранившееся въ памяти кн. Вяземскаго начало этой рѣчи (А. С. Пушкинъ гл. 3, стр. 14):

Вѣнецъ желаніямъ! и такъ я вижу васъ,
 О други свѣтлыхъ музъ, о дивный Арзамасъ!

Гдѣ славилъ нашъ Тиртей „кпсель“ и Александра.
 Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра.

Тиртеемъ названъ Жуковскій и указано его стихотвореніе: «Овсяный кпсель». Послѣдній стихъ поясняется обыкновеніемъ Арзамаса говорить надгробныя похвальные слова мнимымъ мертвецамъ изъ членовъ враждебнаго ему общества «Бесѣды любителей росс. слова». Случилось, что черезъ нѣсколько дней послѣ подобной рѣчи Кассандры (гр. Блудова) мнимый покойникъ Захаровъ дѣйствительно умеръ.

Къ этому же году принадлежать стихи въ письмѣ къ кн. Вяземскому (см. т. VII) и Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ, напечатанная въ статьѣ г. Гаевского (П. въ лицѣ, «Соврем.», 1863, № 8). Стихи эти были написаны осенью 1816 г., на дежурствѣ гр. А. П. Завадовскаго и послѣ найдены Пашковымъ, который хотѣлъ прибить Пушкина за обиду. Завадовскій принялъ ихъ на себя и дѣло угрожало кончиться дуэлью. Изъ письма кн. П. В. Васильчикова къ кн. П. М. Волковскому («Р. Архивъ» 1875, № 12) видно, что онъ успѣлъ помирить офицеровъ съ гр. Завадовскимъ, котораго считалъ авторомъ этихъ стиховъ. Такъ какъ въ рукописи стихи не сохранились, а напечатаны по спискамъ, то мы и помещаемъ ихъ здѣсь, а не въ текстѣ:

МОЛИТВА ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Избави, Господи, ума такого,
 Какъ у Александра Владимича Полова!
 Слатвинскаго скромности,
 Зубова томности,
 Пльина чистоты,
 Тютчева красоты,
 Любомирскаго чванства,
 Каверина пьянства,
 Гротовой скуности,
 Ховрина глупости.
 Суетливости Оффенберга,
 Разсудительности Унгернъ-Шгернберга,
 Чаадаева гордости,
 Юшкова подлости,
 Грекшина службы,
 Сабурова дружбы,
 Завадовскаго щедрости,
 Гернгросовой мерзости,
 Кнабенау усовъ,
 Пашковскихъ носовъ,
 Салтыкова дикости,
 Соломирскаго лихости,
 Стѣнцова смиренья,
 Кругликова пѣнья,
 Барятинскаго сиросовъ,
 Рахманова вопросовъ,
 Молостова хвалы
 И Микѣшина хулы...

Эпиграммы (стр. 162—4). Пять первыхъ сохранились въ уцѣлѣвшихъ листкахъ одного изъ рукописныхъ лицейскихъ сборниковъ—изъ нихъ три были напечатаны въ посмертномъ изданіи, а двѣ остальныхъ впервые сообщены въ статьѣ г. Гаевского («Соврем.» 1863. № 7), равно какъ и эпиграмма на Бюхельбекера, которую въ рукописи поэта мы видѣли въ автографахъ Я. К. Грота на одномъ листѣ съ указанными въ примѣчаніи къ 152-й стр. 4 стихотвореніями. Последнія строки этой эпиграммы появляются другою, неудобною къ печати, автографъ которой находится у М. Н. Семева.

Ты хочешь знать, моя драгая,
Какая разнища межъ Буало и мной?
У Буало была лишь, и пр.

Изъ слѣдующихъ за тѣмъ набросковъ «Она» и «Къ письму» были напечатаны въ посмертномъ изданіи. «Эпитафія» помѣщена въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» 1817, № 2, подъ заглавіемъ: «Эпиграмма на смерть стихотворца». Эпиграмма «На князю Волконскую»—явилась въ «Вѣстникѣ Европы» 1871, № 7, стр. 192, а эпиграмма «На лицейскаго дядьку» въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1857. № 277, и въ болѣе точномъ текстѣ вошла въ указанную статью г. Гаевского.—Лицейскій дядька Сазоновъ дѣйствительно былъ уличенъ въ смертоубійствѣ.—Н. Гербель помѣстилъ еще въ числѣ Пушкинскихъ эпиграммъ въ «Р. Архивѣ» 1876 г. «Грядеть съ заката царь природы», но въ статьѣ г. Гаевского сдѣлано положительное указаніе на ея автора—Плличевского.

1817.

Моему Аристарху (стр. 165)—напечатано впервые въ изданіи 1855 г., гдѣ г. Анненковъ отнесъ его къ Дельвигу и къ 1819 году. По указанію г. Гаевского, посланіе это, написанное въ началѣ 1817 г., относится къ лицейскому профессору словесности Николаю Ѳедоровичу Кошанскому. Онъ сначала поощрялъ Пушкина, но по мѣрѣ проявленія его таланта, самъ будучи стихокропателемъ, охладѣвалъ къ поэту, а въ послѣдніе два года даже преслѣдовалъ его.

Вначалѣ этого года написаны еще два стихотворенія: 1) Couplets—двѣ первыхъ строфы помѣщены въ изд. 1855 г., а вполнѣ стихотвореніе напечатано въ «Библ. Запискахъ» 1858 г., по копіи, сохранившейся у С. Д. Полторацкаго. 2) Съ позволенія сказать—напечатано въ статьѣ г. Гаевского, въ «Современникѣ» 1863, № 8. Эта пьеска вмѣстѣ съ предыдущей набросана для литературныхъ бесѣдъ, бывшихъ въ Ц. Селѣ у барона Тепперъ де Фергюсона. Въ рукописи она не сохранилась и записана со словъ лицейскаго товарища поэта, почему и помѣщается въ примѣчаніяхъ, а не въ текстѣ.

COUPLETS.

Quand un poète en son extase
 Vous lit son ode ou son bouquet,
 Quand un conteur traîne sa phrase,
 Quand on écoute un perroquet—
 Ne trouvant pas le mot pour rire,
 On dort, on baille en son mouchoir,
 On attend le moment de dire:
 Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais tête-à-tête avec sa belle,
 Ou bien avec de gens d'esprit,
 Le vrai bonheur se renouvelle,
 On est content, l'on chante, on rit:
 Prolongez vos paisibles veilles,
 Et chantez vers la fin du soir—
 A vos amis, à vos bouteilles:
 Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Amis, la vie est un passage,
 Et tout s'écoule avec le temps.
 L'amour aussi n'est qu'un volage,
 Un oiseau de notre printemps;
 Trop tôt il fuit, riant sous cape—
 C'est pour toujours, adieu l'espoir!
 On ne dit pas dès qu'il s'échappe:
 Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare
 Et tôt ou tard on va là haut
 Souvent — le cas n'est pas si rare —
 Hazard nous sauve du tombeau.
 Les maux s'éloignent les cohortes,
 Et le squelette horrible et noir
 S'en va, frappant à d'autres portes:
 Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais quoi? je sens que je me lasse,
 En lassant mes chers auditeurs...
 Allons, je descends du Parnasse,
 Il n'est pas fait pour les chanteurs.
 Pour des couplets mon feu s'allume
 Sur un refrain j'ai du pouvoir,

S'est bien assez — adieu, ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

* * *

Съ позволенія сказать,
Я сердитъ на васъ ужасно;
Нѣтъ! вы просите напрасно,
Не хочу стиховъ писать:
Можно ль честному поэту
Ставить къ каждому куплету:
Съ позволенія сказать?

Съ позволенія сказать,
Моськині,* по-мнѣ, прекрасна.
Знаю, что она опасна;
Мужу хочется бодать:
Но гусары вѣдь невинны,
Что у мужа роги длинны,
Съ позволенія сказать.

Съ позволенія сказать,
Много въ свѣтѣ рнемоуѣвъ,
Все ученыхъ грамотеевъ,
Чтобы всякій вздоръ писать;
Но, въ примѣръ и страхъ Европы.
Многихъ можно бѣ высѣчь —
Съ позволенія сказать.

Къ Жуковскому [стр. 168] впервые напеч. въ „Сынъ Отеч.“ 1840, ч. 2, и замѣчательно по указаніямъ на отношенія къ поэту Карамзина, Дмитріева, Державина и самого Жуковского. — Около этого времени В. А. Озеровъ, авторъ Эдипа, Дмитрія Донскаго и пр., отъ служебныхъ и литературныхъ огорченій помѣшался и умеръ въ 1816 г. Последняя его трагедія „Поликсена“ была принята крайне неблагопріятно. Посланіе объ Озеровѣ самого Жуковского см. въ изд. его сочиненій 1878, т. 1, стр. 335 и 506. — Въ рукописи посланіе Пушкина написано: Арзамасецъ.

Дельвигу [стр. 171] — напеч. въ изданіи 1826 г., а въ посмертномъ изд. былъ сообщенъ и первоначальный текстъ этого стихотворенія съ пропусками, возстановленными въ „Библ. Запискахъ“ 1858 г., откуда и перепечатываемъ:

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою
Извивы темные двухолмной высоты,

* Жена одного изъ служившихъ въ царскосельскомъ дворцовомъ правленіи.

Кто жизни въ тайный путь съ невинною душою,
 Пустился илѣнникомъ мечты!
 Папернику боговъ безвѣстны бури злыя!
 Надъ нимъ ихъ промысль: безмолвною порою
 Его баюкають камни молоды,
 И съ перогомъ на устахъ хранять илѣвца покой.
 Стыдливой граціи внимаетъ онъ совѣты,
 И чувствуя въ груди огонь еще молодой,
 Восторженный, поетъ на лиръ золотой:
 О Дельвигъ, счастливы поэты!

Илѣвецъ! въ безвѣстности глухой
 Живи подъ дружественной сѣнью;
 Страшишь увидѣть свѣтъ: неопытной душой
 Не жертвуй ослѣпленью!
 Воспитанный въ тиши, не зналъ грозныхъ бѣдъ,
 Съ любовью, дружествомъ и лѣнью
 Въ уединеніи ты счастливъ — ты поэтъ!

Но для меня прошли, увяли наслажденья!
 Мой другъ, и я илѣвецъ! И мой смиренный путь
 Въ цвѣтахъ украсила богиня илѣношѣнья,
 И мнѣ въ младую богини грудь
 Вліяли пламень вдохновенья,
 Ребенокъ—лирный звукъ я чувствовать умѣлъ;
 Все жизнью вокругъ меня дышало,
 Все рѣзвый умъ обворожало,
 И первую черту я быстро пролетѣлъ.
 Сія тихою красою
 Минуты дѣтства протекли!
 Хвала, о боги, вамъ! вы мощною рукою
 Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели,
 И были дни мои посвящены покою.

Но все прошло навѣтъ—и скрылись въ темну даль
 Свобода, радость, восхищенье!
 Другимъ и юность—наслажденье
 Она мнѣ—мрачная печаль!
 Такъ рано встрѣтилъ я и зракъ вражды кровавой,
 И низкой клеветы во мглѣ сокрытый ядъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой
 Не буду ослѣпленъ. Пускай они манятъ
 На край погибели любимцевъ оболъщенныхъ!

Исчезъ священный жаръ:
 Забвенью сладкихъ нѣсней даръ.
 И голосъ струнь одушевленныхъ!
 Во прахъ и лиру, и вѣнецъ!
 Пускай не будутъ знать, что нѣкогда нѣвецъ,
 Враждою, завистью на жертву обреченный.
 Погибъ на утрѣ вешнихъ лѣтъ,
 Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ.
 Косой безвременно сраженный!
 Что нужды? проживу въ безвѣстной тишинѣ.
 Потомство грозное не вспомнить обо мнѣ—
 И памятникъ нѣвца, въ пустынѣ мрачной, дикой,
 Забытый поростетъ ползущей повилкой!

Стансы и Сновидѣніе [стр. 172—173]—впервые напеч. посмертнымъ изд. «Стансы» представляютъ переводъ Вольтеровыхъ стиховъ: «A madame Duchatelet», а «Сновидѣніе»—его же стиховъ къ принцессѣ Луизѣ Ульрихъ, впоследствии шведской королевѣ. Незначительные варианты «Стансовъ» приведены въ «Библ. Зап.» 1858 г.

Письмо въ Лидѣ [стр. 174]—во 2-мъ томѣ изданія 1855 г. съ пропускомъ 9 послѣднихъ стиховъ, которые явились уже въ 7-мъ томѣ. Это переводъ пьесы Парня: «Billet».

Именины [стр. 174]—въ изданіи 1826 г., а написано по поводу посѣщеній Энгельгардтовой семьи.

Безвѣріе [стр. 175]—въ «Трудахъ Общества любит. Росс. словесности» 1817, ч. 10, съ полною подписью. Оно было читано на лицейскомъ актѣ самимъ поэтомъ. Изъ сохранившейся рукописи этого стихотворенія, поправленнаго для печатанія въ «Трудахъ», приведенъ былъ Библ. Записками 1858 г. вариантъ, замѣняющій 5 и 6 стихи:

Смирите гордости жестокой изступленье,
 Имѣть онъ права на ваше снисхожденье,
 На слезы жалости. Внемлите брата стонъ,
 Несчастный — не злодѣй, собою страждетъ онъ.
 Кто въ мірѣ усладитъ души его мученья?
 Увы, онъ перваго лишился утѣшенья.

Тамъ же напечатано слѣдующее окончательное двустишіе:

И что зоветъ его къ пустынѣ гробовой,
 Кто вѣдаетъ? Но тамъ лишь видитъ онъ покой.

Къ Каверину [стр. 177]. Павелъ Петровичъ Каверинъ былъ тогда лейбъ-гусарскимъ офицеромъ и Пушкинъ извиняется передъ нимъ за

«Молитву», помѣщенную выше, на стр. 486. Впервые напечатано въ «Моск. Вѣстникѣ» 1828 г. № 17, а первоначальная редакція, безъ согласія автора и съ подписью Ап., появилась въ «Сѣверной Звѣздѣ» на 1829 г., изданной М. Бестужевымъ-Рюминымъ. Эта редакція, съ незначительными измѣненіями противъ текста алмаваха, приведена по рукописи въ Библ. Запискахъ 1858 г.

Прости, любезный мой Каверинъ,
 Минутной рѣзвости нескромные стихи;
 Люблю я первый, будь увѣренъ,
 Твои гусарскіе грѣхи.

Прослыть апостоломъ Зенонова ученья
 Быть можетъ хорошо, но ни тебѣ, ни мнѣ.
 Я знаю, что страстей волненье
 И шалостей, и заблужденья

Приличны нашихъ дней блистательной мечтѣ:
 Пускай умно, хотя неосторожно,
 Дурачиться мы будемъ иногда,
 Пока безъ лишняго труда
 Дурачиться намъ будетъ можно:
 Всему пора, всему свой мигъ,
 Все чередой идетъ опредѣленной:
 Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
 Смѣшонъ и юноша степенной.

Насытись жизнью у юныхъ дней въ гостяхъ,
 Простилась мы навѣкъ съ веселіемъ шумливымъ,
 Съ Венерой пылкой и Вакхомъ прихотливымъ.
 Вздохнемъ объ нихъ какъ объ друзьяхъ.
 И старость посѣтимъ съ поклономъ молчаливымъ.
 Теперь въ безопасности живи,
 Люби друзей, храни о нихъ воспоминанье,
 Молись и Вакху, и Любви,
 И черни презрай ревнивое роптанье.
 Она не вѣдаетъ что дружно можно жить
 Съ стихами, съ картами, съ Платономъ и бокаломъ,
 Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
 И умъ возвышенный и сердце можно скрыть.

Небольшія поправки въ текстъ мы внесли съ подлинной рукописи, исправленной поэтому и хранящейся нынѣ у гр. П. П. Капниста.

Посланіе къ В. Л. Пушкину [стр. 177] — только небольшой отрывокъ былъ напечатанъ въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г. Начало и конецъ посланія даны Библ. Записками 1858 г., № 11.

Добрый совѣтъ [стр. 180] — переводъ стих. Парни: «A mes amis», данный посмертнымъ изданіемъ.

Къ товарищамъ [стр. 181] — дано посмертнымъ изданіемъ, а въ Библ. Зап. 1858 г. сообщенъ вариантъ къ 19—22 стихамъ:

Лишь я судьбѣ во всемъ послушный,
Безпечной лѣни вѣрный сынъ,
Къ честямъ ничтожнымъ равнодушный,
Я тихо задремалъ одинъ.

Въ альбомѣ Иличевскому и Пушкину [стр. 182] даны посмертнымъ изданіемъ, а ко второму посланію въ Библ. Запискахъ 1858 г. были сообщены по рукописи Пушкина мелкіе варианты, которые по ихъ ничтожности мы не приводимъ, и въ текстъ не внесли, потому что и самъ Пушкинъ въ «Атеней» 1859 г. привелъ это посланіе въ настоящемъ, исправленномъ видѣ. Тамъ же онъ сообщилъ четверостишіе, написанное Пушкинымъ надъ его кроватью во время болѣзни:

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ —
Судьба его неумолима!
Несите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви неизлечима!

Мы не внесли въ текстъ книги, какъ непонятную безъ объясненій, и эпиграмму на другаго товарища, Есакова, тоже указанную Пушкинымъ. Пушкинъ подсмѣивался надъ ухаживаніями Есакова за дочерью царско-сельскаго коменданта бар. Вельо, выходившими на прогулку съ гувернанткой Шредеръ; часто случилось, что Есаковъ ждалъ на морозѣ цѣлые часы, а прогулка отлагалась. Пушкинъ послѣ одной изъ такихъ неудачъ замѣтилъ ему:

И останешься съ вопросомъ
На берегу замерзшихъ водъ:
Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомъ
Милыхъ Вельо не ведетъ?

Кромѣ того, передъ самымъ выпускомъ, какъ сообщено въ статьѣ г. Гаевского: «Пушкинъ въ лицѣ», написана была слѣдующая шутка:

Гауэншилльдъ и Энгельгардтъ,
Карцовъ и Кошанскій,
И танцмейстеръ Эбергардтъ,
И Эбергардтъ кавказскій,
Всѣ, какъ отставной солдатъ,
Тянутъ пѣснь унылу

. . . . .

Господи, помилуй!
 Боже мой, охъ Боже мой,
 Господи мой Боже!
 Вотъ проходитъ годъ шестой,
 И экзамень тоже.
 Что жъ? Какой вамъ аттестать
 Выдали насилу?
 . . . . .
 Господи, помилуй!

Разлука [стр. 183] — въ апрѣльской книжкѣ «Невекаго Зрителя» 1820 г., подъ заглавіемъ: «Кюхельбекеру». Для изд. 1826 г. оно слегка исправлено и названо «Разлукою».

Въ альбомѣ Зубову [стр. 183] — напечатано по рукописи въ «Москвитиннѣ» 1846 г., а въ изданіи 1855 г. была приведена первоначальная редакція:

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья,
 Разлучитъ насъ холодный свѣтъ;
 Кю вспомнить тайныя свиданья.
 Мечты, восторги прежнихъ лѣтъ?
 Позволь въ листкахъ воспоминанья
 Оставить имъ свой легкій слѣдъ.

Г. Анненковъ считалъ Зубова товарищемъ Пушкина по лицу, но это былъ его царскосельскій знакомецъ, гусарскій офицеръ, о которомъ упомянуто выше. Къ двумъ другимъ гусарскимъ офицерамъ написаны слѣдующія 4-стишія:

Къ портрету Чаадаева и Каверина [стр. 184], изъ которыхъ послѣдняя дана посм. изданіемъ, а первая напечатана вполне только въ 1871 г. въ «Вѣстникѣ Европы» № 7, стр. 198, въ статьѣ Жихарева о Чаадаевѣ, а затѣмъ въ «Р. Архивѣ» 1876 г. № 10 съ вариантами:

Онъ высшей волею небесъ
 Живеть въ оковахъ службы царской.

Бакуниной [стр. 184] — въ изд. 1826 г., куда предназначалось и слѣдующее стихотвореніе: «Къ ней», исключенное однако поэтомъ изъ рукописи. Оба написаны векоръ по выходѣ изъ лица, Г. Анненковъ полагаесть, что стихотвореніе «Къ ней» воспроизведено Пушкинымъ черезъ 8 лѣтъ въ пьесѣ: «Я помню чудное мгновенье». Между тѣмъ «Къ ней» составляетъ прощаніе съ Бакуниной, а послѣднее припомянуть встрѣчу съ А. П. Кернъ.

Торжество Вакха [стр. 185] — впервые напечатано въ изданіи 1826 г.

Прощаніе съ Тригорскимъ [стр. 188] — напечатано въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1866, № 170, въ статьѣ М. П. Семевскаго. Приведенный же въ выноскѣ «отрывокъ» явился въ Моск. Вѣдомостяхъ 1855. № 142.

Е. С. Огаревой [стр. 185] — напечатано въ «Библ. Запискахъ» 1858. № 11, и въ «Р. Архивѣ» 1876, № 10. причѣмъ огнесено къ А. А. Олениной, и въ послѣднемъ искажено начало. Заглавіе оказалось неточнымъ, ибо, по указанію кн. П. А. Вяземскаго, эти стихи написаны къ Еленѣ Сергѣевнѣ Огаревой.

Къ ** [стр. 189] — въ изданіи 1826 г.

Кн. Голицыной [стр. 189] — въ «Молвѣ» 1857 г.. № 3. Стихотвореніе относится къ женѣ извѣстнаго кн. Сергѣя Мих. Голицына, дочери генералъ-аншефа Пзмайлова.

Эпиграммы [190—191]—всѣ напечатаны впервые въ изданіи 1826 г. Двѣ изъ нихъ мы видѣли въ подлинной рукописи Пушкина у гр. П. П. Капниста: «Какъ брань...» и «Хоть впрочемъ...», причѣмъ во 2-й послѣдній стихъ былъ написанъ: «Ты полонъ глупости большой», и затѣмъ поставлено: «Или — Ты полонъ дряни, милый мой».

1818.

Юрьеву [стр. 191]. Федоръ Филиповичъ Юрьевъ. тогда уланскій офицеръ, впоследствии занималъ должность управляющаго заемнымъ банкомъ. Въ бумагахъ Юрьева сохранился печатный листокъ съ этими стихами: 4 страницы въ четвертку, на ватманскомъ бумагѣ съ водянымъ знакомъ «1819». Двѣ стр. заняты стихами безъ цензуры и безъ малѣйшихъ варіантовъ съ напечатаннымъ у насъ текстомъ, подъ заглавіемъ: «Ю—у», и безъ печатной подписи, которая написана самимъ Юрьевымъ: «А. Пушкинъ 1821 года». Впрочемъ въ означеніи года едва ли Юрьеву не измѣнила память, потому что Пушкинъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что эти стихи написаны имъ на 19-мъ году. Въ обычной печати стихи явились, помимо воли автора и съ подписью «Ап», въ «Сѣверной Звѣздѣ» 1829 г. Къ Юрьеву же въ слѣдующемъ году Пушкинъ писалъ:

Здорово, Юрьевъ именьникъ,
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ!
Сегодня, для тебя, пустынный
Осушить пѣянскій стаканъ.
Здорово, рыцари лихіе
Любви, свободы и вина!

Для насъ, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубокъ...

Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ сладострастье
Ведеть насъ пьяныхъ на постель.

Послѣ каждаго куплета назначено повтореніе перваго, подпись же сдѣлана рукою Юрьева: «А. Пушкинъ 1819-го года С-Пбургъ», а подлинная приписка самого Пушкина, въ цѣлую длину страницы, такъ тщательно вычищена, что изъ нея видно всего только одно слово: «Писано. . . . .»

Щербинину [стр. 192]—напеч. въ «Москвитянинѣ» 1841 г., № 4, съ значительными пропусками, восстановленными въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 11. Въ последнее время Щербининъ былъ первымъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Онъ умеръ 4 сентября 1881 г.

Кривцову [стр. 193]—въ посмертномъ изданіи, съ небольшимъ пропускомъ и перемѣнами, пополненными въ «Библ. Запискахъ» 1861 г. О Кривцовѣ см. въ «Р. Архивѣ» 1864, № 10. Онъ тогда отправлялся къ лондонскому посольству и получилъ отъ Пушкина на дорогу «Russelle d'Orléans» Вольтера.

Сказки [стр. 194] — стихотвореніе написано въ подражаніе сказкамъ въ рождественскіе вечера, поэтому въ рукописи имѣетъ еще заглавіе: «Noël». Мы привели только окончаніе.

Чаадаеву [стр. 194]—сдѣлавшемуся впоследствии извѣстнымъ своими «философскими пьесами», начавшимися печатаніемъ въ «Телескопѣ» 1836 г. и тотчасъ же запрещенными. Напечатано было тоже въ «Свѣ. Звѣздѣ» 1829 г., но крайне неполно и съ искаженіями, изъ которыхъ самое плохое приведено г. Чирковымъ въ «Р. Архивѣ» 1881, какъ важный вариантъ.

Прелестницъ [стр. 195] — имя особы указано г. Анненковымъ въ книгѣ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху». Стих. было напечатано въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820, № 4, а отсюда съ пропускомъ 2 стиховъ въ изд. 1826 г. и вполне въ изданіи 1829 г. съ перемѣною только словъ: воспалить — на распалить [ст. 3] и предательскую—на предательскую [ст. 6 съ конца].

Выздоровленіе [стр. 196] — въ изд. 1826 г. Въ рукописи у гр. Капниста оно отнесено постомъ къ 1818 г. и исправлены два стиха, которые были: 7-й: Въ одеждѣ ратника... и 12-й «Вотще мой слабый взоръ искалъ тебя во мглѣ».

Мечтателю [стр. 197] — въ «Сынѣ Отечества» 1818, № 51, съ подписью «Св...ч.к.». [Сверчокъ — арзамасское прозвище поэта], а въ изданіе 1826 г. внесено съ незначительными поправками.

Къ портрету Жуковскаго [стр. 197]—въ изданіи 1826 г., а первоначальная редакція была помѣщена въ «Благонамѣренномъ» 1818, ч. 3:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ время въ таинственную даль:
Услыша ихъ, воспламенится младость,
Безмолвная угѣшится печаль
И рѣзвая задумается радость.

Жуковскому [стр. 198] — въ «Сынѣ Отечества» 1821 г., № 52, и оттуда въ изд: 1826 г., а при переходѣ въ изд. 1829 г. сдѣланы были измѣненія; именно двумя начальными стихами замѣнены 6 прежнихъ:

Когда младымъ воображеньемъ
Твой гордый геній окрыленъ
Тревожить лѣни праздный сонъ,
Томясь мятежнымъ упоеньемъ;
Когда возвышенной душой
Лети къ мечтательному міру и пр.

10-й стихъ замѣнилъ два прежнихъ:

Не для подкупленныхъ судей,
Ревнивыхъ милостью своей...

Также выпущенъ весь конецъ стихотворенія:

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ тамъ, въ дыму столѣтій:
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой;
Отъ сна воскресшими вѣками
Онъ бродитъ тайно окруженъ,
И благодарными слезами
Карамзину приносить онъ
Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье,
Безплодной суеты земной:
И въ немъ трепещетъ вдохновенье.

Сосницкой [стр. 198] — въ VII т. Анненковскаго изданія.

На Карамзина [стр. 199] — въ альманахѣ Погодина «Утро», кн. 3, и потомъ въ его же книгѣ «Карамзинъ». Вторая, кромѣ того, у г. Анненкова, въ VII томѣ, съ ошибочною замѣткою, что она «написана еще въ лицѣ», тогда какъ Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому, что эпиграмма написана въ то время, «когда Карамзинъ его отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и его честолюбіе и сердечную къ нему привязанность», а это «отстраненіе» послѣдовало именно въ концѣ 1818 г. Въ Р. Архивѣ 1881, I, приведены двѣ писарскія передѣлки второй эпиграммы.

На кн. Голицына [ст. 199] — напечатаны въ отрывкахъ въ 3-мъ Псаговскомъ изданіи и нынѣ пополнены по Р. Архиву 1881, кн. I, откуда мы не взяли однако 3-ю, совершенно лишнюю смысла эпиграмму, едва ли принадлежащую Пушкину.

Къ этому же году относится эпиграмма на стих. Жуковскаго «Тлѣнность», помѣщенная нами въ VII томѣ стр. 198, и четыре замѣтки, напечатанныя въ Библ. Запискахъ 1858 года:

ТЫ И Я.

Ты богатъ, я очень бѣденъ,
Ты прозаикъ, я поэтъ;
Ты румянь, какъ маковъ цвѣтъ,
Я какъ смерть и тощъ и блѣденъ.
Ты не знаешь вѣкъ заботъ,
Ты живешь въ огромномъ домѣ,
Я жъ средь горя и хлопотъ
Провожу дни на соломѣ.
Ѣшь ты сладко; цѣлый день
Тянешь вина на свободѣ
И тебѣ перѣдко лѣнь...

ПРО СЕБЯ.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь,
Я много общаю,
Исполню ли — Богъ вѣсть!

НАДИНЬКѢ.

Съ тобой пріятно удѣлнть
Часоѣ-два-три уединенью:

Одинъ желаньямъ посвятить,
А два послѣднихъ наслажденью.

* * *

Она тогда ко мнѣ придетъ,
Когда весь міръ угомонится,
Когда все доброе ложится
И все недоброе встаетъ.

Замѣтимъ еще, что Пушкину не принадлежать относимыя къ ближайшимъ годамъ стихотворенія: «Застольная пѣснь», «Мальчикъ солнце встрѣтить должно» — Дельвига, «Есакову» — Ознобишина. и изъ лицейскихъ, кромѣ уже указанныхъ выше: «ученическіе куплеты» [Анн., т. I, стр. 25] — написанные товарищами поэта, и «Посланіе къ кн. Шаховскому», которое г. Анненковъ [т. I, с. 22] не привелъ вполне за слабостію стиховъ, какъ дѣтское произведеніе 1814 г., но которое оказывается написаннымъ сообща — Жуковскимъ и гр. Блудовымъ. Стихотвореніе Дельвига «Мальчикъ» было сообщено кн. Н. А. Долгорукимъ, для есаковского изданія, подъ названіемъ «Экспромта», сказаннаго Пушкинымъ въ Тульчинѣ. Укажемъ также, что въ «Запискаль» Н. П. Лорера, въ Р. Архивѣ, 1874, № 9, говорится, что генераль Хомутовъ продекламировалъ однажды за обѣдомъ въ 1841 г. стихи Пушкина: Давайте чаши! не жалѣй и пр. Это отрывокъ «Изъ Горация» [см. 1835 г.]. Наконецъ Элегія [О ты, которая издѣтства], печатавшаяся во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, начиная съ посмертнаго, оказывается отрывкомъ изъ стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго. [Его соч., т. III, с. 167].

1819.

Энгельгардту [стр. 200] — напеч. въ изд. 1826 г. и слѣдующихъ — безъ его имени. Оно написано послѣ болѣзни, упоминаемой въ «Выздоровленіи». Небольшую добавку см. въ «Р. Арх.» 1876, № 10, стр. 239.

Кривцову [стр. 201] — въ томъ же изданіи 1826 г. [См. выше примѣчаніе къ стр. 193].

Стансы [стр. 201] — напеч. въ изданіи 1826 г., гдѣ къ стиху «Зови же сладкое бездѣлье», сдѣлана была выноска: «Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, поэтъ шутитъ надъ философіею эпикурейцевъ. Читатель, безъ сомнѣнія, не будетъ смѣшивать чистыхъ душевныхъ наслажденій съ удовольствіями душевными». Г. Анненковъ опредѣлилъ, что эти стихи «обращены къ извѣстному нашему поэту Туманскому» [т. 2, стр. 269], но они относятся къ Якову Николаевичу Толстому, автору стихотвореній, изданныхъ отдѣльною книгою, члену общества «Зеленой

Лампы», которое г. Анненковъ неосновательно свелъ на степень развратно-грязнаго и шутовскаго, смѣшавъ почему-то съ татариновской сектой.

Воспоминаяемъ упоенный [стр. 202] — въ изданіи г. Анненкова, гдѣ было отнесено къ 1821 г. [т. I. стр. 91], а потомъ самъ же г. Анненковъ прочиталъ въ рукописи помяту «30 мая 1819 г.» [Пушкинъ стр. 43].

Орлову [стр. 203] — было напечатано въ Ств. Звѣздѣ съ пропусками и искаженіями, подъ заглавіемъ: «Къ. А. О.—ву, отсовѣтовавшему мнѣ вступитъ въ военную службу». За тѣмъ пополнилось и исправлялось по различнымъ спискамъ въ Библ. Зап. 1858, № 11, и Р. Архивѣ 1876, № 10, при чемъ относилось къ 1818 г. Нынѣ печатается по автографу, посланному поэтомъ А. П. Тургеневу при письмѣ 9 іюля 1819 г. [см. т. VII стр. 58] Тургеневымъ автографъ былъ переданъ П. О. Золотареву, и нынѣ упраздняетъ всѣ варіанты прежняго печатанія, такъ какъ они принадлежатъ переписчикамъ, а не автору.

Русалка [стр. 204] — напечатано въ изданіи 1826 г., съ означеніемъ «баллада».

Деревня [стр. 206] — только первая половина этого стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Уединеніе», была напечатана въ изданіи 1826 г. и почти одновременно подъ заглавіемъ: «Возвращеніе на родину. Элегія» — съ подписью «Н. Б.» въ альманахѣ «Сиріусъ» 1826 г., изданномъ М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, при чемъ изъ подлинной пьесы сохранено только 14 стиховъ, а остальное или было взято съ черноваго наброска или присочинено дѣйствительно какимъ нибудь Н. Б. — Последняя половина [стр. 207] напечатана впервые только въ изданіи 1870 г., а до того изъ нея являлись отрывки въ «Библ. Запискахъ» 1858 г. № 11 и въ «Моск. Вѣдомостяхъ» въ рѣчи г. Погодина по случаю освобожденія крестьянъ. Стихотвореніе писано въ Михайловскомъ. Жихаревъ говорить, что государь, желая ознакомиться съ произведеніями Пушкина, обратился къ кн. Васильчикову, которому его адъютантъ Чаадаевъ и доставлялъ это стихотвореніе. Государю оно понравилось и онъ сказалъ князю: «Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent» [«В. Европы» 1871, № 7].

Домовому [стр. 207] — въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г., а оттуда въ изд. 1826 г. съ измѣненіемъ только слова нашъ добрый домовой на «мой».

Недооконченная картина и Возрожденіе [стр. 208] — напечатаны въ 1828 г., первая въ «Моск. Вѣстникѣ» № 15, а вторая въ «Невскомъ Альманахѣ». Къ 1826 г. отнесены Пушкинымъ въ изданіи 1829 г.

Отвѣтъ на вызовъ [стр. 209] — напеч. въ «Соревнователѣ просв. и благотворенія» 1819, № 10, а оттуда уже въ 1856 г. въ «Современ-

никѣ», № 8, и затѣмъ «съ измѣненіемъ», нынѣ исправленнымъ, въ VII т. Анненковскаго изданія. Мы же приняли указанія Пущина, раздѣленнаго и г. Гаевскимъ, будто это стихотвореніе написано еще въ лицѣ въ 1816 году. Оно найдено г. Анненковымъ въ бумагахъ 1819 г. и дѣйствительно совсѣмъ отличается отъ стиховъ 1816-го. Не смѣшались ли его Пущинъ съ тѣмъ, уграченнымъ, стихотвореніемъ, о которомъ упоминается въ настоящемъ: «Я, вдохновенный Аполлономъ, Елизавету вѣтани пѣлъ». Самый вызовъ написать стихи—могъ быть сдѣланъ поэту лицомъ, представлявшимъ въ 1819 г. государю рукопись стих. «Деревня» Въ Р. Арх. 1881 г. приведены варианты переписчиковъ, а не Пушкинскіе.

Всеволожскому [стр. 210]—въ первый разъ по подлинной рукописи напечатано въ Р. Старинѣ 1880, № 1, а до того печаталось, начиная съ изд. 1826 г., съ измѣненіемъ начала для цензуры того времени:

Прости счастливый сынъ пировъ,
 Балованный дитя свободы,
 Любимецъ музъ, поклонникъ моды,
 И Терпсихоры, и стиховъ!
 Ты въ жизни любишь перемѣну
 Ты скачешь въ мирную Москву,
 Гдѣ сладко дремлютъ на яву
 И наслажденьямъ знаютъ цѣну.
 Разнообразной, и живой
 Москва плѣняетъ нестротой... и пр.

Послѣ того 9-й стихъ читался: «И тучной знатности похмѣлье» Первоначально написанные и зачеркнутые стихи указаны въ «Р. Старинѣ» При стихѣ «Аи холодная струя» — Пушкинъ замѣтилъ: «Champagne L. D. M. frappé à la glace».

Горчакову [стр. 212] — въ альманахѣ «Раутъ» 1854, кн. 3, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ стиховъ и съ добавкою окончанія, принадлежащаго другому посланію, вполне не сохранившемуся [стр. 213].

Эпиграмма [стр. 213], на Александру Михайловну Колосову, вышедшую послѣдствіемъ за В. А. Каратыгина, сообщена ею самою въ «Р. Старину» 1879 г. № 6, при чемъ отнесена къ 1819—1820 г. Несомнѣнно она написана въ началѣ 1819 г. потому что Колосова выступила на сцену въ 1-й разъ 16 декабря 1818 г. въ роли Антигоны [Эдипъ], во 2-й—30 декабря въ роли Мойны [Фингалъ] и въ 3-й—3-го января 1819 г. въ роли Эсоири. Въ бумагахъ «Общества зеленой лампы» сохранились свѣдѣнія о ея блестящемъ успѣхѣ: вѣроятно тамъ происходили и разговоры объ этомъ успѣхѣ, побудившіе Пушкина, поклонника обихъ Семеновыхъ, написать рѣзкую эпиграмму. въ угоръ своимъ сочленамъ по «Лампѣ». Интрига директора театровъ Маикова

векорѣ надолго отстранила отъ сцены талантливую и опасную соперницу К. С. Семеновой. Къ сестрѣ послѣдней, Нимфодорѣ Семеновѣ, Пушкинъ тоже написалъ по поводу ухаживаній сочлена своего по «Зеленой Лампѣ» Баркова:

Желать бы быть твоимъ покровомъ
Или собачкою твоей,
Или поручикомъ Барковымъ...
Ахъ онъ поручикъ, ахъ злодѣй!

Въ своихъ «запискахъ» П. А. Каратыгинъ, въ «Р. Старинѣ» [1872, VI. 305], указываетъ, не подтверждая однако ничѣмъ своего показанія, будто Пушкинъ, осерженный эпиграмою на него фигуранта Дембровскаго, отвѣтилъ тоже эпиграммою:

Когда смотрюсь я въ зеркала,
То вижу, кажется, Езопъ;
Но стань Дембровскій у стекла, и проч.

Русланъ и Людмила [стр. 214]—поэма начата была въ послѣдній годъ пребыванія въ лицей и окончена въ-чернѣ осенью 1818 г. [Бартенева: «Пушкинъ» гл. 3, стр. 28], а въ 1819 г. отдѣлана вполнѣ и Пушкинъ приступилъ было къ ея печатанію, но въ маѣ 1820 г. былъ высланъ изъ Петербурга, такъ что печатаньемъ занимался Н. И. Гнѣдичъ. Присланные съ Кавказа поправки къ двумъ мѣстамъ поэмы и эпилогъ были получены уже по ея отпечатаніи и явились въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., № 38, а до напечатанія два отрывка 1-й пѣсни были помѣщены въ «Нев. Зритель» 1820, № 3, и изъ 3-й пѣсни въ «Сынѣ Отеч.» 1820, № 15 и 16.

Отдѣльныхъ изданій поэмы было два:

1] Русланъ и Людмила, поэма въ шести пѣсняхъ. Соч. А. Пушкина. Спб. Въ тип. Греча. 1820. Въ 8 д., 142 стр. Съ гравированной картинкой, сдѣланной по рисунку А. Н. Оленина.

2] Изд. второе, исправленное и умноженное. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 1828. Въ 8 д., 159 стр. Въ этомъ изданіи внесены добавленія, опоздавшія къ отпечатанію 1-го изд., и помѣщенъ вновь написанный «прологъ». При изданіи былъ приложенъ гравированный Уткинымъ съ оригинала Кипренскаго портретъ, вышедшій первоначально при альманахѣ «Сѣверные Цвѣты», и оно снабжено было обширнымъ «предисловіемъ» автора, которое мы вполнѣ перепечатываемъ въ отдѣлѣ «прозы» нынѣшняго изданія.

Послѣ этого поэма была напечатана еще разъ при жизни Пушкина въ книгѣ его «Поэмъ и повѣстей» 1833 г.

Въ первомъ изданіи было нѣсколько мѣстъ, откинутыхъ Пушкинымъ въ изданіи 1828 года и нѣкоторые варианты:

1. Въ первой пѣснѣ послѣ стиха: «Герой! я не люблю тебя» [стр. 226]:
 Русланъ, не знаешь ты мученья
 Любви, отверженной на вѣкъ.
 Увы! ты не сносилъ презрѣнья...
 И что же, странный человекъ!
 И ты жъ тоскою сердце губишь.
 Счастливецъ! ты любишь, какъ любишь!
2. Послѣ ст.: «Былъ рокъ—упорный мой гонитель» [стр. 227], вмѣсто нынѣшняго четверостишія было:
 Въ надеждѣ сладостныхъ отрадъ,
 Въ восторгѣ пылкаго желанья,
 Творю носпѣшно заклинанья,
 Зову духовъ—и, виновать!
 Безумный, дерзостный губитель,
 Достойный Черномора братъ,
 Я стать Нанны похититель:
 Лишь загадалъ, во тьмѣ лѣсной...
3. Во второй пѣснѣ, послѣ ст.: «Сердится глупо и грѣшно» [стр. 231]
 Ужели Богъ намъ далъ одно
 Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
 Намъ остаются въ утѣшенье
 Война, и музы, и вино.
4. Послѣ ст.: «Людила, гдѣ твоя свѣтлица?» [стр. 236]:
 Гдѣ ложе радости младай?
 Одна, съ ужасной тишиной
 Лежитъ... и т. д.
5. Послѣ ст.: «Когда не видимъ друга въ немъ» [стр. 237]:
 Вы знаете, что наша дѣва
 Была одѣта въ эту ночь,
 По обстоятельствамъ, точь въ точь
 Какъ наша прабабушка Ева.
 Нарядъ невинный и простой,
 Нарядъ Амура и природы!
 Какъ жаль, что вышелъ онъ изъ моды!
 Предъ изумленною княжной
 Три дѣвы красоты чудесной
 Въ одеждѣ легкой и прелестной
 Явились, молча подошли...
6. Въ описаніи сада [стр. 240]:
 Цвѣтуть и дышутъ по тропамъ,
 Усыяннымъ пескомъ алмазнымъ.
 Игривымъ и разнообразнымъ
 Волшебствомъ дивный садъ блеститъ,

Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Ей роскошь свѣтлая постыла,
Ей грустенъ нѣги пышный видъ...

7. Послѣ ст.: «И далѣ продолжала путь» [стр. 240]:

О люди, странныя созданья!
Межъ тѣмъ какъ тяжкія страданья
Тревожатъ, убиваютъ васъ,
Обѣда лишь наступить часъ—
И вмгъ вамъ жалобно доносить
Пустой желудокъ о себѣ,
И имъ заняться тайно проситъ.
Что скажемъ о такой судьбѣ?

И ты, прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра... и т. д.

8. Вл. четвертой. послѣ: «Ихъ замыслы не такъ ужасны» [стр. 258]:

Не правъ Фернейскій злой крикунъ!
Все къ лучшему: теперь колдунъ
Иль магнитизмомъ лечитъ бѣдныхъ,
И дѣвушекъ худыхъ и блѣдныхъ,
Пророчитъ, издаетъ журналъ—
Дѣла, достойныя похвалъ.

9. Послѣ ст.: «И что жъ? возможно ль?... намъ солгали!» вмѣсто одного нынѣшняго [стр. 259]:

Дерзну ли истину вѣщать?
Дерзну ли ясно описать
Не монастырь уединенный,
Не робкихъ инокнъ соборъ,
Но... тренещу! въ душѣ смущенный
Дивлюсь—и потупляю взоръ.

10. Въ концѣ 4-й пѣсни пропускъ замѣненъ однимъ стихомъ: «Ужели счастливъ будетъ онъ!» [стр. 267]:

О страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой
Младя прелести Людмилы.
Къ ея плѣнительнымъ устамъ
Прильнувъ увядшими устами,
Онъ, вопреки своимъ годамъ,
Ужъ мыслить хладными трудами
Сорвать сей нѣжный тайный цвѣтъ,
Хранимый Лелемъ для другаго;
Уже... но бремя позднихъ лѣтъ
Тягчить безстыдника сѣдаго—

Стоная, дряхлый чародѣй.
 Въ безсильной дерзости своей.
 Предъ сонной дѣвой упадаетъ:
 Въ немъ сердце поеть. плачетъ онъ.
 Но вдругъ раздался рога звонъ...

11. Въ пятой пѣснѣ, послѣ ст.: «Укорь невнятный лепетала» [стр. 276]:

Въ рукахъ Руслана чародѣй
 Томился въ мукахъ ожиданья:
 И князь не могъ отвѣсть очей
 Отъ непонятнаго созданья...
 Но головы въ тотъ самый часъ
 Кончалось долгое страданье.

12. Черезъ 2 стиха, вм. «огромный»: туманный закатился взоръ.

Г. Анненковъ въ своемъ изданіи выписалъ только семь изъ этихъ пропусковъ и пропустилъ три стиха, изъ которыхъ ст. 6-й во 2-й пѣснѣ восстановленъ только въ предыдущемъ изданіи.

1820.

Дорида и Доридѣ [стр. 295] напечатаны въ «Невскомъ Зритель» 1820, №№ 1 и 2, январь и февраль. Въ рукописи, по которой приготовлялось изданіе 1826 г., хранящейся у г. Капниста. Пушкинъ отмѣтилъ противъ этихъ двухъ стихотвореній: «Подражанія древнимъ или какъ хотите», а на одномъ изъ листовъ, видимо, написанномъ раньше, при стихотвореніи «Красавица предъ зеркаломъ», было имъ помѣчено: «Есть у меня какая-то Дорида, см. Невскій Зритель. Если достойна тишенія отыщите ее». Послѣдній стихъ «Доридѣ» въ рукописи сначала былъ: «И ласковыхъ рѣчей» и пр.

Олпникъ Массонъ [стр. 296] подъ этимъ заглавіемъ постоянно встрѣчается въ рукописяхъ, впервые же было напечатано, подъ загл. «Ольга», въ VII т. изданія Анненкова съ пропускомъ двухъ стиховъ, полныхъ «Библ. Записками». Нынѣ г. Анненковъ, въ В. Европы 1881, № 2, нашелъ, что этого стихотворенія не слѣдуетъ печатать на ряду съ другими, какъ не вполне нравственное. Но въ этомъ отношеніи оно едва ли хуже граціознаго «Выздоровленія» [стр. 195].

Платонизмъ [стр. 296]—напечатано въ «Библ. Запискахъ» 1858. № 11. Съ этимъ подражаніемъ Парни ср. подобное же у Рыльева [его соч. 1874, с. 170].

Спротка—Въ изданіи 1860 г. напечатано это стихотвореніе по сообщенію кн. Н. А. Долгорукаго и едва ли принадлежитъ Пушкину. Благодаря Геннади, мы имѣли копію съ тетради князя и увидѣли, что въ нее внесено, безъ малѣйшаго разбора и доказательствъ, съ именемъ

Пушкина почти $\frac{3}{4}$ чужихъ стихотвореній—Языкова, Дельвига, Баратынскаго, даже чуть ли не Федота Кузьмичева, такъ что авторитетъ Долгоруковской тетради ничего не значитъ. По этому, исключивъ стихотвореніе изъ текста изданія, помѣщаемъ здѣсь:

СИРОТКА.

Мнѣ стала извѣстна
И какъ интересна
Сиротка одна!
Неловко признаться,
Легко догадаться
Гдѣ встрѣтилъ. Она
Чертами нѣжна;
На свѣтъ создана
Порой заблужденья;
На алыхъ устахъ,
На бѣлыхъ плечахъ
Сунуть восхищенье.
Задумчивый цвѣтъ
Къ ненастью привыкшій,
Съ головкой поникшей,
Шестнадцать лѣтъ,
Дитя наслажденья,
Въ ней все восхищенье
(Въ томъ щуюсь на нныхъ),
И ножка, и очи—
Задатокъ для ночи
Восторговъ прямыхъ!

Отрывки изъ Оды и Эпиграммы [стр. 298—300] принадлежать къ числу тѣхъ стихотвореній, которыя были причиною ссылки Пушкина [5 мая 1820 г.] Ему грозило наказаніе болѣе суровое, которое было устранено только благодаря хлопотамъ П. Я. Чаадаева и заступничеству Н. М. Карамзина. Эпиграммы на Аракчеева напечатаны въ нынѣшнемъ изданіи безъ измѣненій противъ текста помѣщеннаго въ предыдущемъ изданіи, въ т. V, стр. 533. Отрывки же изъ «Оды» были напечатаны впервые въ I томѣ 3-го изданія Исакова—одна строфа, а прочія пять въ томѣ V-мъ того же издан. на стр. 532—533, и перепечатаны въ нынѣшнемъ изданіи безъ измѣненій. Отрывокъ «Когда на мрачную Неву» напечатанъ въ «Древней и Новой Россіи» 1880, т. 18, стр. 813, и оттуда былъ перепечатанъ въ брошюрѣ В. К. Шульца: «А. С. Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей» [Спб. 1880, 129-я стр.]. Здѣсь говорится о нынѣшнемъ Инженерномъ замкѣ, бывшемъ дворцѣ императора Павла I.

Мнѣ бой знакомъ [стр. 300]—впервые напеч. въ изданіи 1860 г. оно навидано рукою Пушкина на четвертѣ синей бумаги съ водянымъ знакомъ «1819 г.» и на оборотѣ чьею-то рукой набросанъ «Недѣльный репертуаръ» на двѣ недѣли. Имѣя у себя часть бумагъ «Общества зеленой лампы», гдѣ постоянно велись довольно подробные еженедѣльные отчеты о театрѣ, мы замѣтили, что этотъ листокъ взятъ тоже изъ бумагъ общества, соображеніе съ которыми прямо указало, что «недѣльный репертуаръ» относится ко времени 5—17 апрѣля 1820 г. [Лѣтоп. русск. театра Арапова]. Слѣд. стихотвореніе написано въ половинѣ апрѣля 1820 г., а 5-го мая Пушкинъ уже былъ высланъ изъ Петербурга. Въ указанной рукописи есть три поправки: 4-й стихъ былъ прежде написанъ—«И мысль объ ней сладка душѣ моей»; 5-й былъ исправленъ: «во цвѣтѣ лѣтъ восторга полный воинъ», но потомъ возстановленъ прежній, а 7 й стпхъ былъ: «Кто полного веселія не зналъ».

Погасло дневное свѣтило [стр. 300]—напеч. въ «Сынѣ Отечества» 1820, № 46, подъ загл. «Элегія» и безъ подписи, но съ помѣтой внизу, сохраненной нашимъ изданіемъ. Въ изд. 1826 г. заглавіе и помѣта уничтожены, а въ оглавленіи сказано: «Подражаніе Байрону». При перепечаткѣ исправлены прежніе стихи: 10-й «Смущенный духъ во мнѣ кипитъ и замираетъ»; 17-й «Неси меня. корабль, носи къ предѣламъ...» и 32-й «Мятежныхъ заблужденій». Въ рукописи гр. Капниста 3-й стихъ отъ конца читался до поправки: «Глубокихъ сердца ранъ ничто не излечило»; вверху было заглавіе: «Черное море 1820» и эпитафъ: «quod nigh tu native land. Вурон». Все это зачеркнуто и надписано «Элегія VI». Въ письмѣ къ брату, отъ 24 сент. 1820, Пушкинъ сообщаетъ, что написалъ эту элегію ночью на кораблѣ, при перѣздкѣ изъ Кефы въ Юрзуфъ съ Раевскими. См. т. VII, стр. 79.

Элегія [стр. 302]—напеч. въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 г. Анненковъ нашелъ подлинную рукопись этого стихотворенія съ помѣтою «1820 г. Юрзуфъ», но напечаталъ его подъ 1819 г., къ которому оно «ошибочно» было отнесено изданіемъ 1826 г., гдѣ были исправлены прежніе стихи: 6-й «Въ забвеньи наслаждаться ей» и 12-й «Большую душу усладить». Въ рукописяхъ, принадлежащихъ Пуб. Библиотекѣ, сохранился и черновой набросокъ этого стихотворенія. Въ немъ послѣ первыхъ 4 стиховъ читается:

Недолго жизнью молодою
Безпечно наслаждаться ей.
Недолго радовать собою
Несчастной матери своей...
Недолго милой остротою
Бесѣды наши усладить

И тихой, ясною душою
 Больную душу оживлять.
 Спѣшу съ волненьемъ.... и пр.

Оканчивается стихотвореніе такъ:

И краткій мигъ уединенья,
 Несносенъ для любви моеѣ.

Стихотвореніе это относится къ одной изъ дочерей Раевского Еленѣ Николаевнѣ; старшая сестра ея Екатерина Николаевна вышла впоследствии замужъ за генерала М. Ѳ. Орлова, а младшая Марія Николаевна—за кн. С. Г. Волконскаго. Прелестная характеристика семьи Раевскихъ и въ особенности пребыванія у нихъ Пушкина въ Юрзуфъ сдѣлана Н. А. Некрасовымъ въ стихотвореніи «Книгиня М. Н. Волконская» [г. 2, изд. 1879 г., стр. 373, 394 и др.]

О два-роза [стр. 302]—напеч. въ изданіи 1826 г., съ заглавіемъ: «Подражаніе турецкой пѣснѣ», но это вовсе не подражаніе, и стихи относятся къ той же особѣ.

Чаадаеву [стр. 303]—въ «Сѣв. Пчелѣ» 1825, № 12, и за тѣмъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1826 г., въ писемѣ поэта къ Дельвигу. Это стихотвореніе имѣетъ соотношеніе къ помѣщеннымъ на стр. 194.

Фонтану [стр. 303]—въ изданіи 1826 г.

Неренда и Рѣдѣть облаковъ [стр. 304]—оба напеч. въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г., въ томъ видѣ, какъ и въ нынѣшнемъ изданіи, тогда какъ въ издан. 1826 г. были откинута изъ 2-го стихотворенія три заключительныхъ стиха и «таврическія» волны замѣнены «полуденными» а «оливы»—деревьями. Причиной перемѣнъ было желаніе поэта, чтобъ въ этихъ стихотвореніяхъ не узнала себя особа, къ которой они относятся. Оба стихотворенія написаны въ Каменкѣ, имѣніи Раевскихъ подъ Кіевомъ, и представляютъ воспоминаніе о жизни въ Крыму [См. т. VII, стр. 163, 167; пьесы къ А. А. Бестужеву].

Виноградъ [стр. 305]— въ изданіи 1826 г. По всей вѣроятности написано въ Юрзуфѣ, о виноградѣ котораго Пушкинъ писалъ къ брату. Впрочемъ Инпранди [въ «Р. Архивѣ», 1866 г.] полагаетъ, что оно могло быть написано и въ Кишиневѣ, гдѣ изъ оконъ поэта были видны виноградники.

Въ лѣсахъ Гаргаріи [стр. 305]—впервые напечатано въ VII т. Анненковскаго изданія.

Отрывки, приводимые ниже, взяты изъ I тома изд. Анненкова и относятся также къ «юрзуфскимъ» воспоминаніямъ:

I.

На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный.
 Твое я имя повторялъ;
 Тамъ часто я бродилъ уединенный
 И въ даль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

II.

И чувствую, душа (мой)
 Твоей любви тебя достойна;
 Зачѣмъ же не всегда (она)
 Чиста, печальна и покойна? ..

III.

Счастливъ, кто близъ тебя, любовью упоенный.
 Безъ томной робости твой ловить свѣтлый взоръ,
 Движенья мнѣлыя, игривый разговоръ,
 И слѣдъ улыбки незабвенной.

Черная шаль [стр. 305]—въ «Сынъ Отеч.» 1821, № 15, съ объясненіемъ: «Молдавская пѣсня», откинутымъ посмертнымъ изд., и съ поѣткою: «14 ноября 1820», которая вѣроятно представляетъ время отсылки пьесы въ печать, потому что изъ «Воспоминаній В. П. Горчакова» видно, что еще 8 ноября М. Ѳ. Орловъ, при встрѣчѣ съ Пушкинымъ, продекламировалъ начало стихотворенія. Основою его послужила одна изъ пѣсенъ молодой молдаванки Маріулы, прислуживавшей въ кишиневской рестораціи, часто посѣщаемой Пушкинымъ. Въ изданіи 1826 г. поправленъ былъ первый стихъ «Гляжу я безмолвно...», а изд. 1829 г. еще измѣнены два мѣста: ст. 4-й «Гречанку младую...» и ст. 17-й «Вхожу въ отдаленный покой я одинъ». Къ этой пѣснѣ написана музыка А. Н. Верстовскимъ [подробности см. въ «Р. Арх.» 1864, № 7].

Дочери Карагеоргія [стр.306]—напеч. въ изданіи 1826 г. Въ рукописи оно имѣетъ поѣтку «1820» и при 2-мъ стихѣ «Покрытый кровію святой» выноску—«отца и брата». Ст. 8-й читается: «На гибель многихъ обреченный», а вмѣсто 13-го было:

Внезапно мечъ блеснулъ и дни его пресѣкъ,
 Но ты, прекрасная, отца преступный вѣкъ
 Невинной жизнію и пр....

По словамъ Липранди, Пушкинъ никогда не видѣлъ дочери Карагеоргія, которой въ то время было не болѣе 6—7 лѣтъ; ея мать приѣзжала въ Кишиневъ на короткое время, но безъ дочери, и уѣхала мѣсяца за три до приѣзда Пушкина. Разказы же о Карагеоргіи поэтъ могъ слышать отъ сербскихъ воеводъ, поселившихся въ Кишиневъ, и встрѣчавшихся съ нимъ у Липранди.

Эпиграммы [стр. 307]—всѣ три находятся въ рукописяхъ Публ. Библиотекы, и напечатаны впервые въ «Р. Архивъ» 1865, № 12. Первая эпиграмма относится вѣроятно къ Каченовскому, а 3-я несомнѣнно къ Ѳ. И. Толстому прозванному американцемъ, о которыхъ упоминается и въ стих. «Къ Чаадаеву» [стр. 340]. Въ этихъ же рукописяхъ встрѣчаемъ и эпиграмму: «Какъ брань....» и др. [стр. 190].

Въ статьѣ А. Грена въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» 1857 г., № 1, помѣщено съ именемъ Пушкина стихотвореніе «Лилія», принадлежащее кн. Вяземскому, равно какъ и приписываемая Пушкину же эпиграмма: «Спюннымы—гостиная, салонъ».

1821.

Земля и море [стр. 308]—напечатано въ «Новостяхъ Литературы» 1825, № 1. Въ изд. 1826 и 1829 г. означено «Идиллія Мосха», какъ и въ рукописи, гдѣ стих. носитъ еще другое заглавіе: «Морской берегъ» и помѣту времени. Все это исключено посмертн. изд., но нами восстановлено, ибо Пушкинъ требовалъ, въ письмѣ къ брату, указанія на Мосха [см. т. VII, стр. 109].

Желаніе [стр. 309]—въ посмертномъ изданіи съ произвольными измѣненіями издателей противъ рукописи, по которой и восстановленъ нынѣшній текстъ. Стихотвореніе очевидно вызвано свиданіемъ съ Раевскими и воспоминаніями о Юрзуфѣ.

Примѣты [стр. 310]—напеч. въ изданіи 1826 г. Въ рукописи оно имѣетъ заглавіе: «Отрывокъ» и 2-й стихъ читается: «Пастухъ и рыболловъ...» и пр.

Дѣва [стр. 311]—въ «Соревнователѣ Просв. и Благовѣ.» 1825, № 3, безъ заглавія, которое дано изданіемъ 1826 г., гдѣ исправленъ 8-й стихъ журнала: «Жужжать вокругъ нея ревнивыя мольбы».

Діонея [стр. 311]—въ изданіи 1826 г. Въ рукописи озаглавлено: «Идиллія» и 2-й стихъ читается: «Ты съ нынѣшней весны....»; 5-й: «Кромидъ въ тебя влюбленъ....»; 8-й: «...любовію горитъ». Первоначальный же текстъ этого стихотворенія былъ напечатанъ въ «Новостяхъ Литературы» 1825, № 4:

АНТОЛОГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Подруга милая, я знаю, отчего

Ты съ нынѣшней весной отъ нашихъ игръ отстала!

Я тайну сердца твоего

Давно, повѣрь мнѣ, угадала:

Кларисъ въ тебя влюбленъ; онъ молодъ—и не разъ

Украдкою вдвоемъ я замѣчала васъ;

Ты слушаешь его въ безмолвіи, краснѣя,
Твой взоръ потушенный желаніемъ горить...

И долго послѣ, Галатея,
Улыбку нѣжную лицо твое хранить.

Красавица [стр. 311]—въ «Соревнов. Просв.» 1825, № 3, безъ заглавія, даннаго изданіемъ 1826 г., поправившимъ 1-й стихъ: «Мгла красавица, когда...» и пр. и во 2 стихъ: «...цвѣтами убираетъ».

Муза [стр. 311]—въ «Сынъ Отечества» 1821, № 23, съ помѣтой: «Кишиневъ 5-е апрѣля 1821», а въ рукописи помѣчено «1821 февраля 14», т. е. стихотвореніе написано въ Кіевѣ, а послано въ печать изъ Кишинева почти чрезъ два мѣсяца, при чемъ измѣнены стихи: 2-й—«Она трествольную цѣвницу...» и пр., 7-й: «И пѣсни легкія веселыхъ пастуховъ»; 13-й: «И дивно оживленъ...» и пр. и послѣдній: «Тростникъ меня плѣнялъ святымъ очарованьемъ». Этимъ стихотвореніемъ Пушкинъ, помѣтнѣю г. Анненкова, завершилъ свои антологическія подражанія, мысль о которыхъ дана была ему А. Шенье.

Я пережилъ свои желанья [стр. 312]—въ «Новостяхъ Литературы» 1823, № 48, съ заглавіемъ «Элегія». Въ рукописи приписано: «Изъ поэмы Кавказъ», такъ что вѣроятно эти стихи входили въ составъ «Кавк. Пѣнника», но окончательно исправивъ поэму, Пушкинъ далъ имъ форму отдѣльнаго стихотворенія. Въ изданіи 1826 г. исправлено начало 2-й строфы противъ прежняго:

Безмолвно жребію послушный,
Влачу страдальческій вѣнецъ;
Живу печальный, равнодушный... и пр.

Первая мысль Кавказскаго Пѣнника являлась въ очеркѣ, напечатанномъ впервые въ VII т. изданія г. Анненкова. Стихи были набросаны въ 1820 г. во время пребыванія на Кавказѣ съ семействомъ героя 1812 г. генерала Н. Н. Раевского, который, отправляясь туда на воды, нашелъ Пушкина въ Екатеринославѣ, больного и одинокаго, и взялъ съ собой, такъ какъ Пушкинъ былъ близко знакомъ съ его сыновьями Александромъ и Николаемъ Николаевичами. Орывокъ этотъ, находящійся въ рукописяхъ Публичной Библіотеки, сопровождается нѣсколькими программами. Первая: «Буря. Пѣнь. Игры. Черкесь. Дѣва. Воспомянья. Нападеніе. Прощаніе». Вторая, къ которой принадлежатъ и приводимые ниже стихи: «Черкесь. Бой. Бѣгъ. Аулъ. Пѣнникъ. Дѣва». Третья, послужившая основой поэмы: «Аулъ. Пѣнникъ. Дѣва. Любовь. Черкесы Пыры. Пѣсни. Воспомянья. Тайна. Набѣгъ. Ночь. Побѣгъ». Коонецъ 3-й строфы наброска перенесенъ и въ самую поэму, которую Пушкинъ хотѣлъ назвать, по имени своего героя. Владиміромъ, какъ видно изъ помѣты при 2-й программѣ.

Одинъ въ глуши кавказскихъ горъ,
 Покрытый буркой боевою,
 Черкесь надъ шумною рѣкою
 Въ кустахъ тался. Жадный взоръ
 Онъ устремлялъ на путь далекой,
 Булатной шашкою сверкаль,
 И грозно, въ тишинѣ глубокой,
 Своей добычи ожидалъ.
 Товарищъ вѣрный, терпѣливый,
 Питомецъ горныхъ табуновъ,
 Стоялъ недвижно конь ретивый,
 Въ тѣни древесъ у береговъ.

Прохлада вѣтъ падъ водами;
 Одѣлся тѣнью небосклонъ...
 И вдругъ пустыни мертвый сонъ
 Прервался... Пыль взвилась клубами,
 Гремятъ колеса. Конь кипитъ—
 Черкесь верхомъ, черкесь летитъ.

Зачѣмъ, о юноша несчастной,
 Зачѣмъ на гибель ты сиѣшишь?
 Порывомъ смѣлости напрасной
 Своей главы не защитишь.
 Его настигнуть врагъ летучій;
 Несчастный палецъ на чуждый брегъ—
 И слабого питомца нѣгъ
 Къ горамъ повлекъ арканъ могучій.
 Помчался конь межъ дикихъ горъ
 На крыльяхъ огненной отваги;
 Все путь ему—болота, боръ,
 Кусты, утесы и овраги.
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ
 И гулъ пустынный раздается;
 Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ—
 Онъ въ глубь кипящую несется.

На темной спневѣ небесъ
 Луна вечерняя блеснула;
 Вотъ кущи дальняго аула
 [Уже] бѣлѣютъ межъ древесъ...

Самая поэма [стр. 313], какъ сказано, начатая еще во время поѣздки на Кавказъ съ Раевскими, около августа 1820 г., окончательно отдѣлана въ ихъ же пмѣникъ подъ Киевомъ 20 февраля 1821 г., но «Эплогъ» написанъ уже въ Одессѣ въ маѣ мѣсяцѣ. Въ рукописи къ

поэмъ написаны два эпиграфа: итальянскій. изъ Пиндемонте [О счастливъ, кто нѣкогда не переступалъ за границу священной земли собственнаго отечества: сердце его не привязано къ предметамъ, которыхъ нѣтъ ему надежды увидѣть снова] и нѣмецкій—изъ Гёте [Gieb meine Jugend mir zurück]. Русскій эпиграфъ, возстановленный нами, взятъ изъ посланія кн. Виземскаго къ Ѡ. П. Толстому. и изъ письма поэта къ князю видно, что былъ откинутъ только вълѣдствіе ссоры съ Толстымъ. Первое изданіе поэмы напечатано въ Петербургѣ Н. П. Гнѣдичемъ. въ 1822 г.. съ приложеніемъ портрета Пушкина въ молодыхъ годахъ, рисованнаго, какъ говорятъ, К. П. Брюловымъ и гравированнаго Е. Гейтманомъ. Черезъ два года русскій текстъ былъ перепечатанъ Ольдекопомъ при нѣмецкомъ переводѣ Вульфберта, но собственно второе изданіе сдѣлано Пушкинымъ только въ 1828 г., а въ третій разъ поэма напечатана въ книгѣ: «Поэмъ и повѣстей» въ 1835 г. При 2-мъ изданіи было коротенькое предисловіе: «Сія повѣсть, снисходительно принятая публикою, обязана своимъ успѣхомъ вѣрному, хотя слегка означенному, изображенію Кавказа и горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ. справедливо осудившимъ характеръ плѣнника. нѣкоторыя отдѣльныя черты и проч.»— Въ этомъ изданіи исправлены были многочисленныя ошибки перваго. и отчасти возстановлены цензурные пропуски но нѣкоторыя поправки, указанныя авторомъ въ письмахъ къ брату и кн. Виземскому тотчасъ по выходѣ 1-го изд., не вошли во 2-е вѣроятно по недосмотру [напр. «Пещеры темная прохлада—влажная»]. Мы внесли эти исправленія, а равно возстановили въ «Посвященіи» тогдашнія цензурныя исключенія, взявъ ихъ изъ письма поэта къ В. П. Горчакову. Они были указаны и г. Анненковымъ, но не вполне:

Въ началѣ посвященія печаталось прежде:

...Тебѣ я посвятилъ пустынной лпы пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда мнѣ бѣдствія грозили
Я при тебѣ еще спокойство находилъ... и пр.

Въ концѣ было:

Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣтъ.
Но сердце укрѣпивъ терпѣньемъ,
Я ждалъ безопасно лучшихъ дней... и пр.

Подъ строками текста поэмы приведены примѣчанія Пушкина и два откинутыя при печатаніи мѣста изъ рукописи. Третій пропускъ—цензурный, не указанный г. Анненковымъ, внесенъ нами въ самый текстъ, на стр. 317 стихи 10—17, изъ «Р. Архива» 1869, № 10.

Приписки къ поэмѣ, сдѣланныя поэтомъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ критикъ, написанныхъ на «Руслана и Людмилу» [въ особенности

Надеждна въ «В. Европы»), сообщены г. Анненковымъ въ VII томѣ, повидимому съ пропускомъ окончанія 2-й:

1.

Примите новую тетрадь;
Вы, юноши, и вы, дѣвцы:
Не веселѣ ль намъ читать
Игривой музы небыллицы,
Чѣмъ пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя страпницы?
Цль усмиительный журналъ,
Который вретъ, не зная дѣлп,
Который такъ тяжелъ и грубъ—
И ровно каждыя двѣ недѣли
Быть хочеть золь, а только глупь.

2.

О вы, которыя любили
Парнаса тайныя мечты,
И вольной младости цвѣты
Вниманьемъ сладкимъ наградили—
Спасите трудъ небрежный мой
Отъ рукъ невѣжества слѣнова,
Отъ взоровъ зависти косой...

Въ Аглаѣ [стр. 337]—сообщено тамъ же, а написано по всей вѣроятности также въ Каменкѣ въ февралѣ или началѣ марта 1821 г.

Катенину [стр. 338]—напечатано въ изданіи 1826 г. Въ этомъ стихотвореніи говорится объ А. М. Колосовой, которая была обижена рѣзкой эпиграммой Пушкина [см. стр. 213]. Ср. въ т. VII, стр. 158.

Наперсница волшебной старины [стр. 339]—напеч. впервые г. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи», т. I, стр. 41, при чемъ на 35 стр. того же тома 10-й стихъ напечатанъ такъ: «Мой юный умъ напѣваш пѣвица».

Сѣтованіе [стр. 340]—въ посмертномъ изданіи, которымъ дано и заглавіе. «Уставомъ наѣздника» поэтъ называетъ вышедшую въ 1821 г. книгу Давыдова: «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія». Пропущенный стихъ не возстановленъ и сыномъ Давыдова, напечатавшимъ это посланіе въ своемъ изданіи сочиненій отца.

Чаадаеву [стр. 340]—въ «Сынѣ Отеч.» 1821 г., № 35, гдѣ указано въ помѣтѣ 20-е апрѣля [вѣроятно время отсылки стиховъ], тогда какъ въ рукописи оно помѣчено «6 апрѣля». Въ изданіи 1826 г. оно перепечатано съ пропускомъ 8 стиховъ, изъ которыхъ 6 относится къ аме-

риканцу-Толстому, а 2 къ Каченовскому [стр. 342, ст. 13—20]. Стихи о Толстомъ, какъ видно изъ письма къ кн. Вяземскому, поэтъ выпустилъ по желанію князя; а изъ письма къ брату, что цензурою былъ выпущенъ въ «Сынѣ Отец.» 3-й отъ конца стихъ; пропускъ этотъ пополненъ впервые 3-мъ изданіемъ Псакова. Въ Р. Архивѣ 1881 I. г. Чириковъ приводитъ мнѣмые варианты, къ которымъ ему надо бы отнести и указанный самимъ Пушкинымъ въ письмѣ къ Гречу: «напечатано: глупца философа; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ» и пр. Оговорка наша, что мы указываемъ варианты «пушкинскіе», а не посторонніе, особенно же не писарскіе, не помогла.

Всегда такъ будетъ [стр. 343] — галѣтка данная впервые Гибл. Запискамъ 1858.

Къ моей чернильницѣ [стр. 343]—въ посмертномъ изданіи. Въ книжкѣ поэта изъ рукописи этихъ стиховъ вырвана страница, но сохранившаяся изъ нея четверостишіе помѣщено нами въ текстѣ на стр. 344, между точекъ, разделяющихъ уцѣлѣвшія части стихотворенія. Одинъ неточный стихъ былъ внесенъ нами въ предыд. изд. со списка кн. Долгорукова, —нынѣ стихотв. исправлено по тексту Р. Архива 1881 г. [кн. I].

Книжалъ [стр. 346] — перепечатано въ 7-мъ изданіи изъ «Р. Архива» 1876 г., № 10. Оно написано черезъ годъ послѣ высылки изъ Петербурга и Пушкинъ, по поводу упрека кн. Вяземскаго, будто не сдержалъ слова, даннаго Н. М. Карамзину, уже въ 1825 г. писалъ Жуковскому: «Я общалъ Н. М. два года ничего не писать противу правительства и не писалъ. Книжалъ не противъ правительства писать, и хоть стихи и не совсемъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно» [См. т. VII. стр. 197]. Карлъ Зандъ, убитый 23 марта 1819 г. извѣстнаго писателя Августа Копебу, казненъ 26 мая 1820.

Наполеонъ [стр. 347]—впервые напечатано въ изданіи 1826 г. съ пропускомъ 4, 5, 6 и 8 строфъ и 3-го стиха въ 10-и строфѣ: изъ нихъ 6 стиховъ пятой и полныя 6-я и 8-я строфы явились только въ VII т. Анненскаго изданія, заключительныя же строки 5-и и начало 4-и строфы даны въ «Библ. Запискахъ» 1858 г. Въ рукописи поэтъ сначала набросалъ такую программу: «Народы спрашиваютъ: тотъ ли, который... Гдѣ онъ?... Угасъ тотъ, который то и то—и Россію... Но да неупрекнетъ его русскою... Россія славна—бѣдная Франція въ униженіи... Онъ объ ней мыслить... Островъ Елены — тамъ онъ думалъ объ Россіи...» Вѣроятно тогда же Пушкинъ припомнилъ и стихи Жуковскаго 1816 г. и изъ 8 строфъ записалъ 4, съ самыми незначительными переѣвами; г. Анненковъ принялъ эти строфы за пушкинскія и напечаталъ ихъ въ VII т. своего изданія. Въ предыдущемъ изд. 4, 5 и 6 строфы исправлены по авто-

графу, хранившемуся у П. О. Золотарева. Изъ рукописи же, хранящейся въ Моск. Музѣ, видно, что сначала при стихотвореніи былъ эпиграфъ: «*Ingrata patria*»: въ 8-й строфѣ послѣдній стихъ былъ: «счастливица душу возмущала» и самый послѣдній: «Съ утесовъ Эльбы завѣщала.» Г. Чириковъ въ Р. Архивѣ 1881 г., кн. I, укоряетъ насъ, будто мы не привели важнаго варианта въ 10-й строфѣ. Дѣло идетъ конечно о стихѣ: «Благослови Москву Россія», но онъ такъ читается и въ подлинной рукописи Пушкина и во всѣхъ современныхъ Пушкину стихахъ. мнѣмъ же вариантъ изобрѣтенъ издателемъ Полярной Звѣзды 1858 г. Странно, что г. Бартеневъ, въ той же книгѣ Архива описывающій подлинную рукопись «Наполеона», не вычеркнулъ неосновательнаго упрека г. Чирикова.

Алексѣеву [стр. 351]—напеч. въ Полярной Звѣздѣ 1825 г., подъ заглавіемъ «А—ву», а оттуда въ изданіи 1826 г., съ пропускомъ 8 заключительныхъ стиховъ [стр. 352]. Вотъ что писалъ Алексѣевъ Пушкину: «Я намѣренъ объяснить тебѣ давнишнее мое неудовольствіе на цензуру и на издателей за твое посланіе ко мнѣ: литера А не показываетъ еще Алексѣева, а выкинутые лучшіе стихи испортили всю піесу. Именемъ всего прошу тебя исправить эту ошибку» [20 марта 1827].

Зачѣмъ безвременную скуку [стр. 353]. Это загадочное стихотвореніе мы оставили безъ заглавія, потому что не можемъ рѣшить къ кому оно относится и когда написано. Явилось въ печати оно только въ 1827 г., въ «Моск. Вѣстникѣ». № 2, и перепечатано въ изд. 1829 г., гдѣ отнесено самимъ авторомъ къ 1821 г. У г. Анненкова оно помѣщено во 2-мъ томѣ съ примѣчаніемъ, что по свидѣтельству рукописей написано къ Плещееву, а въ указателѣ при 7 томѣ обозначено: Кюхельбекеру. Между тѣмъ въ бывшую Чертковскую бібліотеку поступилъ собственноручный пушкинскій оригиналъ этого стихотворенія, тоже безъ заглавія, но съ помѣтою: «1 ноября 1826 г. Москва». Послѣднее кажется вѣрнѣе, потому что стихотвореніе, написанное еще въ 1821 г., могло бы войти въ изданіе 1826 г., отпечатанное въ октябрѣ 1826, т. е. за мѣсяць до указанной выше помѣты чертковской рукописи.

Гробъ юноши [стр. 353]—въ изданіи 1826 г., Анненковъ полагасть, что оно вызвано извѣстіемъ о смерти лицейскаго товарища поэта—Корсакова, скончавшагося во Флоренціи. У гр. Капниста мы видѣли исправленную рукопись этого стихотворенія. Сначала было написано подъ теперешнимъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ элегіи», а потомъ послѣднее слово зачеркнуто. 1-й стихъ читался: «Навѣкъ, навѣкъ сокрылся онъ», 10-й: «Бывало старцы любовались», 17—19:

И будешь то, что стали мы.

Будь весель, міра гость игривый,

А намъ постылъ уже бѣлый свѣтъ.

Послѣдняя строфа начиналась стихомъ: «Напрасно свѣтитъ лучъ денницы», а оканчивалась такъ:

Пугливо ногу опускаетъ;
И озабоченной рукой
Края одежды подбираетъ...

послѣднее слово написано по зачеркнутому: «подымаетъ».

Умолкну скоро я [стр. 355]—въ изданіи 1826 г. Оно написано къ одному и тому же лицу, какъ и слѣдующее. на другой же день набро- санное поэтомъ: «Мой 'другъ, забыты мною слѣды» впервые напеча- танное въ «Новостяхъ Литературы», 1825, № 3. Въ рукописи гр. Кап- няста есть поправки поэта; во 2-мъ стихѣ было: «мнѣ струны отвѣ- чали», въ 5-мъ: «И дѣвы. тихому предавшись умиленью», и въ: 9: «Позволь одушевить, завѣтныи лиры звукъ». Во 2-мъ стихотвореніи исправленъ только одинъ 8-й стихъ: «веселъ я мигъ лова».

Война [стр. 356] — въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 г., безъ подписи и подъ заглавіемъ: «Мечта война», а въ изданіи 1826 г., подъ ны- нѣшнимъ загл., съ исправленіемъ ошибокъ, исключительно корректур- ныхъ, на которыхъ однако Пушкинъ очень сердился въ письмѣ къ брату. Пьеса написана по поводу начинавшейся борьбы грековъ за незави- симость.

Къ Овидію [стр. 357]—въ «Пол. Звѣздѣ» 1823 г., безъ подписи. Въ рукописи было предисловіе, не попавшее въ печать и появившееся потомъ въ примѣчаніяхъ 1-й главы «Онгина», къ стиху: «Вдали Ита- лии своей.» Кроме того къ стиху: «Но если гнѣвный богъ досель неу- молимъ» была сдѣлана поэтомъ выноска: «Овидій провелъ 9 лѣтъ въ своемъ изгнаніи, а не 20, какъ говоритъ Шатобрианъ.» Два заключи- тельные стиха возстановлены по рукописи въ «Библ. Запскажъ» 1858, № 11; прежде они печатались такъ:

По чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

Къ портрету кн. Вяземскаго [стр. 360]—въ «Пол. Звѣздѣ» 1824 г., безъ именъ Пушкина и князя.

На Каченовскаго [стр. 360]—напечатано въ изданіи 1826 г.

Братья разбойники [стр. 361]—нами перенесено изъ 1822 г. въ 1821 годъ на основаніи письма Пушкина къ кн. Вяземскому, отъ 11 ноября 1823 г., которое поясняетъ и происхожденіе стиховъ: «Вотъ тебѣ и Разбойники. Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 г., въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей—мною не выдуманы.

Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шильонскаго Узника. Эт несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся печально: отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года.» [гомъ VII].—Впервые стихи напеч. въ «Пол. Звѣздѣ» 1823 г. [съ картинкою], а затѣмъ отдѣльно въ Москвѣ, въ 1827 г. Окончаніе. начиная со стиха: «Умолкъ и буйной головою»—явилось только въ посмертномъ изданіи.

Приводимъ здѣсь нѣсколько неогдѣланныхъ черновыхъ набросковъ сохранившихся въ бумагахъ поэта 1821 года:

КЪ ВАС. ЛЬВ. ДАВЫДОВУ.

Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ,¹
 Обритый рекрутъ Гименя,
 Подъ мѣрку подойти готовъ,
 Священной страстью пламенѣя:
 Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ умной,
 За ужинномъ съ бутылками Ап
 Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
 . . . . . Раевскіе моп;
 Когда вездѣ весна младая
 Съ улыбкой распустила грязь,
 И съ горя на берегахъ Дуная
 Бушуетъ нашъ безрукій князь,²
 Тебя, Раевскихъ и Орлова
 И память Каменки любя,³
 Хочу сказать тебѣ два слова
 Про Кишиневъ и про себя....
 . . . . .
 Говѣтъ Инзонъ и наемни
 Я промѣнялъ Вольтера бредни
 И лиру, грѣшнѣйшій даръ судьбы,
 На часословъ и на обѣдни
 Да на сушеные грибы...⁴

(Начало Апрѣля 1821)

¹ Михаилъ Федоровичъ, командовавшій дивизіею въ Кишиневѣ.

² Александръ Писиланти, глава этеристовъ, сражавшійся тогда на Дунаѣ съ турками. Имѣяне Раевскихъ подъ Киевомъ. ³ Отрывскъ этотъ напечатанъ въ статьѣ г. Анненкова о Пушкинѣ (В. Евр. 1874 № I). Анненковъ замѣчаетъ, что слѣдующая за 10 стихомъ строфа посвящена извѣстію о смерти мигрополиа: а послѣ заключительнаго стиха прибавляетъ: «и т. д. до послѣднихъ предъсловъ глумленія» (!!) и заключаетъ: «Пушкинъ вспоминаетъ, какъ Давыдовъ съ брагомъ своимъ надѣвали демократическій халатъ и выпивали чашу до дна за тѣхъ и за ту:

Но тѣ въ Неаполѣ шумятъ

А ты едва ль воспринять:

Народы тишины хотять.

Усталыхъ къ миру явнеть... и пр.

ЕВРЕИСКЪ.

Христось воскресъ, мол Ревекка!
 И нынѣ, слѣдуй душой
 Закону богочеловѣка,
 Тебя цѣлую, ангель мой!
 А завтра къ вѣрѣ Моисея
 За поцѣлуй твой, не робѣя,
 Готовъ, еврейка, приступить
 . . . . .
 Чѣмъ можно вѣрнаго еврея
 Отъ православныхъ отличить? *

[12 апрѣля 1822. Кишиневъ].

НАБРОСКИ

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ САТИРЫ.

1.

Во тѣмѣ кромѣшной...
 Откуда изгнаны навѣки
 Надежда, миръ, любовь и сонъ,
 Гдѣ свищутъ адскіе бичи,
 Гдѣ море адское клокочетъ,
 Гдѣ, грѣшника внимая стонъ,
 Ужасный Сатана хохочетъ...

2.

«Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье?
 Какой порядокъ и молчанье!
 Какой огромный сводовъ рядъ!
 Но гдѣ же грѣшниковъ варятъ
 [И жарятъ]?»—Тамъ, гораздо далѣ.
 «Гдѣ мы теперь?»—Въ парадной залѣ.

3.

«Сегодня балъ у Сатаны...
 На именины всѣ званы...
 Смотри, какъ эти два бѣсенка
 На кухню тащатъ поросенка....
 А этотъ бѣсъ—какъ важенъ онъ!

* По указанію г. Анненкова относится къ содержательницѣ одного постоялаго дома. Онъ же указываетъ [Пушкинъ, стр. 178] вслѣдствіи эпиграммы на Катавази, на Федора Крупицкаго, прозваннаго—Тадарашкой на Тарсисъ [Кишиневская Жанлисъ], на страстную игрицу въ банѣ М. м. Фогданъ... Обращеніе къ женщинѣ, потерявшей глаза, и пр. — Лигранди указываетъ неизвѣстныя эпиграммы на Артемьева, одесскихъ дамъ, и др. (Р. Арх. 1866. 10. с. 1477). В. П. Горчаковъ—указ. „2-е Апрель“.

Какъ чинно выметаеть вонъ
Опилки, сѣру, пыль и кости....
Скажи мнѣ, скоро ль будутъ гости?»

4.

....«Кто тамъ?»

— Привель я гостя. «Ахъ, Создатель!
Вотъ докторъ Фрикенъ, ¹ нашъ пріятель!
Живой!»—Онъ живъ, да нашъ давно:
Сегодня ль, завтра ль—все равно!
«Объ этомъ думаютъ двоюко;
Обычай требоваль однако
Созволенья моего.....»

5.

«Что козырь?»—Черви. «Мнѣ ходить.»
—Я бью. «Нельзя ли погодить?»
—Беру «Кругомъ насъ обыграла!
Эй, смерть! ты право сплутовала.»
—Молчи! ты глупъ и молоденежь:
Ужъ не тебѣ меня ловить!
Вѣдь мы играемъ не для денегъ,
А только бъ вѣчность проводить!²

* * *

Добра чужаго не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
Но мѣру силъ моихъ ты знаешь—
Мнѣ ль вѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю
И не хочу его села,
Не нужно мнѣ его вола:
На все спокойно я взираю.
Ни домъ его, ни скоть, ни рабъ —
Не лестна мнѣ вся благостыня.....

¹ Кишиневскій врачъ.

² Эти отрывки напечатаны г. Аяненковымъ— послѣдній въ VII томѣ, а 4 остальныхъ въ статьѣ о Пушкинѣ 1874 г. Они принадлежать къ задуманной поэтомъ большой политической и общественной сатиры, дѣйствию которой должно было происходить при дворѣ Сатаны. Аяненковъ полагаетъ, что въ числѣ грѣшниковъ и гостей должны были явиться нѣкоторые кишиневскіе жители и наиболее знаменитые политическіе дѣятели Россіи. Эта сатира была оставлена поэтомъ и по словамъ почтеннаго г. Аяненкова уступила мѣсто другой, „не менѣе сатанинской“, программа которой появляется между этими набросками, окончена же послѣдняя была въ 1823 году.

Но ежели его рабыня
 Прелестна... Господи, я слабъ!
 Но ежели его подруга
 Мила какъ ангель во-плоти—
 О Боже праведный, прости
 Мнѣ зависть ко блаженству друга!
 Кто сердцемъ могъ повелѣвать,
 Кто рабъ успійъ бесполезныхъ?
 Какъ можно не любить прелестныхъ!
 Какъ райскихъ благъ не пожелать?
 Смотрю, томлюся и вздыхаю,
 Но строгій долгъ умѣю чтить:
 Страшусь желаньямъ сердца льстить,
 Молчу... и втайнѣ я страдаю.¹

Г-ЖѢ ЭЙХФЕЛЬДТЪ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья
 Не могутъ васъ обворожить:
 Одни двоюродные братья
 Узнали тайну васъ плѣнить.
 Лишили вы меня покоя,
 Но вы не любите меня;
 Одна моя надежда—Зоя:
 Женюсь — и буду вамъ родня.....²

Н. Н.

Могу ль забыть то сладкое мгновенье,
 Когда я вами жилъ и видѣлъ только васъ,
 И вальса въ бѣшеномъ круженьи
 Завидовалъ свободѣ дерзкихъ глазъ?
 Я умолялъ: постой, чудесное мгновенье!
 Вели, чтобъ быстрый вальсъ вертѣлся не вертясь,
 Чтобъ я не опускалъ съ прелестной вѣчно глазъ
 И чтобъ забвеніе крыломъ одѣло насъ....³

¹ Напечатано было въ „Атенеѣ“ 1838 г. и въ „Виб. Запискахъ“ того же года № 11, а за тѣмъ въ „Р. Архивѣ“ 1876. № 10.

² Напечатано въ дневникѣ В. И. Горчакова подъ заглавіемъ г-жѣ Эльфректъ. Въ эту кишиневскую красавицу былъ влюбленъ и пріятель Пушкина Н. С. Алексѣевъ, но она была окружена родственниками-молдаванами и греками, и на нихъ-то нахаживаетъ Пушкинъ въ стихотвореніи. Зоя была племянница молодой Эйхфельдтъ. — По поводу этой же особы написано и стихотвореніе Н. С. Алексѣеву [стр. 351].

³ Напечатано въ изданіи 1870 г. по сообщенію кн. Н. А. Долгорукаго.

КЪ ***

Ты правъ, мой другъ! напрасно я презрѣлъ
 Дары природы благосклонной;
 Я зналъ досугъ — безнечныхъ музъ удѣлъ,
 И наслажденье лѣнью сонной.

Я дружбу зналъ, и жизни молодой
 Ей отдалъ вѣтренные годы,
 Я вѣрилъ ей за чашей круговой
 Въ часы веселій и свободы.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
 Я зналъ и трудъ, и вдохновенье,
 И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
 Уединенное волненье!

Но все пропало!..... рѣзвый нравъ...
 Душа часть отъ часу нѣмѣеть.
 Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
 Въ ключахъ кавказскихъ каменѣтъ.¹

ПАВЛУ СЕР. ПУЩИНУ.

И скоро скоро, смолкнетъ брань
 Средь рабскаго народа —
 Ты молотокъ возьмешь во длань
 И воззовешь: «свобода!»

Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
 О каменщикъ почтенный!
 О Ближневъ, о темный градъ!
 Ликуй, имъ просвѣщенный.²

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ.

Все жалобы, упреки слезы—мочи нѣтъ!
 Огласяюсь пока: она мнѣ надоѣла;
 Бѣ тому жъ и безъ нея мнѣ спшккомъ много дѣла:
 Я отыскалъ за Каменнымъ Мостомъ

¹ Напеч. въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова. предполагаю, что стихи написаны въ отвѣтъ на письмо, упрекавшее поэта въ рабство передъ обычаями и привычками толпы. Последниіи строки съ нѣкоторыми перемѣнами находится также и въ наброскахъ поэта къ „Евгенію Онегину“.

² Въ статьяхъ г. Анненкова о Пушкинѣ. печатавшихся въ „Вѣсти. Европы“ 1874 г. Пушкинъ былъ масонъ.

Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ.
 Подъ видомъ будто бы невиннаго гулянья.
 Ахъ!... матушка!... Предвижу увѣщанья!...
 А, здравствуйте, маман!

«Куда же ты? постой!

Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
 О дѣлѣ говорить...»

— Я зналъ.

«Имѣй терпѣнье,

Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведеніе...»

— А въ чемъ же?

«Да во всемъ. Во первыхъ, ты жены
 Не видишь никогда — точь въ точь разведены:
 Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
 На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
 Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?...¹

I. ПЗЪ КИШИНЕВСКИХЪ ТЕТРАДЕЙ.²

1.

Описаніе кишиневскихъ дамъ.

Раззѣвавшись отъ обѣдни,
 Къ Катакази ѣду въ домъ.
 Что за греческія бредни,
 Что за греческой содомъ.
 Подогнувъ подъ платье ноги,
 За варешемъ, средь прохладъ,
 Какъ египетскіе боги,
 Дамы прѣютъ и молчатъ.

Здравствуй, круглая сосѣдка!

Ты бранчива, ты скупа,
 Ты неловкая кокетка.
 Ты плѣшива, ты глуна.
 Говорить съ тобой нѣтъ мочи.
 Все прощаю, Богъ съ тобой!
 Ты съ утра до темной ночи
 Рада въ банкъ играть со мной.

Вотъ Еврейка съ Таларашкой.

Пламя пышетъ въ подлецѣ...

¹ Напеч. въ „Матеріалахъ“ г. Ашненкова: принадлежитъ по его мнѣнію къ мысли о комедіи изъ крѣпостнаго и шулерскаго міра, программа которой изложена подъ 1822 годомъ въ книгѣ „О Пушкинѣ“ [см. т. V].

² Изъ Р. Архива 1881 г., кн. I.

Пѣна на его лицѣ.
 Весь отъ ужаса хладѣю,
 Ахъ, Еврейка, Богъ убьетъ!...
 Ты наказана сегодня,
 И тебя простилъ Амуръ.
 О, чувствительная сводня,
 О, краса молдавскихъ дурь...
 Ты умна, велерѣчива,
 Кишиневская Жанлисъ,
 Ты бѣла, жирна, шутлива,
 Черноокая Тарсисъ;
 Не хочу судить я строго,
 Но къ тебѣ не льнетъ душа,
 Такъ послушай, ради Бога,
 Будь глупа, да хороша.

2.

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
 Пировъ и радости блистательный пѣвецъ.
 Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки,
 Раздолье ухарскихъ пировъ,
 И пылкую потѣху драки,
 И завитки своихъ усовъ.
 Походную сдувая пыль,
 Ты славилъ, лиру не настроя,
 Любовь и мирную бутылъ.

3.

Вотъ муза, рѣзвая болтунья,
 Которую ты такъ любилъ.
 Она раскаялась, шалунья:
 Придворный тонъ ее плѣнилъ.

4.

A son amant Julie sans résistance
 Avait cédé, mais lui pâle et perclus
 Se demenait, enfin n' en pouva plus,
 Tout essoufflé tira... sa révérence.
 Parlez, monsieur, pourquoi donc mon aspect
 Vous glace-t-il? M'en direz vous la cause?
 Est-ce dégoût?—Mon dieu, c'est autre chose.
 —Est-ce l'amour?—Non, excès de respect.

5.

Казармы правятся имъ больше.
 Но ты, который незнавалъ военной жизни съ роду,
 Зачѣмъ перенимать пустую моду?
 — Какая нужда въ томъ? Въ кругу своемъ они
 О дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жюмнини.
 — Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился;
 Ты плафромъ однимъ, да трубкою плѣнился.
 Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ,
 Гдѣ вѣчно не курятъ и долженъ быть одѣтъ.

6.

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ.
 Ты боленъ: это не мечты.
 И то-то, братецъ, будешь съ носомъ.
 Когда безъ носу будешь ты.

7.

Тадарашка въ васъ влюбленъ
 И для вашихъ ножекъ,
 Говорятъ заводить онъ
 Родъ какихъ-то дрожекъ.
 Намъ приходитъ нелегко!
 Какъ неосторожно!
 Охъ, на дрожкахъ далеко
 Вамъ уѣхать можно.

Въ «Пчелѣ» 1878 г. [№ 29, стр. 241—242] кѣмъ-то рассказывается, что какая-то вдова генерала 1812 г., въ Одессѣ, принуждала Пушкина написать эпитафію ея покойному мужу и что будто бы Пушкинъ написалъ:

Никто не знаетъ, гдѣ онъ росъ,
 Но въ службу поступилъ капраломъ;
 Французскимъ чѣмъ-то раненъ въ носъ —
 И умеръ генераломъ.

Кстати ужъ замѣтимъ, что въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» 1880-го года помѣщенъ рассказъ Г. Н. Гербановскаго о кпшиневскомъ пребываніи Пушкина и приведены два плохія стихотворенія, въ принадлежности которыхъ Пушкину мы сильно сомнѣваемся, да она ничѣмъ и не доказывается, кромѣ голословнаго заявленія, почему и не перепечатаваемъ ихъ.

Одно написано къ картамъ и озаглавлено: «Гѣ въ новой Арמידѣ».

Другое будто бы написано по просьбѣ дочери бояра Варооломея дѣвicy Пульхерицы, желавшей стиховъ не упоминающихъ о любви.

1822.

Люблю вашъ сумракъ [стр. 368]—въ «Моск. Телеграфѣ» 1826 г., № 1, подъ заглавіемъ: «Элегія» и затѣмъ въ изд. 1829 г. уже безъ заглавія. Въ посмертномъ изданіи напечатанъ и первоначальный текстъ этого стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ»: *

Ты сердцу непонятный мракъ,
 Приютъ отчаянья слѣпаго,
 Ничтожество, пустой призракъ,
 Не жажду твоего покрова!
 Мечтанье жизни разлюбя,
 Счастливыхъ дней не зная отъ вѣка,
 Я все не вѣрю въ тебя.
 Ты чуждо мысли человека,
 Тебя страшится гордый умъ.
 Такъ путникъ, съ вышины внимая
 Ручьевъ альпійскихъ вѣчный шумъ,
 И взоры въ бездну истружая,¹
 Невольнымъ ужасомъ томимъ,
 Дрожитъ, колеблется;² предъ нимъ
 Предметы движутся, темнѣютъ.
 Въ немъ чувства хладныя нѣмѣютъ.
 Кругомъ оплота ищетъ онъ;³
 Все мчится, меркнетъ, исчезаетъ...
 И хладный обморока сонъ
 На край горы его бросаетъ...
 Но, улетѣвъ въ міры нигде,
 Уже ли съ ризой гробовой
 Всѣ чувства броню я земныя?
 И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной?
 Уже ли тамъ, гдѣ все блистаетъ
 Нетлѣнной славой и красой,

* Варианты въ черновой рукописи:

¹ И взоромъ бездну измѣряя.

² Дрожитъ шатается.

³ Вотще оплота ищетъ онъ:

Въ очахъ все меркнетъ, исчезаетъ.

И обморокъ, какъ смертный сонъ,

На край горы его бросаетъ

Но если духъ безсмертенъ мой...

Гдѣ чистый пламень пожираетъ
 Несовершенство бытія,
 Минутныхъ жизни впечатлѣній
 Не сохранить душа моя:
 Не буду вѣдать сожалѣній,
 Тоску любви забуду я?
 Любви! Но что же за могилой
 Переживетъ еще меня?
 Во мнѣ безсмертна память милой; ¹
 Что безъ нея душа моя?

. . . . .
 Вы насъ увѣрили, поэты,
 Что тѣни тайною толпой
 Отъ береговъ печальной Леты
 Слетаются на брегъ земной;
 Онѣ уныло посѣщаютъ ²
 Мѣста, гдѣ жизнь была милай,
 И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
 Сердца покинутыхъ друзей...
 Онѣ, безсмертіе вкушая,
 Въ элизій поджидаютъ ихъ,
 Какъ въ праздникъ ждегъ семья родная
 Замедлившихъ гостей своихъ...

. . . . .
 Мечты поэзи прелестной,
 Благословенныя мечты!
 Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
 И ваши тайные цвѣты.

[27 мая 1822].

Друзьямъ [стр. 369]—въ «Полярной Звѣздѣ» 1824, гдѣ 4-й стихъ былъ: «При блескѣ чашъ, при звукѣ лиръ.» Пьеса эта написана въ видѣ ствiе прощальнаго обѣда, даннаго въ Кпшневѣ, у М. А. Полторацкаго, по случаю отъѣзда одного изъ знакомыхъ Пушкина, Валерія Тимоф. Кека. [Въ статьѣ В. Горчакова о Пушкинѣ, «Моск. Вѣд.» 1858 г. № 19].

Птичка [стр. 370]—въ «Литер. Листахъ» 1823, № 2. съ выноской Булгарина: «Сіе относится къ тѣмъ благодѣтелямъ человечества, которые употребляютъ свои достатки на выкупъ изъ тюрьмы невинныхъ

¹ Онъ мой, онъ вѣченъ образъ милой
 Что безъ него душа моя? . .

² Что съ умиленьемъ посѣщаютъ
 Мѣста гдѣ жизнь была милай.

должниковъ и пр.» Стихотвореніе печаталось съ тѣхъ поръ подъ 1823 г., но оно было прислано поэтомъ въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ 13 мая 1822 [см. т. VII. стр. 71].

Вадимъ [стр. 370]. Въ рукописяхъ Пушкина есть и программа трагедіи Вадимъ: «Могила Гостомысла: онъ [Вадимъ] находитъ тамъ друга. Первая сцена трагедіи [она и приведена на стр. 370]. Друзья собираются. Клянутся умереть за Новгородъ. Тризна. Обряды. Вадимъ назначаетъ свиданіе Рогнѣдъ». — «Свадебный пиръ. Рюрикъ выдаетъ свою дочь за Стемида—перваго полководца. Гости садятся за столы—скатерти. Вадимъ въ челяхъ гостей. Пьютъ здоровье Рюрика, братьевъ жениха и невесты, варяговъ. Вадимъ пьетъ здоровье гражданъ и Новгорода—почему?...» Пушкинъ замыслилъ написать картину заговора и возстанія славянскихъ племенъ противъ иноплемениаго ига: содержаніе должно было обращаться около народныхъ массъ и служить апофеозомъ гражданскихъ доблестей ихъ руководителя: подъ славянами же и иноплемениками подразумѣвались советамъ другія партіи. Однако, онъ не продолжалъ отдѣлку трагедіи и перешолъ къ мысли о поэмѣ того же содержанія, но и отъ нея отказался. Для нея тоже была набросана программа: «Вечеръ. Русской берегъ. Лады. Рыбакъ. Вадимъ не спитъ. Рыбакъ хочетъ его убить. Утромъ засыпаеетъ. Вадимъ видитъ во снѣ Новгородъ, Гостомысла. Набѣгъ Рюрика. Рогнѣду. Онъ идетъ къ Новгороду. Нева.» Изъ поэмы уцѣлѣлъ только одинъ отрывокъ, принятый посмертнымъ изданіемъ и г. Анненковымъ за два. Исправленный текстъ былъ напечатанъ въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827 г. № 18. съ указаніемъ, что «нѣсколько стиховъ этого отрывка были напечатаны въ Памятникѣ Отеч. Музъ 1827 г.». Дѣйствительно, тамъ подъ заглавіемъ: «Сонъ. отрывокъ изъ новгородской повѣсти: Вадимъ», были напечатаны стихи начиная съ 18-го на стр. 373: «Проходитъ ночь...» и съ добавкою 25 стиховъ, помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи на 374—375 стр. [«Онъ видитъ Новгородъ...»]. Посмертное изданіе этотъ отрывокъ отнесло къ «лицейскимъ», а стихамъ «Моск. Вѣстника» дало заглавіе «Два Путника». Что же касается отрывка изъ трагедіи, то онъ впервые напечатанъ г. Анненковымъ въ VII т. Нынѣ исправленъ по тексту Р. Архива 1881 т. I.

Узникъ [стр. 376]—въ изданіи 1832 г., т. е. въ 3-й части изданія, начатаго Пушкинымъ въ 1829 г. Анненковъ отнесъ его къ 1824 г. Между тѣмъ мы имѣли процenzированную тетрадь изданія 1832 г., въ которой почти все стихотв. исправлены, а многія цѣлкомъ написаны рукой Пушкина, и подъ каждымъ стихотвореніемъ самимъ Пушкинымъ выставлены годы, что къ сожалѣнію не попало въ печать. Листокъ съ «Узникомъ» писанъ весь рукою Пушкина, съ помарками и съ помѣтой внизу: «Книжнине въ 1822». 1-й стихъ былъ сначала написанъ: «Гляжу я въ окошко темницы сырой;» 8-й: «Онъ вымолвить хочетъ...», 10-й: «Туда, гдѣ си-

нѣтъ и блещетъ гора». а потомъ: «Туда, гдѣ за тучами блещетъ гора», и послѣдній: «Туда, гдѣ гуляютъ...»

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ [стр. 376]—въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825 г. Стихотвореніе не понравилось «друзьямъ» Пушкина и онъ писалъ Бестужеву: «Тебѣ, кажется, Олегъ не нравится—напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ, есть черта трогательнаго простодушія, да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.»

Уединеніе и Пріятелю [стр. 379] — напеч. въ изданіи 1826 г., а оба посланія Баратынскому [стр. 380]—въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1826 г. и оттуда въ изданіи 1829 г.

Гречанкѣ [стр. 380] — въ «Пол. Звѣздѣ» 1823 г. Въ своихъ «Запискахъ» Пушкинъ называетъ эту гречанку «прелестной», но по словамъ Липранди эта гречанка—Калипсо Полихронн—бѣжавшая изъ Константинополя въ Одессу, а съ половины 1821 г. поселившаяся въ Кишиневѣ, была некрасива. «Маленькаго роста, съ едва замѣтной грудью, длиннымъ, сухимъ и нарумяненнымъ лицомъ, съ огромнымъ носомъ и огромными глазами, она едва ли была предметомъ любви Пушкина, можетъ быть увлекшагося только разказами, будто Калипсо была возлюбленной Байрона,» о чемъ и говорится въ этихъ стихахъ.

Адели [стр. 381] — въ «Пол. Звѣздѣ» 1824, подъ заглавіемъ: Въ альбомѣ малюткѣ. Это была дочь Александра Львов. Давыдова. Нѣкоторыя подробности о ней сообщены г. Бартевымъ въ книгѣ: «Пушкинъ въ южной Россіи» [1862 г., стр. 114].

Жалоба [стр. 382]—въ посмертномъ изд., съ перемѣной одного стиха (1) ссорѣ своей съ Сѣверянымъ Пушкинъ упоминаетъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому [т. VII, стр. 10].

Русскому Геснеру [стр. 382]—въ «Опытѣ русской анѳологіи», изданномъ въ 1822 г. лицейскимъ товарищемъ Пушкина—Яковлевымъ а оттуда въ «Моск. Вѣд.» 1856, № 153, и въ VII томѣ 1855 г., но безъ имени В. П. Панаева, извѣстнаго въ свое время множествомъ «идиллій».

Невѣдомскій [стр. 383] — въ 1 томѣ «Сборника Спб. студентовъ», вышедшемъ въ 1857 г.

Эпиграммы [стр. 383]—первая въ изданіи 1826 г.; въ рукописи гр. Капниста она озаглавлена «Совѣтъ»; 2-я въ альманахѣ Уранія 1826 г., а 3-я въ VII томѣ г. Анненкова.

Бахчисарайскій Фонтанъ [стр. 384]. Первое изд. поэмы вышло въ Москвѣ въ 1824 г., съ эпиграфомъ, который былъ откинутъ только посмертнымъ изданіемъ, и намъ восстановленъ, потому что примен-

но этому эпиграфу поэма и обязана своимъ названіемъ. Пушкинъ хотѣлъ назвать ее Гаремомъ, «но меланхолическій эпиграфъ соблазнилъ меня,» пишетъ онъ въ своихъ запискахъ. Изданіе было сдѣлано кн. Вяземскимъ, приложившимъ свою статью: «Вмѣсто предисловія — Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевского острова.» Изданіе заканчивалось выпиской изъ «Путешествія по Тавридѣ П. М. Муравьева-Апостола», для ознакомленія читателей со сценою дѣйствія поэмы. Въ концѣ книги была приложена страница съ 2 замѣтками: «Стр. 3: Гяуру сердце отдала—тѣ ошибаются, которые пишутъ джауръ. Стр. 20: Кивотъ печалью озаренный. Должно читать: Кивогаъ печально озаренный.» Интересно, что эта единственная опечатка 1-го изданія, уничтоженная во всѣхъ прочихъ, была внесена въ изданіе 1870 г.—2-е изданіе вышло въ 1827 г. въ Петербургѣ съ 4 гравюрами [Гирей, Игры женъ, Переходъ Заремы къ Маріи и Сцена между ними]. Въ этомъ изданіи были уничтожены строки точекъ, находившіяся въ 1-мъ, исправлены стихи: 6-й на стр. 386: «И самыя главы Корана», 26-й на 388: «Твоихъ произительныхъ лобзаній» и 12-й на 393: «Какъ духъ она промчалась мимо». — 3-е изданіе вышло въ 1830 г., съ помятою: «Съ дозволенія правительства». Статья кн. Вяземскаго была откинута, а къ выпискѣ изъ статьи Муравьева присоединенъ отрывокъ изъ письма Пушкина къ Дельвигу изъ Крыма, напечатаннаго въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1826 г.—Въ послѣдній разъ при жизни Пушкина поэма перепечатана въ изд. его «Поэмъ и повѣстей» 1833 г.—Г. Анненковъ въ своемъ изданіи неправильно напечаталъ нѣкоторые стихи, до-того печатавшіеся совершенно одинаково во всѣхъ изданіяхъ, напр. 14-й на 392 стр. «Покоя не даетъ ему» вмѣсто «уму», отчего вмѣсто рифмы вышло два стиха, оканчивающіеся одинакимъ словомъ; также 24-й стихъ снизу на 389: «И очи темно-голубыя», вм. «томно-голубыя» и др. Все это повторено было и въ послѣдующихъ изданіяхъ, но исправлено предыдущимъ; равно восстановлены строки точекъ, потому что при отсылкѣ поэмы въ печать Пушкинъ писалъ, что «выкинулъ изъ нея весь любовный бредъ».

* Одно изъ такихъ откинутыхъ мѣстъ и было найдено Анненковымъ въ рукописяхъ; оно внесено въ текстъ на стр. 400. [«Я помню...» и пр. 12 стиховъ]. Изъ письма къ кн. Вяземскому видно, что всѣ перемѣны текста, устраненныя 2-мъ изданіемъ, были сдѣланы въ 1-мъ по настоянію князя, при чемъ нѣкоторые и тогда не были приняты поэтомъ [т. VII]. Изъ-за «Предисловія» кн. Вяземскаго возникла полемика, вызвавшая объясненіе Пушкина въ «Сынѣ Отечества» 1824, № 18. Происхожденіе поэмы указано самимъ авторомъ въ письмахъ къ брату, Дельвигу и Бестужеву: «Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** [Раевская] поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes... «Недостатокъ плана не моя вина. Я

суетѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины....»
 Къ ней конечно и относятся стихи, указанные выше [на стр. 400], а
 равно и тотъ «любовный бредъ», который, къ сожалѣнію, не явился
 въ печати.

Поэмѣ предшествовали слѣд. наброски, данные въ матеріалахъ г. Ан-
 ненкова, въ его книгѣ о Пушкинѣ и въ «Р. Архивѣ» 1881, т. I.

1.

Печалень будетъ мой разсказъ!
 Давно, когда мнѣ въ первый разъ
 Любви повѣдали преданье,
 Я въ шумѣ радостномъ уныль—
 И на минуту позабылъ
 Роскошныхъ оргій ликованье.
 Но быстрой, быстрой чередой
 Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
 Веселье—тихою тоской,
 Печаль—восторгомъ упоенья....

2.

Блестить луна, недвижно море спитъ,
 Молчать сады роскошныя Гассана;
 Но кто же тамъ во тьмѣ сидитъ
 На мраморѣ печальнаго фонтана?
 Арапъ-евнухъ, гарема стражъ сѣдой,
 И съ нимъ его товарищъ молодой.
 «Недугъ любви, недугъ тоски душевной
 Не отъ меня сокроешь ты.
 Твой мрачный взоръ, твой ропотъ гнѣвный:
 Твои свирѣлыя мечты
 Уже давно мнѣ все сказали....»

3.

[Августъ, 1821].

Дивлетъ Гирей задумчиво сидитъ,
 Драгой янтарь въ устахъ его дымится.

4.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ,
 Свободнѣй его грудь вздыхаетъ,
 Живѣе мрачное чело
 Волненье сердца выражаетъ.
 Такъ моря зыбкое стекло....

5.

Съ Турецкаго.

Ларуетъ небо человѣку
 Часы оградъ въ замѣну бѣдъ.
 Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
 На старости суровыхъ лѣтъ
 Блаженъ кто на брегу Дуная
 Собою умножитъ надшихъ рядъ:
 Къ нему навстрѣчу дѣвы рая,
 Толпою страстной полетять.
 Но всѣхъ блаженнѣй, о Зарема,
 Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
 Въ прохладѣ тайнаго гарема
 Обниметь радостно тебя.

Къ этому же времени, вѣроятно, относится и слѣдующій набросокъ, сообщенный Лонгиновымъ по памяти и съ искаженіемъ въ «Современникъ» 1856, № 7. Онъ вѣрнѣе напечатанъ въ «Библ. Зап.» 1858, № 1:

....Въ голубомъ зѣпра полѣ.
 Блещетъ мѣсяцъ золотой:
 Старый дождь плыветъ въ гондолѣ
 Съ догарессой молодой.
 Догорала молодая....

1823.

Ө. Н. Глинкѣ [стр. 401]—отрывокъ былъ напечатанъ въ «Моск. Вѣд.» 1855, № 145, а вполне все стихотвореніе помѣщено въ «Современникъ» 1856, № 7, гдѣ приведены и отрывки изъ посланія Глинки, на которое отвѣчаетъ Пушкинъ, и которое было напечатано въ «Сынъ Отеч.» 1820, № 38, вслѣдъ за «Эпилогомъ» къ Руслану и Людмилѣ. Стихотвореніе было прислано Пушкинымъ въ письмѣ къ брату, въ январѣ 1823 г. Глинка еще въ Петербургѣ оказалъ услугу Пушкину: состоя при гр. Милорадовичѣ, онъ имѣлъ возможность предупредить Пушкина о грозившей ему бѣдѣ, окончившейся ссылкой на югъ; при обыскѣ у Пушкина ничего найдено не было.

Телега жизни [стр. 401]—въ «Моск. Телеграфъ» 1825 г., № 1 и во всѣхъ изданіяхъ безъ перемѣнъ, кромѣ 1826 г., гдѣ 2-й куплетъ читается:

Съ утра садимся мы въ телегу
 Мы погоняемъ съ ямщикомъ;
 II, презирая лѣнь и нѣгу,
 Кричимъ: валяй по всѣмъ по тремъ.

* Было: Кто русскнхъ поражал.

Гг. Анненковъ и Геннадіи, не оговорили однако этого варианта. Въ текстѣ, сообщенномъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому, находится только одинъ вариантъ въ 8-мъ стихѣ «Кричимъ: валий...»: а 5-й стихъ видимо искаженъ издателемъ, напечатавшимъ: «садимся мы въ дорогу», вм. «въ телегу». [Р. Арх.] 1874, № 1, с. 139].

Эпические отрывки [стр. 402]—всѣ шесть разновременно были напечатаны: въ 1861 г. во «Времени» № 7 и «Библ. Зап.» № 19 и въ 1863 г. въ «Современникѣ» № 7, а за тѣмъ всѣ вмѣстѣ въ «Р. Архивѣ» 1876, № 10 и 1881, кн. 3. Въ выноскѣ на 404 стр. въ последней строкѣ должно читать «1823».

Простишь ли мнѣ, Ненастный день и Ночь—[стр. 405—407]—всѣ три относятся къ одной особѣ, указанной г. Зеленецкимъ въ его статьѣ въ «Р. Вѣстникѣ». Первое стихотвореніе было напеч. въ «Поллярной Звѣздѣ» 1824, подъ загл. «Элегія» и безъ подписи, съ ошибками, которыя исправлены въ пзд. 1826 г., гдѣ впервые напечатаны оба послѣдніа стихотворенія. Въ рукописи гр. Капниста, какъ и въ «П. Зв.», стихи читались первоначально. 2-й: «несчастное волнение», 10-й: «...любви моей безумной», 11-й: «...въ толпѣ ихъ шумной» и 4-й отъ конца: «Но ты вѣрна...». Упомянутый въ стих. «соперникъ»—яко Собаньскій. Эти стихотворенія написаны уже въ Одессѣ, куда поэтъ перѣхалъ въ іюнь 1823 г.

Во второмъ стихотвореніи точки были поставлены самимъ Пушкинымъ, и предполагалось, что стиховъ написано не было. При распродажѣ книгъ покойнаго академика М. Е. Лобанова мнѣ пошлось изданіе соч. Пушкина 1829—1835 г. съ вписками Лобанова, при чемъ въ Одѣ Наполеону пропускавшіяся строфы вписаны вполнѣ вѣрно: въ настоящемъ же стихотвореніи первый пропускъ, гдѣ говорится о ревности не замѣщенъ, но конецъ дописанъ. Пушкинскіе ли это стихи неизвѣстно:

Но если праведно она [ревность] заклокотала.

Но если не вотще ревнивая тоска.

И съ вѣроломства покрывало

Сняла дрожащая рука...

Тогда прости любовь—съ глазъ сброшена повязка:

Слѣпецъ прозрѣлъ, отвергнуши стыдъ и лести,

Взамѣнъ любви въ души лелѣегъ мести

И всточенный клижалъ—той повѣсти развязка.

Демонъ]стр. 407)—въ «Мнемозинѣ» 1824, подъ загл. «Мой Демонъ», и затѣмъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825, потому что въ «Мнемозинѣ» стихи были искажены опечатками. При появленіи своемъ «Демонъ» произвелъ значительное впечатлѣніе и многіе считали, что образъ Демона списанъ съ А. Н. Раевского. Это мнѣніе проникло въ печать, такъ что Пуш-

книгъ заготовилъ—было замѣтку, оставшуюся ненапечатанной: «...Многіе были того же мнѣнія и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ хотѣлъ будто бы изобразить въ этомъ странномъ стихотвореніи.... Кажется онъ не правъ; по крайней мѣрѣ, я вижу въ «Демонѣ» цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни—сердце не охлажденное опытомъ доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало по малу вѣчныя противорѣсія сущности рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, о не продолжительное.... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души.... Недаромъ великій Гете называлъ вѣчнаго врага челоѣчества—духомъ отрицающимъ.... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ пріятной картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?» [Пушкинъ, г. Анненкова, 1874, стр. 152].

Кстати укажемъ, что въ «Р. Архивѣ» [1876, № 4] рассказывается, будто Пушкинъ читалъ на вечере въ Москвѣ своего «Демона». Онъ замѣтилъ, что одна изъ слушательницъ зѣвнула вслѣдъ за стихами:

И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Мгновенно поэтъ прибавилъ:

Но укротился пламень гнѣвный
Свирѣпныхъ, злобныхъ, адскихъ силъ,
И онъ Варвары Алексѣвны
Зѣвоту вдругъ благословилъ.

Изъде сѣятель [стр. 408]—въ «Р. Архивѣ» 1866, № 4, въ письмѣ къ А. И. Тургеневу; исправлено по автографу, у бывшему П. Θ. Золотарева.

Кн. Голлицыной [стр. 408]—въ «Карманной книжкѣ» для любит. рус. старины» 1830 г. подъ заглавіемъ: «Кн. Голлицыной, урожденной Суворовой», и за тѣмъ въ посмертномъ изд. подъ сокращеннымъ заглавіемъ: «М. А. Г.», почему ихъ относили [и справедливо] къ кн. Марѣ Аркадьевнѣ Г., рожденной Суворовой [ея сестра Варвара Аркадьевна. была за Башмаковымъ и тоже часто встрѣчалась съ Пушкинымъ у Воронцовыхъ]. Геннади заявилъ однако, что это неправильно, и что стихи написаны къ кн. Еленѣ Александровнѣ Г., рожденной кн. Салтыковой. Последнее видимо противорѣчило первоначальному заглавію и дѣйствительно въ «Р. Старинѣ» [1878 г. № 12] сынъ этой княгини, кн. Н. Н. Голлицинъ, заявилъ, что къ его матери, бывшей за кн. Николаемъ Борисовичемъ, Пушкинъ стиховъ не писалъ, а если и писаны они къ княгинѣ Еленѣ Александровнѣ, то къ другой—бывшей за кн. Василиемъ Сергѣевичемъ, а въ первомъ бракѣ за кн. А. А. Суворовымъ, которая съ 1830-хъ годовъ постоянно жила то въ

Одессѣ, то въ Крыму.—Но и это указаніе противорѣчитъ первоначальному заглавію, ибо вдову Суворова нельзя было назвать урожденной Суворовой, притомъ же она, по указанію князя Н. Н., жила на югѣ Россіи въ тридцатыхъ годахъ, а стихи написаны въ 1823.—При переходѣ стихотворенія въ посмертное изданіе, послѣднимъ былъ испорченъ 9-й стихъ: «тайной скуки», вм. муки, что нами и поправлено.

Недвижный стражъ [стр. 409].—Первоначально была напечатана съ пропусками только вторая половина стихотворенія въ «Современникѣ» 1857, № 11, откуда г. Анненковъ и перепечаталъ ее въ VII томѣ замѣтивъ, что эта пьеса ему «давно известна», хотя въ 6 томахъ не упомянулъ о ней. Далѣе онъ замѣтилъ, что отрывокъ по его мнѣнію написанъ «около 1821 г. послѣ извѣстія о смерти Наполеона и усмиреніи итальянскихъ волненій. Поэтъ вызываетъ тѣнь Наполеона и кажется, намѣревался вложить въ уста ея трогательную [?] и поучительную [?] рѣчь». Съ легкой руки г. Анненкова, послѣдующія изданія и г. Бартенева принимали эти стихи за первый набросокъ «Наполеона», между тѣмъ въ 7-мъ изданіи мы замѣтили, что они не могли быть написаны ранѣе конца 1823 г., т. е. ранѣе усмиренія возстанія Рiego въ Испаніи. [«За Пиринейми давно ль и пр.»]. Предположеніе наше подтвердилось—и г. Бартенева нашелъ «рукопись между «Одесскими [декабрь 1823 г.]». Изъ нея онъ привелъ два варианта: строфа 2. ст. 3: «Отъ замка Грузина до башенъ Гибралтара» и стр. 4, ст. 2: «Свободою Гишпанія кипѣла.» Третья строфа осталась недописанною. Первая половина стихотворенія появлялась частями въ «Русской Рѣчи» и въ «Современникѣ», а все стихотвореніе напечатано вполнѣ въ «Р. Архивѣ» 1876 № 10, гдѣ тоже неточно отнесено къ 1821 году, и одинъ стихъ искаженъ.

Возстанъ о Греція [стр. 411]—въ VII томѣ г. Анненкова. Въ послѣднемъ стихѣ упоминается поэтъ Константинъ Ригасъ, казненный турками въ Бѣлградѣ, въ 1798 г., за пѣсни, призывавшія грековъ къ оружію.

Сказали разъ [стр. 411]—въ «Модномъ Магази́нѣ» г-жи Мей, а оттуда въ изданіи сочиненій Пушкина 1870 г. Стихотвореніе написано въ самомъ концѣ 1823 г., по поводу извѣстія Шатобриана о плѣнѣ, а слѣдовательно и о неминуемой казни Рiego, при чемъ М. С. Воронцовъ воскликнулъ: «Quelle heureuse nouvelle, sire!» Свѣдѣнія объ этомъ сообщены въ «Запискахъ Басаргина» [XIX вѣкъ М. 1872, т. I] Казнь Рiego была совершена въ ноябрѣ 1823 г. Ср. въ VII т. стр. 189.

Надгробная надпись [стр. 412]—въ «Библ. Запискахъ» 1858. № 16, по сообщенію кн. Н. Н. Голицына. Г-ну Геннади передавали, что на памятникѣ въ Невской лаврѣ эта эпитафія вырѣзана съ перечтнями:

Ограднымъ ангеломъ на землю онъ явился
 И счастье райское принесъ съ собою къ намъ.
 Но жгнелъ горнихъ мѣстъ онъ міромъ не прельстился
 И снова олетѣлъ въ отчизну къ небесамъ.

Изъ Одесской жизни приведемъ еще одинъ, повидимому, мнимый эскизъ Пушкина дочерямъ мѣтнаго антикварія Бларамберга [Р. Архивъ 1877. III. 325]:

Такъ! вы надъ вѣтми взяли верхъ.
 Предъ вами преклоню колѣна.
 О величавая Елена.
 О Знанца Бларамбергъ!

1824.

А. .І. Давыдову [стр. 412]—въ «Моск. Вѣстникъ» на 1829 г. и оттуда въ изданіи 1829 г., подъ заглавіемъ «Д—у», и съ пояснительной припиской. уничтоженной посм. изданіемъ. но нами восстановленной. Давыдовы были родня Раевскимъ и имѣніе «Каменка» принадлежало имъ сообща. Именно мать старика Раевского, урожденная гр. Самоилова. была во второмъ бракѣ за Давыдовымъ. Александръ и Василій [декабристъ] Львовичи были ея сыновьями. Александръ былъ женатъ на веселой. любезной французкѣ графинѣ Аглаѣ Грамонъ. Къ ихъ дочери Адели написано стихотвореніе, о которомъ упомянуто немного выше. По смерти Алекс. Львовича вдова уѣхала въ Парижъ и тамъ вышла замужъ за генерала Себастьяни.

Веселый пиръ [стр. 413]—въ «Мнемозинѣ» 1824. кн. 2, подъ заглавіемъ «Вечеръ». Пушкинъ очень сердился за опечатку «Мнемозины». гдѣ веселье названо было «засѣдателемъ». Стихи написаны въ Одесѣ.

Иностранка [стр. 413]—въ изданіи 1826 г. Особу, къ которой написаны эти стихи, смѣшивали съ г-жею Ризничъ. Кто была эта «иностранка». умершая за границей—пока неизвѣстно. Буква «Д.» подъ стихами. по мнѣнію г. Анненкова. подразумеваетъ Deguilly, какого-то француза. въ которомъ Пушкинъ видѣлъ соперника и съ которымъ у него еще въ Кишиневѣ дѣло доходило до дуэли [Пушкинъ, стр. 244 и 192]. Что же касается до замѣчанія г. Анненкова. что стихъ: «На чуждыя черты взирая». указываетъ на портретъ Пушкина въ альбомѣ, то не проще ли считать это — чуждыми чертами русскихъ стиховъ, тогда какъ черты лица Пушкина не могли быть чуждыми любимой имъ и повидимому любившей его особѣ.

Ночной зефиръ [стр. 413]—въ «Литер. Музеумѣ» на 1827 г. и въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827. № 8, подъ загл. «Испанскій романсъ». выпущеннымъ посмертнымъ изданіемъ. Въ «Л. Музеумѣ» была приложена и

музыка А. П. Верстовскаго, а въ 1837 г. была написана еще новѣе Н. Дингельштетомъ.

Къ Морю [стр. 414]—въ «Мнемозинѣ» 1824. кн. 4. но съ ошибками и съ пропускомъ 13-й строфы, изъ которой было только: «Миръ опустѣлъ...». Въ изданіи 1826 г. напечатаны въ этой строфѣ два полныхъ стиха, но въ изд. 1829, посмертномъ и Анненковскомъ опять только прежнія два слова. Вся строфа дана «Библ. Записками» 1858. № 11. гдѣ 5-й стихъ неправильно начинался словомъ: «Непросвѣщеніе», замѣненнымъ въ изд. 1870 г. другимъ началомъ. непѣющимъ основаніи въ рукописяхъ: «Коварство. злѣба» и пр. Замѣтимъ, что въ упомянутой выше Лобановской книгѣ послѣдніе три стиха вписаны такъ:

Судьба земли повсюду та же,
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Стоитъ неустойчивый тиранъ!

Этимъ стихотвореніемъ Пушкинъ простился съ югомъ Россіи и всѣ слѣдующія [до конца тома] написаны имъ въ Михайловскомъ.

Аквилонъ [стр. 416]—это стихотвореніе, по словамъ г. Анненкова не напечатанное при жизни Пушкина. было напечатано въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1837 г.. № 1. за одинъ нумеръ до того, въ которомъ явилось закончическое, въ 5 строкъ. и единственное извѣщеніе о кончинѣ поэта. Рукопись стихотворенія была исправлена поэтомъ въ Болдинѣ 7 октября 1830 г., но поправки состояли только изъ замѣны четырехъ словъ другими: «дальній небосклонъ» вм. чуждый, «столь гнѣвно» вм. такъ бурно. и «глухо облегался» вм. мрачно облегался. Любопытный разсказъ г. Краевского о напечатаніи этого стих. приведенъ въ Р. Старинѣ 1880, VII. 537.

Прозерпина [стр. 417] — этотъ переводъ 28-й картины изъ «Les deguisemens de Vénus» Парни, далеко превосходящій подлинникъ, былъ напечатанъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1823 г.

Къ Языкову [стр. 418] — въ «Литерат. Газетѣ» 1830, № 16, безъ подписи, но съ помятой «1829. Михайловское» и подъ загл.: «Отрывокъ изъ посланія Языкову». Напечатано было безъ 15^{1/2} послѣднихъ стиховъ и съ измѣненіемъ нѣсколькихъ, такъ что напр. 17 и 19 не рѣшовали между собой. Полный текстъ съ исправленіями и окончаніемъ [послѣ словъ «Я жду тебя...»] былъ напечатанъ нами по рукописи гр. М. А. Корфа въ «Современномъ Обозрѣніи» 1868. № 4. и отсюда стихотвореніе въ полномъ составѣ перешло въ изданіе г. Исакова 1870 г. Необъяснимо поэтому, какимъ образомъ Гербель, взявъ только конецъ посланія, начиная стихомъ: «Я жду тебя» и пр., напечаталъ его въ «Р. Архивѣ» 1876 № 10, стр. 216. подъ видомъ пропущеннаго въ изданіи г. Исакова особаго Посланія къ П. П. Пущину, хотя и сдѣлалъ

ссылку на «Совр. Обзорѣе». — Почти одновременно написанное Послание къ Вульфѣ. не внесенное однако Пушкинымъ въ собраніе стихотвореній 1826 и 1829 г. помѣщено нами въ VII т. стр. 237.

Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ [стр. 420] былъ напечатанъ при I-й главѣ «Онѣгина» вродѣ вступленія, а за тѣмъ перепечатанъ отдѣльно въ 4-й части изданія 1829—1835 г. Въ первомъ изданіи читались иначе ст. 15 снизу на 423: «Пускай ихъ Шалпковъ поетъ» и ст. 10 снизу на 426: «Но тутъ не вижу я стыда». Былъ исправленъ еще стихъ 7-й снизу на 424: «Гдѣ ты была» вм. та, но мы возстановили прежнее чтеніе, чтобъ не нарушить соответствія съ внесенными въ текстъ пропусками, которые впервые даны въ VII т. г. Анненкова: 4 стиха послѣ: «Искалъ вниманья красогы» [423, ст. 8] 4, стиха послѣ: «Боготворить не устыдился» [424, ст. 4], и 8 стиховъ послѣ: «Судьбою такъ уже рѣшено» [425, ст. 4].

Два посланія цензору [стр. 427, 430] — въ сокращенномъ видѣ явились въ VII т. изданія г. Анненкова, который заявлялъ, что они, очищенные отъ намековъ, касавшихся современнымъ поэту лицъ и событій, теряютъ всякій призывъ сатирическаго или полемическаго направленія. Мы видѣли цензурную рукопись VII тома и не нашли въ этихъ стихотвореніяхъ ни одного цензурнаго исключенія, такъ что честь очищенія принадлежитъ г. Анненкову, который имъ далъ заглавія «Посланій къ Аристарху», а въ позднѣйшихъ статьяхъ о Пушкинѣ [Пушкинъ 1874. стр. 297] называетъ Посланіями къ Тимковскому, не смотря на Пушкинскій стихъ: На скользкомъ поприщѣ Тимковск'аго наследникъ». — Добавки очищенныхъ мѣстъ даны были «Библ. Запискамъ» 1858, № 11, ст. 547—548, но въ текстъ сочиненій Пушкина внесены вполне только въ изд. 1870 г. Второе посланіе мы исправили по подлинной рукописи поэта, хранящейся у П. Я. Дашкова. Замѣтимъ, что двустишіе: «Сей старецъ» и пр. [стр. 431, ст 7—8 снизу] находится на бюстѣ Шишкова въ Академіи Наукъ, и что девять стиховъ были сообщены Пушкинымъ къ Вяземскому [т. VII стр. 24], при чемъ въ 8 стихѣ находится одно только слово, замѣненное въ окончательной отдѣлкѣ; именно было: «спасалъ онъ лавръ единый» вм. «укрылъ». Такъ какъ эти стихотворенія долго оставались ненапечатанными, то при перепискѣ искажены во многихъ мѣстахъ крайне нелѣпыми передѣлками. Ясно, что при подлинномъ текстѣ всѣ писарскія варіаціи должны быть откинута. Подстрочное четверостишіе на стр. 430 впервые было напечатано только въ предыдущемъ изданіи.

Коварность [стр. 433] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1828, № 6; стихотвореніе. вѣроятно, вызванное одесскими воспоминаніями.

Цыганы [стр. 433]. Поэма начата была Пушкинымъ еще въ Одессѣ, между 2 и 3 главами «Онѣгина», въ декабрѣ 1823 г., при чемъ вначалѣ

рукописи поэтъ нарисовалъ медвѣдя, цыганскій шатеръ и подъ нимъ Земфиру. Окончена поэма въ Михайловскомъ (10 октября 1824 г.). Отрывки изъ нея были напечатаны въ «Пол. Звѣздѣ» «въ Моск. Телеграфѣ» 1825 г. № 11 и въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1826. Полный текстъ изданъ въ Москвѣ въ 1827 г. [«Цыганы». Москва. Въ тип. Ав. Семена]. при этомъ вся разница отъ текста «М. Телеграфа» была только въ направлении одного слова: «Какъ онъ молодъ и свѣжъ». Въ рукописи Пушкинъ предназначалъ поэмѣ два эпиграфа: одинъ—который прежде хотѣлъ помѣстить при «Кавк. Плъникѣ» и который тамъ нами и напечатанъ, и другой—«Мы люди смиренные, дѣвы наши любятъ волю — что тебѣ дѣлать у насъ? — Молдавская пѣсня». Кроме того г. Анненковымъ найдены въ рукописяхъ два отрывка, не вошедшие въ поэму: одинъ въ 8 стиховъ помѣщенъ нами въ текстъ «эпиграфа» [стр. 453, строфа 2]—потому что мы его видѣли вписаннымъ тамъ рукою Пушкина въ текстъ печатнаго экз. Публичной Библиотекы, а затѣмъ цѣлую сцену. къ стр. 441:

Блѣдна, слаба—Земфира дремлетъ;
Алеко съ радостью въ очахъ
Младенца держитъ на рукахъ
И крику жизни жадно внемлетъ:
«Прими привѣтъ сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненный даръ свободы.
«Останься посреди стѣнъ:
Безмолвны здѣсь предразсужденья —
И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикою люлькою твоей.
«Рости на волѣ безъ уроковъ,
Не знай стѣснительныхъ палатъ.
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ.
«Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Цускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ цѣтъ и пресыщенья
И пышной суеты наукъ....
«Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ, .
Трепещь тайно жаждой мести.
«О Боже! если бѣ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой остяка
Въ глухой расщелинѣ утеса....»

Въ черновыхъ Кишиневскихъ тетрадахъ сохранился еще слѣдующій набросокъ:

Какія бѣ чувства ни кишѣли
Въ его измученной груди,
Давно, на долго ль приемирѣли.
Проснутся—подожди.

Поэтъ хотѣлъ также приложить къ поэмѣ нечто вродѣ предисловія: «Долго не знали въ Европѣ происхожденія цыгановъ и считали ихъ выходцами изъ Египта. Донынѣ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ египтянами. Англійскіе путешественники разрышили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что цыганы принадлежатъ отверженной кастѣ индѣйцевъ, называемыхъ паріа. Языкъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни — вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностью — вездѣ утомила мѣры, принятыя для преобразованія празднои жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англии; мужчины занятаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышленуютъ воровскою, пѣснями и плясками».

Подражаніе А. Шенье [стр. 454] — въ изданіи 1826 г. Заглавіе было выпущено посмертнымъ изданіемъ. Въ рукописи гр. Капниста при этомъ стих. написано Пушкинымъ: «Помѣстить въ элегіяхъ». Это же стихотвореніе переведенои Языковымъ.

Подражанія Корану [стр. 454], кромѣ IV пѣсни, напечатанной въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1826 г., впервые появились въ изданіи 1826 г. и перепечатаны въ изд. 1829 г. съ нѣкоторыми перемѣнами. Такъ въ примѣчаніи откинуть конецъ: «Изъ книги Слѣпецъ [Тюля]. Вотъ почему слово сіе почитается у турокъ за жесточайшую брань.» Въ I пѣсни въ изд. 1826 г. было: «Клянуса утренней зарей», во II: «Стекаясь къ трапезѣ его», въ IX: «И странное чудо»...

Признаніе [стр. 460]—въ «Библ. для Чтенія» 1837, № 5. Оно напечатано спустя три мѣсяца по смерти поэта, и съ ошибочною помѣтою «1821», когда Пушкинъ былъ еще на югѣ. Стихотвореніе написано къ одной изъ дочерей П. А. Осиповой бывшей потомъ за Беклешовымъ.

Эпиграмма [стр. 462]—въ «Р. Вѣстникѣ» томъ 84, въ статьѣ М. П. Семеваго. Изданіемъ 1870 г. она не совсемъ точно отнесена къ 1825 г. потому что въ этомъ году Z. уже умеръ.

Слѣдующіе черновые наброски и взяты изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова. Они имѣютъ отношеніе къ стихотвореніямъ этого года, напр. первое 4-стишіе могло быть набросано при подражаніяхъ Корану, а четвертое—какъ будто выводъ изъ разсказа объ Овдѣи.

ОГЛАВЛЕНИЕ I-го ТОМА.

	Стран.
О нынѣшнемъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина. . .	I
1811. Эпиграмма	1
La Toiyade. Отрывокъ	—
1812. Пѣсня «О Делія драгая»	—
Делія.	2
Измѣны [Гр. Н. В. Кочубей].	3
1814. Къ сестрѣ.	5
Къ другу стихотворцу.	9
Кольна [подражаніе Оссиану].	12
Эвлега [изъ поэмы Isnel et Aslega].	16
Оскаръ [подражаніе Парни].	18
Ледя. Кантата [подражаніе Парни].	21
Венера съ Лансы при посвященіи зеркала.	23
Красавица, которая нюхала табакъ [Кн. Е. М. Горчаковой].	—
Stances. «Avez-vous vu la tendre rose» [ей же].	25
Къ Натальѣ [актрисѣ гр. Толстого].	—
Къ молодой актрисѣ [ей же].	28
Опытность	29
Блаженство	30
Пирующие студенты.	33
Къ Батюшкову [Филосовъ рѣзвый и пинтъ].	36
Къ Н. Г. Ломоносову.	39
Романсъ. «Подъ вечеръ, осенью ненастной».	40
Mon portrait [Барону И. О. Гревеницу].	42
Городокъ [Къ ***].	43
Эпиграммы:	
Арестъ намъ обѣщаль.	55
Супругою твоею и такъ пльнися.	56
Несчастье Клита [на Кюхельбекера].	—

* Крупнымъ шрифтомъ съ звѣздочкой отмѣченъ исправленный въ послѣдствіи Пушкинымъ текстъ его «лицейскихъ стихотвореній».

	Стран.
На поэмѣ Шпхматова . . .	56
На гр. А. К. Разумовскаго	—
1815. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ . . .	57
Казакъ	62
Вишня	64
Бова. Отрывокъ	67
Наполеонъ на Эльбѣ	75
*ДЩЦИНЮ	77
Къ А. П. Галичу [Пускай угрюмый риемотворъ]	80
*СТАРИКЪ [ИЗЪ МАРО]	82, 472
Къ П. П. Пущину [Любезный именинникъ]	82
Къ Батюшкову [Въ пещерахъ Геликона]	84
Вода и вино	85
Погребъ	—
Воспоминаніе [П. П. Пущину]. «Помнишь ли мой братъ»	86
«Мы недавно отъ печали»	473
Мечтатель [По небу крадется луна]	87
Князю А. М. Горчакову [Пускай не знаясь съ Аполлономъ]	90
Посланіе къ Галичу [Гдѣ ты, львивецъ, мой]	91
Къ Дельвигу [Послушай, музъ невинныхъ]	96
Разсудокъ и любовь	98
Сраженный рыцарь	99
Мое завѣщаніе [друзьямъ]	100
К. П. Бакуншиной [И такъ я счастливъ былъ]	102
Къ живописцу [изъ Парни]	103
*РОЗА	—
*ГРОБЪ АНАКРЕОНА [изъ Парни]	104
На возвращеніе государя изъ Парнжа	105
Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ [Вамъ восемь лѣтъ]	108
Моя эпитафія	109
Эпиграммы:	
Бывало прежнихъ лѣтъ герой	—
Отъ всеночной вечеръ иди домой	476
Ахъ тошно, тошно, помогите	109
На профессора Черняка	—
1816. Фавнъ и пастушка. Картины [подражаніе Парни]	110
*КЪ МОРФЕЮ [изъ Парни]	117
Сну [первоначальный текстъ]	477
Къ Машѣ [Дельвигъ] «Вчера мнѣ Маша приказала»	118
Пуншева я пѣсня [изъ Шиллера]	—
Заздравный кубокъ	119
Усы. Философическая ода	120

	Стран
Къ Юшкову. Отрывки изъ посланія	122
Желаніе [В. Л. Пушкину] «Христосъ воскресъ!» . .	124
Посланіе Лидѣ	125
Слово милой [Маріи Смитъ]	127
*ИИ.ТЬ [ей же]	—
*АМУРЪ и ГИМЕНЕИ	—
Истина	129
*ФИА.ТЬ АНАКРЕОНА	130
Наѣздникъ	131
Посланіе къ кн. А. М. Горчакову [Встрѣчаюсь я] . . .	133
Старица-пророчица [бар. Дельвигу]	135
Сонъ [отрывокъ]	137
Къ принцу Оранскому	143
Къ молодой вдовѣ [Маріи Смитъ]	144
Къ Наташѣ [горничной кн. Волконской]	145
Желаніе [Медлительно влекутся дни мой]	146
Осеннее утро	—
Разлука	147
*УНЫНІЕ	180
Элегія [Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ]	149
Наслажденіе	—
Окно	150
Мѣсяць	151
Надпись къ бесѣдкѣ	152
Завѣщаніе [Друзья, простите]	—
Къ ней [Эльвина, милый другъ]	—
Слеза [К. П. Бакунной]	15
«Опять я вашъ, о юные друзья»	—
«Любовь одна веселье жизни холодной»	155
*ПОДРАЖАНІЕ [Я видѣлъ смерть]	156
Тоже, первоначальный текстъ	182
*ДРУЗЬЯМЪ [Богами вамъ еще даны]	157
Тоже, первоначальный текстъ	183
*ПРОБУЖДЕНІЕ	157
*ПѢВЕЦЪ	158
*А. А. ШИШКОВУ [Шалуны, увѣнчанный Эратой]	159
Боже, царя храни	160
Письмо къ В. Л. Пушкину [Тебѣ, о Несторъ Арзамаса]. . .	—
Отрывокъ изъ Арзамасской рѣчи [1817 г.]	185
Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ	186
Эпиграммы и надписи:	
Скажи, что новаго?	162

	Стран.
Твой и мой	162
Экспромтъ на А. [Въ молчаньи предъ тобой сижу].	163
Больны вы, дядюшка.	—
На Пучкову.	—
На Кюхельбекера [Вотъ Вили]	—
Она.	—
Къ письму	164
Эпитафія [Покойникъ Клитъ]	—
Княжнѣ Волконской	—
На лицейскаго дядьку [Сазонова].	—
«Ты хочешь знать»	487
1817. Моему Аристарху [Н. Θ. Кюшанскому].	165
Couplets [Quand un poëte en son extase].	488
«Съ позволенія сказать»	489
Къ Жуковскому [Благослови, поэтъ].	168
*ДЕЛЬВИГУ [Любовью, дружествомъ и лѣтню].	171
Тоже, первоначальный текстъ. [«Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ»].	489
Стансы [изъ Вольтера].	172
Сновидѣніе [изъ Вольтера]	173
Письмо къ Лидѣ [подражаніе Парни].	174
*ИМЕНИНЫ.	—
Безвѣріе.	175
*КЪ П. П. КАВЕРИНУ [Забудь, любезный мой Каверинъ].	177
Тоже, первоначальный текстъ	492
ПОСЛАНІЕ къ В. Л. Пушкину [Скажи, парнасскій мой отецъ].	177
Добрый совѣтъ [изъ Парни].	180
Къ товарищамъ передъ выпускомъ	181
Въ альбомъ А. Д. Илличевскому.	182
*ВЪ АЛЬБОМЪ И. П. Пущину [Взглянувъ когда нибудь].	—
Ему же [Вотъ здѣсь лежитъ]	493
Есакову. «И останешься съ вопросомъ».	—
«Гауэншильдъ и Энгельгардтъ».	—
*РАЗЛУКА [В. К. Кюхельбекеру]. «Въ послѣдній разъ».	183
Въ альбомъ А. Н. Зубову	183.494
Къ портрету П. Я. Чаадаева	184
Къ портрету Каверина	—
Къ Бакуниной [Что можно на-скоро].	—
—	
Къ ней [ей же]. «Въ печальной праздности я лиру забы-	
валъ»	184
Торжество Вакха	185
Прощаніе съ Тригорскимъ.	188

	Стран.
«Есть въ Россіи г. Луга»	188
Огаревой.	—
Къ ~ [Не спрашивай, зачѣмъ унылой душой]	189
Кн. Голицыной [Краевъ чужихъ неопытный любитель]	—
Эпиграмы:	
Исторія стихотворца	190
Какъ брань тебѣ не надѣла.	—
Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный.	—
Добрый человекъ [Ты правъ, несносенъ Фирсъ].	—
Охотникъ до журнальной драки.	191
1818. Къ Ѳ. Ф. Кюрьеву.	191.495
Въ альбомѣ М. А. Щербинину	192
Н. П. Кривцову [при посылкѣ Вольтеровой поэмы]	193
Сказки	194
Къ П. Я. Чаадаеву [Любви, надежды, гордой славы].	—
Прелестницѣ [Штейнгель].	195
Выздоровленіе	196
Мечтателю [В. К. Кюхельбекеру]. «Ты въ страсти горестной».	197
Къ портрету Жуковского.	—
Жуковскому [Когда къ мечтательному міру]	198
Въ альбомѣ П. Я. Соеницкой	—
Эпиграмы:	
На Карамзина [дѣтъ]	199
На кн. Голицына [дѣтъ]	—
Ты и я [отрывокъ].	198
Про себя [Великимъ быть желаю]	—
Надинькѣ	—
«Она тогда ко мнѣ придетъ»	199
1819. В. В. Энгельгардту [Я ускользнулъ отъ Эскулапа].	200
Н. П. Кривцову [Не пугай насъ, милый другъ].	201
Стансы [Я. Н. Толстому]. «Философъ ранній».	—
«Воспоминаньемъ упоенный»	202
Орлову [О ты, который сочеталъ].	203
Русалка [Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ]	204
Деревня. [Уединеніе]. «Привѣтствую тебя».	206
Домовому	207
Недоконченная картина	208
Возрожденіе.	—
Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны.	209
Н. В. Всеволожскому [Прости, счастливый сынъ].	210
Кн. А. М. Горчакову [Питомецъ модъ].	212

	Стран.
Къ нему же [Ужь я не тотъ; мои златые годы]	213
На А. М. Колосову	—
Къ Н. С. Семеновой	502
На Дембровскаго	—
1817—1820. РУСЛАНЪ II ЛЮДМИЛА	214
1820. Дорида	295
Доридъ [подражаніе А. Шенье].	—
Олинкъ Массонъ	296
Платонизмъ	—
Сиротка	506
Ода вольность [Отрывки]	298
На Аракчеева	300
«Мнѣ бой знакомъ»	—
Первая мысль Кавказскаго плѣнника	512
«Погасло дневное свѣтило»	300
Элегія [Увы, зачѣмъ она блпстаетъ]	302
«О два-роза, я въ оковахъ»	—
Чаадаеву [Къ чему холодныя сомнѣнья]	303
Фонтану Бахчисарайскаго дворца	—
Нерсида	304
«Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда»	—
Виноградъ	305
«Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой»	—
Черная шаль [молдавская пѣсня].	—
Дочери Карагеоргія	306
Эпиграммы:	
Хавроніось, ругатель [на Каченовскаго].	307
Когда бъ писать ты началъ съ дуру	—
Въ жизни мрачной [на гр. Ф. П. Толстого].	—
Отрывки:	
На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный	509
И чувствую душа	—
Счастливъ, кто близъ тебя	—
1821. Земля и море [идиллія Мосха]	308
Желаніе [Кто видѣлъ край]	309
Примѣты	310
Дѣва	311
Діонея	—
Тоже, первоначальный текстъ	510
Красавица передъ зеркаломъ	311
Муза [Въ младенствѣ моемъ она меня любила]	—
«Я пережилъ свои желанья»	312

	Стран.
КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ	313
Приписки къ нему	514
Къ Аглаѣ [И вы повѣрите мнѣ могли]	337
Къ В. Л. Давыдову [Межь тѣмъ какъ генераль Орловъ]	518
П. А. Катенину	338
«Наперсница волшебной старини».	339
Сѣтованіе [Д. В. Давыдову]. «Недавно я въ часы свободы».	340
Чаадаеву [Въ странѣ, гдѣ я забылъ].	—
«Всегда такъ будетъ».	343
Къ моей чернильницѣ	—
Еврейкѣ	519
Кинжалъ	346
Наполеонъ	347
Наброски изъ неоконченной сатиры.	519
«Добра чужаго не желать»	520
Г-жѣ Эйхфельдтѣ	521
Н. Н. [Могу ль забыть то сладкое мгновенье]	—
Н. С. Алексѣеву [Мой милый, какъ несправедливый].	351
Къ*** «Зачѣмъ безвременную скуку»	353
Къ*** [Ты правъ, мой другъ, напрасно я презрѣлъ].	522
Гробъ юноши.	353
Элегія [М. А. Г.]. «Умолкну скоро я»	355
Къ*** [ей же] «Мой другъ, забыты мной слѣды»	—
Война	356
Къ Овидію	357
Къ портрету кн. Виземскаго.	360
На Каченовскаго [Клеветникъ безъ дарованья]	—
БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ	361
П. С. Пущину [И скоро, скоро смолкнетъ брань]	522
Отрывокъ изъ комедіи	—
Изъ Кншиневскихъ черновыхъ тетрадей	523
Эпитафія, генералу	525
1822. «Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный»	368
Тоже, перв. текстъ [Ты сердцу непонятный мракъ]	526
Друзьямъ. «Вчера былъ день разлуки шумной»	369
Птичка.	370
Вадимъ [отрывки изъ драмы и поэмы]	—
Узникъ	376
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ	—
Уединеніе [Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни]	379
Пріятелю [Не притворяйся, милый другъ]	—
Баратынскому изъ Бессарабіи [Сія пустынная страна].	380

	Стран.
Баратынскому [Я жду обѣщанной тетради]	. 380
Гречанкѣ [Калипсо].	—
Адели [А. А. Давыдовой]. «Играй, Адель»	. 381
Жалоба [Вашъ дѣдъ портной]. Сѣверину .	. 382
Русскому Геснеру [В. И. Панаеву] .	. —
«Невѣдомскій поэтъ»	. 383
«У Клариссы денегъ мало» [Совѣтъ] .	—
«Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати» .	—
«Лизѣ страшно полюбить»	—
БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ	. 384
Первоначальные наброски:	
Печаленъ будетъ мой рассказъ	. 531
Блестить луна, недвижно море спить.	—
Дивлетъ грей	—
Одинъ въ своихъ чертогахъ.	—
Съ турецкаго.	. 532
Въ голубомъ эaira полѣ.	—
1823. Къ Ѳ. Н. Глинкѣ [Когда средь оргій жизни шумной].	. 401
Телега жизни.	—
Эпическіе отрывки	. 402
Элегія [г-жѣ Ризничъ]. «Простишь ли мнѣ» . .	. 405
«Ненастный день потухъ» [ей же].	. 406
Ночь [ей же].	. 407
Демонъ [А. Н. Раевскому]	—
Экспромтъ [Но укротился пламень гнѣвный] .	. 534
Пыде сѣятель сѣяти сѣмена своя.	. 408
Кн. М. А. Голицыной [Давно объ ней воспоминаше]	—
Отрывокъ [Недвижный стражъ дремалъ]	. 409
«Возстань, о Греція, возстань»	. 411
«Сказали разъ царю»	. —
Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну	. 412.536
Дѣвицамъ Бларамбергъ.	. 536
1824. А. Л. Давыдову [Нельзя, мой толстый Арстипъ] .	. 412
Веселый пиръ	. 413
Иностранкѣ [Въ альбомѣ]	. —
Испанскій романсъ [Ночной зефиръ].	—
«Тимковскій царствовалъ»	. 430
Къ морю	. 414
Аквилонъ	. 415
Прозерпина [подражаніе Парни]	. 417
Къ Языкову [Издравле сладостный союзъ].	. 418
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ	. 420

	Страл.
Первое посланіе цензору.	. 427
Второе посланіе цензору.	. 430
Коварность.	. 433
ЦЫГАНЫ.	. —
Добавочные стихи	. 539
Подраженіе А. Шенье [Ты бянешь и молчишь].	. 454
Подражанія корану.	—
Признаніе [А. П. Осиповой].	. 460
Къ О—и [Мнѣ вѣтъ ни въ чемъ отъ васъ погачки]	. 462
Эпиграмма на З. [Воспитанный подъ барабаномъ].	—
Ода его сіятельству графу Д. П. Хвостову	—
Наброски:	
Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья	541
Надо мной въ лазури ясной	—
Стою печально на кладбищѣ	—
Два чувства дивно близкихъ къ намъ	—
Забывъ и рощу п свободу	—
Библиографическія примѣчанія	465